

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 7 (73). №3. Ч. 1.

Журнал «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки» является историческим правопреемником журнала «Ученые записки Таврического университета», который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, 2021

Свидетельство о регистрации – серия ПИ №ФС77-61832 от 18 мая 2015 года.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

**Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета им.
В. И. Вернадского, протокол №6 от 5 октября 2021 г.**

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание научной степени доктор наук, специальности: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве, 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право, 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право, 12.00.05 – Трудовое право; право социального обеспечения, 12.00.06 – Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право, 12.00.09 – Уголовный процесс, 12.00.10 – Международное право; Европейское право, 12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность, 12.00.14 – Административное право; административный процесс, 12.00.15 – Гражданский процесс; арбитражный процесс, а также в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)

**Редакционный совет журнала
«Ученые записки Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского. Юридические науки»:**

Змерзлый Борис Владимирович, д. ю. н, д. и. н., проф. (главный редактор)

Басов Андрей Витальевич, д. ю. н., проф.

Берг Людмила Николаевна, д.ю.н., проф.

Бияев Владимир Александрович, д. ю. н., доц.

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, д. ю. н, проф.

Гармаев Юрий Петрович, д. ю. н., проф.

Игнатов Александр Николаевич, д. ю. н., проф.

Камышанский Владимир Павлович, д. ю. н., проф.

Кашкаров Алексей Александрович, к. ю. н., доц.

Коваль Владимир Николаевич, д. и. н., проф.

Кодан Сергей Владимирович, д. ю. н., проф.

Коноплев Вячеслав Вячеславович, д. ю. н., проф.

Корнев Аркадий Владимирович, д. ю. н., проф.

Лютов Никита Леонидович, д.ю.н., проф.

Рассказов Леонид Павлович, д. ю. н, д. и. н., проф.

Сонин Олег Евгеньевич, к.ю.н., доц.

Тонков Евгений Евгениевич, д. ю. н., проф.

Трофимов Сергей Анатольевич, д. ю. н., проф.

Холопова Елена Николаевна, д. ю. н., проф.

Чеботарева Галина Валентиновна, д. ю. н., проф.

Бугаев Валерий Александрович, к. ю. н., доц.

Елькин Сергей Владимирович, к. ю. н., доц.

Михайлов Михаил Анатольевич, к. ю. н., доц.

Шармоянц Артур Норайрович, к. ю. н., доц.

Подписано в печать 05.10.2021. Формат 70x100 1/16

усл. п. л. Тираж 50 экз. Заказ № НП/3

Дата выхода в свет

Отпечатано в управлении редакционно-издательской деятельности

КФУ имени В. И. Вернадского

295051, Симферополь, бул. Ленина, 5/7

<http://sn-law.cfuv.ru>

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

УДК 34.01

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(1)-3-8

КАТЕГОРИЯ ЗАКОННОСТИ В ТЕОРИИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Бредихин А. Л., Байжиева С. Е.

Санкт-Петербургский университет МВД России

В настоящей статье автор анализирует понятие законности в современной теории права, исследует историческую эволюцию данной категории в досоветский и советский периоды. На основе рассмотрения положений действующего законодательства, автор приходит к мнению, что в законодательстве принцип законности имеет несколько иное значение, нежели в теоретической науке. Здесь законность сводится к выполнению всего массива нормативных актов, а не законов как таковых.

Ключевые слова: законность, законодательство, прокуратура, закон, теория права.

Категория законности является базовой как в теории права, так и отраслевых науках. Кроме того, законность как принцип содержится во многих нормативных актах, а термин используется в законодательстве тысячи раз. Тем не менее, данная категория является неоднозначной и применяется во множестве значений, не всегда согласующихся друг с другом.

А.В. Мелехин под законностью предлагает понимать «строгое и неуклонное соблюдение закона всеми государственными органами, общественными и хозяйственными организациями, должностными лицами и гражданами» [1, с. 420]. Далее ученый размышляет на предмет связи законности с демократией и правами человека.

В.И. Червонюк в том же ключе указывает, что законность «есть наиболее точное и полное выражение права в законе и его безусловное осуществление в практической деятельности» [2, с. 580]. Далее автор приходит к мысли, что «законодательство является основой законности, но только в том случае, если законодательство соответствует требованиям правового государства» [2, с. 580].

Во многих постсоветских учебных и научных работах законность связана с категориями правового государства и зачастую нельзя определить грань между правовым государством, в аспекте верховенства закона, и законностью в том же ключе. В принципе данная логика легко прослеживается, если законы в демократическом обществе издаются парламентом от имени народа, а верховенство закона (как воли народа) и его неукоснительное исполнение это и есть содержание законности.

Тем не менее, категория законности — это не только продукт демократической концепции государства, и появился он не в 1993 году с принятием Конституции РФ, а значительно раньше.

Так, еще дореволюционный российский ученый Н.М. Коркунов, опираясь на текст Основных законов Российской империи, писал: «Государь сосредотачивает в своих руках всю полноту верховной власти безраздельно, но осуществляет ее, со-

гласно ст. 47 Осн. Зак., правомерно. Следовательно, самодержавие соединяется в нашем государственном строе с законностью» [3, с. 215].

Ф.В. Тарановский, рассматривая категорию «законность правления» в качестве порядка, при котором «закон признается высшей нормой для деятельности государства и отправление всех функций государственной власти в принципе совершается на точном основании существующих законов» [4, с. 500].

То есть более 100 лет назад концепция законности уже существовала и понималась как обязанность и граждан и государственных институтов подчиняться закону.

Современный автор И.В. Михеева рассматривала принцип законности в несколько другом аспекте и отмечала: «на протяжении всего существования министерств в Российской империи главным оставался вопрос о пределах министерского нормотворчества, тесно связанных с принципом законности [5, с. 20]». Здесь с точки зрения законности в современном ее понимании исследовалось конкретно нормативная сфера, а не государственное управление.

После Октябрьской революции 1917 г. на смену т.н. «буржуазной» законности пришла законность революционная. В Энциклопедии права 1925 г. революционной законности посвящено объемное пояснение, в котором критикуется буржуазная законность, как защищающая интересы имущих классов. Революционная же законность предполагается равной для всех и единой. Здесь же со ссылкой на В.И. Ленина подчеркивается задача прокуратуры «следить за установлением действительно единообразного понимания законности во всей республике, несмотря ни на какие местные различия и вопреки каким бы то ни было местным влияниям» [6, с. 1154].

В одном из первых учебников по теории государства и права написанный С.А. Голунским и М.С. Строговичем и изданный в 1940 г. содержит параграф, посвященный социалистической законности, которую определяют как: «метод осуществления диктатуры пролетариата и социалистического строительства, выражающийся в обеспечении строгого и неуклонного соблюдения законов советской власти всеми органами советского государства, должностными лицами и гражданами» [7, с. 211].

Позднее С.С. Алексеев, в советский период своей деятельности, полагал, что принцип законности представляет собой идею о целесообразности и необходимости реально правомерного поведения всех участников общественных отношений, при котором не оставалось бы места для произвола, фактически достигалась всеобщность права, действительная реализация субъективных прав [8, с. 217]. Здесь законность состоит в точном и неукоснительном соблюдении права (законодательства), а не законов как таковых.

В общем и целом, законность в чистом виде представляет собой наличие законов, как актов высшей юридической силы, в соответствии с которыми должны действовать субъекты правоотношений. От количественных показателей соблюдения закона зависит качественное состояние законности, степень реализации этого принципа.

Сложно с теоретико-правовой позиции определить место подзаконных актов в соотношении с законностью. С одной стороны, закон выше в иерархии чем подзаконные акты, которые также должны соответствовать закону по этому же принципу «законности». С другой стороны, законы и подзаконные акты составляют единую правовую материю, поэтому нарушение подзаконного акта влечет и нарушение закона. Возможно, следует сказать, что под законом нужно понимать основополага-

ющие вопросы законодательного регулирования, а отдельные процедурные вопросы, содержащиеся в том же законе, не включаются в понятие «закон». Например, для получения различного вида государственных услуг перечень необходимых документов может быть предусмотрен либо законом, либо подзаконными актами, но это не значит, что подзаконный акт не так важно соблюдать.

Также можно констатировать, что современная развитая юридическая техника редко допускает нестыковки закона и подзаконных актов и их противоречия. Но даже при наличии таких случаев, публичные и судебные органы многие вопросы эффективно разрешают.

В отдельных случаях закон прямо делегирует определенным органам доурегулировать определенный вопрос подзаконным актом. Как рассматривать этот подзаконный акт, если законом фактически передана и юридическая сила вместе с полномочиями.

Тем не менее, теоретико-правовая наука достаточно подробно разработала вопрос законности и относительно сути это явления достигнуто некоторое единство.

Теоретическая наука стала основой для законодательства, где использование термина «законность» не всегда однозначно. Возьмем, например, Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», где в ч. 1 статьи 6 с названием «законность» указано, что *«полиция осуществляет свою деятельность в точном соответствии с законом»*. Вместе с тем, согласно статье 3 того же закона *«Правовую основу деятельности полиции составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, федеральные конституционные законы, настоящий Федеральный закон, другие федеральные законы, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации и нормативные правовые акты Правительства Российской Федерации, а также нормативные правовые акты федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел. Также полиция руководствуется законами субъектов Российской Федерации по вопросам охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, изданными в пределах их компетенции»*.

Из чего мы делаем вывод, что полиция не только законом руководствуется, но рядом других актов. При этом, напрашивается вопрос: если полиция нарушает указ Президента РФ, то принцип законности соблюдается? Скорее всего, нет. Поэтому законность — это соблюдение всего массива обязательных нормативных требований, где бы они не содержались.

Для понимания смысла законности в отраслевом законодательстве обратимся к кодексам, которые по своему статусу являются федеральными законами.

Согласно статье 3 Уголовного кодекса РФ законность выражается в том, что преступность деяния, наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только этим кодексом, а применение уголовного закона по аналогии не допускается. То есть уголовный закон и есть уголовное законодательство (согласно ст. 1 УК РФ), поэтому и законность основывается на Уголовном кодексе РФ.

Ст. 195 ГПК РФ определяет требование законности для решений суда. При этом в п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 № 23 «О судебном решении» уточняется, что «решение является законным в том случае, когда оно

принято при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права, которые подлежат применению к данному правоотношению, или основано на применении в необходимых случаях аналогии закона или аналогии права (часть 1 ст. 1, часть 3 ст. 11 ГПК РФ)». То есть здесь законность понимается очень широко и не сводится именно к закону как таковому. В понятие законности могут быть включены любые нормативные акты, принятые даже на муниципальном уровне, а также аналогия закона и аналогия права.

Согласно ст. 6 Арбитражного процессуального кодекса РФ «Законность при рассмотрении дел арбитражным судом обеспечивается правильным применением законов и иных нормативных правовых актов, а также соблюдением всеми судьями арбитражных судов правил, установленных законодательством о судопроизводстве в арбитражных судах». И снова мы видим, что законность – это соблюдение всех нормативных актов.

Ст. 9 «Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» от 08.03.2015 № 21-ФЗ гласит: «Законность и справедливость при рассмотрении и разрешении судами административных дел обеспечиваются соблюдением положений, предусмотренных законодательством об административном судопроизводстве, точным и соответствующим обстоятельствам административного дела правильным толкованием и применением законов и иных нормативных правовых актов, в том числе регулирующих отношения, связанные с осуществлением государственных и иных публичных полномочий, а также получением гражданами и организациями судебной защиты путем восстановления их нарушенных прав и свобод». Здесь интересно включение в требование законности «правильного толкования и применение законов», но подход о понимании законности в смысле соблюдения всех нормативных актов также присутствует.

Традиционно с охраной законности ассоциируются органы прокуратуры. Согласно п. 2 ст. 1 Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» прокуратура Российской Федерации осуществляет свои полномочия, в том числе, в целях единства и укрепления законности. При этом, осуществляя контроль за законностью, прокуратура руководствуется также всем объемом нормативных актов, а не только актами, имеющими статус законов.

Приведенные выше тезисы позволяют прийти к следующим выводам:

1. Теоретическая конструкция категории «законность», где ее частично смешивают с понятиями правового государства, демократическими принципами и т.п., широко распространенная в учебной и научной литературе, не совпадает с действительным пониманием законности в нормативных актах.

2. Действующее законодательство рассматривает законность в качестве принципа, согласно которому вся деятельность государственных органов урегулирована нормативными актами, осуществляется в установленном порядке и формах. Отдельным аспектом законности здесь также выступает степень соблюдения субъектами правоотношений действующего законодательства (всего массива нормативных актов), а также возможность реализации гражданами РФ своих субъективных прав, их защиты и восстановления.

3. Представляется, что принцип законности в законодательство все же привнесен из правовой доктрины, однако был приспособлен к реальной структуре законодательства. То есть, в законодательстве нет противопоставления закона как такового и

иных нормативных актов. Современная развитая юридическая техника и механизмы административного и судебного контроля сводят к минимуму противоречивость подзаконных актов, принятых специально уполномоченными органами и законов, принимаемых Федеральным Собранием РФ. Степень регламентации правовых отношений на сегодняшний момент настолько высока, что не дает широкого пространства для своеволия субъектам правоприменения, соответственно возможность принятия противоречащего закону акта, либо противозаконной реализации определенного интереса сводится к минимуму.

Ввиду изложенного, можно предложить следующее определение законности. Законность – это реализуемый в законодательстве принцип деятельности публичных органов в точном соответствии с правовыми актами, а также степень обеспечения реализации гражданами и организациями принадлежащих им прав, их защиты и восстановления.

Законность по своей сути не является идеологически окрашенным термином, так как для реализации этого принципа достаточно урегулировать все формы деятельности публичных органов и правовую деятельность субъектов правоотношений законодательством, то есть минимизировать своеволие всех субъектов в государственно-правовой системе. При этом, идеологическая основа законности может быть любой.

Довольно точно принцип законности передан в известном выражении периода Древнего Рима: «Не царь — закон, но закон — царь» («Non rex est lex, sed lex est rex», лат.). Если законодательством четко определен статус и полномочия главы государства, а также определены условия его ответственности, то данное условие соблюдается вне зависимости от формы государства и других его характеристик.

Список литературы:

1. Мелехин А. В. Теория государства и права: учеб. / А. В. Мелехин. — М.: Маркет ДС, 2007. — 640 с.
2. Червонюк В.И. Теория государства и права: Учебник. — М.: Инфра-М, 2007. - 704 с.
3. Русское государственное право. Н. М. Коркунова. Издание шестое под редакцией и с дополнениями М. Б. Горенберга, приват-доцента С.-Петербургского Университета. С.-Петербург Типография М. М. Стасюлевича. Вас. Остров, 5 лин., 28 1909 г. — 623 с.
4. Тарановский Ф.В. Энциклопедия права. 3-е изд. — Спб.: Издательство «Лань», 2001. — 560 с.
5. Михеева И.В. Обеспечение законности актов министерств Российской империи в XIX — начале XX века // Журнал российского права. — 2015. - № 11. — С. 19-28.
6. Энциклопедия государства и права. Т 1., вып. 1, 1925. Энциклопедия государства и права / Коммунистическая академия, Секция общей теории государства и права ; под ред. П. Стучка. - Москва : Изд-во Коммунистической академии, 1925-1927. Т. 1, вып. 2: 1925. - 545-1240 стб.
7. Теория государства и права. Учебник / Голунский С.А., Строгович М.С. - М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. - 304 с.
8. Алексеев С.С. Общая теория права: Курс в двух томах. - М.: Юрид. лит. Т. 1, 1981. - 359 с.

Bredikhin Aleksey L., Baykeeva Svetlana E. The category of legality in theory and legislation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. — 2021. — Т. 7 (73). № 3. — Р. 3-8.

In this article, the author analyzes the concept of legality in the modern theory of law, examines the historical evolution of this category in the pre-Soviet and Soviet periods. On the basis of consideration of the provisions of the current legislation, the author comes to the opinion that the principle of legality in legislation has a slightly different meaning than in theoretical science. Here legality is reduced to the implementation of the entire array of regulations, and not laws as such.

Key words: legality, legislation, prosecutor's office, law, theory of law.

Spisok literatury:

1. Melekhin A. V. Teoriya gosudarstva i prava: ucheb. / A. V. Melekhin. — M.: Market DS, 2007. — 640 s.
2. CHervonyuk V.I. Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnik. — M.: Infra-M, 2007. - 704 s.
3. Russkoe gosudarstvennoe pravo. N. M. Korkunova. Izdanie shestoe pod redakciej i s dopolneniyami M. B. Gorenberga, privat-docenta S.-Peterburgskogo Universiteta. S.-Peterburg Tipografiya M. M. Stasyulevicha. Vas. Ostrov, 5 lin., 28 1909 g. — 623 s.
4. Taranovskij F.V. Enciklopediya prava. 3-e izd. — Spb.: Izdatel'stvo «Lan'», 2001. — 560 s.
5. Miheeva I.V. Obespechenie zakonnosti aktov ministerstv Rossijskoj imperii v XIX — nachale XX veka // ZHurnal rossijskogo prava. — 2015. - № 11. — S. 19-28.
6. Enciklopediya gosudarstva i prava. T 1., vyp. 1, 1925. Enciklopediya gosudarstva i prava / Kommunisticheskaya akademiya, Sekciya obshchej teorii gosudarstva i prava ; pod red. P. Stuchka. - Moskva : Izd-vo Kommunisticheskoy akademii, 1925-1927. T. 1, vyp. 2: 1925. - 545-1240 stb.
7. Teoriya gosudarstva i prava. Uchebnik / Golunskij S.A., Strogovich M.S. - M.: YUrid. izd-vo NKYU SSSR, 1940. - 304 c.
8. Alekseev S.S. Obshchaya teoriya prava: Kurs v dvuh tomah. - M.: YUrid. lit. T. 1, 1981. - 359 s.

УДК 340:316.6

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(1)- 9-17

«УРОБОРОС» КАК ПРИНЦИП ПРАВОСОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ)¹

Коноплева А. А., Кузьменко Н. Н.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье поднимается проблема развития правосознания современной молодежи. Особый научный интерес при изучении формирования правосознания в современном российском обществе представляет молодежь. Анализируя психологические, социальные и идеологические детерминанты формирования правосознания молодого поколения, авторы приходят к выводу о том, что ключевым принципом правосознания молодежи является «уроборос» – архетипический символ змеи, кусающей себя за хвост, собственной детерминированности.

На фоне общих негативных показателей статистики преступлений и правонарушений молодежи, низкого уровня образованности и доверия молодого населения действующей власти и правоохранительным органам проводится анализ причин и условий динамики правосознания молодежи. Изучение статистических данных, результатов ряда социологических опросов позволяют прийти к выводу об особенностях формирования правосознания молодого поколения, а также специфике правового сознания молодежи Республики Крым, вошедшей относительно недавно в состав Российской Федерации.

Ключевые слова: правосознание, молодежь, Республика Крым, патриотизм, мировоззрение, психологические детерминанты, социальные детерминанты, идеологические детерминанты, Интернет, «уроборос».

«Уроборос» на сегодняшний день – это не просто архаический знак, иллюстрирующий змею, кусающую себя за хвост. В современной интерпретации его можно представить, как архетипический символ, наглядно иллюстрирующий процесс развития нашего общества, глубину противоречий, возникших в сознании, особенно остро ощущаемых молодежью XXI в. Отсутствие индивидуального опыта, погруженность его в глубины бессознательного [1], усложняет процесс осознанного и всестороннего освоения индивидуального и, особенно, коллективного бытия, одно из ключевых значений в котором занимает правосознание. Формирование правосознания – проблема, которая априори не может лежать в плоскости одной науки. Такая особенность вызвана многогранностью самого по себе феномена сознания, а также комплексным характером права, которое невозможно рассмотреть сквозь призму исключительно юриспруденции. Проблема становится еще более значимой, когда речь заходит об особой категории граждан – молодежи.

В декабре 2020 г. в России был принят федеральный закон «О молодежной политике» [2], в котором указано, что молодежью в Российской Федерации считаются лица в возрасте от 14 до 35 лет включительно. Это привело к тому, что доля молодежи среди общего числа населения России на данный момент составляет около 20%. Параллельно процентному росту количества лиц в рамках вышеуказанного

¹ Данная статья подготовлена в рамках реализации проекта «Формирование устойчивых мировоззренческих принципов у современной молодежи Республики Крым в условиях вызовов ментальной безопасности» при поддержке Государственного Совета Республики Крым.

возрастного диапазона, возрастает актуальность их надлежащего воспитания и образования.

Многолетний опыт развития государства и общества показывает, что уровень культурной и правовой образованности молодого поколения прямо влияет на особенности развития государства в будущем. Устойчивое развитие советского государства было бы невозможным без соответствующего идеологического воспитания и контроля поведения молодежи. А знаменитому кризису 90-х гг. предшествовал уверенный рост преступности. Безусловно, формирование комплекса морально-нравственных идеалов, а также развитие общего уровня культуры является не только неотъемлемой, но и даже основополагающей задачей процесса воспитания личности. Однако актуальность в наше время приобретает развитие именно высокого уровня правосознания населения в целом, и молодежи, в частности, что связано с необходимостью оптимизации целого комплекса социальных процессов, а особенно важностью снижения уровня преступности на данный момент именно среди этой возрастной группы. Расставленные таким образом акценты способны обеспечить нормальное функционирование и развитие государства в будущем.

Формирование правосознания как одной из форм общественного сознания, а также отношение человека к действующему праву и правовым явлениям играет определяющую роль в воспитании и образовании молодежи, как на федеральном, так и на региональном уровне нашего государства. Большой интерес в данном контексте представляет Республика Крым, граждане которой, если не выделять переходный период, лишь семь лет пребывают в правовом поле России и испытывают на себе тенденции, свойственные российскому правосознанию. В результате анализа правосознания молодых крымчан можно определить характерные тенденции и специфику его формирования в современном Российском государстве, оценить негативные и позитивные факторы, влияющие на его изменение.

На данный момент на территории Республики Крым проживает около 440 тысяч человек в возрасте от 15 до 35 лет, что приблизительно составляет около 25% всего населения субъекта. Стоит отметить, что около 35% всей численности крымской молодежи составляют лица в возрасте от 30 до 34 лет. Специфической чертой вышеуказанной возрастной группы относительно остальных в диапазоне от 14 лет является социальная устойчивость взглядов на жизнь, сформированность мировоззренческих принципов в целом, а также более стабильная психоэмоциональная и волевая сферы. Особое внимание среди молодежных возрастных подгрупп следует уделять несовершеннолетним, т.е. лицам, не достигшим возраста 18 лет. Это обусловлено особенностями взросления подростков, спецификой протекания на данном этапе развития личности психических процессов, формирования общей культуры, комплекса нравственных установок, возникновением коммуникативных трудностей, а также тесной взаимосвязи процессов эмоциональной сферы несовершеннолетних и желания обрести всестороннюю самостоятельность, что, к слову, в последующем зачастую приводит к состоянию подростковой фрустрации [3].

Ни для кого не секрет, что вышеуказанные особенности зачастую служат катализатором совершения подростками преступлений и правонарушений на фоне общего нигилизма к правовым нормам и их соблюдению. Именно тут исключительную роль играет уровень правосознания и специфика повышения уровня правовой культуры несовершеннолетних соответствующими субъектами.

В частности из-за низкого уровня правового сознания преступность среди несовершеннолетних в Крыму за 2020 год возросла на 15% по сравнению с 2019, хотя удельный вес преступлений несовершеннолетних в Крыму ниже чем в континентальной России и составляет 3,1% от общего числа совершенных преступлений [4]. Не смотря на то, что подростковая преступность в Крыму ниже, чем в остальных регионах России, вопрос о влиянии правосознания на правомерность тех или иных действий, совершаемых молодежью, остается актуальным. Для изучения проблем формирования правосознания предлагается разобраться в детерминантах динамики уровня правового сознания молодежи Республики Крым.

Для детального рассмотрения причин и условий, дающих конкретный вектор развития правового сознания молодежи в дальнейшем, изначально необходимо разделить детерминанты на следующие группы факторов: социальные, психологические, идеологические. Рассмотрим каждый из них более подробно.

Обращаясь к *психологическим* факторам, можно заметить, что особое внимание ученые уделяют причинному комплексу низкого уровня правосознания, связанному с трудными жизненными ситуациями молодежи, жизненным кризисом. Как показывает практика, для разрешения кризисной ситуации, возникшей в жизни человека, нередко нивелируются границы закона, и человек переступает через нормы права, совершая преступление. Целесообразно выделить основные виды кризисных ситуаций в жизни молодежи, классифицируя их по следующим группам.

1. Кризисы возраста. Характерным примером выступает подростковая преступность, основанная на деформированном понимании собственных возможностей, появлении правового нигилизма, негативном отношении к субъектам воспитательной деятельности, оказывающим на несовершеннолетнего влияние в его становлении как личности.

2. Кризис выполнения социальных ролей. Является наиболее распространенным на этапе становления личности будущего преступника. Это связано с неудовлетворенностью в сфере выполнения социально полезной, а главное – законной работы. Когда наступает состояние фрустрации от того, что долгий период времени человек обучался определенной профессии, а по достижении своей цели разочаровался: будь-то от реально складывающейся ситуации на работе, либо от низкого уровня заработной платы, вследствие чего он избирает путь незаконного заработка.

3. Кризис социальных отношений. Примером служат возникающие на уровне эмоциональной сферы личности конфликты бытового уровня, мотивируемые желанием отомстить. Это приводит к бытовым убийствам, нанесению вреда здоровью на бытовом уровне, в общем, к кратковременной деградации в области осознания человеком норм права, непониманию возможности наступления определенных правовых последствий за конкретное противоправное деяние.

4. Кризисы патологических состояний личности. Они обусловлены алкоголизмом, наркоманией, старением, одиночеством, отсутствием семьи, отсутствием определенного места жительства и т.д., вызванные нестабильным положением молодежи.

5. Семейные кризисы, особенностью которых является влияние конфликтных ситуаций между родителями на дальнейшую жизнь их детей, что приводит к подростковой или даже детской преступности.

6. Кризисы учебной деятельности. Проблемы в учебной деятельности студентов наиболее актуальны в наши дни, т.к. деформированное осознание необходимости учебного процесса для дальнейшей профессиональной деятельности, систематические неявки на учебные занятия, способы интеграции в сомнительные субкультуры с не менее сомнительными идеалами приводят к формированию низкого уровня образованности и, как следствие, аналогичному уровню правосознания нового поколения.

7. Кризисы отношений государства и личности. Не стоит забывать о том, что неверно принимаемые решения на уровне государства, отсутствие профессионализма у политической элиты, развитие благоприятной среды для коррупции, отсутствие справедливости в решениях суда, злоупотребление должностными полномочиями государственными служащими, в т.ч. сотрудниками органов внутренних дел, вымогательство приводят к недоверию граждан государству, возникает правовой нигилизм, растет преступность.

С психологическими детерминантами тесно связаны *социальные*. Суть социальных факторов заключается в специфике протекающих в государстве процессов, влияющих на нормальное функционирование всех общественных институтов. Согласимся с Э.К. Джамаловой, которая отмечает важность влияния на правосознание молодежи «конкретной исторической ситуации» [5, с. 24]. Амбивалентность данного процесса состоит в том, что какими бы эффективными ни были проводимые государством реформы, если у населения низкий уровень правосознания, они не получат поддержки среди населения. Кроме исторической детерминанты, в состав социальных факторов входит экономическая обстановка в стране в целом и отдельном регионе в частности. Так, экономика напрямую влияет на уровень жизни населения, материальную обеспеченность семей, доходы родителей или законных представителей несовершеннолетних.

Вынуждены не согласиться с молодыми исследователями, которые недостаточный уровень правосознания современной молодежи связывают, прежде всего, с кризисной ситуацией в государстве, констатируя в современном российском обществе факты всплеска алкогольной и наркотической зависимости, финансового кризиса, падения уровня жизни населения [6, с. 90]. Данная проблема скорее сравнима с известным вечным вопросом о том, что первично: курица или яйцо? В сравнении с периодом конца 90-х в наши дни как раз кризисные явления пошли на спад. На данном этапе развития государства молодежи представляется больше возможностей, а также предлагаются социальные гарантии. По нашему убеждению, проблема лежит несколько в иной плоскости.

В семьях с проблемами материального характера, безработицей в симбиозе с отсутствием образования у членов семьи подростки раньше начинают идентифицировать себя со взрослыми, нежели подростки из благополучных семей. Это связано с ранней необходимостью в самостоятельном поиске средств на жизненные потребности, что, в свою очередь, является причиной потери возможности получить высшее, среднее специальное, а иногда и среднее образование. Несформированность привычки учиться, неготовность подростка пройти длительный процесс образования, тем более правового, совмещенные с потерей интереса к учебе, является катализатором молодежной преступности, когда корыстные мотивы, обусловленные жизненными потребностями, нивелируют адекватное понимание важности соблю-

дения закона, а также чужих прав и свобод. Проводимые социологические исследования на территории Республики Крым свидетельствуют о том, что далеко не все представители молодого поколения полуострова связывают успех с тяжелым трудом (37,8%), остальные выбирают талант (33,8%) и надеются на случайное течение обстоятельств (4%) [7, с. 148].

Также преждевременно проводить прямую коннотацию между составом семьи, ее доходом и возможностью формирования преступного поведения [6, с. 90]. Безусловно, именно семья является первоочередной ступенью в формировании правосознания, однако сам по себе институт брака, в современном российском обществе претерпевает значительные изменения, что неминуемо отражается на правосознании не только молодежи, но и других социальных слоев.

Еще одним социальным фактором низкого уровня правосознания несовершеннолетних является беспризорность. На данный момент в Республике Крым насчитывается более четырехсот неблагополучных семей, состоящих на учете в полиции [4]. Отсутствие должного контроля со стороны родителей и органов опеки приводит к тому, что подростки интегрируются в молодежные группы, ведущие криминальный образ жизни, употребляют алкоголь и наркотики, а также становятся членами запрещенных молодежных течений [8], в частности, экстремистской организации «АУЕ», целью которой является обогащение молодежи, путем совершения преступных действий, пропаганда тюремного образа жизни, «арестантского уклада».

Кроме того, в число социальных факторов входит и политический. Ни для кого не секрет, что на данный момент российская молодежь сильно политизирована. Это связано с широкой пропагандой политических идей в социальных сетях и сети Интернет, в которой современное поколение проводит большую часть свободного времени [9]. Искаженно, с точки зрения закона, трактуемые политические идеи в социальных сетях приводят к тому, что молодежь неосознанно идет на совершение преступлений и административных правонарушений. Характерным примером являются митинги в январе 2021 года, где большую часть митингующих составила молодежь. Подстегиваемая мыслями о собственной значимости в процессе легкой смены власти путем участия в несанкционированных митингах, молодежь под эгидой чужих идей, являясь жертвой массовой пропаганды, совершала уличные беспорядки, нарушала общественный порядок и шла на совершение преступлений.

В Крыму также в период митингов в январе 2021 года на площадь им. В.И. Ленина в городе Симферополе вышло около ста человек. Большую часть из них составили ученики старших классов и студенты. Стоит сказать, что митинг, хоть и был несанкционированным, однако в Крыму он прошел более сдержанно со стороны митингующих. У молодежи не было с собой агитационных плакатов, транспарантов, никто не выкрикивал лозунги в поддержку отдельных политических персон. Это связано с тем, что с момента перехода в состав России в Республике Крым многое изменилось в лучшую сторону, включая уровень социальных гарантий и развитие всего региона. Кроме того уровень патриотизма возрос, как следствие возрос уровень правосознания граждан, в том числе у молодежи. Та немногочисленная молодежь, которая вышла на митинг 23 января 2021 года в Республике Крым была подвергнута воздействию пропаганды в сети Интернет, однако так и не смогла выразить навязанные идеи в силу их непонимания и смешанных мыслей о

несоответствии пропаганды в социальных сетях и существующей действительностью.

Логическим продолжением социальных факторов можно считать *идеологические* детерминанты правосознания. П.М. Козырева и А.И. Смирнов, описывая особенности правосознания российских граждан, отмечают его противоречивость, размытость и неустойчивость [10, с. 77]. Перечисленные черты можно объяснить трансформационными процессами в области формирования идеологии. Дело в том, что для отечественного сознания понятие закона и справедливости не являются идентичными. Более того, критике подвергаются как раз те законы, которые либо по своему существу подчеркивают социальное неравенство, либо создают возможности для их неисполнения. Учитывая мировоззренческие особенности современной молодежи, связанные со скептическим отношением к прежнему традиционному укладу, ярко выраженным прагматизмом во взглядах, отсутствием непререкаемых авторитетов, можно предположить, что «молодые россияне могут скорее поддерживать справедливость (в своем понимании), чем законопослушность и защиту порядка в обществе [10, с.78].

Проблема воздействия идеологии на сознание молодежи приобретает особую актуальность в наши дни, что также связано с популярностью телекоммуникационных технологий, а особенно сети Интернет и социальных сетей. Фактически у каждого молодого человека в наши дни есть аккаунт в социальных сетях, при этом время непрерывного провозждения в нем за сутки достигает от часа до десяти часов. Средний для России показатель времяпрепровождения в интернете – 7 ч. в сутки [11]. Это открывает широкие возможности для латентной пропаганды чужих идей, которые могут противоречить не только праву, но и морали. К приводимому ранее примеру можно добавить, что призывы к участию в противозаконных акциях протеста осуществляли широко известные в молодежных кругах медийные личности, видеоблогеры с многомиллионной аудиторией, пользующиеся популярностью у молодежи. Их основной заработок составляет реклама товаров и услуг, поэтому провозглашаемые ими политические лозунги, как было установлено позже, не всегда были ясны. Они же не были понятны и представителям молодежи, совершившим сотни административных правонарушений и десятки преступлений. Так, к примеру, в социальной сети «Тik-Ток» всего за сутки вышло более миллиарда видеороликов преимущественно с участием молодежи с призывами выйти на митинги, однако без конкретики ради чего. Отрадно констатировать, понимать, что в Республике Крым по сравнению с центральными регионами России пропагандируемые политические идеи поддержали немногие из молодых людей, однако проблема все же остается актуальной. Возможность легко манипулировать молодежью свидетельствует о нравственной и интеллектуальной деградации, а также подтверждает факт низкого уровня правосознания молодежи России.

Однако социальные сети выступают лишь катализатором распространения противоправной пропаганды, которая была бы не так эффективна при развитом уровне патриотизма. На сегодняшний день, по данным ВЦИОМ, патриотизм в России в большей мере ассоциируется не просто с чувствами, а с конкретными требованиями к лицу, считающему себя патриотом [12]. К таким условиям, определяющим патриотические настроения, относятся, не только любовь к Родине,

но и обязательная уплата налогов, отсутствие второго гражданства, не замешанность в коррупции, знание государственной символики, желание служить в армии и др. Такие изменения свидетельствуют о стабилизации патриотизма и переходе его из эмоционального и тяжело объяснимого явления в разряд рационального и осознанного.

Свой отпечаток на правосознании оставляет и массовая культура. Свойственная для нее романтизация жизненного уклада 90-х гг., активно пропагандируемая современной популярной культурой в кинематографе, музыке, создает иллюзию беззаботного существования молодежи того времени, а также возрождает некоторые криминальные традиции.

В случае с крымской молодежью мощная идеологическая пропаганда реализуется из-за рубежа при участии Украины и некоторых западных государств. Одновременно постоянные притеснения крымчан в сочетании с громкими обещаниями благополучия в случае их возврата в состав Украины постоянно раскачивают идеологическую обстановку и провоцируют сомнение. Кроме того, экстремистская деятельность разлагает здоровое представление о законности и уважении прав и свобод других людей у подрастающего поколения крымчан. В Республике Крым были не раз зарегистрированы случаи попытки разрешения молодежи своих проблем в стиле «90-х». Особую роль в области влияния идеологии на динамику правосознания молодежи играют крайние молодежные течения. Характерными примерами выступают: фанаты различных музыкальных жанров, изжившие себя готы, эмо и пришедшие им на смену околофутбольные фанаты, целями которых является не исход футбольного матча, а массовая драка, устраиваемая после проведения игры с «фанатами» противоположной команды. Их идеология со временем переросла из обычного доказывания своей силы и правоты в драках в открытую неприязнь к чужим идеям, религии и национальности. В Крыму широко известно такое околофутбольное молодежное течение как «Сыны Тавриды», которое открыто пропагандировало экстремистские идеи во время политической ситуации, сложившейся в 2014 году. Около полусотни членов этого движения после вхождения Крыма в состав Российской Федерации покинуло полуостров и отправилось в Украину, называя при этом оставшуюся часть молодых людей в Крыму предателями.

Таким образом, современная молодежь попала в своеобразный «уроборос» – замкнутый круг, в котором жертва (в нашем случае, целая социальная группа), используя возможности телекоммуникационного пространства, опираясь на социальные и психологические преимущества своего поколения, начинает манипулировать сама собой, подталкивая на совершение противоправных действий, популяризируя насилие, беззаконие и анархию вместо принципов, способствующих благополучному развитию российского общества и государства. Искать выход из этой ситуации кризиса правосознания достаточно сложно. Разорвать кольцо самоуничтожения при воздействии лишь внешних факторов и принуждении невозможно. Успех достигим только при активном участии в повышении правосознания самой молодежи, способной осознать ответственность за судьбу своего государства и, учитывая психологический, социальный и идеологический факторы, оказывающие воздействие на правосознание, работать над повышением авторитета государства и права.

Список литературы:

1. Нойманн Э. Великая Мать. Глубинная психология и психоанализ / Э. Нойманн. – Текст: непосредственный. – М.: КДУ, 2012. – 412 с.
2. О молодежной политике в Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ. – Текст: непосредственный // Российская газета. – 2021. – № 1 (8352).
3. Никитина Л.Н., Бойко А.В. Психологические особенности деструктивного поведения несовершеннолетних на примере «групп смерти» / Л.Н. Никитина, А.В. Бойко. – Текст: непосредственный // Феноменология и профилактика девиантного поведения. Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции. – 2019. – С. 124-128.
4. Ко Дню молодежи России. Текст: электронный // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. – URL: <https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/День%20молодежи%20России%202019%20.pdf> (дата обращения: 25.07.2021).
5. Джамалова Э.К. Правосознание молодежи как основа развития современного дагестанского общества / Э.К. Джамалова. – Текст: непосредственный // Юридический вестник ДГУ. – 2018. – Т. 27. № 3. – С. 22-25.
6. Балабин М.В. Деформация правосознания молодежи / М.В. Балабин. – Текст: непосредственный // VIA SCIENTIARUM - дорога знаний. – 2018. – № 4. – С. 90-97.
7. Коноплева А.А. Культурные предпочтения Z-поколения (на основе результатов социологического исследования) / А.А. Коноплева. – Текст: непосредственный // Манускрипт. – Тамбов: Грамота. – 2019. – Том 12. Выпуск 9. – С. 146-150.
8. Чудина-Шмидт Н.В. Социальные условия перехода личности в состояние экстремала-дестроера / Н.В. Чудина-Шмидт. – Текст: непосредственный // Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – 2020. – С. 508-511.
9. Буткевич С.А. Безопасность личности в киберпространстве (контрэкстремистский концепт) / С.А. Буткевич. – Текст: непосредственный // Философия права. – 2020. – № 4 (95). – С. 24-30.
10. Козырева П.М., Смирнов А.И. Эволюция правовых представлений россиян: законопослушность или справедливость? / П.М. Козырева, А.И. Смирнов. – Текст: непосредственный // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 5. – С. 75-89.
11. Вся статистика интернета на 2020 год — цифры и тренды в мире и в России. Текст: электронный // Web-canape: [сайт]. – URL: <https://www.web-canape.ru/business/internet-2020-globalnaya-statistika-i-trendy/#:~:text=В%20России%20количество%20интернет-пользователей,48%25%20от%20всего%20населения%20страны.> (дата обращения 26.07.2021).
12. ВЦИОМ рассказал, с чем россияне связывают патриотизм. Текст: электронный // Ria.ru: [сайт]. – URL: <https://ria.ru/20200220/1565007463.html> (дата обращения: 22.07.2021).

Konoplyova A., Kuzmenko N. "Uroboros" as a principle of legal consciousness of modern youth (on the example of youth of the Republic of Crimea) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 9-17.

The article raises the problem of the development of legal consciousness of modern youth. Young people are of particular scientific interest in the study of the formation of legal consciousness in modern Russian society. Analyzing the psychological, social and ideological determinants of the formation of the legal consciousness of the young generation, the authors come to the conclusion that the key principle of the legal consciousness of young people is the "ouroboros" - the archetypal symbol of a snake biting its own tail, its own determination.

Against the background of the general negative indicators of statistics on crimes and delinquencies of young people, the low level of education and confidence of the young population in the current government and law enforcement agencies, an analysis of the reasons and conditions for the dynamics of the legal consciousness of young people is carried out. The study of statistical data, the results of a number of sociological surveys allow us to come to the conclusion about the peculiarities of the formation of the legal consciousness of the younger generation, as well as the specifics of the legal consciousness of the youth of the Republic of Crimea, which has recently become part of the Russian Federation.

Key words: sense of justice, youth, Republic of Crimea, patriotism, worldview, psychological determinants, social determinants, ideological determinants, Internet, "uroboros".

Spisok literatury:

1. Nojmann E. Velikaya Mat'. Glubinnaya psihologiya i psihoanaliz / E. Nojmann. – Tekst: neposredstvennyj. – M.: KDU, 2012. – 412 s.
2. O molodezhnoj politike v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 30.12.2020 № 489-FZ. – Tekst: neposredstvennyj // Rossijskaya gazeta. – 2021. – № 1 (8352).
3. Nikitina L.N., Bojko A.V. Psihologicheskie osobennosti destruktivnogo povedeniya nesovershennoletnih na primere «grupp smerti» / L.N. Nikitina, A.V. Bojko. – Tekst: neposredstvennyj // Fenomenologiya i profilaktika deviantnogo povedeniya. Materialy III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – 2019. – S. 124-128.
4. Ko Dnyu molodezhi Rossii. Tekst: elektronnyj // Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki : [sajt]. – URL: <https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/Den%20molodezhi%20Rossii%202019%20.pdf> (data obrashcheniya: 25.07.2021).
5. Dzhamaalova E.K. Pravosoznanie molodezhi kak osnova razvitiya sovremennogo dagestanskogo obshchestva / E.K. Dzhamaalova. – Tekst : neposredstvennyj // YUridicheskij vestnik DGU. – 2018. – T. 27. № 3. – S. 22-25.
6. Balabin M.V. Deformaciya pravosoznaniya molodezhi / M.V. Balabin. – Tekst : neposredstvennyj // VIA SCIENTIARUM - doroga znaniy. – 2018. – № 4. – S. 90-97.
7. Konopleva A.A. Kul'turnye predpochteniya Z-pokoleniya (na osnove rezul'tatov sociologicheskogo issledovaniya) / A.A. Konopleva. – Tekst : neposredstvennyj // Manuskript. – Tambov: Gramota. – 2019. – Tom 12. Vypusk 9. – C. 146-150.
8. Chudina-Shmidt N.V. Social'nye usloviya perekhoda lichnosti v sostoyanie ekstremala-destroera / N.V. Chudina-Shmidt. – Tekst: neposredstvennyj // Obespechenie obshchestvennoj bezopasnosti i protivodejstvie prestupnosti: zadachi, problemy i perspektivy. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – 2020. – S. 508-511.
9. Butkevich S.A. Bezopasnost' lichnosti v kiberprostranstve (kontrextremistskij koncept) / S.A. Butkevich. – Tekst: neposredstvennyj // Filosofiya prava. – 2020. – № 4 (95). – S. 24-30.
10. Kozyreva P.M., Smirnov A.I. Evolyuciya pravovyh predstavlenij rossiyan: zakonoposlushnost' ili spravedlivost'? / P.M. Kozyreva, A.I. Smirnov. – Tekst : neposredstvennyj // Polis. Politicheskie issledovaniya. – 2020. – № 5. – S. 75-89.
11. Vsyta statistika interneta na 2020 god – cifry i trendy v mire i v Rossii. Tekst: elektronnyj // Web-canape: [sajt]. – URL: <https://www.web-canape.ru/business/internet-2020-globalnaya-statistika-i-trendy/#:~:text=V%20Rossii%20kolichestvo%20internet-pol'zovatelej,48%25%20ot%20vsego%20naseleniya%20strany.> (data obrashcheniya 26.07.2021).
12. VCIOM rasskazal, s chem rossiyanе svyazyvayut patriotizm. Tekst: elektronnyj // Ria.ru: [sajt]. – URL: <https://ria.ru/20200220/1565007463.html> (data obrashcheniya: 22.07.2021).

УДК 340

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(1)- 18-27

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АРТЕЛЕЙ ГРУЗЧИКОВ В 1919-1932 ГГ.

Клименко Е. П.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье указано, что теоретическо-правовая основа регламентации деятельности трудовых артелей, базирующаяся на традиционных социально-экономических отношениях, была заложена нормативно-правовыми актами имперского периода: «Устав столичного города Санктпербруга» от 12 сентября 1798 г., «Высочайше утвержденный устав цехов» от 12 ноября 1799 г., «Высочайше утвержденное Положение об артелях трудовых» от 1 июня 1902 г.

В изучаемый период советской истории, особенно в период новой экономической политики, нормированию деятельности трудовых артелей уделялось существенное внимание, путем издания как специального (в виде декретов и постановлений), так и общего (КЗоТ, ГК и ПГК) законодательства, развивающегося в направлении стандартных установления норм их уставов, взаимоотношений с подрядчиками, обеспечением трудовых прав артельщиков, но и с отдельными ограничениями в их деятельности. Важным достижением этого периода следует признание за артелями прав юридического лица, что, однако, в начале 1930-х гг., стало мало приемлемым в условиях коллективизации, индустриализации и огосударствления основных производительных и трудовых сил в СССР.

Ключевые слова: трудовые артели, грузчики, декреты, постановления, уставы, нормы, положения, трудовые отношения гражданский и трудовой кодексы.

Различные аспекты деятельности артелей грузчиков в России давно уже стали предметом тщательного изучения со стороны многочисленных исследователей [1-9]. В тоже время, существует научная необходимость выделения и изучения нормативно-правовой базы деятельности таких артелей в 1920-х гг.

Исходя из анализа нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность различного рода цехов и артелей в имперский период, можно указать, что их базовую основу составили: «Устав столичного города Санктпербруга» от 12 сентября 1798 г. [10], «Высочайше утвержденный устав цехов» от 12 ноября 1799 г. [11], «Высочайше утвержденное Положение об артелях трудовых» от 1 июня 1902 г. [12].

После февральской революции временное правительство 20 марта 1917 г. издало постановление «О кооперативных товариществах и их союзах» [13]. Которое, конечно-же, стало предметом критики молодой советской юридической науки. Так, к примеру, Я. Цыпин указывал, что «В законе временного правительства от 20/III – 17 г. хотя и дается точное определение понятия кооперации, но трудовые артели, как по своей структуре, так и по способу их образования, также не выделены от других видов артелей в особую группу объединений, приближающих их к лицам наемного труда, считалось с точки зрения кооперативной догмы непростительной ересью» [14, с. 1161-1163].

В период гражданской войны и военного коммунизма регулирование данной отрасли организации труда не стало приоритетной задачей советской власти, а если и затрагивалось, то с соответствующих позиций. Так, были приняты декрет СНК от 24 сентября 1919 г. «О перерегистрации производственных артелей, промысловых ко-

оперативов, товариществ, союзов и всякого рода кустарных объединений и о праве участия в них» [15]; постановление народного комиссариата продовольствия «О воспреещении продорганам и кооперативным организациям передавать поручения и работы, касающиеся товарных операций, частным лицам и предприятиям на комиссионных началах» (Собр. Узак., 1919, N 53, ст. 509) [16]; декрет СНК от 7 сентября 1920 г. «О регулировании кустарных промыслов и ненационализированной промышленности» [17], постановление ВСНХ от 29 ноября 1920 г. «О национализации предприятий» [18].

Однако с введением НЭПа и началом внешней торговли ситуация изменилась. 17 мая 1921 г. было принято два взаимодополняющих документа в этом направлении: декрет СНК РСФСР «Об отмене, приостановке и пересмотре некоторых постановлений о мелкой и кустарной промышленности и кустарной сельскохозяйственной кооперации» [19] и постановление СНК «О руководящих указаниях органам власти в отношении мелкой и кустарной промышленности и кустарной сельскохозяйственной кооперации» [20], дало толчок к пересмотру ранее принятого законодательства, в вопросах частичной приостановке его действия, или же полной отмены.

Следующим шагом стало принятие декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 7 июля 1921 г. «О промысловой кооперации». Им, трудящимся кустарных и иных промыслов для занятия однородным производством давалась возможность создавать промысловые кооперативные товарищества или артели для ведения совместного производства, для организации работы своих участников, обеспечения их необходимыми материалами, инструментами и оборудованием для обработки и сбыта продукции, и иных мер. Однако устанавливалось, что «Общее число членов промыслового кооперативного товарищества не может быть менее 5-ти» (пар. 1). При этом все работы должны были производиться личным трудом участников товарищества и лишь для вспомогательных работ, которые не могли производиться членами товарищества, и работ, требующих специальных знаний, позволялось приглашать иных лиц, но чтобы их общее число не превышало 20% всего состава членов товарищества. В исключительных случаях наемный труд мог быть допущен и в основном производстве артелей с разрешения органов ВСНХ. Данное положение было весьма важно для артелей грузчиков в случаях, когда были необходимы специалисты по управлению погрузочно-разгрузочной техникой или временно было необходимо увеличить количество грузчиков для выполнения отдельных работ.

Таким товариществам (артелям) давалось право объединяться в союзы по территориальным и производственным признакам, но количество входящих в состав союза таких объединений не могло быть менее 3-х (пар. 2). При этом, кустарно-промысловым товариществам, артелям и их союзам давалась возможность свободного объединения в рамках губернии и налаживание взаимоотношений с иными видами кооперации. Однако, одновременно входить в два промысловых кооператива и объединений одного и того же производства не позволялось (пар. 3).

Промысловые кооперативы получили правами юридических лиц, а значит заключать дозволенные договоры и брать, предъявлять иски и отвечать по ним, приобретать все необходимые для их деятельности материалы, нанимать и снимать помещения и т.п. (пар. 4).

Собственность подобных объединений подлежала государственной охране (пар. 5), а органам власти предписывалось оказывать им необходимое содействие, что предусматривало преимущественное, перед частными лицами, получение заказов; авансирование и обеспечение сырьем при выполнении государственных заказов и заданий; поиск необходимых помещений, приобретение инструментов и заготовке сырья (пар. 6).

Средства таких объединений могли состояться, как из традиционных вступительных взносов, паев, авансов и вкладов участников, так и из займов, начислений на себестоимость производимых операций и государственного кредитования (пар. 7). Важно и то, что подобные организации изымались из-под контроля Рабоче-Крестьянской инспекции, и на них не распространялись правила декрета о расчетных операциях (пар. 8), что значительно упрощало им ведение различной отчетности.

Как и в дореволюционный период, органами управления промысловых кооперативных организаций могли быть общие собрания или собрания уполномоченных и правление (пар. 9), а вопросы района их деятельности, порядок вступления и выбытия членов, «предел и порядок ответственности членов по обязательствам организации, функции общего собрания или собрания уполномоченных, порядок избрания уполномоченных, состав, порядок избрания и компетенция органов управления и контроля, а также система отчетности по делам организации и способ обревизования дел» регулировались их уставами (пар. 10).

Важно и то, что для создания промысловых кооперативных организаций и их объединений, не выходящих в своей работы за пределы губернии, не требовалось предварительного разрешения органов власти, а лишь регистрация их уставов в Губернских СНХ (пар. 11), что значительно упрощало процедуру их оформления и начала работы.

Этот, весьма полезный и важный по своему содержанию документ, значительно упростивший формальности создания и деятельности трудовых кооперативов, лишь отчасти мог удовлетворить потребности артельщиков, а потому требовал расширения и дополнения, а иногда и принятия специальных нормативных актов. Первым из них стал декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 9 мая 1923 г. о трудовых кооперативных товариществах, которым действие ст. 1 - 10 и 12 выше рассмотренного декрета от 7 июля 1921 г. было распространено и на трудовые кооперативные товарищества (артели), объединяющие своих членов для совместной организации их физического или интеллектуального труда (п. 1).

Создание же трудовых кооперативных товариществ, члены которых постоянно проживали в одной губернии, предписывалось производить через регистрацию их уставов в губернских СНХ в порядке, указанном в примечании к ст. 11 декрета ВЦИК и СНК от 7 июля 1921 г., с предварительным визированием этих уставов в губернских отделах труда [22].

Тем не менее, нормы, принятые вплоть до 1921 г. включительно, и даже упомянутый декрет от 9 мая 1923 г. практически не учитывали изменений, произошедших с принятием новых базовых документов – трудового [25] и гражданского [26] кодексов 1922 г. и иных изменившихся обстоятельств.

Очевидно, с учетом данных обстоятельств, 15 декабря 1924 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли уже специальный декрет от «О трудовых артелях», по которому

«Трудовыми артелями являются объединения лиц для совместной организации и предоставления в наем их физического или интеллектуального труда с выполнением работ, как общее правило, из материалов нанимателя. Число лиц, объединяемых трудовой артелью, не может быть менее семи человек» (ст. 1). При этом, входить в состав такой артели не могли лица, которые пользовались наемным трудом для извлечения прибыли.

Такие объединения должны были организовываться по производственному признаку и заниматься работами лишь по своей основной специальности (ст. 3), личным трудом членов артели, и лишь для работ по ее обслуживанию, которые не могли исполняться артельщиками (канцелярские работы, технических вопросов и т.п.), артель могла принимать лиц с тем, но только чтобы их количество не превышало 10% состава артели (ст. 4).

При этом состоять одновременно членами двух трудовых артелей однородного вида труда запрещалось (ст. 5).

Зарегистрированные (ст. ст. 11 – 13) трудовые артели получали права юридических лиц, в том числе право участия в торгах по соисканию работ, но при этом имели право производить лишь те действия, что были нужны для достижения целей, указанных в постановлении и уставе артели (ст. 6).

Как и ранее, средства трудовых артелей могли формироваться из вступительных взносов, паев, отчислений из сумм, поступающих за работу артели, средств, получаемых по договору займа от кредитных учреждений и частных лиц, государственных кредитов (ст. 7). При этом, трудовые артели получили льготы, как и промысловая кооперации (ст. 8).

Органами управления артелей устанавливались общие собрания и правление (ст. 9), но по решению общего собрания управление ее делами могло быть возложено на одно лицо (старосту), выполняющего функции правления.

Район деятельности артелей, порядок вступления и выбытия членов, права, предоставляемые артели по правилам ст. 6, пределы и порядок ответственности членов по обязательствам артели, функции общего собрания, состав, порядок избрания и компетенция органов управления и контроля, система отчетности, способ ревизии дел и порядок ликвидации, предписывались уставом артели согласно «нормальному» уставу и нормативным актам (ст. 10).

Создание артели происходило через регистрацию ее устава по месту возникновения в регистрационной комиссии при губотделе местного хозяйства (или губернском совете народного хозяйства) (ст. 11), но при рассмотрении таких уставов губернские отделы труда направляли в состав регистрационных комиссий своего представителя с правом решающего голоса.

До рассмотрения устава соответствующие органы должны были направлять один экземпляр устава в местный губотдел труда, который должен был не позже двух недель сего получения выдать заключение о допустимости его регистрации (ст. 12). При этом, губотдел труда должен был брать в расчет как соответствием устава действующим нормам, так и данными о состоянии рынка труда в данной местности.

При возникновении разногласий между губотделом труда или его представителем в регистрационной комиссии с иными членами комиссии, устав не регистрировался, а дело направлялось на рассмотрение президиума губернского исполнительного комитета при участии губернских отдела труда, профессионального совета и

отдела местного хозяйства (губернского совета народного хозяйства). При этом решение президиума губернского исполнительного комитета было окончательным (ст. 13). Изменения и дополнения принятого устава могло произойти в том же порядке, как и регистрация (ст. 14).

Артель, желающая принять для выполнения новую работу в другой губернии или области, должна была ранее того получить предварительное согласие соответствующего губотдела труда, которое могло быть обжаловано в соответствующем порядке (см. ст. 12) (ст. 15).

В случае привлечения артели к работам по трудовому договору отношения между сторонами устанавливались согласно правил примечания 1 к ст. 29, а также ст. ст. 30, 33 и 35 КЗоТ (ст. 16).

При привлечении трудовой артели к работам в порядке подряда, правление артели должно исполнять такие, установленные КЗоТ обязанности: а) соблюдать постановления по технике безопасности, промышленной санитарии и гигиены и охране труда женщин и несовершеннолетних (п. «а» ст. 17); б) уплачивать страховые взносы на врачебную помощь и страхование от несчастных случаев, соотносимых с суммой вознаграждения на оплату труда артельщиков (п. «б» ст. 17).

Надзор за деятельностью артелей по вопросу соответствия ее деятельности действующим узаконениям и поставленным в уставе целям возлагался на губотделы труда и отделы местного хозяйства (губернские советы народного хозяйства) (ст. 18).

Артели, в которых открывалось применение наемного труда в скрытой форме, были обязаны выполнить в отношении соответствующих лиц все обязанности по КЗоТ (ст. 19), при этом, кроме уголовной ответственности, в некоторых случаях могли быть упразднены.

Естественно, что действующие на момент издания этого постановления трудовые кооперативные товарищества, созданные по опоминавшемуся постановлению от 9 мая 1923 г. о трудовых кооперативных товариществах, в течение трех месяцев обязывались перерегистрироваться или как трудовая артель, или как промысловое кооперативное товарищество (ст. 21).

Комиссариату труда РСФСР поручалось издавать, по соглашению с ВСНХ РСФСР и ВЦСПС, дополнительные постановления и инструкции, издать в течение месяца, по соглашению с этими же ведомствами, базовый устав трудовых артелей (ст. 22) [23].

Как можно сделать вывод, основными новшествами данного положения стали: изменение условий регистрации подведомственности; обязательное применение отдельных положений КЗоТ; возможность кредитования; расширение случаев отказа в регистрации; возможность избирать старосту; зависимость от рынка труда; сняты отдельные возрастные ограничения.

В связи с быстро меняющейся социально-экономической и политической ситуацией в стране, 30 января 1928 г. принято постановление ВЦИК и СНК РСФСР от «О трудовых артелях», отменившее соответствующее постановление от 15 декабря 1924 г.

Им, трудовыми артелями объявлялись «объединения граждан, ставящие себе целью организацию совместного выполнения работ личным трудом своих членов в чужом предприятии или хозяйстве», и их членами позволялось быть лицам не менее

16-летнего возврата и «не эксплуатирующие наемного труда с целью извлечения прибыли» (ст. 1).

Для создания такой артели устанавливался численный ценз желающих в количестве не менее 7-ми человек, достигших 18 лет и не лишенных избирательных прав (ст. 2). Максимальная цена материала по работам, в том числе и подрядам, выполняемой артелью не могла превышать 10000 руб. (ст. 3).

Как и ранее, трудовые артели могли создаваться для выполнения «производственно-однородных или производственно-связанных между собой работ» (ст. 4), которые выполнялись личным трудом артельщиков. При этом, трудовые артели могли приглашать на службу посторонних лишь для работ по обслуживанию артели, которые не могут быть исполняемы самими артельщиками с максимальным количеством таких нанятых не более 10% от общего состава (ст. 5).

Зарегистрированные надлежаще артели, получали права юридических лиц, в том числе, право участия на торгах по соискательству работ; но были вправе предпринимать лишь действия, необходимые для достижения целей, указанных постановлением и своим уставом (ст. 6).

Положение о средствах артелей и налоговые сохранились на прежнем уровне (ст. ст. 7-8). В отношении управления артелей было введено положение, по которому членами их правления могли быть лишь лица, не лишенные избирательных прав (ст. 9).

Порядок вступления и выбытия членов трудовых артелей, права, предоставляемые артели по правилам ст. 6 данного постановления, границы и «порядок ответственности членов по обязательствам артели, функции общего собрания, состав, порядок избрания и компетенция органов управления и ревизии, местопребывание правления, система отчетности по делам артели, способ обревизования дел и порядок ликвидации артелей», устанавливались их уставами согласно «нормального» устава и законодательства (ст. 10).

Как и ранее, создание артели, не зависимо от района ее работы, происходило через регистрацию ее устава по месту возникновения в регистрационной комиссии при соответствующем органе местного хозяйства (ст. 11), в которые отделы или инспекции труда делегировали своего представителя с правом решающего голоса.

До рассмотрения устава в регистрационной комиссии соответствующий орган местного хозяйства должен был направить 1 экземпляр устава в местный орган труда, который, не позже недельного срока с момента его получения, давал заключение о допустимости регистрации.

В случае же разногласия между органом труда или его представителем в регистрационной комиссии с остальными ее членами, устав не регистрировался и комиссия направляла все дело на рассмотрение президиума исполкома, решение которого было окончательным (ст. 12). Естественно, что изменения и дополнения устава было возможно в том же порядке, как и регистрация (ст. 13).

При привлечении артели к работам через трудовой договор (договора найма) отношения между сторонами регулировались трудовым договором, а артель могла заключать общий договор на все время выполнения работы с оплатой этой работы в целом (ст. 14).

Условия трудового договора определялись соглашением сторон, но время начала и окончания работ, порядок распределения работ между членами артели, должен

был устанавливается с соблюдением норм ст. ст. 109, 110, 111, 112, 132 и 134 КЗоТ (ст. 15).

Случаи и порядок расторжения договора следовало прописывать в соглашении сторон. Однако, при отсутствии таких норм, наниматель, расторгающий договор, заключенный на неопределенный срок, должен был предупредить артель за 3 дня или уплатить выходное пособие в размере трехдневного заработка артели. Точно так, при расторжении трудовой артелью договора на неопределенный срок, она обязана была предупредить нанимателя за 3 дня (ст. 16).

Нанимателю предписывалось производить расчет по причитающимся с него в пользу артели платежам с органом управления артели. Размер, форма платежей и сроки их выплаты устанавливались по соглашению сторон. Расчет же по заработной плате и иным требованиям ее членов возлагался на органы управления артели в порядке, установленном ее уставом (ст. 17).

При взыскании положенных артели с нанимателя средств, претензии артели по трудовым договорам, приравнивались согласно ст. ст. 101 ГК и 266 ГПК, к претензиям по заработной плате (ст. 18).

В свою очередь, артель обязывалась возместить нанимателю ущерб, причиненный ее членами в ходе работы, а также из-за невыполнения условия трудового договора, при наличии условий, указанных в ст. 403 ГК. Размер такого возмещения устанавливался судом, но не мог превышать 50% средств, причитающейся артели по договору (ст. 19).

Что до трудовых договоров, заключаемых с артелями, следовало применять правила ст. ст. 32, 34, 44 п. п. «а», «б» и «в», 45 и 48 (но без примечания) КЗоТ, а в отношении трудящихся членов артели - ст. ст. 84, 85, 93, 129 - 131 КЗоТ.

При этом все законодательство по технике безопасности и промышленной санитарии, охране труда на тяжелых и вредных работах женщин и несовершеннолетних распространялось полностью на работающих членов артели (ст. 20).

При привлечении артели к работам в по подряду, ее правление должно было исполнять такие обязанности по КЗОТ: а) соблюдать постановления по технике безопасности, промышленной санитарии и гигиене, охране труда женщин и несовершеннолетних; б) уплачивать страховые взносы на врачебную помощь и страхование от несчастных случаев, исходя из размеров вознаграждения по оплате труда членов артели (ст. 21).

Надзор за деятельностью артели возлагался на местные органы труда и народного хозяйства по вопросам соответствия ее деятельности действующим узаконениям и поставленным в ее уставе целям (ст. 22).

Артели, в которых выявлялось применение наемного труда в скрытой форме, как и ранее, обязаны были выполнять в отношении таких лиц все обязательства по КЗОТ, и норм, изданных в его развитие и дополнение; члены правления и другие уполномоченные артелью лица, допустившие такое применение наемного труда, подлежали уголовной ответственности (ст. 23).

И, наконец, устанавливалось, что ликвидация артелей производилась: а) при несостоятельности, устанавливаемой судебным порядком; б) в случаях, предусмотренных уставом; в) по постановлению губернского (окружного) исполнительного комитета или по постановлению суда по основаниям ст. 18 ГК РСФСР. При этом,

порядок ликвидации в случаях, предусмотренных в п. п. «б» и «в», определяется нормальными уставами трудовых артелей.

В заключение комиссариату труда РСФСР, по соглашению с ВСНХ Р.С.Ф.С.Р., ВЦПСР, Наркомюстом РСФСР и всероссийским союзом промысловой кооперации, следовало в течение месяца издать инструкцию по применению данного постановления, переработать «нормальный устав» трудовых артелей (ст. 25) [24].

Как видно из норм данного постановления, в оно уже более детально проработано, с внесением норм КЗоТ, ГК и ПГК, учетом норм о лишенных избирательных прав, защиты трудовых прав и т.п. Однако, и ему не судилось длительное действие, в основном с очередным изменением социально-экономической политики СССР, и документ утратил силу в связи с изданием постановления ВЦИК, СНК РСФСР от 01.04.1932 [27].

Таким образом, в начальный период советской истории нормированию деятельности трудовых артелей уделялось существенное внимание, путем издания как специального (в виде декретов и постановлений), так и общего (КЗоТ, ГК и ПГК) законодательства, развивающегося в направлении стандартных установления норм их уставов, взаимоотношений с подрядчиками, обеспечением трудовых прав артещиков, но и с отдельными ограничениями в их деятельности. Важным достижением этого периода следует признание за артелями прав юридического лица, что, однако, в начале 1930-х гг., стало мало приемлемым в условиях коллективизации, индустриализации и огосударствления основных производительных и трудовых сил в СССР.

Список литературы:

1. Гессен И.В. Артели. Закон 1 июня и действующие образцовые уставы. — СПб., 1902.
2. Исаев А.А. Артели в России. — Ярославль, 1881.
3. Исаев А.А. Новое кооперативное законодательство. — Пг., 1918.
4. Кулишер И.М. Обзор русского и иностранного законодательства о кооперативных товариществах. — СПб., 1906.
5. Максимов В.Я. Артели биржевые и трудовые с разъяснениями Правительствующего сената и приложением. — М., 1907.
6. Клименко Е. П. Правовое регулирование труда грузчиков в торговых портах в 20 – 30 гг. XX в. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2017. – Т. 3 (69). № 3. – С. 229 – 240.
7. И. А. Новиков. Артель в России во второй половине XX – начале XX в. К вопросу об определении термина // Вестник Томского государственного университета. И. 2009. №4(8). С. 147-
8. Новиков И. А. «Артель»: этимология слова в русском дореволюционном законодательстве. 2009. «Артель»: этимология слова и термин в русском дореволюционном законодательстве (cyberleninka.ru)
9. Зозуля О. А. Устав артели как форма регулирования традиционного кустарного производства в России в начале XX в. // Вестник РУДН, серия Юридические науки, 2012, № 4. С. 24-30.
10. «Высочайше утвержденный Устав столичного города Санкт-Петербурга». 12 сентября 1798 г. // ПСЗ. Собрание (1649 - 1825) : Т. XXV (1798 - 1799), №18663. Печатано в Типографии Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. С. 369.
11. «Высочайше утвержденный устав цехов» 12 ноября 1799 г. // ПСЗ. Собрание (1649 - 1825) : Т. XXV. (1798 – 1799), №19187. Печатано в Типографии Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. – С. 864- (933 с.).
12. «Высочайше утвержденное Положение об артелях трудовых». 1 июня 1902 г. // ПСЗ. Собрание (1881-1913): Т. XXII (1902), №21550. Санкт-Петербург, в государственной типографии, 1904. С. 416-418.
13. Постановление Временного Правительства от 20 марта 1917 г. «О кооперативных товариществах и их союзах». Собр. Узак. 1917 г. отд., № 72, ст. 414.
14. Я. Цыпин. Трудовые артели. Еженедельник советской юстиции. №35. 28 сентября 1925 г. С. 1161-1163.

15. Декрет СНК от 24 сентября 1919 г. «О перерегистрации производственных артелей, промысловых кооперативов, товариществ, союзов и всякого рода кустарных объединений и о праве участия в них». Собр. Узак., 1919, N 48, ст. 467.
16. Постановление Народного Комиссариата Продовольствия «О воспрещении продорганам и кооперативным организациям передавать поручения и работы, касающиеся товарных операций, частным лицам и предприятиям на комиссионных началах». Собр. Узак., 1919, N 53, ст. 509.
17. Декрет СНК от 7 сентября 1920 г. «О регулировании кустарных промыслов и ненационализированной промышленности». Собр. Узак., 1920, N 78, ст. 366.
18. Постановление ВСНХ от 29 ноября 1920 г. «О национализации предприятий». Собр. Узак., 1920, N 93, ст. 512.
19. Декрет СНК РСФСР «Об отмене, приостановке и пересмотре некоторых постановлений о мелкой и кустарной промышленности и кустарной сельско-хозяйственной кооперации». - Декрет СНК РСФСР от 17.05.1921 (libussr.ru).
20. Постановление СНК от 17 мая 1921 г. о руководящих указаниях органам власти в отношении мелкой и кустарной промышленности и кустарной сельско-хозяйственной кооперации. Собр. Узак., N 47, ст. 230.
21. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 7 июля 1921 года «О промышленной кооперации». Собр. Узак., 1921, N 53, ст. 322. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 07.07.1921 (libussr.ru).
22. Декрет ВЦИК и СНК Р.С.Ф.С.Р. от 9 мая 1923 года о трудовых кооперативных товариществах. Собр. Узак., 1923, N 41, ст. 449. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 09.05.1923 (libussr.ru).
23. Декрет ВЦИК и СНК Р.С.Ф.С.Р. от 15 декабря 1924 года «О трудовых артелях». Собр. Узак., 1925, N 1, ст. 9.
24. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 30 января 1928 года «О трудовых артелях». Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 30.01.1928 "О трудовых артелях" - КонсультантПлюс (consultant.ru)
25. Кодекс Зконов о труде РСФСР 1922 г. // Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1922; № 70. Ст. 903.
26. Новицкая Т.Е Гражданский кодекс РСФСР 1922 года / Новицкая Т.Е. — Москва : Зерцало-М, 2012. — 262 с.
27. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 01.04.1932 "Об утверждении перечня постановлений ВЦИК и СНК, изданных до 1 января 1931 г., утративших силу, но не отмененных особыми постановлениями". – СПС КонсультантПлюс (consultant.ru).

E. P. Klimenko. Legal framework for the activities of truckers in 1919-1932 // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 18-27.

The article indicates that the theoretical and legal basis for the regulation of the activities of labor artels, based on traditional socio-economic relations, was laid down by regulatory legal acts of the imperial period: "Charter of the capital city of St. Perebrug" dated September 12, 1798, "The highest approved charter of workshops" of November 12, 1799, "The Highest Approved Regulations on Labor Artels" of June 1, 1902. During the studied period of Soviet history, especially during the period of the new economic policy, significant attention was paid to the regulation of the activities of labor artels, through the publication of both special (in the form of decrees and resolutions) and general (Labor Code, Civil Code and Freight One) legislation, developing in the direction of standard establishing the norms of their charters, relationships with contractors, ensuring the labor rights of artel workers, but also with certain restrictions in their activities. An important achievement of this period was the recognition of the rights of a legal entity for the artels, which, however, in the early 1930s, became unacceptable in the conditions of collectivization, industrialization and nationalization of the main productive and labor forces in the USSR.

Key words: labor artels, loaders, decrees, decrees, statutes, norms, regulations, labor relations, civil and labor codes.

Spisok literatury:

1. Gessen I.V. Arteli. Zakon i iyunya i dejstvuyushchie obrazcovye ustavy. — SPb., 1902.
2. Isaev A.A. Arteli v Rossii. — YAroslavl', 1881.
3. Isaev A.A. Novoe kooperativnoe zakonodatel'stvo. — Pg., 1918.
4. Kulisher I.M. Obzor russkogo i inostrannogo zakonodatel'stva o kooperativnyh tovarishchestvah. — SPb., 1906.

5. Maksimov V.YA. Arteli birzhevye i trudovye s raz'yasneniyami Pravitel'stvuyushchego senata i prilozheniem. — M., 1907.
6. Klimenko E. P. Pravovoe regulirovanie truda gruzchikov v trgovykh portakh v 20 – 30 gg. XX v. // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. – 2017. – T. 3 (69). № 3. – S. 229 – 240.
7. I. A. Novikov. Artel' v Rossii vo vtoroj polovine HKH – nachale HKH v. K voprosu ob opredelenii termina // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. I. 2009. №4(8). S. 147-
8. Novikov I. A. «Artel'»: etimologiya slova v russkom dorevolucionnom zakonodatel'stve. 2009. «Artel'»: etimologiya slova i termin v russkom dorevolucionnom zakonodatel'stve (cyberleninka.ru)
9. Zozulya O. A. Ustav arteli kak forma regulirovaniya tradicionnogo kustarnogo proizvodstva v Rossii v nachale HKH v. // Vestnik RUDN, seriya YUridicheskie nauki, 2012, № 4. S. 24-30.
10. «Vysochajshe utverzhdenyj Ustav stolichnogo goroda Sanktperebruga». 12 sentyabrya 1798 g. // PSZ. Sobranie (1649 - 1825) : T. XXV (1798 - 1799), №18663. Pechatano v Tipografii Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. 1830. S. 369.
11. «Vysochajshe utverzhdenyj ustav cekhov» 12 noyabrya 1799 g. // PSZ. Sobranie (1649 - 1825) : T. HKHV. (1798 – 1799), №19187. Pechatano v Tipografii Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. 1830. – S. 864- (933 s.).
12. «Vysochajshe utverzhdennoe Polozhenie ob artelyah trudovykh». 1 iyunya 1902 g. // PSZ. Sobranie (1881-1913): T. HKHII (1902), №21550. Sanktpebrburg, v gosudarstvennoj tipografii, 1904. S. 416-418.
13. Postanovlenie Vremennogo Pravitel'stva ot 20 marta 1917 g. «O kooperativnykh tovarishchestvah i ih soyuzah». Sobr. Uzak. 1917 g. otd., № 72, st. 414.
14. YA. Cypin. Trudovye arteli. Ezhenedel'nik sovetsoj yusticii. №35. 28 sentyabrya 1925 g. S. 1161-1163.
15. Dekret SNK ot 24 sentyabrya 1919 g. «O pereregistracii proizvodstvennykh artelej, promyslovykh kooperativov, tovarishchestv, soyuzov i vsyakogo roda kustarnykh ob'edinenij i o prave uchastiya v nih». Sobr. Uzak., 1919, N 48, st. 467.
16. Postanovlenie Narodnogo Komissariata Prodoval'stviya «O vospreshchenii prodorganam i kooperativnym organizaciyam peredavat' porucheniya i raboty, kasayushchiesya tovarnykh operacij, chastnym licam i predpriyatiyam na komissionnykh nachalah». Sobr. Uzak., 1919, N 53, st. 509.
17. Dekret SNK ot 7 sentyabrya 1920 g. «O regulirovanii kustarnykh promyslov i nenacionalizirovannoj promyshlennosti». Sobr. Uzak., 1920, N 78, st. 366.
18. Postanovlenie VSNH ot 29 noyabrya 1920 g. «O nacionalizacii predpriyatij». Sobr. Uzak., 1920, N 93, st. 512.
19. Dekret SNK RSFSR «Ob otmene, priostanovke i peresmotre nekotorykh postanovlenij o melkoj i kustarnoj promyshlennosti i kustarnoj sel'sko-hozyajstvennoj kooperacii». - Dekret SNK RSFSR ot 17.05.1921 (libussr.ru).
20. Postanovlenie SNK ot 17 maya 1921 g. o rukovodyashchih ukazaniyah organam vlasti v otnoshenii melkoj i kustarnoj promyshlennosti i kustarnoj sel'sko-hozyajstvennoj kooperacii. Sobr. Uzak., N 47, st. 230.
21. Dekret VCIK i SNK RSFSR ot 7 iyulya 1921 goda «O promyslovoj kooperacii». Sobr. Uzak., 1921, N 53, st. 322. Dekret VCIK, SNK RSFSR ot 07.07.1921 (libussr.ru).
22. Dekret VCIK i SNK R.S.F.S.R. ot 9 maya 1923 goda o trudovykh kooperativnykh tovarishchestvah. Sobr. Uzak., 1923, N 41, st. 449. Dekret VCIK, SNK RSFSR ot 09.05.1923 (libussr.ru).
23. Dekret VCIK i SNK R.S.F.S.R. ot 15 dekabrya 1924 goda «O trudovykh artelyah». Sobr. Uzak., 1925, N 1, st. 9.
24. Postanovlenie VCIK i SNK RSFSR ot 30 yanvarya 1928 goda «O trudovykh artelyah». Postanovlenie VCIK, SNK RSFSR ot 30.01.1928 "O trudovykh artelyah" - Konsul'tantPlyus (consultant.ru)
25. Kodeks Zkonov o trude RSFSR 1922 g. // Sobranie Uzakonenij i Rasporyazhenij Rabocheho i Krest'yanskogo Pravitel'stva RSFSR. 1922; № 70. St. 903.
26. Novickaya T.E Grazhdanskij kodeks RSFSR 1922 goda / Novickaya T.E. — Moskva : Zercalo-M, 2012. — 262 c.
27. Postanovlenie VCIK, SNK RSFSR ot 01.04.1932 "Ob utverzhdenii perechnya postanovlenij VCIK i SNK, izdannykh do 1 yanvarya 1931 g., utrativshih silu, no ne otmenennykh osobymi postanovleniyami". – SPS Konsul'tantPlyus (consultant.ru).

УДК 340

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(1)- 28-36

ПАМЯТКИ КАК ИСТОЧНИК ПРАВА В ТОРГОВЫХ ПОРТАХ СССР В 1930-Х ГГ.

Клименко Е. П.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Рассматриваемые в статье памятки в 1930-х гг., в виде особого документа, стали возможны с наступлением определенной стабилизации в эволюции регулирования деятельности грузчиков в торговых портах В данный период «памятка», это особый род информации и нормирования, в некоторых случаях созданного с учетом и опорой на действующие, в основном локальные, нормативно-правовые акты. Цель такого документа – непосредственное руководство его пользователю для применения в соответствующих условиях. Памятки, как известно, бывают информационными, рекомендательными, т.е. такими, что не несут за нарушение содержащихся в них положений ответственности, или же, обязывающими. Последние, обычно, обладают такими признаками как локальность – действие на определенной территории, или в отношении группы лиц, однако важнейшим их признаком является нормативная закреплённость, т.е. они закреплены в виде документа, принятого и введенного в действие зачастую в произвольном порядке; наличие подборки норм, включенных в памятку из других нормативных актов, подобранных и скомпонованных для облечения производства какого-либо вида работ, или руководства ими. Одна из целей разработки и введения памяток – дать узко определенному кругу участников конкретных взаимоотношений определенный, всегда находящийся «под руками» свод наиболее необходимых правил и расчетов, подсказку для порядка действий. В условиях усложнявшейся техники производства погрузочно-разгрузочных работ, высокой степени опасности травматизма, малограмотности основной массы грузчиков, такие акты следует признать весьма полезными.

Ключевые слова: памятки, погрузочно-разгрузочные работы, бригадиры, грузчики, безопасность.

Как указано в токовом словаре Д. Н. Ушакова, термин «памятка» имеет несколько значений, и одно из них, это «книжечка, содержащая короткие наставления о чем-нибудь, руководство к чему-нибудь» [1].

В советский период «памятка», это особый род информации и нормирования, в некоторых случаях созданного с учетом и опорой на действующие, в основном локальные, нормативно-правовые акты. Цель такого документа – непосредственное руководство его пользователю для применения в соответствующих условиях. Памятки, как известно, бывают информационными, рекомендательными, т.е. такими, что не несут за нарушение содержащихся в них положений ответственности, или же, обязывающими. Последние, обычно, обладают такими признаками как локальность – действие на определенной территории, или в отношении группы лиц, однако важнейшим их признаком является нормативная закреплённость, т.е. они закреплены в виде документа, принятого и введенного в действие в определенном порядке; наличие подборки норм, включенных в памятку из других нормативных актов, подобранных и скомпонованных для облечения производства какого-либо вида работ, или руководства ими.

Не являлись в этом вопросе и отношения, возникающие в ходе осуществления погрузочно-разгрузочных работ в портах СССР в 1920-1930-х гг. Для более точного понимания памятки, как источника права, рассмотрим некоторые из них.

В памятке по организации рабочего места и безопасности работ на погрузочно-разгрузочных операциях в Одесском порту и памятке грузчика по организации рабочего места и безопасности работ на погрузочных операциях. В ее преамбуле, со ссылкой на И. В. Сталина, указано, что «Стахановско-блудмановское движение, широко развернувшееся на водном транспорте, является движением за высокую производительность труда, за его культуру и за овладение техникой производства. Стахановско-блудмановское движение должно облегчить труд, сделать его безопасным для здоровья и жизни грузчиков.

Помни, что успешное внедрение стахановско-блудмановских методов работы зависит, в первую очередь, от своевременной подготовки рабочего места, подбора соответствующего инвентаря, спецодежды и правильной организации процесса и хорошо поставленной охраны труда.

Охрана труда и техника безопасности на производстве – один из незыблемых принципов социалистической организации труда в нашей стране, где «самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры» [2, с. 3].

Данная памятка была разработана в помощь грузчику с целью ознакомления его с безопасными методами и основными правилами организации погрузочных работ. Одновременно в памятке недвусмысленно подчеркивалось, что «Все погрузочно-разгрузочные работы, производимые в порту, выполняются грузчиками», что действовали под руководством бригадиров и звеньевых, которым непосредственно были подчинены и обязаны выполнять все их распоряжения, а также распоряжения вышестоящего комсостава, передаваемые через бригадиров.

В данной памятке мы не найдем упоминания о принадлежности грузчиков к какой-либо конкретной организации, ведомству и т.п. Причина этого довольно проста – в таких значительных портах как порт Одессы, действовали различные органы со своими бригадами (артелями) грузчиков, также не стоит забывать о регулярном привлечении внештатных грузчиков в период наиболее активного осуществления экспортных операций, что было характерно не только для Одессы.

Исходя из этого, памятка, должна была обеспечить определенное единство в применяемых подходах и нормах, насколько это только было возможно в каждом конкретном порту, а также учитывать нормы общегосударственных законов о труде. Можно также указать, что памятка была издана по согласованию управление Одесского порта и портового комитет союза моряков.

Памяткой устанавливалось, что к перегрузочным работам допускаются только лица, достигшие 18-ти летнего возраста, предварительно прошедшие медосмотр и производственный инструктаж, и признанные годными для этих работ.

Женщины допускались к погрузочным работам только при переноске грузов весом до 20 кг., в одном месте, а также для обработки россыпных грузов (уголь, соль, зерно и т.д.) и всем подсобным работам – зашивка мешков, уборка и т.д. [2, с. 4 –5].

При этом, одесский порт, в рассматриваемый период основном, перерабатывает такие грузы:

1. Мешковые (сахар рафинад и песок, мука, крупы и пр.). Вес одного мешка 50 – 100 кг. При обработке этих грузов применялись захватные приспособления – стропы, а для легковесных мешков – сетки и парашюты.

2. Ящичные грузы (мандарины, консервы, каучук, чай и проч.). Вес одного ящика составлял 50 – 100 кг., мандарины – до 20 кг. При обработке этих грузов, в ос-

новном, применяются такие захватные приспособления: деревянные парашюты, а для легковесных ящиков – 3-х колесные тачки.

3. Киповые (джут, сезаль, хлопок, ткань, тряпье и проч.). Вес одной кипы – 100 – 300 кг. При обработке этих грузов, в основном, применяются такие захватные приспособления: стропы, стальные тросы, а для сезали – гачки (крюки) на стальных тросах.

4. Бочко-катные (цемент в бочках, краски, химикаты и проч.). При обработке этих грузов, в основном, применялись такие захватные приспособления: храпцы на цепных стропах [2, с. 5 – 6], а для больших деревянных бочек – винные стропы.

5. Металлы в чухках и болванках. Вес одной болванки – 30 – 40 кг. При обработке этих грузов, в основном, применялись такие захватные приспособления: большегрузные железные парашюты, а для мягких металлов – цепные стропы.

6. Железо листовое и сортовое (круглое в связках). При обработке железа, как захватные приспособления, применяются цепные стропы, а для листового – кулачковые зажимы.

7. Уголь навалом (мягкий и антрацит). При переработке угля применялись кадки и двухканатные грейфера, а при погрузке кранами (портальными) – большие железные парашюты.

8. Цемент в бумажных мешках. Вес одного мешка – 40 – 50 кг. При обработке цемента применялись захватные приспособления – парашюты и стропы, обшитые парусиной типа сахарных.

9. Зерно насыпью. Применяемые захватные приспособления – совки «чемберленны», при помощи которых зерно подавалось в бункера транспортеров и других перегружателей [2, с. 6 – 7].

Грузчикам рекомендовалось требовать у прораба, диспетчера, магазинера и бригадира подготовки рабочего места до начала работы.

До погрузки и выгрузки судов следовало вывести и закрепить стрелы, подвешенные скалки и другие приспособления, охраняющие груз от попадания в воду, продукты и проверить лебедки и другие механизмы. К судну полагалось подвезти инвентарь (захватные приспособления, тачки, ломы и т.п.), сепарация (рогожи, мешковина, солома и т.п.).

При погрузке мешковых грузов к судну также должны полагалось подвезти козлы, щит, для устройства станка в трюме и приставная лестница для спуска из складов, не имеющих рамы, к месту работы полагалось подвезти сходню шириной в 1 – 1,5 метр., а ее уклон должен был быть 1:3.

В данном случае следует отметить, что памятка отделяла процессы подготовки к погрузочно-разгрузочным работам и сами эти работы, а грузчики освобождались от подготовительных работ и должны были исполнять лишь непосредственно свои обязанности.

Также при обработке мешковых грузов грузчикам рекомендовалось обязательно работать с наголовником, а при обработке железа, металлов в чашках, ящиков и прочих твердых грузов – работать в рукавицах [2, с. 7].

Звеньевому следовало перед началом работы, по согласованию с бригадиром, зайти в инвентарный склад для подбора мелкого необходимого инвентаря («чемберленов» при работе на зерне, ломов для открытия вагонов, гачек при работе на сезали

и т.п.), проверить исправность инвентаря и механизмов, с которыми он работал, а также правильность и устойчивость пристройки.

При погрузке мешковых грузов полагалось установить станок в трюме, а при погрузке вагонов со складов, не имеющих рампы, установить наклонные сходни.

Безусловно, что отдельно напоминалось о необходимости охраны «социалистической собственности», не допущении хищений и порчи грузов и тары.

Грузчику рекомендовалось бережно обращаться с грузом, «не бросай с плеча и с высоты сахар-рафинад, сахар-марсельский, ящики и другие грузы, качество которых или их тары от удара снижается»; хорошо вытирать ноги перед спуском в трюм; следить за прокладкой сепарации; не строить «печек при погрузке мешковых грузов»; не работать крючком при погрузке и выгрузке мешков, т.к. крючья рвали тару и приводили к большой россыпи грузов [2, с. 8 – 9].

Грузчикам полгалось не допускать россыпи грузов, если мешок порван, ящик или бочка поломаны, а отложить их в сторону и требовать немедленного ремонта тары; не путать мешок при укладке грузов в складе или в трюме, т.к. это могло вызвать излишнюю ненужную перевозку грузов; загружать железнодорожные вагоны, суда, транспорт на всю кубатуру полностью, не оставляя ям при штивке грузов в трюме и в вагонах. Этим грузчик помогал увеличить провозоспособность флота и железнодорожного транспорта.

Подтяжку мешков к просвету люков следовало производить только по настилу из досок или фанеры.

Также грузчику следовало помнить и выполнять все правила, которые делали его работу безопасной и помогали «по-стахановски поднять производительность труда».

Отдельно требовалось не допускать перегрузки строп; не допускать резких перегибов строп, а если они неизбежны, подкладывая под стропы подкладки; не поднимать плохо остропленный и плохо уложенный груз [1, с. 9]; не перегружать механизмы, следить за тем, чтобы вес поднимаемого груза не превышал грузоподъемности крана или лебедки; следить, чтобы гак находился точно над поднимаемым грузом и чтобы груз лежал совершенно свободно; следить чтобы рабочее место было совершенно свободно от всяких лишних предметов, и не допускай загромождения его; не стоять под поднимаемым грузом на берегу и в трюме парохода и предупреждать других (груз мог сорваться, порваться строп или расчалиться и ушибить грузчика); не стоять на пути прохождения груза (между комингсом трюма и бортом парохода и грузом) – груз мог прижать или свлить в воду; при закрытии или открытии люков трюма, – прежде чем стать на закрытый люками трюм, убедитесь, плотно ли люк лежит в гнездах бимсов (можно упасть в трюм); как правило, открывать трюм на весь просвет, а в исключительных случаях оставшиеся на просвете бимсы закреплять болтами в гнездах; при работе на лебедке – слушать команду отводного и обращать внимание на сцепление муфт лебедок и на то, чтобы шплинты рычагов муфт соединения были в гнездах, а также на скрепление троса с барабаном лебедки (расцепление муфт и неправильное скрепление троса с барабаном могло вызвать падение груза и несчастные случаи) [2, с. 10 – 11]; при работе лебедки предупреждать в трюме и на берегу людей криком «берегись», а также не допускать «раздвоя шкентеля» и перегрузки лебедки (могла разорваться оттяжка или шкентель и вызвать несчастный случай с людьми); следить за тем, чтобы все движущиеся части

лебедки были ограждены; при укладке груза в трюме, вагоне, складе – укладывать плотно штабеля, не допускать шаткости (груз мог развалиться и ушибить); при совместной работе предупреждать товарища при укладке груза; при спуске груза по желобу предупреждать берущего внизу груз; не выбирать груз в трюме колодцем [2, с. 10 – 11]; не бросать в трюм инвентарь без предупреждения; не вылезать из трюма и не спускаться в него во время подъема груза; при подкатке вагонов не стой со стороны буфера и не держаться за него, толкать вагон сбоку; при откатке и открывании дверей вагонов не держаться руками за рейку, по которой проходил ролик, и за косяк дверей (могло прижать пальцы); не подталкивать вагоны посредством последующей группы вагонов; при переработке едких и вредных грузов тщательно проверять тару; на едких грузах: сере, цементе, соде и проч. – носить обязательно очки (могло повредить глаза); при отравляющих грузах: мышьяке и др. надевать респиратор; при грузах, выделяющих отравляющие газы (хлорной извести, кислотах и др.) надевать противогаз; при обработке пека – смазывать лицо жиром, впускать в глаза капли (это следовало производить только с медицинским персоналом) [2, с. 12].

По окончании работы с едкими и ядовитыми грузами, следовало непременно помыться в бане, т.к. можно было занести отраву домой.

При погрузке, разгрузке грузов весом каждое место более 48 кг. полагалось требовать подъема на спину груза и съемки его со спины другими грузчиками. При перемещении груза весом более 80 кг. каждое место в отдельности, следовало требовать предоставления приспособлений для перемещения тяжести (тачки, тележки, вагонетки, таскальные доски, медведки и пр.).

Во всех случаях, когда по тем или иным причинам путь, по которому грузчик ходил с грузом, делался скользким, следовало требовать немедленной посыпки его песком, опилками и т.п.

При работе в холодное время года следовало требовать предоставления возможности периодического обогрева в специально приспособленных для этого и расположенных в непосредственной близости от места работы помещениях.

Бригадиру не полагалось допускать к работе на механических приспособлениях лиц, не имеющих необходимой подготовки и не умеющих обращаться с этими механизмами [2, с. 13].

В местах, где работа производилась с помощью механических приспособлений, полагалось не допускать во время работы присутствия посторонних.

Курить позволялось лишь во время перерывов в работе и при том на местах, специально для того отведенных. Внутри пакгаузов и судовых трюмов, как и на территории порта курение безусловно воспрещалось.

Грузчикам рекомендовалось требовать, чтобы в местах работы постоянно находилась доброкачественная вода для питья (в закрытых сосудах), а при работе в трюме и вагоне в ночное время – достаточной освещенности рабочего места.

При разгрузке вагонов рекомендовалось стоять впереди подъема, а сбоку груза (т.к. груз может покатиться и придавить).

При погрузке или выгрузке листового железа гафами рекомендовалось подкладывая на гафы дощечки, т.к. лист мог сдвинуться без дощечки ранить грузчика.

При укладке в штабель мешкового груза, при высоте свыше четырех мешков, следовало помогать товарищу скинуть с плеч пятый мешок [2, с. 14].

При погрузке-выгрузке рельс с парохода и на пароход предписывалось обязательно применять цепной строп и класть толстые подкладки, чтобы подкладка выступала от «яблока» рельс, т.к. без подкладки строп могла сорваться и нанести травму).

При погрузке-выгрузке тавровых балок и станин также обязательно следовало класть подкладки и перетягивать тросовый строп дважды.

При работе полагалось следить точно за сигналом отводного и при поднятии моста не делать рывков, а давать сигналы. И, наконец, при работе с электро-механизмами полагалось следить за состоянием кабеля и мотора и изолировать оголенные провода во избежание электротравм [2, с. 15].

В памятке для работы в Новороссийском порту указывалось, что, придя на работу после 16-ти часового непрерывного отдыха, каждый рабочий должен своевременно получить от бригадира наряд и к началу смены находиться на месте работы.

Бригадир при расстановке людей бригады был обязан ознакомить рабочих с характером и процессом предстоящей работы; осмотреть вместе с общественным инспектором бригады весь инвентарь, такелаж, приспособления, а в случае обнаружения его непригодности немедленно заменить. В противном случае к работе не следовало приступать.

При переработке грузов (цемент, сульфат, уголь, зерно и т.д.) обязательно предписывалось брать в кладовой предохранительные очки, респираторы, вазелин, тальк, рукавицы, спецодежду.

Принимая инструменты в кладовой не следовало брать их на плечо при тесноте, чтобы не ранить соседа, а выйдя наружу, положить на плечо и идти на определенном расстоянии от идущего сзади товарища.

При необходимости остановиться, полагалось предупредить сзади идущего, чтобы он не наткнулся на инструменты. Этот порядок хода с инструментами особо следовало соблюдать в вечерней смене осенью и зимой и при плохой погоде.

Те же меры нужно было принимать при переработке грузов тачками, тележками, носилками.

Рабочим бригады предлагалось наблюдать, чтобы рабочее место было удобно для работы, очищено и не загромождено ненужными в работе предметами. Как на берегу, так и в трюме, предполагалось хорошее освещение [3, с. 1 – 3].

Обо всем обратном полагалось ставить в известность заведующего техникой безопасности или бригадира, требовать немедленного устранения всех замеченных недостатков.

Каждый рабочий перед работой должен был проверить постановку козелков, расходных досок, сходень, чтобы они были твердо установлены, не колебались, не прогибались, чтобы переходы были установлены и налажены по ходу с тяжестью.

Для больших сходень установление подставок было обязательным.

В случае неисправности следовало немедленно вызывать бригадира, заведующего техникой безопасности.

Бригадирам рекомендовалось не работать с неисправными кадками и механизмами; назначать отводных самых опытных и старых по производству рабочих, а в случае, если их в бригаде не было, то бригадиры были обязаны сами стать на отвод; особенно следить при подъеме (вира) кадки, стропов парашютов и других тяжестей, как бы они хорошо не были зацеплены и как бы не был исправлен шкентель, чтобы

рабочие отходили в сторону, не стояли у поднимаемых тяжестей и против поднятых стропов, парашютов, кадок с грузом, а также при их опускании (майна).

Отводным следовало давать своевременно сигналы «вира-майна», предупреждать окружающих отстраниться «от подъема» и для трюма «берегись в трюм» [3, с. 4].

Строго воспрещалось кому бы то ни было находиться под подъемом как на берегу, так и в трюме. Следить за этим должен был отводный и предупреждать в нужное время.

Полежалщикам при штыве зерна в трюмах полагалось иметь хорошее освещение, очки и респираторы.

При открывании дверей вагона не следовало открывать их без специальных инструментов (обгалтер, лом) для этой цели.

При катании, толкании вагонов необходимо было упираться в те части вагона, которые не давали возможности получить ранение (не следовало браться за пружины дверей, по которым катились ролики двери и за буфера).

При переработке тяжеловесных грузов в каждом отдельном случае необходимо было ставить в известность техника по безопасности для удостоверения и выбора безопасного способа производства работ и главное – это следовало делать путем хотя бы простейшей механизации, но не вручную [3, с. 5 – 6].

Во всех этих случаях полагалось представлять необходимые инструменты, инвентарь.

При отсутствии техника безопасности на месте работы следовало вызывать бригадира, который должен был обеспечить указанную работу всем необходимым.

При погрузке бревен, кряжей, пиленых лесоматериалов, рельс, сортового железа, бочек – полагалось стропить груз стропами, а не шкантелями. Брать для работы катки, накаты обгалтера, ломы.

При разгрузке этих же грузов с платформ вагонов не позволялось спускать по накатам грузов, пока укладчики в штабель или в ряды не отошли в стороны на безопасное место.

Грузить и разгружать указанные выше грузы и уголь следовало лишь в рукавицах, а при всех случаях ранения – немедленно обращаться в здравпункт за получением медицинской помощи и к технику по безопасности, чтобы он сейчас же мог проверить на месте обстановку ранения и обратить внимание бригады на причину, вызвавшую этот случай.

В нужном случае, при потере временной трудоспособности, техник по безопасности обязан был оформить извещение о несчастном случае, тщательно расследовать его, установить его причины и виновных.

Во-избежание засыпки полежалщиков в трюмах, фурманы были обязаны следить за ходом поступления в трюмы сыпучих грузов, иметь связь с полежалщиками при помощи сигнализации – перестукивания, проверить наличие людей при перерывах и сменах.

При работе на люках трюмов, бригадир должен был проверить правильность укладки люкового настила, бимсов, форнаков и их укрепление болтами.

И, наконец, указывалось, что «При желании грузчики сами, с помощью своих знаний и производственных навыков, при помощи бригадиров, техноруков, техни-

ков безопасности, здравпункта – можете вполне оградить себя в работе от ранений, заболеваний и инвалидности.

Лучше минута внимания – предосторожности, чем заболеть, поранить себя и стать инвалидом на всю жизнь» [3, с. 6 – 8].

Как видим, в данной памятке (новороссийского порта), упоминаются должности, не указанные в одесском порту, главная из них – заведующего по технике безопасности. На содержание памяток существенное влияние оказывали также специфика деятельности каждого порта, связанная с направлением его грузооборота, штатом, оборудованием и т.п.

Памятка бригадира Мариупольского торгового порта (1936 г.) интересна тем, что в ней содержатся нормы и расценки на погрузочно-разгрузочные работы 1 и 2 участков управления порта; выгрузка из пароходов с учетом рода грузов, пароход-склад, пароход-вагон, склад-вагон, склад-автогужевой транспорт или обратно, перемещение в складе [4, с. 24]; состав и варианты работ с зерновыми и т.п. [4, с. 25].

Таким образом, на основе проанализированного материала, можно сделать вывод о том, что изучаемые нами памятки в 1930-х гг., в виде особого документа, стали возможны с наступлением определенной стабилизации в эволюции регулирования деятельности грузчиков в торговых портах В данный период «памятка», это особый род информации и нормирования, в некоторых случаях созданного с учетом и опорой на действующие, в основном локальные, нормативно-правовые акты. Цель такого документа – непосредственное руководство его пользователю для применения в соответствующих условиях. Памятки, как известно, бывают информационными, рекомендательными, т.е. такими, что не несут за нарушение содержащихся в них положений ответственности, или же, обязывающими. Последние, обычно, обладают такими признаками как локальность – действие на определенной территории, или в отношении группы лиц, однако важнейшим их признаком является нормативная закреплённость, т.е. они закреплены в виде документа, принятого и введенного в действие зачастую в произвольном порядке; наличие подборки норм, включенных в памятку из других нормативных актов, подобранных и скомпонованных для облегчения производства какого-либо вида работ, или руководства ими. Одна из целей разработки и введения памяток – дать узко определенному кругу участников конкретных взаимоотношений определенный, всегда находящийся «под руками» свод наиболее необходимых правил и расчетов, подсказку для порядка действий. В условиях усложнявшейся техники производства погрузочно-разгрузочных работ, высокой степени опасности травматизма, малограмотности основной массы грузчиков, такие акты следует признать весьма полезными.

Список литературы:

1. Памятка. Толковый словарь Ушакова. Д.Н. Ушаков. 1935-1940.
2. Памятка по организации рабочего места и безопасности работ на погрузочно-разгрузочных операциях в Одесском порту. – Одесса, 1939. – 15 с.
3. Памятка для работы в Новороссийском порту. – Новороссийск, 1938. – 8 с.
4. Памятка бригадира Мариупольского торгового порта. – Мариуполь, 1936. – 25 с.

Klimenko E. P. Memos as a source of law in the commercial ports of the USSR of the 1930 s. // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – Р. 28-36.

The memos considered in the article in the 1930s, in the form of a special document, became possible with the onset of a certain stabilization in the evolution of the regulation of the activities of loaders in commercial ports. During this period, "memo" is a special kind of information and rationing, in some cases created taking into account and relying on existing, mainly local, regulatory legal acts. The purpose of such a document is to directly guide its user for use in appropriate conditions. Memos, as you know, are informational, recommendatory, i.e. such that they are not responsible for the violation of the provisions contained in them, or binding. The latter, usually, have such features as locality-action on a certain territory, or in relation to a group of persons, but their most important feature is normative fixedness, i.e. they are fixed in the form of a document adopted and put into effect often in an arbitrary order; the presence of a selection of norms included in the memo from other normative acts, selected and compiled for investing the production of any type of work, or managing them. One of the goals of the development and introduction of memos is to give a narrowly defined circle of participants in specific relationships a certain set of the most necessary rules and calculations, always "at hand", a hint for the order of actions. In the conditions of the complicated technology of loading and unloading operations, a high degree of injury risk, low literacy of the bulk of movers, such acts should be recognized as very useful.

Keywords: memos, loading and unloading operations, foremen, loaders, security.

Spisok literatury:

1. Pamyatka. Tolkovyj slovar' Ushakova. D.N. Ushakov. 1935-1940.
2. Pamyatka po organizacii rabocheho mesta i bezopasnosti rabot na pogruzochno-razgruzochnyh operacijah v Odesskom portu. – Odessa, 1939. – 15 s.
3. Pamyatka dlya raboty v Novorossijskom portu. – Novorossijsk, 1938. – 8 s.
4. Pamyatka brigadira Mariupol'skogo torgovogo porta. – Mariupol', 1936. – 25 s.

УДК: 342.9

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(1)- 37-40

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЕМ

Позднякова Е. В.

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

Проблема образования была и остается одной из ведущих для современного российского общества. Еще с большей силой она распространяется в наше время и приобретает еще более серьезный характер. Ежегодно государство выделяет огромные средства на развитие образования. Почему для государства образование имеет огромное значение? Из-за чего государство уделяет огромное внимание его развитию? На эти два вопроса существует логический ответ. Практически любое государство стремится к развитию и к тому, чтобы занимать первые позиции на мировом рынке и вследствие этого ставит перед собой различные цели, достижение которых поможет вывести государство на лидирующую позицию. Одной из целей, является повышение грамотности и образованности населения, ведь судьба любого государства зависит от состояния системы образования.

Ключевые слова: образование, система образования, государственное управление, проблемы, перспективы.

Проблема образования актуальна для современного общества. Образование – область, пронизывающая все сферы жизни. От того, какое состояние образования зависит будущее России, экономический статус, уровень благосостояния в обществе, а также образование представляет собой одну из наиболее существенных гарантий региональной, международной и национальной безопасности. Ежегодно государство финансирует сферу образования, развивает приоритетные направления.

С каждым годом усложняются модели управления, используемые технологии, которые ставят сферу образования на ступень выше, чем предыдущие. Постепенный переход к вариативной форме предопределил необходимость разработки федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС), которые обеспечивают единство пространства в образовательной системе [6, с. 40].

Основополагающий аспект, который возникает в сфере образования в каждом уголке огромной страны, затрагивает решение проблем, которые направлены на введение государственной политики сферы образования. Она заключается в доступности образования в любом возрасте, повышение его качества и эффективности [7].

Данные проблемы решаются в условиях увеличения численности обучающихся при сокращении средств, выделяемых государством. Большую роль в организации образования и финансировании играет не только само государство, но и непосредственно учебные заведения, семья, наконец, сами ученики. Если все эти структуры и социальные институты будут действовать в едином ключе, то система образования будут действительно с каждым годом крепнуть и развиваться в правильном русле [1, с. 70].

В настоящее время, система образования в России представлена следующими уровнями:

1. Общее образование: дошкольное; начальное; основное; среднее;

2. Профессиональное образование: среднее профессиональное; высшее (бакалавриат); высшее (специалитет, магистратура); высшее (подготовка кадров высшей квалификации);

3. Дополнительное: дополнительное образование детей и взрослых; дополнительное профессиональное образование [10, с. 173].

Данная система обеспечивает возможность получения непрерывного образования в течение всей жизни человека. В то время как, в Великобритании более сложная схема получения образовательных услуг, которая включает в себя огромное разнообразие школ и направлений по возрастным и половым принадлежностям обучающихся.

Система образования является важной сферой любого государства. И эта система во многих случаях решает не только вопросы образования, но и в первую очередь вопросы воспитания гражданина [3, с. 52].

Под государственным управлением в сфере образования представляется целесообразным понимать деятельность органов государственного управления и местного самоуправления, направленную на формирование долгосрочного динамически устойчивого развития системой образования в целях достижения приоритетных задач ее функционирования. Сущность государственного управления сферой образования проявляется в принципах, направлениях и задачах. В содержание управления образованием входят институты, нормативно-правовое регулирование и управленческие воздействия.

Под государственным управлением в сфере образования представляется целесообразным понимать деятельность органов государственного управления и местного самоуправления, направленную на формирование долгосрочного динамически устойчивого развития системой образования в целях достижения приоритетных задач ее функционирования [5, с. 81].

Современная система образования в Российской Федерации, как и во многих развивающихся странах, представлена централизованной моделью. Согласно закону «Об образовании» государственное управление в сфере образования осуществляется в пределах своих полномочий федеральными органами, органами государственной власти субъектов федерации и органами местного самоуправления. Таким образом, государственное регулирование данной отрасли представляет собой федеральный, региональный и местный уровни.

Федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере науки и высшего образования, является Министерство науки и высшего образования РФ [2, с. 70].

Министерство просвещения РФ (Минпросвещения России) является федеральным органом исполнительной власти, реализующим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере общего образования, среднего профессионального образования и соответствующего дополнительного профессионального образования.

Региональное управление осуществляется исполнительными органами субъектов РФ. К таким органам следует отнести министерства, департаменты, главные управления и т.п.

На муниципальном уровне система управления представлена соответствующими органами местного самоуправления. В качестве управляющих органов выступают структурные подразделения администраций муниципальных образований [9, с. 165].

На данный момент проблем в российском образовании немало. Одной из них - это как раз, устаревшая система образования. Происходит смена поколений и приоритетов, развитие информационных технологий, улучшение инфраструктуры, появление новых профессий, т. е. произошел переход от индустриального общества к информационному обществу. Вследствие перехода требуются коренные изменения.

Помимо устаревшей системы образования, выделяют проблему, связанную с излишней теоретической направленности, т. е. теории много, а практики мало. Не предоставляется полной возможности на применение своих теоретических знаний в практической деятельности. Вследствие нехватки практической деятельности у новых сотрудников возникают большие проблемы.

Следующей проблемой, которую можно выделить, является недостаточное финансирование. Как можно получить качественное образование, если не хватает денег на приобретение новейшего оборудования, внедрение новых технологий, на повышение квалификации учителей и преподавателей, а также из-за низкой заработной платы не хватает самих кадров.

Немаловажной является и проблема, которая с каждым годом приобретает все больший характер - это низкий уровень связи между этапами образования. Эта проблема очень актуальна для учеников старшей школы и для первокурсников [8, с. 152].

Для развития и совершенствования управления сферой образования региона, с учетом потребностей неуклонного повышения качества образовательных услуг, предлагаем реализовать мероприятия по таким направлениям, как:

- проведение комплексного аудита состояния региональной системы среднего образования;
- совершенствование организационного и финансового обеспечения управления образованием в регионе (включая развитие организационного ресурса деятельности органов государственной власти в сфере образования; совершенствование форм и методов финансирования среднего образования в регионе);
- построение единой образовательной социокультурной среды образования региона (включая внедрение перспективных социальных технологий; повышение значимости образовательных учреждений в местном социуме);
- совершенствование содержания общего образования и форм организации учебной деятельности в соответствии с требованиями инновационного развития экономики и запросами современного общества; развитие дополнительного образования детей и молодежи);
- совершенствование цифровизации образовательной среды и управления ею;
- развитие кадрового потенциала образовательной среды, включая совершенствование сопротивления организационным изменениям.

Подводя итоги, укажем, что, во-первых, нужно четко оптимизировать саму структуру управления образованием, во-вторых, улучшать систему образования в целом, а не отдельные ее элементы, в-третьих, развивать государственное и муници-

пальное управление, наконец, в-четвертых, совершенствовать остальные сферы общественной жизни: экономическую, культурную и политическую.

Список литературы:

1. Алексеева Е.С., Вольфсон Э.Н. Государственное управление в сфере образования: проблемы и перспективы // Шестой сборник научных статей. Кемерово, 2020. С. 69-72.
2. Балтатарова С.Б. Государственное управление в сфере образования // Молодой ученый. 2020. № 32 (322). С. 69-70.
3. Кириченко Т.С. Пути совершенствования нормативно-правовой базы государственного управления сферой образования // Управление организационно-экономическими системами. Сборник трудов научного семинара студентов и аспирантов института экономики и управления. М., 2020. С. 50-54.
4. Корнилова П.В. Принципы государственного управления в системе образования // Межвузовский сборник статей. Тольятти, 2021. С. 20-22.
5. Мурашев М.А. Перестройка системы государственного управления высшим образованием. Основные тенденции // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2021. № 1 (116). С. 78-83.
6. Понеделина Э.В. Правовые аспекты в области государственного управления образованием // Студенческий вестник. 2020. № 5-1 (103). С. 39-41.
7. Ракша Н.С. Организационно-правовые основы обеспечения права граждан на образование в Российской Федерации: монография. - Курск: ООО «Планета+», 2021. - 142 с.
8. Челебий Р.А., Красноплахтова Л.И. Отечественный и зарубежный опыт государственного управления системой образования // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 2-2 (60). С. 151-153.
9. Черникова Е.А., Иванова Е.Ю. Государственное управление в сфере образования // Державинские чтения. Материалы XXV Всероссийской научно-практической конференции. Отв. редактор Е.А. Колесниченко. 2020. С. 164-168.
10. Шорникова А.В. Актуальные проблемы государственного управления в сфере дошкольного образования // Научный альманах. 2021. № 1-1 (75). С. 171-174.

Pozdnyakova E.V. State administration of education // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 37-40.

The problem of education has been and remains one of the leading problems for modern Russian society. It is spreading with even greater force in our time and is becoming even more serious. Every year, the state allocates huge funds for the development of education. Why is education of great importance for the state? Why does the state pay great attention to its development? There is a logical answer to these two questions. Almost any state strives for development and to occupy the first positions in the world market and, as a result, sets itself various goals, the achievement of which will help to bring the state to a leading position. One of the goals is to increase the literacy and education of the population, because the fate of any state depends on the state of the education system.

Keywords: education, education system, public administration, problems, prospects.

Spisok literatury:

1. Alekseeva E. S., Wolfson E. N. Gosudarstvennoe upravlenie v sfere obrazovaniya: problemy i perspektivy [State management in the field of education: problems and prospects]. Kemerovo, 2020. pp. 69-72.
2. Baltatarova S. B. State management in the field of education. 2020. No. 32 (322). pp. 69-70.
3. Kirichenko T. S. Ways to improve the regulatory framework of state management of the sphere of education // Management of organizational and economic systems. Collection of proceedings of the scientific seminar of students and postgraduates of the Institute of Economics and Management. Moscow, 2020. pp. 50-54.
4. Kornilova P. V. Principles of public administration in the education system // Interuniversity collection of articles. Tolyatti, 2021. p. 20-22.
5. Murashev M. A. Perestroika sistemy gosudarstvennogo administratsii vysshego obrazovaniyu. Basic trends // Humanities and socio-economic sciences. 2021. No. 1 (116). pp. 78-83.
6. Ponedelina E. V. Legal aspects in the field of state management of education // Studencheskiy vestnik. 2020. No. 5-1 (103). pp. 39-41.
7. Raksha N. S. Organizational and legal bases of ensuring the right of citizens to education in the Russian Federation: monograph. - Kursk: Planeta+ LLC, 2021. - 142 p.
8. Chelebiy R. A., Krasnoplakhtova L. I. Domestic and foreign experience of state management of the education system // Economics and Business: theory and practice. 2020. No. 2-2 (60). pp. 151-153.
9. Chernikova E. A., Ivanova E. Yu. State management in the field of education // Derzhavin readings. Materials of the XXV All-Russian Scientific and Practical Conference. Editor-in-chief E. A. Kolesnichenko. 2020. pp. 164-168.
10. Shornikova A.V. Actual problems of public administration in the field of preschool education // Scientific almanac. 2021. No. 1-1 (75). pp. 171-174.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. Ч. 1. – С. 41-53.

УДК 340

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(1)- 41-53

РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОДНОГО ТРАНСПОРТА ФИНЛЯНДИИ В 1914-1915 ГГ.

Рассказов Л. П., Макухин А. А.

В статье указано, что с началом 1-й Мировой войны, кроме общих забот по обороне и сохранению правопорядка в Финляндии, особое внимание уделялось обеспечению регулирования деятельности торгового и промышленного судоходства, поддержанию водных сообщений между различными регионами страны и внешним миром, безопасности путей сообщения и всех заинтересованных сторон. Основное регулирование производилось постановлениями и объявлениями генерал-губернатора Финляндии, местными губернаторами, комендантами крепостей, командующего флотом Балтийского моря, морским министерством посредством дирекции лоцманского и маячного ведомства в Финляндии, общеимперскими законам, принятыми еще до 1914 г. и относящимися различным аспектам жизни страны в военный период, в том числе и деятельности различных видов транспорта.

Ключевые слова: Первая Мировая война, объявления, постановления, предписание, транспорт, движение.

Начало 1-й Мировой войны прервало этап мирного развития не только Европы, но и всего мира. Коснулись эти события и Финляндии, входившей в состав Российской империи.

В настоящем исследовании мы сделаем попытку произвести обзор основных нормативно-правовых актов, кроме международных общегосударственных, изданных в отношении Финляндии в первые годы 1-й Мировой войны.

Очевидно, первым нормативным актом, которые прочитали жители Финляндии после объявления войны, 18 (31) июля 1914 г. стало оповещение коменданта Выборгской крепости населению г. Выборга, крепости и Выборгского крепостного района о объявления крепости на военном положении [1].

Учитывая существенную зависимость Финляндии от морской торговли, не удивительно, что 19 июля (1 авг.) 1914 г. было опубликовано объявление Нюландского Губернатора о порядке навигации в военное время, в которых содержалось правила командующего флотом Балтийского, вступающие в силу в этот же день. Ими предусматривалось, что

1) в темное время, от захода до восхода солнца, в водах пространства, ограниченного берегом материка от места против острова Черхольм до Унг-Зунда и островами Хег-Холм, Дегер-э, Сандхамн (Лагерный), Кунгсхольм, (Михайловский), Бокхольм (Александровский), Комендантский, Госпитальный, Стрелковый, Ключевой и Николаевский – безусловно воспрещалось всякое движение судов и шлюпок;

2) за исполнением этого запрета должны были наблюдать особые охранные суда, имеющие днем треугольный синий флаг, а ночью три красных огня, и крепостные посты в проливах между островами.

Любой приказ такого судна и крепостного поста следовало исполнять беспрекословно;

3) неисполнение приказов охранного судна или крепостного поста и попытка проникнуть в темное время в указанный в п. 1 район могла иметь последствием открытие огня с охранных судов и с крепостных постов;

4) в светлое время, от восхода до захода солнца, движение судов и шлюпок в указанном п. 1 районе, впредь до особого оповещения, разрешалась;

5) подход к военным судам, стоящим на якоре, безусловно запрещался как днем, так и ночью всем частным судам и шлюпкам под угрозой открытия огня;

6) подход с моря к Гельсингфорсу пароходов, парусных, моторных и других судов, а также яхт и шлюпок и выход обратно в море разрешался впредь до отмены лишь в светлое время и исключительно главным входным фарватером мимо лоцваhtы Грохара.

Все шхерные и прочие фарватеры, ведущие к Гельсингфорсу, считались закрытыми до особого оповещения. Однако, чтобы не слишком затруднить условия жизни населения города, командующий флотом разрешил делать исключение только для мелких судов, обслуживающих шхерное население, которым разрешалось лишь в светлое время дня проходить в Гельсингфорс северными мелководными фарватерами;

7) разрешение на вход в Гельсингфорс суда, приходящие с моря, должны были получать с лоцваhtы Грохара, откуда и следовали далее под проводкой лоцмана и по указанию чинов брандваhtы. Суда, следующие из Гельсингформа в море, должны были выходить под проводкой лоцмана с внутренней лоцваhtы и по указаниям чинов внутренней брандваhtы – транспорта «Грозный»;

8) самовольный проход судов, следующих с моря в Гельсингфорс, мимо Грохара, навлекал применение оружия без всякого предупреждения [2].

Лишь 20 июля к делу регулирования жизнедеятельности страны подключился местный генерал губернатор, издав в этот день серию нормативно-правовых актов. Первым из них выделим его объявление «по поводу объявления края на военном положении» [3].

Вторым – объявление «о случаях и порядке подчинения лиц гражданского ведомства ведению военного суда» [4]. Согласно ему, по ст. 17 «Правил о местностях, объявляемых на военном положении» (С. П. Ф. 1909 г. №73), не принадлежащие к составу армии лица гражданского ведомства подлежали военному суду и наказанию по законам военного времени, в том числе, «за умышленное истребление или важное повреждение, в районе театра войны, водопроводов, мостов, плотин, гатей, шлюзов, водоспусков, колодцев, дорог, бродов или иных средств, назначенных для передвижения, переправы, судоходства, предупреждения наводнений, или необходимых для снабжения водою» (пар. 3), а также «за умышленное истребление или важное повреждение служащих там же для правительственного пользования: а) телеграфного, телефонного или иного снаряда, употребляемого для передачи известий, и б) железнодорожного пути, подвижного состава онаго или предостерегательных знаков, установленных для безопасности железнодорожного движения или судоходства...» (пар. 4) [4].

Третьим стало его же обязательное постановление «о воспрещении распространения статей и сообщений, возбуждающих вражду к правительству или общественную тревогу, а также восхваления преступлений и распространения произведений печати, подвергнутых аресту» [5].

В этот же день, т.е. 20 июля (2 августа) 1914 г. жители Финляндии увидели также объявления коменданта Свеаборгской крепости «о объявлении ее на военном положении» [6] и Выборгского губернатора о обязанности рабочих являться на крепостные работы [7, с. 2].

21 июля были изданы объявления Нюландского губернатора по навигации, которым «с объявлением войны всякая навигация по Финскому заливу к западу от Гельсингфорса, по приказу командующего флотом Балтийского моря, совершенно прекращена». Это распоряжение касалось также и восточной части Финского залива, хотя и предусматривало, что в случае необходимости сообщений с Петербургом или портами восточной части Финского залива разрешение о том могло выдаваться «особого каждый раз уведомления» [8]. А также объявление Нюландского Губернатора о привозе бензина, керосина и продуктов продовольствия, которым сообщалось, что все тот же командующий флотом Балтийского моря признал возможным разрешить привоз бензина и керосин, необходимые продукты продовольствия из портов восточной части Финского залива, но с условием чтобы каждый пароход был снабжен пропуском для выхода из Гельсингфорса; при этом необходимо было выходить и входить, как в Гельсингфорс, так и в Кронштадт в районе крепости исключительно в дневное время суток.

Относительно времени выхода каждого отдельного парохода следовало запрашивать разрешения самого командующего [9].

Вполне логичным в контексте военных действий выглядит и обязательное постановление Финляндского генерал-губернатора о торговле огнестрельным оружием, припасами и взрывчатыми веществами от 21 июля (3 августа), практически запрещавшее данную торговлю [10].

Объявление Нюландского Губернатора «о порядке навигации по Финскому заливу» от 23 июля (5 августа) 1914 г. сообщало, что командующий флотом Балтийского моря разрешил свободное плавание по Финскому заливу восточнее меридиана, проходящего через расположенный близ г. Ревеля маяк Кокшер и у Финляндского берега несколько восточнее маяка Грохага. Относительно районов Кронштадтской и Выборгской крепостей при этом было сделано такое исключение, что в первый из них вход допускал только днем, а во второй – по согласованию с Комендантом Выборгской крепости. В любом случае, во все порты рекомендовалось входить по преимуществу днем [11].

Как видим, первые дни военных действий рассеяли опасения руководства относительно серьезных военных действий в Балтийском море и Финском заливе, и регламентация деятельности торгового мореплавания стала «смягчаться».

Так, 24 июля (6 августа) 1914 г. объявлением Нюландского губернатора сообщалось, что для сообщения со Швецией (города Стокгольм и Гевле) командующий флотом Балтийского моря избрал порт Раумо Або-Бьернеборгской губернии [12].

Логическим продолжением этого стало утверждение командующим флотом временных правил движения коммерческих судов в Финском заливе, которыми залив объявлялся закрытым для внешней навигации на время военных действий. В связи с этим все ограждения были сняты, а маяки потушены к западу от меридиана маяка Кокшер.

Оговаривалось, что приходящие же в залив запоздавшие суда, не имевшие сведений о начале войны (еще не на всех судах были радиоустановки), или идущие с

грузом на свой страх и риск, подлежали задержанию круглосуточно со стороны военных судов и направлению в особо установленное место.

Мореплаватели неоднозначно предупреждались, что суда, прошедшие по погодным обстоятельствам незамеченными в залив, рисковали погибнуть на минных заграждениях, или в темное время оказаться расстрелянными орудийным огнем.

До изменения, из всех русских линий, держащих сообщение между Финляндией и Швецией, разрешается сохранить лишь линию от г. Раумо.

Суда, задержанные в портах по объявлении войны, могли быть выпущены только по разрешению Командующего флотом и по направлению, им указанному.

Разрешалась навигация к востоку от линии залива Колковик и Седершер между портами восточной части Финского залива.

Вход в Кронштадт, Выборг, а также при получении особого разрешения в города Ревель и Гельсингфорс разрешался лишь только в светлое время суток.

В случае, если некоторым судам, разрешалось выйти из восточной части Финского залива, они обязывались прийти в бухту Папоквик и следовать далее, по указанию брандвахтенного судна, там находящегося, под проводкой лоцмана.

Совершенно запрещалось любое движение шхерными фарватерами, продольными и поперечными, между Барезундом и входом у маяка Утэ, но в светлое время мелким гребным и парусным шлюпкам позволялось ходить между островами не по фарватерам.

При входе и выходе из шхер от Барезунла до Гельсингфорса продольное движение внутренним мелководным фарватером, для судов, обслуживающих местное шхерное население, исключительно днем, разрешалось согласно указаниям, данным директору лоцманского и маячного ведомства в Финляндии и начальнику шхерного района.

В шхерах же к востоку от Гельсингфорса продольное движение разрешалось также лишь для судов, поддерживающих местное сообщение для шхерного населения – исключительно в светлое время.

И, наконец, транзитное движение с востока до разрешенного меридиана – Колковик – Седершер и обратно – разрешалось заливом, а не шхерами [13].

Следующим в деле регламентации деятельности торгового флота в условиях войны стало объявление Нюландского губернатора о распоряжении командующего флотом относительно входа и выхода в Балтийский порт судов дружественных России держав от 29 июля (11 августа) 1914 г.

Им, все суда дружественных России держав получили право свободного входа в Балтийский порт и выхода оттуда; в этом порту указанные суда должны были следовать распоряжениям портового начальства. В Балтийском заливе вход и выход таким судам был свободен, но за исключением Аландских шхер. Вход и выход предусматривался лишь в светлое время дня.

Всем судам, нагруженным углем, селитрой и цементом, следовало направляться лишь в Балтийский порт.

Предписывалось судам дружественных России стран не чинить никаких препятствий, по прибытии же таких судов полагалось обязательно осматривать судовые документы, а германские суда следовало задерживать до прибытия военной команды [14].

Неизбежной мерой в начале войны стало введение правил о реквизиции для нужд флота принадлежащих финляндским гражданам судов, приписанных в портах Финляндии, опубликованное 30 июля / 12 августа 1914 г.

В них указывалось, что:

1) военно-судовая повинность по закону 28 июля 1914 г. не распространялась на финских граждан (мелкие суда), однако на основании ст. 42 кн. 10 Свода Морских Постановлений, все приписанные к портам ВКФ плавучие средства, принадлежащие финляндским гражданам, подлежали реквизиции по распоряжению командующего флотом Балтийского моря;

2) плавучие средства принимались комиссией, назначенной по распоряжению того же командующего;

3) плавучие средства, которые комиссия признавала нужными для флота, принимались по инвентарям, которые составляли в двух экземплярах владельцами этих плавучих средств. Один экземпляр, за подписью владельца передавался комиссии, другой же экземпляр за подписью комиссии оставался у владельца, которому выдавалось комиссией также удостоверение о приеме от него судна;

4) при приеме плавсредств требовалось указание года постройки и первоначальной стоимости принимаемого имущества;

5) о принятии судна реквизиционная комиссия должна была сообщить начальнику, в распоряжение которого назначалось судно, после чего он принимал судно в свое распоряжение;

6) команды судов, принятых по реквизиции, изъявившие желание остаться на службе на судне, могли быть оставлены на усмотрение его нового начальника;

7) с лицами, остающимися на службе, начальнику следовало заключать контракты установленного образца, в которых указывались права и обязанности оставшегося на службе;

8) При этом лица, остающиеся на службе морского ведомства, получали: а) содержание по соглашению, но во всяком случае не более оклада в размере получаемого ими ранее содержания плюс 50%; б) в случае смерти семья получала пенсию в размере 50% от получаемого полностью содержания в мирное время; в) при получении увечья – вознаграждение выдавалось из полного оклада в мирное время по нормам, установленным для чинов морского ведомства, соответственно потере трудоспособности пострадавших;

9) удовлетворение денежным довольствием вольнонаемных служащих судового состава, оставшихся на службе, производилось ежемесячно и лежало на обязанности начальника, в распоряжение которого поступило судно; обеспечение же низших служащих пищевым довольствием следовало производить на общих основаниях с нижними чинами морского ведомства;

10) вознаграждение хозяину судна, поступившего в собственность морского ведомства, а также вознаграждение за временное пользование судном, определялось междуведомственной оценочной комиссией, которая руководствовалась при этом законом о военно-судовой повинности от 10 июля 1914 г.;

11) расчет, причитающегося владельцу вознаграждения, следовало составить в месячный срок со дня перехода имущества в ведение морского ведомства;

12) при обращении имущества в собственность морского ведомства, выдачу вознаграждения следовало произвести в течение 1 месяца со дня составления расчета, в

случае же обращения во временное распоряжение, первая выдача производилась в тот же срок, а последующие – немедленно по истечении каждого месяца пользования, а платеж на срок меньше месяца производился по расчету дней.

Если же определение размера причитающегося вознаграждения было обжаловано в установленном порядке, то владелец удовлетворялся лишь в неоспоренной части, остальное же вознаграждение выдавалось по окончательному разрешению дела;

13) в случае гибели имущества, взятого во временное распоряжение, или такого повреждения, исправление которого признавалось убыточным для казны, владельцы имущества, независимо от пользования им, получали компенсацию «по действительной стоимости погибшего или поврежденного имущества, за вычетом из сей стоимости суммы, уплаченной на погашение оной». При этом в обоих случаях право собственности на имущество переходило к государству;

14) уплата вознаграждения возлагалась на морское министерство из кредита, запрошенного командующим флотом Балтийского моря на реквизицию [15].

31 июля (13 августа) 1914 г. объявлением Выборгского губернатора, идущим из Куопио в Петербург и возвращающимся оттуда нагруженных зерном и мукой судам, позволялось свободно проходить днем через Выборг, по предоставлении необходимых документов [16, с. 3].

3(16) августа 1914 г. С согласия коменданта выборгской крепости выборгский губернатор объявил о разрешении беспрепятственного движения по Сайменскому каналу. Буксирное движение баржей с лесом допускалось по каналу с осадкой в 8,5 футов, лес же, не нагруженный на барки, а сплавляемый на плотках не позволялось пропускать для прохода под железнодорожным мостом [17, с. 3].

7 (20) августа 1914 г. было опубликовано очередное объявление Нюландского Губернатора о временных правилах движения коммерческих судов в Финском заливе. В нем указывалось, что из-за изменившихся обстоятельств, объявление от 29 июля (11 августа) 1914 г. более не действовало и движение судов в дальнейшем должно производиться исключительно на точном соответствии «Временных правил движения коммерческих судов в Финском заливе» 29 июля (5 августа) 1914 г. утвержденных командующим флотом Балтийского моря [18].

18 (31) августа 1914 г. были опубликованы временные правила движения коммерческих судов по русскому побережью Ботнического залива и в шхерах Або-Аландского района. Им устанавливалось, что: 1) российское побережье Ботнического залива закрыто для навигации; все маяки потушены и ограждения сняты (циркуляр ГГУ №417 от 21 июля 1914 г.); 2) связь водным путем с Швецией, впредь до изменения, следовало производить только через порт Раумо; 3) суда нейтральных держав, задержанные с объявлением войны в портах Ботнического залива, могли выпускаться в море; 4) продольное движение внутренними шхерными фарватерами, по восточному берегу Ботнического залива, а также второстепенными внутренними фарватерами Або-Аландского района, для мелких судов, обслуживающих потребности местного населения, разрешалось, но снятые ограждения не восстанавливались; 5) в Або-Аландском районе, кроме того, движение судов ночью запрещалось, так как, при встрече в темное время с военным судном, возникал риск потопления от военных судов без предупреждения; 6) также полностью запрещалось движение по таким фарватерами от Або (и обратно): а) на Гангрудд – через Юнгфруаунд, через Фиибо или иными путями; б) на Ут-э (через Стура Шифтет); в) на Стура

Сотунгэ – через Стукура Шифтет; d) на Ботнический залив – через Оуотсалайс и Люпертэ; е) из Мариенамиа в открытое море и обратно [19].

20 сентября (3 октября) 1914 г. вышло объявление Нюландского губернатора о порядке о порядке следования на Кронштадтском рейде, в котором указано:

1) на Кронштадтский рейд разрешалось следовать только тем парусным судам и паровым лайбам¹, которые подошли к брандвахтенному кораблю (на меридиан м. Шепелева) не позже как за три часа до захода солнца;

2) все парусные лайбы, подошедшие позже этого времени, или ранее, но в свежую погоду, когда трудно было взять их на буксир, должны были уходить в море и держаться там до рассвета, и

3) владельцы лайб должны сами заниматься наймом буксирных судов, которые могли бы проводить их через охраняемый район, так как не все лоцвахтенные суда могли брать на буксир парусные лайбы [20].

29 сентября (12 октября) 1914 г. опубликовано очередное объявление Нюландского губернатора от коменданта Свеаборгской о запрете приближаться лодкам, как паровым и парусным, так и гребным, при следовании в г. Гельсингфорс или обратно, к военным судам, стоящим на внутреннем рейде, ближе 100 сажен, или проходить между ними [21].

4 (17) октября 1914 г., в связи с установкой мин, вышел в объявлении финляндского генерал-губернатора запрет входа в Финский и Рижский заливы коммерческим и парусным судам с момента выхода объявления [22]; 11 (24) октября 1914 г. – объявление Нюландского губернатора о запрете плавания в районе острова Рюшерю на расстоянии одного километра [23]; из-за постановки мин 16 (29) октября 1914 г. опубликовано объявление финляндского генерал-губернатора о запрете коммерческим и парусным судам входа и выхода в прибрежные воды Аландского архипелага [24]. 27 октября (9 ноября 1914 г.), без объявления причин – объявление губернатора о запрете плавания возле острова Стура-Эншер) [25].

С окончанием навигации публикация подобных решений временно приостановилась, однако уже 14 (37) января 1915 г. вышло объявление начальника штаба командующего флотом о воспрещении лицам подхода к местам расположения военных судов на рейдах. Им предусматривалось, что: вокруг стоянки каждой группы судов была устроена ограда из столбов, установленных во льду и соединенных между собой веревкой или проволокой в два ряда. Каждая такая ограда в плане имела вид четырехугольника, стороны которого отстояли приблизительно на 20-20 сажен от бортов судов, а в каждой ограде были сделаны ворота для прохода внутрь ее, которые охранялись вооруженными часовыми.

Всем посторонним лицам проход внутрь ограды безусловно воспрещался, а нарушение этого запрета могло привести к открытию огня часовыми.

В темное время суток, т.е. от захода солнца до его восхода, никому из посторонних лиц не разрешалось проходить даже и по близости ограды или останавливаться около нее. Все имеющие необходимость ночью проходить мимо судов, должны были строго держаться большой дороги, проходящей мимо огражденных мест. Виновные в нарушении этих требований подвергались административной ответственно-

¹ Лайба (laiva) – деревянные парусные суда, обычно с финским экипажем.

сти «заключение в тюрьме на срок до 3-х месяцев» или денежному штрафу до восьми тысяч финских марок [26].

26 апреля (мая 9) 1915 г. командующим флотом Балтийского моря были утверждены правила движения коммерческих судов в заливах Балтийского моря в 1915 году. Они предусматривали:

– Финский залив. Согласно сообщениям правительства в 1914 г., Финский залив закрыт для внешней навигации, на время военных действий, и плавание по заливу коммерческих судов, к западу от линии Гельсингфорс – Ревель, запрещалось, за исключением мелкого каботажа и рыболовства.

К востоку от линии Седершер – Юминда ограждения на местах маяки действовали (но могут быть погашены без особого предупреждения) и навигация между портами разрешалась днем и ночью для всех судов российского коммерческого флота.

Суда, идущие в Ревель, Гельсингфорс или в местности между этими портами и линией Седершер – Юминда, были обязаны соблюдать следующие условия: на пути в местности южного берега – зайти в бухту Монквик, а в местности северного берега – войти в шхеры у маяка Седершер и идти на рейд Царевна.

Из этих пунктов, по представлении документов брандвахтенному судну и после осмотра, суда проводились, в светлое время дня, в порты назначения или следовали самостоятельно, согласно полученным с брандвахты приказам.

Суда, отпущенные от брандвахты в б. Монквик самостоятельно, в Ревель, должны были подойти вторично к брандвахтенному судну у острова Вульф, для предоставления пропуска предыдущей брандвахты, а затем следовать далее, по указанию с этой брандвахты.

Суда, поддерживающие сообщение между Ревелем и Гельсингфорсом (разрешалось только в светлое время дня), могли идти из Гельсингфорса в Ревель таким путем: в назначенный час, по указанию внутренней брандвахты, шли под проводкой лоцманов шхерами через Седершерский выход к брандвахтенному судну у острова Вульфа (в светлое время) для предъявления пропуска. Обрато из Ревеля, получив разрешение внутренней брандвахты – следовали через Сердешельский выход к брандвахтенному судну на рейде Царевна, откуда были проведены в Гельсингфорс.

В пределах Гельсингфорского наружного рейда движения частных мелких пароходов, моторов и яхт запрещалось; на внутреннем рейде разрешалось лишь в светлое время по указанию охраны рейдов.

В участке шхер от Гельсингфорса (от гавани Сандвик) – до города Экенес – продольное движение для судов, обслуживающих местное шхерное население позволялось лишь днем по внутреннему мелководному фарватеру, согласно указаний и разрешений от дирекции лоции, и маяков в Финляндии. Такие же указания и разрешения, для плавания по некоторым внутренним фарватерам Абоских и Аландских шхер, выдавались в Або и военно-морским начальством.

В западной части Финляндских и Абоских шхер движение любительских яхт и моторов разрешалось только днем, не выходя в море, в районе, где было разрешено селиться посторонним лицам.

Движение любых судов главными продольными и всеми поперечными шхерными фарватерами от Гельсингфорса до Оландсгофа запрещалось.

Вход в шхеры и выход из них, в восточной части залива, разрешался по фарватерам, идущим в Биеркэ, Питкопас, Аспэ, Оренгрунд и Седершер.

Плавание внутри шхер, по всем фарватерам от Биеркэ до рейла Царевна, разрешалось, причем в Биеркэ и в районе Выборгской крепости – только в светлое время дня, по правилам, объясненным комендантом Выборгской крепости.

Мелкие суда, поддерживающие сообщения шхерами от Гельсингфорса на восток должны были проходить днем Гестнесским каналом, подходя при следовании в Гельсингфорс для опознания к брандвахтенному судну на рейде Царевна.

Суда, идущие в Кронштадт, должны были подходить к брандвахтенному судну, стоящему в 7,5 милях к *wst* от Толбухина маяка, откуда они проводились лоцманами на Кронштадские рейсы, только в светлое время. При выходе из Кронштадта, следовало исполнять требования, установленные местной охраной водных районов. Для входа в Биеркэ, полагалось подходить в светлое время к брандвахтенному судну, от которого далее следовать по указанию.

– Ботнический залив. Несколько портов Ботнического залива были открыты для судов нейтральных держав. Сведения об этих портах и правила входа и выхода из них можно было получить в дирекции лоцманского и маячного ведомства в Финляндии и у комендантов пристаней этих портов.

Продольное движение внутренними шхерными фарватерами, по восточному берегу Ботнического залива, для мелких судов, обслуживающих нужды местного населения, разрешалось днем, на их риск, так как ограждения не были выставлены.

В Ботническом заливе на протяжении западной, северной и северо-восточной части Аландских шхер, до башни Лекэ, запрещалось любое движение главными продольными и всеми поперечными входными фарватерами.

– Рижский залив и Моонзунд. Рижский залив был закрыт для внешней навигации. Навигация в Моонзунде, от параллели маяка Вормса до параллели маяка Лайдунин, допускалась в светлое время суток, а разрешение получалось в управлении коменданта морской крепости императора Петра Великого. Выход судов в море из Моонзунда не разрешался.

И, наконец, устанавливалось, что во всех местностях, закрытых вообще для плавания, коренным жителям островов разрешалось сообщаться между собой и ближайшими пристанями только на мелких гребных и парусных шлюпках и только в светлое время суток.

На восток от меридиана 25° 30' (линия Седершер – Юминда) ловля рыбы допускалась днем и ночью на общих основаниях, однако регулирование плавания и деятельности рыболовных судов регламентировались также детально [28].

Продолжило это регулирование объявление Нюландского губернатора об определении границ рыбной ловли и движения частных судов в районе водного пространства Свеаборгской крепости от 18 (31) мая 1915 г.

Им предписывалось, что рыбная ловля и любое движение каких-бы то ни было судов, во все военное время суток, совершенно запрещалась внутри водного пространства, ограниченного южного пространства оконечностью островов: Седершер, Сиббо-Фагерэ, Трутландет, Торра-Хеста, Рэдхелль, Мэраскрин, Лонгратан, Сварткуббен, Трутхольм, Иенсаари, Хапасаари, Лагерный (Сандхамн), Кунгсгольм, Бокхольм (Александровский), Варшэр, Варгэн, Свартэ, Лонгэрн, Рентан (Харакка) и северной оконечностью следующих островов: Реншер, Мьелкэ и Сегель-Куббъ, а также восточной оконечностью островов: Тора-Леве, Нотгрунд, Кнаппершер, Кютэ, Стура и Лилла Эншеръ, Энкъ-Буске, Стура-Михельшенрь-Хелень и Стура-Михель-

Шерь. После чего граница продолжалась по меридиану на юг до параллели 59° 55' и к востоку до меридиана Серршерь.

К северу от линии указанных островов разрешалась рыбная ловля и движение мелких судов лишь в светлое время суток.

На всем внутреннем Свеаборском рейде и его входах и выходах, любая рыбная ловля безусловно воспрещалась.

При этом, в несоблюдение судами и рыбаками вышеопределенных границ и указаний или же какого-либо сопротивления угрожало им применением обстрела [29].

29 июля (11 августа) 1915 г. было опубликовано распоряжение, предложенное правительствующему сенату министром юстиции, изданное вместо перечня и дополнения к нему, опубликованных в №№203 и 313, отдел 1, «Собрания узаконений и распоряжений Правительства» от 26 июля и 14 ноября 1914 года. Им, кроме прочего, регулировались вопросы:

- о движении коммерческих судов, как русских, так и иностранных, уходящих, прибывающих или направляющихся в русские порты или порты союзных с Россией государств и о передвижении доставляемых в Россию военных грузов, а также о количестве и составе сих грузов;

- о сооружениях, подвижном составе, провозоспособности и техническом состоянии железных дорог, о работах на них, производящихся с целью развития пропускной способности, а также о деятельности по перевозке войск и военных грузов; о постройке новых железных дорог; о нарушении и перерыве нормального железнодорожного движения;

- о состоянии существующих и о сооружении новых грунтовых, шоссейных и водяных путей на театре военных действий и путей, служащих военными дорогами, и о работах, производящихся на них;

- о техническом состоянии разного рода телеграфных и телефонных линий и учреждений на театре военных действий, о числе и направлении упомянутых линий, как военных и морских, так и правительственных, земских и частных, о станциях беспроволочного телеграфа по всей империи, о проведении новых телеграфных и телефонных линий на театре военных действий и о прокладке новых телеграфных кабелей [30].

1 (14) августа 1915 г. было дано объявление Выборгского губернатора о порядке пользования средствами передвижения на реке Сестре, которым владельцам предписывалось иметь особые разрешения; разрешалось доверять свой транспорт лишь близко и лично знакомым; не оставлять его с веслами и прочими съемными приспособлениями; прочно крепить к берегу цепей и замков [31].

И, наконец, 14 (27) октября 1915 г. было опубликовано обязательное постановление Финляндского генерал-губернатора о запрете продажи, отчуждения иным способом и передачи во временное пользование судов за границу.

Им, устанавливалось, что суда, приписанные к русским (финляндским) портам не должны быть продаваемы, отчуждаемы или передаваемы во временное пользование за границу, а также они обязывались возвращаться, при следовании в иностранный порт, в срок в свой порт.

Ответственными лицами при выполнении таких действий признавались судовладельцы, директора акционерных обществ или товариществ, капитаны судов.

При этом виновные в невозвращении судна без уважительной причины, но и без злого умысла присуждались до 3-х месяцев заключения в тюрьме или 8000 марок штрафа, а на такие суда налагался арест с передачей их в казну на все время военного положения [32].

Таким образом, как видим, с началом 1-й Мировой войны, кроме общих забот по обороне и сохранению правопорядка в Финляндии, особое внимание уделялось обеспечению регулирования деятельности торгового и промышленного судоходства, поддержанию водных сообщений между различными регионами страны и внешним миром, безопасности путей сообщения и всех заинтересованных сторон. Основное регулирование производилось постановлениями и объявлениями генерал-губернатора Финляндии, местными губернаторами, комендантами крепостей, командующего флотом Балтийского моря, общеимперскими законам, принятыми еще до 1914 г. и относящимися различным аспектам жизни страны в военный период, в том числе и деятельности различных видов транспорта.

Список литературы:

1. Оповещение Коменданта Выборгской крепости населению города Выборга и Выборгской крепости населению города Выборга и Выборгского крепостного района по поводу объявления крепости на военном положении. 18 (31) июля 1914 г. // Финляндская газета. 1914. №164.
2. Объявление Нюландского Губернатора о порядке навигации в военное время 19 июля (1 авг.) 1914 г. // Финляндская газета. №160.
3. Объявление Финляндского Генерал-Губернатора по поводу объявления края на военном положении. 20 июля (2 августа) 1914 г. // Финляндская газета. 1914 г. №161.
4. Объявление Финляндского Генерал-Губернатора о случаях и порядке подчинения лиц гражданского ведомства ведению военного суда. 20 июля (2 августа) 1914 г. // Финляндская газета. 1914. №161.
5. Обязательное постановление Финляндского Генерал-Губернатора о воспрещении распространения статей и сообщений, возбуждающих вражду к правительству или общественную тревогу, а также восхваления преступлений и распространения произведений печати, подвергнутых аресту. 20 июля (2 августа) // Финляндская газета. 1914. №161.
6. Объявление Коменданта Свеаборгской крепости о объявлении ее на военном положении. 20 июля (2 августа) 1914 г. // Финляндская газета. 1914 г. №160.
7. Объявление Выборгского Губернатора о обязанности рабочих являться на крепостные работы. 20 июля (2 августа) 1914 г. // Финляндская газета. 1914. С. 2
8. Объявление Нюландского Губернатора относительно навигации. 21 июля (3 августа) 1914 г. // Финляндская газета. 1914. №164.
9. Объявление Нюландского Губернатора о привозе бензина, керосина и продуктов продовольствия. 21 июля (3 августа) 1914 г. // Финляндская газета. 1914 г. №164.
10. Обязательное постановление Финляндского Генерал-Губернатора о торговле огнестрельным оружием и припасами, а равно взрывчатыми веществами. 21 июля (3 августа) 1914 г. // Финляндская газета. 1914. №163.
11. Объявление Нюландского Губернатора о порядке навигации по Финскому заливу. 23 июля (5 августа) 1914 г. // Финляндская газета. 1914 г. №165.
12. Объявление Нюландского Губернатора о сообщении морем со Швецией. 24 июля (6 августа) 1914 г. // Финляндская газета. 1914 г. №166.
13. Утвержденные Командующим флотом временные правила движения коммерческих судов в Финском заливе. 24 июля (6 августа) 1914 г. // Финляндская газета. 1914 г. №166.
14. Объявление Нюландского губернатора о распоряжении Командующего флотом относительно входа и выхода в Балтийский порт судов дружественных России держав. 29 июля (11 августа) 1914 г. // Финляндская газета. 1914 г. №171.
15. Правила о реквизиции для нужд флота принадлежащих финляндским гражданам судов, приписанных в портах Великого княжества Финляндского, утвержденные Командующим флотом Балтийского моря. 30 июля (12 августа) 1914 г. // Финляндская газета. 1914 г. №173.
16. Объявление Выборгского губернатора о разрешении судам с зерном и мукой свободного прохода днем через Выборг. 31 июля (13 августа) 1914 г. // Финляндская газета. 1914 г. №178. С.3
17. Объявление Выборгского Губернатора о беспрепятственном сообщении по Сайменскому каналу. 3(16) августа 1914 г. // Финляндская газета. 1914 г. №178.

18. Объявление Нюландского Губернатора о временных правилах движения коммерческих судов в Финском заливе. 7 (20) августа 1914 г. Финляндская газета 1914 №177).
19. Временные правила движения коммерческих судов по русскому побережью Ботнического залива и в шхерах Або-Аландского района. 18 (31) августа 1914 г. // Финляндская газета. 1914 г. №195.
20. Объявление Нюландского Губернатора о порядке следования на Кронштадтском рейде. 20 сентября (3 октября) 1914 г. // Финляндская газета. №123.
22. Объявление Нюландского Губернатора о запрещении приближаться к военным судам. 29 сентября (12 октября) 1914 г. // Финляндская газета, 1914 г. №219.
23. Объявление Финляндского Генерал-Губернатора о запрещении входа в Финский и Рижский заливы коммерческим и парусным судам. 4 (17) октября 1914 г. // Финляндская газета. 1914 г. №222.
24. Объявление Нюландского Губернатора о воспрещении плавания в районе острова Рюшерю 11 (24) октября 1914 г. // Финляндская газета. №229.
25. Объявление Финляндского Генерал-Губернатора о воспрещении коммерческим и парусным судам входа и выхода в прибрежные воды Аландского архипелага. 16 (29) октября 1914 г. // Финляндская газета. 1914 г. №232.
26. Объявление Финляндского Генерал-Губернатора о воспрещении коммерческим и парусным судам входа и выхода в прибрежные воды Аландского архипелага. 16 (29) октября 1914 г. // Финляндская газета. 1914 г. №232.
27. Объявление Начальника Штаба Командующего флотом о воспрещении лицам подхода к местам расположения военных судов на рейдах. 14 (37) января 1915 г. // Финляндская газета. №10.
28. Правила движения коммерческих судов в заливах Балтийского моря в 1915 году. Утверждены Командующим флотом Балтийского моря 26 апреля (мая 9) 1915 г. // Финляндская газета. 1915 г. №93.
29. Объявление Нюландского Губернатора об определении границ рыбной ловли и движения частных судов в районе водного пространства Свеаборгской крепости. 18 (31) мая 1915 г. // Финляндская газета. 1915 г. №106.
30. Распоряжение, предложенное Правительствующему Сенату Министром Юстиции 29 июля (11 августа) 1915 г. Собр. Узак. 1710; собр. Общегос. Зак. №29, с. 1.
31. Объявление Выборгского Губернатора о порядке пользования средствами передвижения на реке Сестре. 1 (14) августа 1915 г. // Финляндская газета. 1915 г. №176.
32. Обязательное постановление Финляндского Генерал-Губернатора о воспрещении продажи, отчуждения иным способом и передачи во временное пользование судов за границу. 14 (27) октября 1915 г. // Финляндская газета. 1915 г. №235.

Rasskazov L. P., Makukhin A. A. Regulation of water transport activities in finland in 1914-1915 // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 41-53.

The article states that since the beginning of the 1st World War, in addition to general concerns about the defense and preservation of law and order in Finland, special attention was paid to ensuring the regulation of commercial and commercial shipping, maintaining water communications between various regions of the country and the outside world, the safety of communication routes and all interested parties. The main regulation was carried out by resolutions and announcements of the Governor-General of Finland, local governors, commandants of fortresses, the commander of the Baltic Sea fleet, the Maritime Ministry through the directorate of the pilot and lighthouse department in Finland, general imperial laws adopted before 1914 and relating to various aspects of the country's life during the war period, including the activities of various types of transport.

Keywords: World War I, announcements, resolutions, regulations, transport, traffic.

Spisok literatury:

1. Opoveshchenie Komendanta Vyborgskoj kreposti naseleniyu goroda Vyborga i Vyborgskoj kreposti naseleniyu goroda Vyborga i Vyborgskogo krepostnogo rajona po povodu ob"yavleniya kreposti na voennom polozhenii. 18 (31) iyulya 1914 g. // Finlyandskaya gazeta. 1914. №164.
2. Ob"yavlenie Nyulandskogo Gubernatora o poryadke navigacii v voennoe vremya 19 iyulya (1 avg.) 1914 g. // Finlyandskaya gazeta. №160.
3. Ob"yavlenie Finlyandskogo General-Gubernatora po povodu ob"yavleniya kraya na voennom polozhenii. 20 iyulya (2 avgusta) 1914 g. // Finlyandskaya gazeta. 1914 g. №161.
4. Ob"yavlenie Finlyandskogo General-Gubernatora o sluchayah i poryadke podchineniya lic grazhdanskogo vedomstva vedeniyu voennogo suda. 20 iyulya (2 avgusta) 1914 g. // Finlyandskaya gazeta. 1914. №161.
5. Obyazatel'noe postanovlenie Finlyandskogo General-Gubernatora o vospreshchenii rasprostraneniya statej i soobshchenij, vzbuzhdayushchih vrazhdu k pravitel'stvu ili obschestvennuyu trevogu, a takzhe voskhvaleniya prestuplenij i rasprostraneniya proizvedenij pechati, podvergnutyh arestu. 20 iyulya (2 avgusta) // Finlyandskaya gazeta. 1914. №161.
6. Ob"yavlenie Komendanta Sveaborgskoj kreposti o ob"yavlenii ee na voennom polozhenii. 20 iyulya (2 avgusta) 1914 g. // Finlyandskaya gazeta. 1914 g. №160.

7. Ob"yavlenie Vyborgskogo Gubernatora o obyazannosti rabochih yavlyat'sya na krepostnye raboty. 20 iyulya (2 avgusta) 1914 g. // Finlyandskaya gazeta. 1914. S. 2
8. Ob"yavlenie Nyulandskogo Gubernatora otnositel'no navigacii. 21 iyulya (3 avgusta) 1914 g. (Finlyandskaya gazeta. 1914. №164.
9. Ob"yavlenie Nyulandskogo Gubernatora o privoze benzina, kerosina i produktov prodovol'stviya. 21 iyulya (3 avgusta) 1914 g. // Finlyandskaya gazeta. 1914 g. №164.
10. Obyazatel'noe postanovlenie Finlyandskogo General-Gubernatora o torgovle ognestrel'nym oruzhiem i pripasami, a ravno vzyrychatymi veshchestvami. 21 iyulya (3 avgusta) 1914 g. // Finlyandskaya gazeta. 1914. №163.
11. Ob"yavlenie Nyulandskogo Gubernatora o poryadke navigacii po Finskomu zalivu. 23 iyulya (5avgusta) 1914 g. // Finlyandskaya gazeta. 1914 g. №165.
12. Ob"yavlenie Nyulandskogo Gubernatora o soobshchenii morem so SHveciej. 24 iyulya (6avgusta) 1914 g. // Finlyandskaya gazeta. 1914 g. №166.
13. Utverzhdennye Komanduyushchim flotom vremennye pravila dvizheniya kommercheskih sudov v Finskom zalive. 24 iyulya (6 avgusta) 1914 g. // Finlyandskaya gazeta. 1914 g. №166.
14. Ob"yavlenie Nyulandskogo gubernatora o rasporyazhenii Komanduyushchego flotom otnositel'no vhoda i vyhoda v Baltijskij port sudov družhestvennyh Rossii derzhav. 29 iyulya (11 avgusta) 1914 g. // Finlyandskaya gazeta. 1914 g. №171.
15. Pravila o rekvizicii dlya nuzhd flota prinadlezhashchih finlyandskim grazhdanam sudov, pripisannyh v portah Velikogo knyazhestva Finlyandskogo, utverzhdennye Komanduyushchim flotom Baltijskogo morya. 30 iyulya (12 avgusta) 1914 g. // Finlyandskaya gazeta. 1914 g. №173.
16. Ob"yavlenie Vyborgskogo gubernatora o razreshenii sudam s zernom i mukoj svobodnogo prohoda dnem cherez Vyborg. 31 iyulya (13 avgusta) 1914 g. // Finlyandskaya gazeta. 1914 g. №178. S.3
17. Ob"yavlenie Vyborgskogo Gubernatora o besprepyatstvennom soobshchenii po Sajmenskomu kanalu. 3(16) avgusta 1914 g. // Finlyandskaya gazeta. 1914 g. №178.
18. Ob"yavlenie Nyulandskogo Gubernatora o vremennyh pravilah dvizheniya kommercheskih sudov v Finskom zalive. 7 (20) avgusta 1914 g. Finlyandskaya gazeta 1914 №177).
19. Vremennye pravila dvizheniya kommercheskih sudov po russkomu poberezh'yu Botnicheskogo zaliva i v shkherah Abo-Alandskogo rajona. 18 (31) avgusta 1914 g. // Finlyandskaya gazeta. 1914 g. №195.
20. Ob"yavlenie Nyulandskogo Gubernatora o poryadke o poryadke sledovaniya na Kronshtadtskom rejde. 20 sentyabrya (3 oktyabrya) 1914 g. // Finlyandskaya gazeta. №123.
22. Ob"yavlenie Nyulandskogo Gubernatora o zapreshchenii priblizhat'sya k voennym sudam. 29 sentyabrya (12 oktyabrya) 1914 g. // Finlyandskaya gazeta, 1914 g. №219.
23. Ob"yavlenie Finlyandskogo General-Gubernatora o zapreshchenii vhoda v Finskij i Rizhskij zalivy kommercheskim i parusnym sudam. 4 (17) oktyabrya 1914 g. // Finlyandskaya gazeta. 1914 g. №222.
24. Ob"yavlenie Nyulandskogo Gubernatora o vospreshchenii plavaniya v rajone ostrova Ryusheryu 11 (24) oktyabrya 1914 g. // Finlyandskaya gazeta. №229.
25. Ob"yavlenie Finlyandskogo General-Gubernatora o vospreshchenii kommercheskim i parusnym sudam vhoda i vyhoda v pribrezhnye vody Alandskogo arhipelaga. 16 (29) oktyabrya 1914 g. // Finlyandskaya gazeta. 1914 g. №232.
26. Ob"yavlenie Finlyandskogo General-Gubernatora o vospreshchenii kommercheskim i parusnym sudam vhoda i vyhoda v pribrezhnye vody Alandskogo arhipelaga. 16 (29) oktyabrya 1914 g. // Finlyandskaya gazeta. 1914 g. №232.
27. Ob"yavlenie Nachal'nika SHtaba Komanduyushchego flotom o vospreshchenii licam podhoda k mestam raspolzheniya voennyh sudov na rejdah. 14 (37) yanvarya 1915 g. // Finlyandskaya gazeta. №10.
28. Pravila dvizheniya kommercheskih sudov v zalivah Baltijskogo morya v 1915 godu. Utverzhdeny Komanduyushchim flotom Baltijskogo morya 26 aprelya (maya 9) 1915 g. // Finlyandskaya gazeta. 1915 g. №93.
29. Ob"yavlenie Nyulandskogo Gubernatora ob opredelenii granic rybnoj lovli i dvizheniya chastnyh sudov v rajone vodnogo prostranstva Sveaborgskoj kreposti. 18 (31) maya 1915 g. // Finlyandskaya gazeta. 1915 g. №106.
30. Rasporyazhenie, predlozhennoe Pravitel'stvuyushchemu Senatu Ministrom YUsticii 29 iyulya (11 avgusta) 1915 g. *Sobr. Uzak. 1710; sobr. Obshchegos. Zak. №29, s. 1.*
31. Ob"yavlenie Vyborgskogo Gubernatora o poryadke pol'zovaniya sredstvami peredvizheniya na reke Sestre. 1 (14) avgusta 1915 g. // Finlyandskaya gazeta. 1915 g. №176.
32. Obyazatel'noe postanovlenie Finlyandskogo General-Gubernatora o vospreshchenii prodazhi, otchuzhdeniya inym sposobom i peredachi vo vremennoe pol'zovanie sudov za granicu. 14 (27) oktyabrya 1915 g. // Finlyandskaya gazeta. 1915 g. №235.

УДК 342.56

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(1)- 54-59

СТАНОВЛЕНИЕ ТОРГОВОГО СУДА В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Рассказов В. Л., Аутлева Р. В.

Кубанский государственный аграрный университет

В статье освещается процесс становления торговых судов в Древней Руси. Отмечается, что потребность в институте судебного разбирательства хозяйственных споров возникла вместе с развитием торговых отношений, развившихся в дальнейшем в более широкие экономические отношения. Раскрываются нормы, содержащиеся в Русской Правде, в Двинской уставной грамоте, Новгородской судной грамоте и других правовых актах, которые определенным образом регулируют торговые отношения, в том числе вопросы разрешения торговых споров.

Ключевые слова: Русь, судебное разбирательство, торговые споры, Русская правда, Двинская уставная грамота, суд, Новгородская судная грамота.

Судебное разбирательство торговых (коммерческих, хозяйственных, экономических) споров в России своими истоками уходит в историю судов вообще. Впервые в российском законодательстве термин суд появляется в Уставе князя Владимира Святославовича «О десятинах, судах и людях церковных». До настоящего времени более позднего источника с упоминанием о судах не найдено, поэтому образование суда на Руси, как учреждения правосудия, можно считать с начала XI века.

Стоит отметить, что на становление древнерусского права повлияло принятие христианства, так же важную роль сыграли расширения связей с скандинавскими и западными странами, усилилась влияние их культуры, в том числе и правовой.

Одним из известных источников права на Руси является Русская правда, в которую входили княжеские грамоты, церковные практики, договоры и т.д.

В дальнейшем содержание Русской Правды дополнялось новыми источниками права, в их числе появляются и правовые акты, которые определенным образом регулируют торговые отношения, в том числе вопросы разрешения торговых споров. Речь идет об уставной грамоте, данной новгородским князем купцам одного из района Новгородского княжества в первой половине XII в. [3, Т.1, с. 78.]. Этим документом предусматривается решение возникающих споров между ними самими купцами. Регламентировался и состав суда. Однако каких-либо более подробных процессуальных аспектов документ не содержит [4, с. 2.].

Стоит отметить, что потребность в институте судебного разбирательства хозяйственных споров возникла вместе с развитием торговых отношений, развившихся в дальнейшем в более широкие экономические отношения. При этом, на начальном этапе становления рассматриваемого института речь больше шла не о государственном судебном учреждении, а, выражаясь современной терминологией, о третейских судах. Скудность источников по данной проблематике в рассматриваемый период не позволяет более подробно исследовать сам процесс рассмотрения торговых споров, определить правовой статус

участников судебного разбирательства, принципы формирования доказательственной базы и т.д.

Тем не менее, сам факт того, что в XII в. уже проявляются элементы судебного разбирательства, позволяет говорить о востребованности субъектов торговых отношений в такой форме решения спорных ситуаций. Кроме того, очень важным представляется упоминание о смешанном составе суда – он не являлся чисто государственной структурой, и представлял собой сочетание представителей власти и купеческой корпорации, то есть, пользуясь более поздней терминологией, это был своеобразный симбиоз государственного арбитража и третейского суда, которые позже станут развиваться по самостоятельным направлениям. Следовательно, можно говорить, что экономическая ситуация того времени уже сформировала истоки этих основных форм судебного разбирательства хозяйственных (торговых) споров [13, № 3, с. 31.].

Вместе с тем, новгородская земля, как известно, в экономическом плане была более развита, чем иные феодальные княжества. Поэтому наличие в то время такого рода судов на другой территории страны вряд ли имело место – имеющиеся памятники права и другие источники не позволяют утвердительно отвечать на этот вопрос. Однако, как нам представляется, фактически, вероятно, какие-то нормы при разрешении споров уже формировались, поскольку бесспорно, что торговые отношения в Древней Руси развивались довольно активно. Если вернуться к Новгороду, то следует заметить, что там, в интересующем нас аспекте, сильное влияние оказало немецкое право. Уже с XII в. в немецких землях функционировали специальные судьи по торговым делам, которых именовали ратманами [7, с. 273]. При этом судьи чаще всего избирались из своей среды.

По мнению Т.В. Кашаниной, в тот период (XII-XIII вв.) в Западной Европе «выкристаллизовались» и процессуальные нормы-принципы при разрешении торговых споров, в числе которых: недопущение самосуда; объективность доказательств (бухгалтерские книги, купеческие счета, свидетельства показания и др.); краткосрочность судебного разбирательства, что вытекало из характера самой торговой деятельности (было принято разбирать торговые споры в день их возникновения); неформальность судебного разбирательства (тогда еще не требовалось подавать письменные жалобы, не поощрялись прения сторон, отвергалось апелляционное производство) [7, С. 274]. Основной санкцией, которая применялась к нарушителю, была денежная пеня. Однако в случае злостного неплатежа долга у виновного конфисковывалось имущество и даже предусматривались меры, обращенные к личности должника – его арест, при этом содержание в неволе возлагалось, как правило, на кредитора [7, с. 274].

Однако в России такого уровня регулирование торговых споров появится значительно позже. Тем не менее, и в Древней Руси уже с XIII в. начинают формироваться нормы, которые можно считать истоками судебно-процессуального права вообще и хозяйственно-процессуального в частности. Об этом свидетельствуют, прежде всего, сведения о договорах русских и иностранных городов, а также проведенные исследования новгородских берестяных грамот. Так, в договоре Смоленска с Ригею и Готландом 1229 г. предусматривается возможность мирового соглашения истца и ответчика, которое должно было заключаться в присутствии свидетелей: «Которая си тяжа будет сужена ... или урядили будут

добрые мужи, более же не поминати того» [9, С. 372]. Веком спустя датируется «мировая», составленная без обращения в суд в присутствии «рядцев» и «послухов» [2, с. 279]. Получает распространение институт представительства. Так, в одной из берестяных новгородских грамот выявлена запись некой Анны, которая просит своего брата Климята представлять ее интересы в судебной тяжбе: «вступишь за меня перед Коснятиным в моем деле» [6, с. 345].

Если иметь в виду Двинскую уставную грамоту (конец XIV в.), то регулирование судебных вопросов в ней в целом сходно с нормами Русской Правды, однако многие из них отрегулированы более подробно [1, с. 306]. Истец должен был бить челом княжескому наместнику, чтобы тот рассудил его с ответчиком. Если последний, извещенный о дате суда слугой наместника (дворянином) или подвойским (выборным от земщины), не являлся в срок на судебное разбирательство, то он считался проигравшим дело, а истец получал правую бессудную грамоту. Расходы на судебное разбирательство оплачивались в виде разного рода пошлин: 1) наместнику или судье с виновного от рубля до полтины; 2) подвойскому и дворянину за вызов в суд – размер ее определялся в зависимости от расстояния, которое нужно было преодолеть; 3) наместнику за печать; 4) дьяку за письмо.

В Псковской судной грамоте (вторая половина XIV в.), вобравшей в себя процессуальные нормы актов, изданных псковскими князьями в разное время [10, с. 25-39], процессуальные вопросы находят значительно более подробное и более совершенное закрепление (однако законодатель по-прежнему не выделяет хозяйственные споры в качестве предмета особого процессуального рассмотрения). Так, согласно ст. 93 добавляется пошлина за наложение оков (желез) на скрывающегося ответчика.

В рассматриваемом памятнике русского права И.Д. Беляев выделяет пять видов судов. Экономические дела рассматривал суд псковских выборных, а по пригородам суд пригородских посадников и старост. Обращает на себя внимание некоторые процессуальные особенности. Так, решение суда было окончательным.

В Грамоте значительно подробнее, чем ранее, регулируется процессуальный порядок производства суда. Так, суд начинался жалобой или челобитьем истца (мы не рассматриваем специфику уголовно-процессуальных норм). Усиливались требования, если пользоваться современной терминологией, к надлежащему извещению ответчика – «позывница» писалась княжеским писцом и к ней прикладывалась княжеская печать. После этого позовник отправлялся в то место, где жил ответчик, и там, у церкви перед священником и всем народом прочитывал ее. Туда же приглашался и ответчик, но его присутствие при чтении не было обязательным. Однако если ответчик не являлся по первому вызову, то на пятый день по истечении назначенного ответчику срока истец мог просить второй позывницы, и в этом случае приставы сразу вели ответчика в суд; если последний сопротивлялся, то он подлежал за это уголовному суду. Если же ответчик по первому вызову скрывался, то истцу вручалась бессудная правая грамота, то есть он считался выигравшим дело. В самом судебном заседании должны были участвовать истец и ответчик лично. В некоторых случаях (когда истцом или ответчиком были женщина, малолетний, черница, старый, больной и т.д.) допускалось доверительство в лице пособников или стряпчих, однако для торговых споров это,

видимо, не относилось, поскольку вряд ли можно предположить, что хозяйствующие субъекты (купцы) были не в состоянии сами защищать свои интересы в суде.

Согласно Псковской судной грамоте доказательства, представляемые в суд, различались в зависимости от характера рассматриваемого дела. Так, при разрешении земельных споров силу имели следующие из них: 1) показания старожил и окольных людей; 2) межевые знаки; 3) грамоты на право владения; 4) крестное целование; 5) судебные поединки или поле (этот вид доказательства истец и ответчик могли реализовать только через своих представителей).

В Новгородской судной грамоте (вторая половина XV в.) интересующие нас вопросы регулируются аналогичным образом. Несколько подробнее отрегулирован, в частности, порядок вызова ответчика. В этом документе разделение права на публичное и частное имеет более выраженный характер, поэтому, например, по имущественным спорам издержки на «позовников» возлагались на истца, а в случае совершения преступления (татьба, убийство, грабеж, разбой, бегство холопа) суд брал на себя вызов ответчика, правда, предварительно с истца бралась присяга в том, что на суде он обвинит ответчика законно. Грамота конкретизирует сроки рассмотрения дел в зависимости от их характера. Так, дела, связанные со спорами по поводу земельного владения, должны были быть завершены в суде в течение двух месяцев, во всех остальных случаях давался месячный срок. Однако фактически дела рассматривались медленнее из-за неявки свидетелей или по другим причинам.

Еще одна особенность судебного процесса заключалась в том, что каждый судья (таковым могли быть посадник, тысяцкий, владычный наместник) имел своих «тиунов», которые производили предварительное рассмотрение дела и собирали необходимые документы. В частности, они должны были собрать и сличить показания свидетелей, изучить грамоты и другие представленные доказательства, занести дело в особую грамоту – в так называемый «судный список». После этого тиун вместе с тяжущимися являлся перед судьей, который и решал дело по существу [1, С. 328]. Вполне можно предположить, что судья основывал свое решение не столько на подробном изучении всех обстоятельств дела, сколько на предложениях своего помощника-тиуна, поскольку и у посадника, и у тысяцкого было достаточно хлопот, выражаясь по-современному, по основному месту работы. Заметим еще, что судья перед рассмотрением дела должен был давать присягу «на грамоте в том, что будет судить вправду». После вынесения решения такое тиуном должно было быть записано, и к нему должны были приложить свои печати не только тиун, но и «судьи» от тяжущихся сторон (то есть их поверенные, или адвокаты).

Мы можем предположить также, что Новгородская судная грамота содержала и другие нормы, регулирующие рассмотрение судебных споров, в том числе в торговой сфере, но, как известно, этот документ дошел до нас не полностью. Однако с большой долей вероятности можно говорить о том, что многие положения Новгородской судной грамоты нашли отражение в Судебнике 1497 г. [12, Т. 2, с. 54-62], который позволяет выявить особенности судебного разбирательства экономических споров в конце XV в.

Следует отметить, что в XIV – XV вв. в России функционируют «смесные» или «обчие» суды [11, с. 173]. В их компетенцию входили и торговые споры, однако только те из них, которые затрагивали экономические интересы сопредельных княжеств. Так, в 1398 г. Великий князь Московский Василий Дмитриевич и удельные князья Владимир Андреевич и Юрий Дмитриевич заключили с великим князем Тверским Михаилом Александровичем договор, по которому рассмотрение споров должно было осуществляться так: «судить меж нас обчий суд людям старейшим, и целовать крест, а суженного не посужати» [8, с. 27]. В дальнейшем, по достижении централизации Русского государства «смесные» суды стали представлять собой суды для рассмотрения дел спорящихся ведомств [5, с. 159].

Опуская общую характеристику Судебника 1497 г. заметим лишь, что этот процессуальный кодекс не содержал указаний на привилегии каких-либо сословий при рассмотрении любых категорий дел – при том, однако, что сами сословия уже существовали и находили закрепление в различных правовых актах, в том числе и в самом судебнике. И таким образом, как мы полагаем, в России в целом вслед за Новгородом и Псковом были привнесены внесословные принципы отправления судебных споров (как будет показано, в дальнейшем сословность окажет влияние на процесс отправления правосудия, однако в отношении торговых дел она коснется в наименьшей степени).

Стоит отметить выделение «недельщика» как должностного лица, который непосредственно вызывает в суд. При этом, в отличие от Псковской судной грамоты, пристав («недельщик») вручает грамоту ответчику, а не читает ее у церкви, то есть существенно меняется вопрос о том, какое извещение ответчика, пользуясь современной терминологией, считать надлежащим. При этом возможность уклонения от вызова в суд не предусматривается.

Список литературы:

1. Беляев И.Д. История русского законодательства. СПб., 1999. С. 306.
2. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М., Л., 1949.
3. Грамота Новгородского князя Всеволода в Русских Достопамятностях. М., 1901.
4. Демченко Г.В. Из истории судоустройства в Древней России. Варшава, 1909.
5. Дмитриев Ф.М. История судебных инстанций. М., 1859.
6. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1995.
7. Кашанина Т.В. Происхождение государства и права: современные трактовки и новые подходы. М.: Юрист, 1999.
8. Ланге Н. Древние русские смесные или вобчие суды. М., 1882.
9. Памятники русского права. Вып.2. М., 1952.
10. Псковская судная грамота // Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период. М.: Юридическая литература, 1990.
11. Рассказов Л.П., Рассказов В.Л., Сирица И.В. / Уголовный сыск Российской империи: монография, Краснодар, 2018.
12. Судебник 1497 г. // Российское законодательство X-XX веков. М.: Юридическая литература, 1985.
13. Трехсвоякова О. Третейские суды в России: от Дмитрия Донского до наших дней // Третейский суд и земельная реформа: Информационный бюллетень. Ростов-на-Дону, 1998.

Rasskazov V. L., Autleva R. V. Formation of the merchant court in Ancient Russia // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 54-59.

The article highlights the process of formation of merchant courts in Ancient Russia. It is noted that the need for the institution of judicial proceedings of economic disputes arose along with the development of trade relations, which later developed into broader economic relations. The article reveals the norms contained in

Russian Pravda, the Dvina Charter, the Novgorod court Charter, and other legal acts that regulate trade relations in a certain way, including issues of resolving trade disputes.

Keywords: Rus, court proceedings, commercial disputes, Russian Pravda, Dvina Charter, court, Novgorod court Charter.

Spisok literaturey:

1. Belyaev I. D. History of Russian legislation. St. Petersburg, 1999. p. 306.
2. Letters of Veliky Novgorod and Pskov. M., L., 1949.
3. The letter of the Novgorod Prince Vsevolod in Russian Memorabilia. M., 1901.
4. Demchenko G. V. From the history of the judicial system in Ancient Russia. Warsaw, 1909.
5. Dmitriev F. M. The history of judicial instances. M., 1859.
6. Zaliznyak A. A. Drevnenovgorodsky dialect. M., 1995.
7. Kashanina T. V. The origin of state and law: modern interpretations and new approaches. M.: Lawyer, 1999.
8. Lange N. Ancient Russian mixed or vobchie courts. M., 1882.
9. Monuments of Russian law. Issue 2. M. 1952.
10. Pskov sudnaya gramota // Anthology on the history of the state and law of the USSR. Pre-October period. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1990.
11. Rasskazov L. P., Rasskazov V. L., Siritsa I. V. / Criminal investigation of the Russian Empire: monograph, Krasnodar, 2018.
12. Sudebnik 1497 // Russian legislation of the X-XX centuries. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1985.
13. Trekhsvoyakova O. Arbitration courts in Russia: from Dmitry Donskoy to the present day // Arbitration Court and land reform: Information bulletin. Rostov-on-Don, 1998.

УДК 34.01

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(1)- 60-66

**ИНСТИТУТ ХОЗРАСЧЕТА В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ:
ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ
РЕГУЛИРОВАНИЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ ПЕРИОДА «ЗАСТОЯ»
(РУБЕЖ 1980 ГОДА)**

Рассказов Л. П., Упоров И. В., Рассказов В. Л.

Кубанский государственный аграрный университет

В статье раскрываются теоретические аспекты и политико-правовые особенности развития института хозяйственного расчета в советской экономике на завершающем этапе периода «застоя» (вторая половина 1970-х – начало 1980-х гг.). Отмечается, к этому рубежу в СССР в течение полутора десятилетий осуществлялись «косыгинские реформы», где хозрасчету уделялось повышенное внимание. Однако в рамках плановой социалистической экономики этот принцип так и не дал ожидаемого эффекта, а пойти на кардинальные изменения (внедрение элементов рыночных отношений) руководство страны не решилось. В результате период «застоя» сменился относительно непродолжительной «перестройкой», обрушением экономики и распадом СССР.

Ключевые слова: хозрасчет, экономика, предприятие, «косыгинские реформы», государство, хозяйствующие субъекты, закон.

После октябрьской революции 1917 г. советская экономика длительный период развивалась на основе экстенсивного метода, и прежде всего за счет мобилизации трудовых ресурсов, и использованием административного способа регулирования экономических отношений, соответственно нормы гражданского и трудового права в сфере экономики занимали далеко не главное место. В довоенный период такой подход советского государства отчасти объясняется необходимостью укрепления обороноспособности страны в преддверии надвигавшихся угроз германского фашизма, а в более широком плане – политики-идеологическими установками большевиков на огосударствление экономики; в послевоенный период причина была очевидной – восстановление разрушенного войной народного хозяйства. Однако затем экстенсивные методы стали себя исчерпывать, поскольку не позволяли последовательно повышать уровень жизни советских граждан. По инициативе первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева была предпринята попытка создать совнархозы, организационно разграничить промышленные и сельские обкомы КПСС, но такая реорганизация лишь еще больше понизила эффективность экономики. И тогда с 1965 г., уже при новом генсеке Л.И. Брежнев, были запущены «косыгинские реформы» (под кураторством председателя СМ СССР А.Н. Косыгина), где основным методом объявлялся хозрасчет основных звеньев экономики – предприятий и объединений, соответственно активно стало развиваться хозяйственное право, поскольку именно отрасль права стала ведущей в регулировании государственной экономики СССР – такое положение хозяйственного права было определено специальным Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР, в котором, в частности, указывалось, что хозяйственное законодательство «должно обеспечивать четкое функционирование всех звеньев хозяйственного механизма, правильное соотношение прав и ответ-

ственности на всех уровнях управления народным хозяйством, всемерное развитие инициативы министерств и ведомств, а также объединений, предприятий и других хозяйственных организаций, расширение хозрасчетных отношений, повышение роли хозяйственных договоров, дальнейшее укрепление социалистической законности и государственной дисциплины» [1].

Вместе с тем нужно заметить, что хозрасчет отнюдь не являлся чужеродным элементом в советской экономике, в частности, этот метод по определению был основным для индивидуальных предпринимателей в годы новой экономической политики (1920-е гг.), а позже и в деятельности хозяйствующих субъектов негосударственного сектора, и прежде всего колхозов, разного рода артелей и кооперативов, поскольку огосударствление социалистической экономики не имело абсолютного характера, несмотря на однозначно решающую роль государства в ее регулировании. Более того, и на государственных предприятиях советская также пыталась внедрять хозрасчет, и на этот счет В.И. Ленин в 1921 г. высказался довольно четко: «Пролетарское государство должно стать осторожным, рачительным, умелым хозяином, исправным оптовым купцом, – иначе оно мелкокрестьянскую страну не может экономически поставить на ноги, иного перехода к коммунизму сейчас, в данных условиях, рядом с капиталистическим (пока еще капиталистическим) Западом, нет. Оптовый купец, это как будто бы экономический тип, как небо от земли далекий от коммунизма. Но это одно из таких именно противоречий, которое в живой жизни ведет от мелкого крестьянского хозяйства через государственный капитализм к социализму. Личная заинтересованность поднимает производство; нам нужно увеличение производства прежде всего и во что бы то ни стало» [2].

Однако концепция «государственного капитализма» после смерти Ленина советской властью допускалась только для мелких хозяйств (в рамках новой экономической политики), и совершенно не касалась крупных предприятий, то есть основного звена экономики, а позже, с переходом к индустриализации известными методами принуждения, ничего общего не имевшие с хозрасчетом, о личной заинтересованности работников речь шла разве что в политико-идеологической риторике. И только с началом отмеченных выше «косыгинских реформ», старт которым было дано решением сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС [3], категория хозрасчета применительно к макроэкономике стала, наконец, выдвигаться на передний план. Стали появляться научные работы по исследованию различных аспектов внедрения хозрасчета в советской социалистической экономике. Это касалось и науки хозяйственного права. В целом это процесс проходил весьма противоречиво. Так, в редакционной статье юридического журнала «Правоведение» задавались довольно жесткие рамки самих дискуссий в этой области: «Социалистическое хозяйство есть хозяйство плановое. Ясно поэтому, что примат плана над договором и впредь остается незыблемым принципом правового опосредствования социалистических хозяйственных отношений» [4, с. 5]. Вместе с тем в этой же статье высказывались и более либеральные мысли: ««последовательное осуществление полного хозрасчета на социалистических предприятиях будет побуждать к скрупулезному подсчету каждой копейки, а принцип рентабельности как важнейшее начало социалистического хозяйствования неизбежно приведет к тому, что уже в самое ближайшее время не штрафные санкции, а полное возмещение всех причиненных убытков станет ведущей формой материальной ответственности в сфере хозяйственных отношений

между социалистическими организациями. В связи с этим вопросы, связанные с порядком определения размеров убытков, а также объема и форм их возмещения, становятся одной из центральных проблем правового регулирования хозяйственной деятельности и изучающей его советской юридической науки» [4, с. 6].

Однако последующая практика применения хозрасчета стала осмысливаться с более реалистических позиций, и особенно это стало заметным в завершающий период «застоя», то есть, во второй половине 1970-х – начале 1980-х гг., причем, среди правоведов имели место едва ли не диаметрально противоположные точки зрения по дефиниции хозрасчета, так и его юридическому регулированию в условиях советской экономики. При этом оппонировали друг другу две концептуальные экономико-правовые позиции: хозяйственно-правовая концепция (по сути своей связана с административными методами управления) и цивилистическая концепция. И практическое значение расхождений между ними в наибольшей степени находило отражение при исследовании правовых аспектов именно хозрасчета, а не других экономических категорий [5, с. 27]. Соответственно правовые формы хозрасчета являлись одним из ведущих институтов, требующих своего надлежащего регулирования. В этой связи нужно заметить, что при изучении теоретических аспектов хозрасчета представители гражданского права делали акцент на товарно-денежных отношениях между предприятиями как равностатусных и основных хозяйствующих субъектов советской экономики, не придавая должного значения внутрипроизводственному хозрасчету, равно как и хозрасчетным связям предприятий с вышестоящими хозяйствующими органами [6, с. 100].

Рассмотрим несколько характерных точек зрения советских правоведов в сфере хозяйственного и гражданского права. Так, В.В. Овсиенко полагал, что хозрасчет как метод хозяйствования определяется через самокупаемость и экономическую ответственность, устанавливаемую в соответствующих правовых актах санкционного характера [7, с. 132]. Схожая, но раскрытая более широко, точка зрения у В.В. Лаптева: «хозяйственный расчет означает метод ведения хозяйства и руководства хозяйственной деятельностью, основанный на соизмерении издержек и результатов этой деятельности, покрытии расходов доходами от нее, материальной заинтересованности и ответственности за результаты хозяйственной работы» [8, с. 125]. Как видно, здесь преобладают цивилистические приоритеты. Иной подход у В.К. Мамутова – этот правовед связывает хозрасчет с законом экономии времени, который «в отношениях непосредственно общественного производства проявляется в планировании, социалистическом соревновании за повышение эффективности производства, в абсолютной и относительной оценке трудовых вкладов и результатов труда, в учете и контроле за мерой труда и мерой потребления» [5, с. 28]. Практически с этих же позиций определяет хозрасчет и Н.П. Астахов: «Сущность хозрасчета как формы управления и планового метода хозяйствования составляют совокупность признаков (элементов). Они связаны с плановыми заданиями и необходимостью выполнения хозяйственных обязательств наиболее экономичным образом (при наименьших затратах живого и овеществленного труда), рациональным использованием основных производственных фондов, созданием материальных стимулов и ответственности за результаты работы. Хозрасчет – это комплекс экономико-правовых отношений, возникающих в процессе самого производства, отношений между отдельными предприятиями, предприятиями и социалистическим госу-

дарством, внутри предприятий, в органах хозяйственного управления» [9, с. 21] Следует заметить, что указанный автор (Н.П. Астахов) – последовательный сторонник хозяйственно-правового (а не цивилистического) регулирования экономических отношений при социализме, в частности, в той же работе он отмечает, что «социалистическое хозяйствование ведется по плану. Поэтому определяющим здесь является народнохозяйственный план» [9, с. 22], а товарно-денежные отношения являются при этом «лишь одним из экономических рычагов планового руководства народным хозяйством. *Хозрасчет* вытекает из самой сущности экономических отношений при социализме, которые носят планово-стоимостной характер, в то время как в условиях капиталистического общества применяется *коммерческий расчет*» [9, с. 22], и соответственно «если в социалистическом хозрасчете отношения предприятий (объединений) находят свое закрепление и регулируются правовыми нормами ... то коммерческий расчет в основном подвластен стихии закона стоимости, максимальному получению прибыли за счет эксплуатации наемного труда» [9, с. 22].

Партийно-советской власти предстояло делать выбор в том, какой подход к правовому регулированию экономических отношений сделать основным. И этот выбор также менялся. Так, если в начале «косыгинских реформ» действовало Положение о социалистическом государственном промышленном предприятии [10], где явно доминировал государственно-плановый подход, что в рассматриваемый нами период уже действовала новая союзная Конституция 1977 г., в которой при сохранении политико-идеологического курса уже звучали куда более либеральные, чем раньше, экономические идеи. Так, в ст. 16 Конституции СССР указывалось: «Экономика СССР составляет единый народнохозяйственный комплекс, охватывающий все звенья общественного производства, распределения и обмена на территории страны. Руководство экономикой осуществляется на основе государственных планов экономического и социального развития, с учетом отраслевого и территориального принципов, при сочетании централизованного управления с хозяйственной самостоятельностью и инициативой предприятий, объединений и других организаций. *При этом активно используются хозяйственный расчет, прибыль, себестоимость, другие экономические рычаги и стимулы* (курсив наш – авт.)» [11]. Помимо этого, в ст. 17 допускалась индивидуальная трудовая деятельность, которая, правда, ограничивалась тем, что должна была осуществляться «исключительно на личном труде граждан и членов их семей» [11].

Такого рода конституционные положения свидетельствовали о том, что правящая элита СССР, будучи не в состоянии освободиться от «замороженных идеологических догм» [12, с. 14], тем не менее сочла возможным пойти на «последние экономико-правовые эксперименты» в виде указанных конституционных статей [12, с. 14] и соединив, таким образом, прежнюю социалистическую идеологию и некоторые, пока еще в зачаточном положении, элементы рыночной экономики. Совершенно очевидно, что это было вызвано ухудшающееся быстрыми темпами состояние советской экономики, что как раз в наибольшей степени и стало проявляться в завершающий период «застоя».

Громко анонсированные в свое время «косыгинские реформы» спустя почти два десятилетия не дали ожидаемых результатов, нужно было определяться с дальнейшим вектором стратегического развития экономики. Промежуточная позиция вла-

сти, учитывая крайне сложное положение в экономике и соответствующие конституционные нормы, нашла отражение в партийно-правительственном постановлении от 12 июля 1979 г. [13]. Здесь хозрасчету был посвящен самостоятельный раздел (третий) – «О развитии хозяйственного расчета и усилении роли экономических рычагов и стимулов». В частности, в п. 46 указывалось: «Признать необходимым обеспечить дальнейшее развитие хозяйственного расчета в производственных объединениях (на предприятиях) и в строительно-монтажных организациях на основе заданий пятилетнего плана и долговременных экономических нормативов, гарантирующих увеличение ресурсов, оставляемых в их распоряжении, в зависимости от улучшения конечных результатов хозяйственной деятельности при одновременном росте отчислений средств в государственный бюджет ... Производить оценку результатов хозяйственной деятельности производственных объединений (предприятий) промышленности, а также их экономическое стимулирование исходя прежде всего из выполнения планов поставок продукции производственно - технического назначения и товаров народного потребления по номенклатуре (ассортименту) и в сроки в соответствии с заключенными договорами (заказами), повышения производительности труда, улучшения качества продукции и роста прибыли (в отдельных отраслях - снижения себестоимости) ... Завершить в ближайшие два - три года формирование производственных объединений в качестве основного хозрасчетного звена промышленности» [13].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что акцент смещается в сторону обеспечения выполнения заключенных договоров, а также распространение принципов хозрасчета не только на предприятия, но и на объединения, более того, именно этот хозяйствующий субъект должен был стать основным звеном хозрасчетных отношений. Однако ни то, ни другое не получили своего развития. Как отмечает В.Ф. Яковлев, комментируя указанное постановление, «возможности договора, особенно хозяйственного, в качестве наилучшего средства согласования производственных возможностей с запросами потребителей используются еще далеко не в полной мере, что объясняется, в частности, несбалансированностью спроса и предложения, преобладанием во многих случаях первого над вторым, дефицитностью отдельных видов продукции и услуг. При таких условиях потребитель фактически лишен возможности влиять на производство в направлении максимального удовлетворения своих запросов, а производитель лишен стимула» [14, с. 72]. Это известный ученый в области экономического права подчеркивает также, имея в виду рассматриваемый нами период, что «эффективность механизма хозяйственного расчета ослабляется также безэквивалентным перераспределением средств между хорошо и плохо работающими предприятиями в административном порядке путем изъятия излишков оборотных средств по итогам хозяйственного года. Ограничение хозрасчета рамками лишь одного года подрывает заинтересованность производящих организаций в укреплении своего финансового положения путем эквивалентного получения средств за продукцию и услуги, предоставляемые потребителям» [14, с. 73]. И в этом контексте те же объединения вряд смогли бы работать на хозрасчете, поскольку де-факто решения принимало руководство объединения, причем по многим вопросам единолично, и главным бенефициаром оказался бы управленческий аппарат, а сами объединения при успешной работе, как показывает история, вырастали бы до масштабов, когда экономически мощные структуры начинают претендовать

на политическую власть, поэтом, на наш взгляд, вариант с переводом объединений на хозрасчет был довольно рискованным решением (другое дело, что до хозрасчета в задуманном плане дело не дошло).

Как видно, на рубеже 1980 г. советская власть оказалась в определенном тупике: прежние административные методы в сфере экономики (регулирование нормами хозяйственного права) не давали нужного эффекта, но сохраняли политико-идеологическую чистоту и верность идеалам социализма-коммунизма; рыночные отношения (регулирование на основе гражданского права), на примере других стран, позволяли двинуть экономику вперед, но тогда пришлось бы, как говорится, «поступиться принципами». Окончательный выбор так и не был сделан. О нерешительности свидетельствует и то обстоятельство, что в сфере управления экономикой в рассматриваемый нами период не издавались законы в развитие отмеченных выше конституционных норм, и правовое регулирование осуществлялось подзаконными нормативно-правовыми актами (правительственными и ведомственными актами).

Вероятно, руководство страны не желало брать на себя ответственность за возможные последствия более активного и, главное, реального, а не по декларациям, внедрения хозрасчета в экономике, как это начал к тому времени делать Китай (интересно, что в высших властных кругах СССР в 1983 г. серьезно обсуждался вопрос о кардинальной либерализации экономики по китайскому аналогу, однако ни Генсек ЦК КПСС Ю.В. Андропов, ни другие члены Политбюро ЦК КПСС на серьезные перемены были не готовы) [15]. В результате ситуация в сфере экономики только усугублялась, и довольно скоро, уже в рамках горбачевской «перестройки», власти вынужденно пришлось все-таки внедрять элементы рыночной экономики, и уже на уровне законов и во все расширявшихся масштабах (например, принятый в 1987 г. Закон СССР «О государственном предприятии (объединении)» [16]), отменяя целыми списками правовые акты так и не состоявшихся «косыгинских реформ». Однако время было упущено, СССР в 1991 г. распался, и вместе с его государственной экономикой была потеряна социалистическая страна, а хозрасчет взял свое и де-факто стал не одним из рычагов социалистической экономики, как прогнозировали на рубеже 1980 г. сторонники планового хозяйства, а самим содержанием современной капиталистической экономики.

Список литературы:

1. Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 25.06.1975 N 558 "О мерах по дальнейшему совершенствованию хозяйственного законодательства" // Свод законов СССР. 1990. Т. 10. Ст. 120.
2. Ленин В.И. К четырехлетней годовщине Октябрьской революции // Правда. 1921. 18 октября.
3. Постановление ЦК КПСС от 29.09. 1965 г. «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» // Постановления партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 5. С. 640-645.
4. Сентябрьский пленум ЦК КПСС и задачи советской юридической науки // Правоведение. 1965. № 4.
5. Мамутов В.К. Совершенствование правового регулирования хозяйственной деятельности. Киев: Наукова думка. 1982.
6. Лаптев В.В. Экономика и права. М.: Экономика. 1981.
7. Хозяйственное право / Под ред. В.П. Грибанова и О.А. Красавчикова. М.: Юридическая литература, 1977.
8. Лаптев В.В. Правовое положение промышленных и производственных объединений. М.: Наука, 1978.
9. Астахов Н.П. Правовое регулирование хозрасчета производственных объединений (предприятий) в промышленности. Дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 1983.
10. Постановление Совета Министров СССР от 04.10.1965 N 731 «Об утверждении Положения о социалистическом государственном производственном предприятии» // СП СССР. 1965. № 19-20.
11. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

12. Занковский С.С. Конституционные основы предпринимательства в России // Предпринимательское право. 2014. N 1.
13. Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 12.07.1979 N 695 "Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы" // СП СССР. 1979. № 18. Ст. 118.
14. Яковлев В.Ф. Избранные труды. Т. 2: Гражданское право: история и современность. Кн. 2. М.: Статут, 2012.
15. Милоков А.И. Опыт и уроки экономических реформ в СССР в 60-80-е годы // Вестник Финансового университета. Гуманитарные науки. 2018. № 2.
16. Закон СССР от 30.06.1987 N 7284-XI "О государственном предприятии (объединении)" // Ведомости ВС СССР. 1987. № 26. Ст. 385.

Rasskazov L. P., Uporov I. V., Rasskazov V. L. The institute of self-financing in the soviet state: theoretical justification and political and legal regulation in the second half of the "stagnation" period (the turn of 1980) / Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 3. – P. 60-66.

The article reveals the theoretical aspects and political and legal features of the development of the institute of economic calculation in the Soviet economy at the final stage of the period of "stagnation" (the second half of the 1970s-the beginning of the 1980s). It is noted that "Kosygin reforms" were carried out in the USSR for a decade and a half to this milestone, where increased attention was paid to household calculation. However, within the framework of a planned socialist economy, this principle did not give the expected effect, and the country's leadership did not dare to make drastic changes (the introduction of elements of market relations). As a result, the period of "stagnation" was replaced by a relatively short "perestroika", the collapse of the economy and the collapse of the USSR.

Keywords: self-financing, economy, enterprise, "Kosygin reforms", state, economic entities, law.

Spisok literaturey:

1. Postanovlenie CK KPSS, Sovmina SSSR ot 25.06.1975 N 558 "O merah po dal'nejshemu sovershenstvovaniyu hozyajstvennogo zakonodatel'stva" // Svod zakonov SSSR. 1990. T. 10. St. 120.
2. Lenin V.I. K chetyrehkhetnej godovshchine Oktyabr'skoj revolyucii // Pravda. 1921. 18 oktyabrya.
3. Postanovlenie CK KPSS ot 29.09. 1965 g. «Ob uluchshenii upravleniya promyshlennost'yu, sovershenstvovaniyu planirovaniya i usilenie ekonomicheskogo stimulirovaniya promyshlennogo proizvodstva» // Postanovleniya partii i pravitel'stva po hozyajstvennym voprosam. M., 1968. T. 5. S. 640-645.
4. Sentyabr'skij plenum CK KPSS i zadachi sovetskoj yuridicheskoy nauki // Pravovedenie. 1965. № 4.
5. Mamutov V.K. Sovershenstvovanie pravovogo regulirovaniya hozyajstvennoj deyatel'nosti. Kiev: Naukova dumka, 1982.
6. Laptev V.V. Ekonomika i prava. M.: Ekonomika, 1981.
7. Hozyajstvennoe pravo / Pod red. V.P. Gribanova i O.A. Krasavchikova. M.: YUridicheskaya literatura, 1977.
8. Laptev V.V. Pravovoe polozhenie promyshlennyh i proizvodstvennyh ob"edinenij. M.: Nauka, 1978.
9. Astahov N.P. Pravovoe regulirovanie hozrascheta proizvodstvennyh ob"edinenij (predpriyatij) v promyshlennosti. Dis. ... d-ra yurid. nauk. Kazan', 1983.
10. Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR ot 04.10.1965 N 731 «Ob utverzhdenii Polozheniya o socialisticheskom gosudarstvennom proizvodstvennom predpriyatii» // SP SSSR. 1965. № 19-20.
11. Konstituciya (Osnovnoj Zakon) Soyuza Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik (prinyata VS SSSR 07.10.1977) // Vedomosti VS SSSR. 1977. № 41. St. 617.
12. Zankovskij S.S. Konstitucionnye osnovy predprinimatel'stva v Rossii // Predprinimatel'skoe pravo. 2014. N 1.
13. Postanovlenie CK KPSS, Sovmina SSSR ot 12.07.1979 N 695 "Ob uluchshenii planirovaniya i usilenii vozdejstviya hozyajstvennogo mekhanizma na povyshenie effektivnosti proizvodstva i kachestva raboty" // SP SSSR. 1979. № 18. St. 118.
14. YAKovlev V.F. Izbrannye trudy. T. 2: Grazhdanskoe pravo: istoriya i sovremennost'. Kn. 2. M.: Statut, 2012.
15. Milyukov A.I. Opyt i uroki ekonomicheskikh reform v SSSR v 60-80-e gody // Vestnik Finansovogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2018. № 2.
16. Zakon SSSR ot 30.06.1987 N 7284-XI "O gosudarstvennom predpriyatii (ob"edinenii)" // Vedomosti VS SSSR. 1987. № 26. St. 385..

УДК 342.5

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(1)- 67-76

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ПРОКУРАТУРЫ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Хаяли Р. И.

Крымский юридический институт (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

В статье анализируются причины и предпосылки восстановления института прокуратуры в РСФСР. Показан процесс организации надзора различными государственными органами в период отсутствия органов прокуратуры. В процессе обсуждения Положения о прокурорском надзоре рассматриваются разные точки зрения на место и роль прокуратуры в механизме советского государства. Сделан вывод: создание органов прокуратуры и организация прокурорского надзора отвечали вызовам времени. Полноценное функционирование правоохранительных органов, как и всего советского государственного аппарата, стало возможным на основе возрождения прокуратуры нового типа, обладающей надзорными функциями за соблюдением законности.

Ключевые слова: прокуратура, положение о прокурорском надзоре, прокурорский надзор.

Революции 1917 г., гражданская война, ликвидация государственных органов власти Российской империи в соответствии с революционной доктриной о сломе буржуазного государственного аппарата и в первую очередь правоохранительных органов привели к подрыву авторитета институтов власти, законности, невиданному росту преступности и бандитизма. Декретом СНК РСФСР «О суде № 1» от 24 ноября 1917 г., ликвидировалась судебная система Российской империи, а вместе с ней и прокуратура [1, ст. 50]. Декрет «О суде № 2» от 15 февраля 1918 г. и декрет «О суде № 3» от 13 июля 1918 г., принятые СНК РСФСР, закрепили принципы организации советской судебной власти, в которой не предусматривался институт прокуратуры [2, ст. 589].

Надзор и контроль за соблюдением законов в деятельности органов государственного управления и местных органов власти осуществляли различные учреждения, в компетенцию которых входили, в том числе и другие функции: так Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК) надзирал на основании ст. 32 Конституции РСФСР 1918 г. за точным применением декретов на всей территории Российской Федерации; Совет Народных Комиссаров (СНК) имели такие функции, как разрешение текущих дел по надзору за деятельностью страховых учреждений и предприятий, а также делопроизводство Совета по делам страхования; Народные комиссариаты осуществляли общий надзор за правильной организацией и деятельностью конфликтных органов, надзор за законностью постановлений народных комиссариатов труда автономных республик, краевых и областных отделов труда по решениям, организуемым при этих органах примирительных камер.

Ликвидация органов прокуратуры Российского государства осуществлялась на всех территориях, где устанавливалась советская власть. На территориях не подконтрольных большевикам – Юг России, Крым и Дальний Восток вплоть до установления советской власти и некоторый период после функционировала прежняя прокуратура. Имелись случаи, когда в процессе советского государственного строительства в отдельных гу-

берниях для защиты трудящихся создавались органы прокуратуры. Например, в Полтаве в ноябре 1917 г. сразу после ликвидации прежних органов прокуратуры Полтавский совет избирает революционного прокурора. Одесский наркомат юстиции, уже после установления советской власти воздержался от ликвидации старого судебно-прокурорских органов. 23 января 1918 г. наркомат юстиции Одессы рекомендовал всем местным судебным органам, за исключением военного суда, продолжать работу до получения постановлений центральной власти относительно организации судеустройства [3, с. 53–54]. Только с окончательным установлением советской власти на всей территории государства и с введением нового законодательства о судеустройстве происходит ликвидация дореволюционной судебной системы и прокуратуры.

В период Гражданской войны и политики «военного коммунизма» особое место в системе государственных органов, наделенных надзорно-контрольными функциями, занимали Народный комиссариат государственного контроля (НКГК) осуществлявший надзор за неуклонным выполнением декретов и постановлений центральной власти в хозяйственном и государственном управлении. В последующем с реорганизацией центральных государственных органов функции контроля перешли к Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ), с существенным расширением полномочий. Функции по надзору за соблюдением законов также были возложены на судебно-следственные органы. Ревтрибуналы проверяли законность проведения следственных действий органами Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК), обоснованность содержания граждан в местах лишения свободы. Законность действий милиции и исправительно-трудовых учреждений находилась под контролем следственных комиссий и народных судов. В компетенцию Народного комиссариата юстиции (НКЮ) входили наблюдение за деятельностью органов следствия, обвинения, защиты и дача им руководящих указаний, организация мест лишения свободы и заведование ими. Центральная коллегия руководила деятельностью коллегий обвинителей при революционных трибуналах. Частично функции надзора за соблюдением декретов и привлечения к ответственности нарушающих их лиц взяла на себя ВЧК. По мере перехода от Гражданской войны к мирному строительству все более ощутимым становилась объективная необходимость обеспечения законности на единой организационной и правовой основе.

Надзор за соблюдением законности в формирующемся советском государстве не был централизован в едином органе и осуществлялся различными органами, которые были не в состоянии обеспечить правопорядок. Разобщенность в работе центральных и местных органов, отсутствие необходимых властно-распорядительных полномочий не могли обеспечить точного и единообразного исполнения законов.

Новый этап в государственном строительстве, отказ от политики «военного коммунизма» и курс на новую экономическую политику, кодификация советского права, выдвинули на повестку дня реорганизацию всего государственного аппарата управления, а также судебной и правоохранительной системы. С этой целью в декабре 1921 г. Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК) принимает решение о сужении полномочий ВЧК. Декретом ВЦИК «Об упразднении ВЧК и правилах производства обысков, выемок и арестов» от 6 февраля 1922 г. ВЧК была упразднена.

Ликвидация прежних институтов государственной власти, правовой системы выдвинули на повестку дня создания специального органа с полномочиями надзора. В конце 1921 г. Первый отдел НКЮ приступил к разработке проекта декрета о государ-

ственной прокуратуре. Резолюция IV Всероссийского съезда деятелей советской юстиции, проходившего 26 – 30 января 1922 г. по докладу Н. Крыленко и содокладу А. Эстрина отметила, что прокуратура снизу доверху должна быть построена независимо от местных влияний и назначается и смещается исключительно распоряжением Прокурора республики. Прокурору как наблюдающему за соблюдением законом, должен быть предоставлен совещательный голос в заседаниях исполкомов. Прокурор не связан решением губотдела юстиции [4, с. 5].

Полемика по проекту декрета, развернувшаяся на страницах «Еженедельника советской юстиции», свидетельствовала об отсутствии единой точки зрения в вопросе места и роли прокуратуры в механизме советского государства.

Критические замечания по проекту декрета о государственной прокуратуре на страницах журнала высказал член коллегии НКЮ А. Эстрин, считавший, что прокурор должен быть членом коллегии отдела юстиции. Это давало ему возможность осуществлять право общего руководства [5, с. 5].

На страницах еженедельника свою точку зрения изложил Л. Саврасов, отметивший, что до принятия декрета «стражем закона» на местах выступали отделы юстиции. Назначение помощников прокуроров отделом юстиции, по мнению автора, приводило к нарушению принципа независимости прокуратуры от местных органов власти. Прокурор не должен был выступать в качестве наблюдателя по отношению принятия противоречащих действующему законодательству актов местными органами власти. Прокурор должен быть наделен правом выносить протест по всем противозаконным распоряжениям местных органов власти. Также были сделаны замечания по проекту в части разделения полномочий прокурора республики и местных прокуроров в представлении последними первому отчетов о работе. По проекту отчеты должны были предоставляться через отделы юстиции. Особой критике Л. Саврасовым были подвергнуты термины «народный прокурор», а также «общественное обвинение» в пункте «е» статьи 6, которые предлагалось заменить на «государственный прокурор» и «государственное обвинение», соответствующие принципам диктатуры пролетариата. По мнению автора, прокурор выступает как страж закона пролетарского государства, стоит над местной властью в роли охранителя законности [6, с. 1–2].

В этом же номере еженедельника А. Лисицын в статье «По поводу проекта декрета о государственной прокуратуре», отмечая слабые надзорные полномочия Рабкрина, отдела юстиции и ЧК, призвал точно определить в декрете функции прокуратуры, «уничтожив параллельную деятельность других существующих органов». Задача НКЮ заключается в том, чтобы проводить законность через губисполкомы, подчеркивая специальный, а не особый характер роли прокурора. Последующая правоприменительная практика показала правоту автора справедливо отметившего, что по проекту «наблюдение за ЧК проводится столь нерешительно, что на практике оно окажется таким же, каким доселе осуществлялось предревтрибуналом». Образование прокуратуры должно было привести к коренному изменению всей следственной работы. Прокуратуре должен быть подчинен следственный аппарат нарсуда и ЧК. Каждое заключительное постановление следователя должно идти на утверждение прокурора, который и определяет подсудность дела [7, с. 2–3].

Публикации на страницах «Еженедельника советской юстиции» о путях создания советской прокуратуры свидетельствовали о разных порой противоположных точках зрения. Так, Н. Крыленко в статье «К критике проекта о прокуратуре», полемизируя с

А. Эстриным, подчеркнул, что придерживается противоположной точки зрения, которая в Коллегии НКЮ получила меньшинство в один голос. Нужно отметить, что редакция еженедельника, поместив статью, отметила, что не разделяет мнение автора по многим вопросам и в частности о несменяемости прокурора.

Задача прокуратуры в системе органов государственной власти, по мнению Н. Крыленко, заключалась в том, что прокуратура функционирует в первую очередь как орган государственного обвинения, во вторую как орган наблюдения за законностью, как блюститель закона, как око государственной власти. Рассматривая организационный статус прокуратуры с точки зрения правильной постановки обвинения прокуратура должна быть организована при суде, быть рядом с судом. Это значит, что прокуратура не подчиняется суду как и суд не подчиняется прокуратуре. Только на этих принципах прокуратура будет самостоятельной. «Прокурор есть часть суда, а потому должен обладать теми же прерогативами, что и суд. Он не может быть подчинен никакому административному месту», – заключает автор, при этом отмечая, что в этом пункте находится корень разногласий с коллегами по НКЮ. По этому вопросу разошлись в 1920 г. точки зрения двух съездов деятелей юстиции – съезда трибуналов и съезда загубюпюстов.

Особую озабоченность Н. Крыленко высказал по вопросу назначения и смещения народного прокурора республики Коллегией НКЮ, которая назначается губисполкомом. Опасность двойного подчинения заключалась в том, что заведующий отделом юстиции как правило был членом губисполкома. Автор считал, что орган наблюдения за исполнением законов должен быть независимым от местной власти, следовательно, он должен назначаться сверху. Народный прокурор, назначаемый центром, присутствует в губисполкоме с совещательным голосом и свои представления и отчеты в центр делает непосредственно в отдел прокуратуры НКЮ. Для поддержания обвинения в суде и осуществления надзора за судебными местами и местами заключения также осуществляет отдел прокуратуры. Право кассационного протеста и периодическая отчетность прокуроров является достаточной гарантией нормального функционирования органов суда. Таким образом, народный прокурор полностью заменяет губзавотюста. Прокурор республики по проекту ведает отделом прокуратуры и отчетностью прокуроров, но не может назначить или сместить прокуроров. Эти назначения по проекту и смещения осуществляются через Коллегию НКЮ, также, как и свои решения о незаконных действиях губисполкома и других центральных органов. В этом и есть двойственность, так как прокурора республики назначает ВЦИК.

Прокурор республики должен быть выше членов Коллегии и иметь непосредственное отношение к ВЦИК, он не должен быть обременен решениями Коллегии, и не должен конкурировать с наркомом. Для достижения этих целей необходимо объединить должность прокурора республики с должностью наркома, который руководит отделом прокуратуры при НКЮ [8, с. 1–2]. Председатель ВЦИК М. И. Калинин, поддерживая идею создания прокуратуры, подчеркивал: «...Мы хотим законность сделать фактором государственного строительства... организация прокуратуры и есть один из способов, одна из возможностей воспитать законность в органах власти» [9, с. 16].

20 февраля 1922 г. В. И. Ленин в письме наркому НКЮ Д. И. Курскому поставил новые задачи. «Прежде боевыми органами советской власти были главным образом Наркомвоен и ВЧК. Теперь особенно боевая роль выпадает на долю НКЮста» [10, с. 396]. Законодатель от разработки и рассмотрения проекта декрета о прокуратуре, при-

шел к идее принятия положения о прокурорском надзоре. 14 марта 1922 г. НКЮ РСФСР утвердил проект Положения о прокурорском надзоре и внес законопроект на рассмотрение третьей сессии ВЦИК девятого созыва. Примечательно, что из пяти проектов, внесенных НКЮ РСФСР на рассмотрение сессии ВЦИК, проект положения о прокурорском надзоре был последним вслед за проектом положения об адвокатуре.

По проекту делегатами были высказаны разные точки зрения. Одни отрицали необходимость создания специального органа надзора за законностью, вторые выступали против термина «прокуратура», боясь его отождествления массами с царской прокуратурой. В частности, было предложено назвать новый орган надзора «укрепитель революционной законности». Однако основной критике подверглись положения проекта, закреплявшие централизацию и независимость органов прокуратуры от местных органов власти.

По докладу Н. Крыленко сессия приняла решение передать законопроект в комиссию, созданную ЦК РКП/б для руководства работой сессией ВЦИК. Члены комиссии, рассмотрев Положение о прокурорском надзоре, пришли к выводу о необходимости двойного подчинения прокуроров – губернским исполкомам и прокурору республики.

Против двойного подчинения прокуратуры выступил председатель СНК РСФСР В. И. Ульянов (Ленин). В письме «О «двойном» подчинении и законности» в Политбюро ЦК от 20 мая 1922 г. В. И. Ульянов (Ленин), изложив теоретические основы законности и роли прокуратуры в государственном механизме, решительно выступил против двойного подчинения прокуроров. «Прокурор имеет право и обязан делать только одно: следить за установлением действительно единообразного понимания законности во всей республике, несмотря ни на какие местные различия и вопреки каким бы то ни было местным влияниям... Прокурор отвечает за то, чтобы ни одно решение ни одной местной власти не расходилось с законом, и только с этой точки зрения прокурор обязан опротестовывать всякое незаконное решение... принять меры к тому, чтобы понимание законности установилось абсолютно одинаковое во всей республике. Поэтому решение большинства комиссии ВЦИК не только представляет из себя величайшую принципиальную неправильность, не только в корне ошибочно применять принцип «двойного» подчинения, но и подрывает всякую работу по установлению законности... В отличие от всякой административной власти прокурорский надзор не имеет административной власти и никаким решающим голосом ни по административному вопросу не пользуется» [11, с. 198, 199, 200].

В.И. Ульянов (Ленин) предложил отвергнуть принцип «двойного подчинения» и установить подчинение местной прокурорской власти исключительно центру и сохранить за прокурорами право и обязанность опротестовывать все и всякие решения местных властей с точки зрения законности. Эти указания легли в основу организации советской прокуратуры в стране. На создаваемую прокуратуру как специальный орган центральной власти возлагалась задача установления на всей территории страны единой законности и организацию борьбы с преступностью.

В постановлении, принятом Политбюро ЦК по замечаниям В.И. Ульянова (Ленина), подчеркивалось: «Отвергнуть «двойное подчинение», установить подчинение местной прокурорской власти только центру в лице генерал-прокурора». Также определялся порядок назначения прокуроров в губерниях и автономных республиках генерал-прокурором под контролем Верховного трибунала, НКЮ и оргбюро ЦК. За прокурором сохранялось право и обязанность выносить протесты на «решения местных властей

с точки зрения законности этих решений или постановлений без права приостанавливать таковые, а и исключительным правом передавать дело на решение в суд» [13. С. 551]. 24 мая 1922 г. решением Политбюро ЦК формулировка «... а с исключительным правом передать дело на решение суда» была исключена.

26 мая 1922 г. Н. В. Крыленко от имени комиссии, избранной сессией, доложил на вечернем заседании о всех поправках. После постатейного голосования законопроект был принят. 28 мая 1922 г. постановление сессии подписали Председатель ВЦИК М. И. Калинин и Секретарь ВЦИК А. С. Енукидзе и Положение о прокурорском надзоре вступило в силу [13, ст. 424; 13, с. 298]. Первым прокурором РСФСР был назначен нарком НКЮ Д. И. Курский.

По «Положению», провозгласившему «осуществление надзора за соблюдением законов и в интересах правильной постановки борьбы с преступностью», на прокуратуру были возложены полномочия по осуществлению надзора от имени государства за законностью действий всех органов власти, хозяйственных учреждений, общественных и частных организаций и частных лиц путем возбуждения уголовного преследования против виновных и опротестования, нарушающих закон постановлений; непосредственное наблюдение за деятельностью органов дознания и следствия в области раскрытия преступлений, а также за деятельностью органов Госполитуправления; поддержание обвинения на суде; наблюдение за правильностью содержания заключенных под стражей.

Во главе прокуратуры, в качестве Прокурора республики, стоял комиссар НКЮ. В непосредственном заведывании Прокурора республики находился входящий в состав НКЮ отдел прокуратуры. При Прокуроре республики в числе, определенном штатами, состояли его помощники, из которых один выполнял прокурорские обязанности при Верховном Трибунале ВЦИК. Помощники Прокурора республики утверждались Президиумом ВЦИК по представлению Прокурора республики.

В каждой губернии и области в непосредственном подчинении Прокурора республики состоял прокурор по назначению Прокурора республики, как из работников центра, так и из числа кандидатов, выдвигаемых руководящими местными органами. Увольнение, перемещение и отстранение от должности прокурора производилось Прокурором республики. При губернских прокурорах состояли назначаемые и отзываемые Прокурором республики по представлению прокурора соответствующей губернии или области помощники прокурора, соответственно распределяющего между ними лежащие на прокуратуре в пределах губернии или области обязанности. Число помощников прокурора определялось штатами, положенными для каждой губернии.

В автономных областях прокуратура организовывалась и действовала на основаниях, тождественных с организацией и деятельностью прокуратуры при губернских исполнительных комитетах. Порядок назначения кандидатуры на должность прокурора в автономных республиках отличался от губерний и областей. В автономных республиках прокурор соответствующей республики назначался и отзывался ЦИК этой же республики и располагал всеми подлежащими правами в пределах данной Республики, кроме вопросов общесоюзного законодательства, но которым прокуратура автономных республик подчинена и подотчетна Прокурору РСФСР. Как показала последующая практика решающую роль в назначении

прокуроров в автономных республиках играли местные центральные исполнительные комитеты и партийное руководство.

На Прокурора республики были возложены обязанности наблюдения за законной деятельностью всех народных комиссариатов и иных центральных учреждений и организаций и предложение об отмене или изменении изданных ими незаконных распоряжений или постановлений; опротестование указанных выше распоряжений и постановлений в Совете народных комиссаров и Президиуме ВЦИК на предмет их отмены, принесение протеста прокурором не приостанавливает, однако, проведения в жизнь опротестованного постановления или решения; руководство и наблюдение за деятельностью помощников Прокурора республики, а также прокуроров и их помощников на местах и дача им разделений и указаний по всем возникающим в их деятельности вопросам; непосредственное осуществление функций прокуроров в тех случаях, когда Прокурором республики это будет признано необходимым.

«Положение» определило порядок ежегодной отчетности Прокурора республики в Президиум ВЦИК о своей деятельности и всех подведомственных ему прокуроров. Прокуроры на местах имели право входить с представлением в исполнительные комитеты об отмене или изменения изданных ими или подчиненными им органами незаконных распоряжений и постановлений; опротестовывать указанные выше распоряжения и постановления через Прокурора республики в СНК или Президиум ВЦИК. Прокурор также имел право с совещательным голосом присутствовать на всех заседаниях местных исполнительных комитетов.

В области борьбы с преступностью на прокуратуру возлагалось возбуждение судебного преследования против должностных и частных лиц, как по собственной инициативе, так и по поступающим по нему жалобам и заявлениям; организация надзора за производством дознания и предварительного следствия и дача указаний и разъяснений органам дознания и предварительного следствия по вопросу о мере пресечения, а равно и по другим, связанным с предварительным следствием вопросам; разрешение вопроса о предании суду и прекращении дел, поступающих к нему от органов дознания; предложения прокуратуры о предании суду по данной категории направляются непосредственно в суд; утверждение обвинительных заключений следователей по всем делам, по которым производилось предварительное следствие, составление обвинительного акта и постановление о прекращении дела и, случаях несогласия прокурора с заключением следователя, с направлением таковых в распорядительное заседание суда для окончательной утверждения.

Прокурор имел право участвовать в распорядительных заседаниях суда по вопросам о предании суду прекращении дел во всех тех случаях, когда прокуратура признает свое личное участие в этих заседаниях необходимым, поддерживать обвинение па суде; выносить протест в кассационном порядке приговоров и определений, выносимых судом, а также опротестование в порядке высшего судебного контроля вошедших в законную силу приговоров судов первой инстанции и кассационных решений Советов народных судей, проверять правильности содержания под стражей во всех без исключения местах лишения свободы и освобождение лиц, неправильно содержащихся.

Прокурор осуществлял предоставленные ему права как лично, так и через своих помощников. Прокуроры были вправе требовать от всех действующих в губернии административных учреждений и должностных лиц необходимые им сведения в

материалы, каковые требования являются для означенных учреждений и лиц обязательными. Прокурор представлял каждые три месяца отчет о деятельности своей и своих помощников Прокурору республики и в губернский исполнительный комитет.

Военная прокуратура, состоящая при военных и военно-транспортных революционных трибуналах, осуществляла права прокуроров в отношении учреждений и должностных лиц военного ведомства, железнодорожного и водного транспорта в тех местах, где нет общей прокуратуры или где военные и транспортные учреждения и должностные лица соответствующих ведомств изъяты из ведения губернского прокурора [14, ст. 424].

Прокурор осуществлял предоставленные ему права как лично, так и через своих помощников. Прокуроры были вправе требовать от всех действующих административных учреждений и должностных лиц необходимые сведения и материалы.

Положение о прокурорском надзоре 1922 г. отразило компромисс между сторонниками и противниками централизации прокурорского надзора. Первым удалось отстоять независимость прокуроров от местных органов власти (губернских исполкомов), отторгнув принцип «двойного подчинения», вторым удалось добиться лишения права прокурора обжаловать в суд незаконные решения исполкомов [15, с. 6–7].

В то же время необходимо отметить, что отсутствовало единообразие в порядке назначения на должности прокуроров. Если прокурор РСФСР непосредственно назначал губернского прокурора и его помощников, как из работников центра, так и из числа кандидатов, выдвигаемых руководящими местными органами и осуществлял их увольнение, перемещение и отстранение от должности, то в автономных республиках прокурор назначался и отзывался ЦИК республики и располагал всеми подлежащими правами в пределах данной республики, кроме вопросов общесоюзного законодательства, но которым прокуратура автономных республик подчинялась и была подотчетна Прокурору РСФСР.

В автономных республиках президиум ЦИК формировал СНК и назначал кандидатуру на должность наркома юстиции, он же прокурор, а также его помощников. Прокурор автономной республики ежегодно представлял в Президиум ЦИК отчеты о своей деятельности и всех подведомственных ему прокуроров. Прокуроры на местах имели право опротестовывать распоряжения и постановления через прокурора республики в СНК или Президиум ЦИК.

Таким образом, подводя итог следует отметить, что советская модель организации государственной прокуратуры на правах отдела в НКЮ создавалась «в целях осуществления надзора за соблюдением законов и в интересах правильной постановки борьбы с преступностью». Важнейшей задачей прокуратуры было, «чтобы ни одно решение, ни одной местной власти не расходилось с законом...» [16, с. 101]. Создание органов прокуратуры и организация прокурорского надзора отвечали вызовам времени, так как отмечалась слабость аппарата Главного политического управления (ГПУ), Уголовного розыска, народных судов и народных следователей. Полноценное функционирование правоохранительных органов, как и всего советского государственного аппарата, стало возможным на основе возрождения прокуратуры нового типа, обладающей надзорными функциями за соблюдением законности. Вместе с тем многие теоретические вопросы статуса прокуратуры в государственном механизме, её полномочий в осуществлении прокурорского надзора, возможно было решить только в процессе развития советского государства и права. Советская прокуратура строилась на принципах

строгой централизации и независимости от местных органов власти с правом вынесения протестов незаконных постановлений органов власти перед вышестоящими органами.

Список литературы:

1. Собрание узаконений рабочего и крестьянского правительства. 1917. № 4. Ст. 50.
2. Собрание узаконений рабочего и крестьянского правительства. 1918. № 26. Ст. 420; Собрание узаконений рабочего и крестьянского правительства. 1918. № 52. Ст. 589.
3. Мурашин Г. А. Органы прокуратуры в механизме советского государства. Киев Наукова думка, 1972.
4. Резолюции, принятые на IV Всероссийском съезде деятелей советской юстиции (26 – 30 января 1922 года). М.: Всероссийский съезд деятелей советской юстиции, 1922.
5. Эстрин А. Губотюст и органы борьбы с преступностью // Еженедельник советской юстиции. 1922 1 января. № 1. С. 5.
6. Саврасов Л. По поводу проекта декрета о государственной прокуратуре // Еженедельник советской юстиции. 1922. 8 января. № 2. 8 января. С. 1–2.
7. Лисицын А. Прокуратура и губотюсты // Еженедельник советской юстиции. 1922. 8 января. № 2. С. 2–3.
8. Крыленко Н. К критике проекта о прокуратуре // Еженедельник советской юстиции. 1922. 15 января. № 3. 1922. С. 1–3.
9. Бурмистров К. Д. Роль прокурорского надзора в обеспечении социалистической законности. – М.: Юридическая литература, 1979. С. 16.
10. Ленин В.И. Полн., собр., соч. Т. 44.
11. Ленин В.И. Полн., собр., соч. Т. 45.
12. Ленин В.И. Полн., собр., соч. Т. 45.
13. Собрание узаконений рабочего и крестьянского правительства. 1922. № 36. Ст. 424; Рагинский М.Ю. К разработке истории советской прокуратуры // Совершенствование прокурорского надзора в СССР. М., 1973.
14. Собрание узаконений рабочего и крестьянского правительства. 1922. № 36. Ст. 424.
15. Маршунов М.Н. Прокурорско-надзорное право. Проблемы правового регулирования. – СПб.: Издательство С.Петербургского университета, 1991.
16. Советская прокуратура. Сборник важнейших документов / под. общ. ред. М.П. Малярова. М.: Юридическая литература, 1972.

Khayali R. I. Restoration of the institute of prosecutor's office in soviet Russia // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 67-76.

The article analyzes the reasons and prerequisites for the restoration of the institution of the prosecutor's office in the RSFSR. Shown is the process of organizing supervision by various state bodies during the absence of prosecutors. During the discussion of the Regulation on Prosecutor's Supervision, different points of view on the place and role of the Prosecutor's Office in the mechanism of the Soviet state are being considered. The conclusion is drawn: the creation of prosecutorial bodies and the organization of prosecutorial supervision met the challenges of the time. The full functioning of law enforcement agencies, like the entire Soviet state apparatus, became possible on the basis of the revival of a new type of prosecutor's office, which has oversight functions for the observance of the rule of law.

Key words: prosecutor's office, regulation on prosecutor's supervision, prosecutor's supervision.

Spisok literatury:

1. Sbranie uzakonenij rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva. 1917. № 4. St. 50.
2. Sbranie uzakonenij rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva. 1918. № 26. St. 420; Sbranie uzakonenij rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva. 1918. № 52. St. 589.
3. Murashin G. A. Organy prokuratury v mekhanizme sovet'skogo gosudarstva. Kiev Naukova dumka, 1972.
4. Rezolyucii, prinyaty na IV Vserossijskom s"ezde deyatelej sovet'skoj yusticii (26 – 30 yanvarya 1922 goda). M.: Vserossijskij s"ezd deyatelej sovet'skoj yusticii, 1922.
5. Estrin A. Gubotyust i organy bor'by s prestupnost'yu // Ezhenedel'nik sovet'skoj yusticii. 1922 1 yanvarya. № 1. S. 5.
6. Savrasov L. Po povodu proekta dekreta o gosudarstvennoj prokurature // Ezhenedel'nik sovet'skoj yusticii. 1922. 8 yanvarya. № 2. 8 yanvarya. S. 1–2.
7. Lisicyan A. Prokuratura i gubotyusty // Ezhenedel'nik sovet'skoj yusticii. 1922. 8 yanvarya. № 2. S. 2–3.

8. Krylenko N. K kritike proekta o prokurature // *Ezhenedel'nik sovetskoj yusticii*. 1922. 15 yanvarya. № 3. 1922. S. 1–3.
9. Burmistrov K.D. Rol' prokurorskogo nadzora v obespechenii socialisticheskoy zakonnosti. – M.: YUridicheskaya literatura, 1979. S. 16.
10. Lenin V.I. Poln., sobr., soch. T. 44.
11. Lenin V.I. Poln. sobr., soch. T. 45.
12. Lenin V.I. Poln. sobr., soch. T. 45.
13. Sobranie uzakonenij rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva. 1922. № 36. St. 424; Raginskij M.YU. K razrabotke istorii sovetskoj prokuratury // *Sovershenstvovanie prokurorskogo nadzora v SSSR*. M., 1973.
14. Sobranie uzakonenij rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva. 1922. № 36. St. 424.
15. Marshunov M.N. Prokurorsko-nadzornoe pravo. Problemy pravovogo regulirovaniya. – SPb.: Izdatel'stvo S.Peterburgskogo universiteta, 1991.
16. Sovetskaya prokuratura. Sbornik vazhnejshih dokumentov / pod. obshch. red. M.P. Malyarova. M.: YUridicheskaya literatura, 1972.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 342.56

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(1)- 77-82

РЕАЛИЗАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫМ СОВЕТОМ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

Адельсеитова А. Б., Мариева А. А.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье рассматривается вопрос о реализации законодательной функции как одной из основных функций представительного органа власти Республики Крым - Государственного Совета. Проанализировано законодательство, регулирующее вопросы предоставления парламенту Республики Крым законодательных полномочий в пределах своей компетенции. Авторы приходят к выводу, что наличие законодательной функции у парламента Республики Крым позволяет более динамично решать возникающие проблемы региона, что является несомненным преимуществом при осуществлении государственной власти.

Ключевые слова: Законодательная функция, законотворчество, нормотворчество, Республика Крым, Государственный Совет Республики Крым.

Осуществление законодательной функции является особой юридической деятельностью государственного органа представительной, законодательной власти, где приоритетным направлением является нормотворческая деятельность (нормотворчество), которая не сводится только к выработке отдельных норм и их выражения в законодательных актах, а предусматривает формирование целостной системы законодательных актов, в которой воплощаются законы как акты занимающие основное место в иерархии нормативно-правовых актов, а следовательно, выступает как законодательная деятельность.

Как нормотворческая юридическая деятельность, законодательная деятельность включает в себя творческий момент, что дает основания называть ее законотворческой деятельностью, или законотворчеством, что неоднократно являлось предметом исследования в научной юридической литературе. Для обозначения процесса создания законов, говорится в одной из публикаций, наряду с термином «законодательный процесс» используют термин «законотворческий процесс», по аналогии с правотворческим. Эти понятия вполне могут использоваться как тождественные. В то же время они включают в себя такие смысловые акценты, которые не совпадают. В понятии «законодательный процесс» на первый план выходит технология (процедура) выработка законов, тогда как термин «законотворческий процесс» проявляет интеллектуально творческое начало деятельности и анализ. Таким образом, в этой деятельности важны и процессуальная форма, и интеллектуальное содержание. Однако поскольку предмет правового регулирования создания законов являются лишённые индивидуальности формы этой деятельности, то в правовых актах предлагается употреблять термины «законодательная деятельность», «законодательный процесс» [1, с. 53-54].

Вместе с тем между законотворчеством и законодательной деятельностью имеется различие, которое, чаще всего, не только не проводится, но и нивелируется произвольным использованием в литературе терминов «правотворчество», «нормотворчество» и другие. Достаточно обратиться к некоторым публикациям, чтобы убедиться в этом.

Так, А.В. Мицкевич связывал правотворчество с формированием советского права, рассматривал его как организационно-правовую форму деятельности советского государства, направленную на создание правовых норм, и определял ее как форму государственного руководства обществом, которая выражается в деятельности органов государства, общественных организаций, в различных формах непосредственной демократии, направленных на установление, изменение или отмену правовых норм по уполномочию или с санкции государства. По словам автора, правотворческий процесс начинается лишь с того момента, когда дело по созданию нормативного акта становится на правовую основу, когда возникают правоотношения по поводу его подготовки и принятия. Правотворческий процесс начинается с момента принятия официального решения о подготовке проекта нормативного акта [2, с. 45-151]. Сказанное может означать, что в представлении автора правотворчество ограничивается юридическими рамками правотворческого процесса, и следовательно, абстрагируется от реальных источников формирования права, от факторов общественной жизни, которые влияют на правотворчество.

Термины «законотворчество» и «правотворчество» используются как синонимы также в публикации, посвященной исследованию методологии законотворчества [3, с. 29-37]. Р. О. Халфина, указывает, что исходным звеном механизма правового регулирования является правотворчество, по мнению автора: «в советской правовой науке под правотворчеством понимают форму государственного руководства обществом, которая завершает процесс формирования права и отражает социальные факторы этого процесса в виде свода воли классов, находящихся у власти, в общеобязательные правила поведения – правовые нормы» [4, с. 33-35]. Вместе с тем предлагается различать формирование права и правотворчество.

В литературе высказывались различные точки зрения по поводу того, что именно из предварительного формирования права следует включать в понятие правотворчества. Одной из последних позиций является включение в данное понятие только процесса издания нормативных актов. Более широкое понимание предполагает признание элементами правотворчества подготовка проекта нормативного акта, его предварительное обсуждение и той подготовительной работы, которая ведется в связи с проектом.

По мнению указанного выше автора, правотворчество должно охватить «широкий круг явлений, включить все сложные процессы, предшествующие решению о подготовке проекта нормативного акта, а именно: выявление потребности в правовом регулировании тех или иных видов общественных отношений, определения направления и характера регулирования». Поэтому правотворчество определялось автором как выражение воли народа, направленное на достижение целей развития общества, деятельность государства и общественных организаций по выявлению потребностей нормативного правового регулирования общественных отношений и созданию в соответствии с этими потребностями новых правовых норм, замена или отмена действующих [4, с. 33-35].

Таким образом, дефиниция «правотворчество» охватила действительно широкий круг явлений, однако понятие «законотворчество», «законодательная деятельность», «нормотворчество» не находят до сих пор свое единое определение. Ничего к этому не добавляет определение законодательной деятельности как одной из составляющих взаимодействия государственной власти и общества, результатом которой (деятельности органов государственной власти) являются акты, непосредственно и существенно влияют на жизнь граждан [5, с. 5].

Впрочем, даже такие родственные термины как «правотворчество», «правотворческая деятельность», «правотворческий процесс» используются в литературе неоднозначно. Одни авторы сводят правотворчество в процедуры и правила создания правовых актов [6, с. 90]. Другие рассматривают данный феномен шире, считая, что правотворчество, в отличие от толкования, связанная с созданием права [7, с. 69]. По определению третьих, правотворчество - это "процесс познания и оценки правовых потребностей общества и государства, формирование и принятие правовых актов уполномоченными субъектами в рамках соответствующих процедур" [8, с.33]. Высказывается также мнение о наличии единства в рамках правотворческих отношений создания правовых норм и правореализации [7, с. 36; 9, с. 7-8].

В соответствии со статьей 77 Конституции Российской Федерации система органов государственной власти республик устанавливается субъектами Российской Федерации самостоятельно в соответствии с основами конституционного строя Российской Федерации и общими принципами организации представительных и исполнительных органов государственной власти, установленными федеральным законом [10]. В ч. 1 ст. 2 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» установлено, что систему органов государственной власти субъекта Российской Федерации составляют: законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации; высший исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации; иные органы государственной власти субъекта Российской Федерации, образуемые в соответствии с конституцией (уставом) субъекта Российской Федерации.

Субъекты Российской Федерации обладают полномочиями по принятию нормативно-правовых актов вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

11 апреля 2014 г. была утверждена Конституция Республики Крым [11], которая является правовой основой функционирования на территории республики однопалатного парламента – Государственного Совета Республики Крым. Основной закон закрепил осуществление государственной власти в Крыму на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Согласно ч. 1 ст. 69 Конституции Республики Крым Государственный Совет Республики Крым - Парламент Республики Крым является постоянно действующим высшим и единственным законодательным (представительным) органом государственной власти Республики Крым.

Статьей 75 Конституции Республики Крым определен достаточно широкий круг полномочий Государственного Совета, что позволяет утверждать об осуществлении им законодательной функции. Рассматривая вопросы законодательной деятельности

представительного органа Республики Крым, следует отметить, что Государственный совет Республики Крым (далее РК) в отличие от Верховной Рады Автономной Республики Крым наделен законодательными полномочиями. Проводя сравнительный анализ нельзя не принять во внимание, что в соответствии со статьей 27 Конституцией Автономной Республики Крым от 21.10.1998 г. ВР Автономной Республики Крым принимала большинством голосов депутатов от их общего состава Конституцию Автономной Республики Крым, изменения и дополнения к ней, которые вступали в силу после утверждения их Верховной Радой Украины и опубликования. Верховная Рада Автономной Республики Крым по вопросам, носящим нормативно-правовой характер, принимала постановления. По вопросам организационно-распорядительного характера Верховная Рада Автономной Республики Крым принимала решения [12].

В настоящее время в соответствие со статьями 57, 59, 69, 75, 76,77,78,79,93,94 Конституции Республики Крым от 11.04.2014 года закреплено право на принятие законов РК, а также основного закона – Конституции Республики Крым, принятие постановлений и осуществление иных законотворческих полномочий. Отнесено к ведению также и толкование Конституции и законов.

Нормы Конституции и Законов Республики Крым относительно разрешения вопросов толкования Конституции и законов Республики Крым, на наш взгляд, являются достаточно спорными, не смотря на распространённость закрепления подобных норм в конституциях иных субъектов Российской Федерации. На федеральном уровне право толкования Конституции Российской Федерации принадлежит Конституционному Суду Российской Федерации, который состоит из одиннадцати профессиональных судей. Требования к кандидатам на должность судьи достаточно высокие (возраст ко дню назначения не менее сорока лет, безупречная репутация, высшее юридическое образование и стаж работы по юридической профессии не менее пятнадцати лет, необходимость обладания признанной высокой квалификацией в области права), что обеспечивает высокий уровень принимаемых актов.

При этом, согласно ст. 170 Регламента Государственного Совета Республики Крым по результатам рассмотрения обращения о толковании Конституции Республики Крым, закона Республики Крым ответственный комитет готовит соответствующий проект постановления Государственного Совета и вносит его на рассмотрение Государственного Совета. Постановление принимается большинством голосов от числа избранных депутатов [13].

Таким образом, окончательное решение о толковании принимают лица, которые могут даже не иметь юридического образования, не говоря о наличии высокой квалификации в области права. Полагаем, что для разрешения данного вопроса необходимо создание Конституционного суда Республики Крым, который позволил бы эффективно разрешать, в том числе, и вопросы толкования Конституции РК и законов на местном уровне.

Статьи 9, 10 Закона «О государственном Совете Республики Крым – Парламенте Республики Крым» четко разделили вопросы, по которым Государственным Советом принимаются законы, и вопросы, по которым Государственный Совет принимает акты в форме постановлений [14]

Деятельность Государственного Совета, преимущественно, сконцентрирована на следующих направлениях: подготовка и принятие Законов Республики Крым, под-

готовка и направление отзывов в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации относительно проектов федеральных законов по вопросам совместного ведения Российской Федерации и субъектов, а также реализации права законодательной инициативы в Государственной Думе.

Качество и эффективность правотворческой деятельности Государственного Совета Республики Крым имеет важное значение для региона в целом. Основными и наиболее важными задачами правотворчества в регионе является формирование единого правового пространства регионального, муниципального законодательства и федерального законодательства.

Порядок принятия, оформления, регистрации, опубликования и вступления в силу законов и постановлений закреплен Конституцией Республики Крым, Законом Республики Крым «О Государственном Совете Республики Крым – Парламенте Республики Крым», Законом Республики Крым «О принятии, обнародовании, вступлении в силу и хранении законов Республики Крым и постановлений Государственного Совета Республики Крым», а также Регламентом Государственного Совета Республики Крым, утвержденным Постановлением Государственного Совета Республики Крым от 24 декабря 2014 г. № 376-1/14.

Таким образом, основным назначением парламента является осуществление законодательной деятельности и формирование законодательной базы. В Республике Крым законодательная деятельность Государственного Совета является единственной.

Законодательная функция заключается в деятельности по подготовке, принятию и толкованию законодательных актов, подготовка отзывов в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации на проекты федеральных законов по вопросам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, реализации права законодательной инициативы при принятии проектов федеральных законов в Государственной Думе Федерального Собрания РФ.

Таким образом, можно утверждать, что Государственный Совет является актуальной формой организации представительного органа на современном этапе. Так, наличие законодательной функции у парламента Республики Крым позволяет более динамично решать возникающие проблемы региона, что является несомненным преимуществом при осуществлении государственной власти.

Список литературы:

1. Кокотов А.Н. Федеральный законодательный процесс: понятие и структура // Правоведение. - 2001.- № 1.- С. 53-63.
2. Правотворчество в СССР / Под ред. проф. А.В.Мицкевича. - М.: Юрид. литература, 1974. - 319 с.
3. Ушаков А.А. Методология советского законотворчества // Советское государство и право. - 1979.- № 12.- С. 29-37.
4. Халфина Р.О. Проблемы советского правотворчества // Советское государство и право. - 1980.- № 11.- С. 33-40.
5. Савельева Е.М. Проблемы совершенствования законодательной деятельности в России на федеральном уровне // Государство и право.- 2001.- № 9.- С. 5-10.
6. Пиголкин А.С. Толкование норм права и правотворчество: проблемы соотношения / Закон: создание и толкование.- С. 65-75.
7. Дрейшев Б.В. Правотворчество и правовое регулирование // Правоведение.- 1985.- №1.- С. 30-36.
8. Правовые акты. Учебно-практическое и справочное пособие / Ю.А. Тихомиров, И.В. Котелевская. – М.: Изд-во г. Тихомирова М.Ю., 1999. – 381 с.
9. Протасов В.Н. Юридическая процедура.- М.: “Юридическая литература”, 1991.- 79 с.

10. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]: Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ Дата обращения: 20.03.2021 г.
11. Конституция Республики Крым. Принята Государственным Советом Республики Крым 11 апреля 2014 года. [Электронный ресурс]: URL: Крым <https://rk.gov.ru/ru/structure/39/> / Дата обращения: 30.03.2020 г.
12. Конституция Автономной Республики Крым. Закон Украины от 23 декабря 1998 года № 350-XIV Об утверждении Конституции Автономной Республики Крым (с изменениями и дополнениями по состоянию на 19.03.2009 г.) Электронный ресурс: Режим доступа: URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30810698#pos=6;-108 / Дата обращения: 20.03.2021 г.
13. Постановление Государственного Совета республики Крым от 24 декабря 2014 года N 376-1/14 О Регламенте Государственного Совета Республики Крым (с изменениями на 16 июня 2021 года) Электронный ресурс : Режим доступа: URL: <https://docs.cntd.ru/document/413904621>. Дата обращения: 16 июня 2021 г.
14. Закон Республики Крым от 15 мая 2014 года №2-ЗРК "О Государственном Совете Республики Крым - Парламенте Республики Крым". Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <https://rg.ru/2014/06/11/krim-zakon2-reg-dok.html> . Дата обращения: 16 июня 2021 г.

Adelseitova A.B., Marieva A.A. Implementation of the legislative function by the state council of the Republic of Crimea // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 77-82.

The article considers the issue of the implementation of the legislative function as one of the main functions of the representative authority of the Republic of Crimea - the State Council. The legislation regulating the issues of granting legislative powers to the Parliament of the Republic of Crimea within its competence is analyzed. The authors come to the conclusion that the presence of a legislative function in the Parliament of the Republic of Crimea allows more dynamically solving the emerging problems of the region, which is an undoubted advantage in the exercise of state power.

Key words: Legislative function, lawmaking, rulemaking, Republic of Crimea, State Council of the Republic of Crimea.

Spisok literatury:

1. Kokotov A.N. Federal'nyj zakonodatel'nyj process: ponyatie i struktura // Pravovedenie. - 2001.- № 1.- S. 53-63.
2. Pravotvorchestvo v SSSR / Pod red. prof. A.V. Mickevicha. - M.: YUrid. literatura, 1974. - 319 s.
3. Ushakov A.A. Metodologiya sovetskogo zakonotvorchestva // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. - 1979.- № 12.- S. 29-37.
4. Halfina R.O. Problemy sovetskogo pravotvorchestva // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. - 1980.- № 11.- S. 33-40.
5. Savel'eva E.M. Problemy sovershenstvovaniya zakonodatel'noj deyatel'nosti v Rossii na federal'nom urovne // Gosudarstvo i pravo.- 2001.- № 9.- S. 5-10.
6. Pigolkin A.S. Tolkovanie norm prava i pravotvorchestvo: problemy sootnosheniya / Zakon: sozdanie i tolkovanie. - S. 65-75.
7. Drejshev B.V. Pravotvorchestvo i pravovoe regulirovanie // Pravovedenie. - 1985.- №1. - S. 30-36.
8. Pravovye akty. Uchebno-prakticheskoe i spravochnoe posobie / YU.A. Tihomirov, I.V. Kotelevskaya. – M.: Izd-vo g. Tihomirova M.YU., 1999. – 381 s.
9. Protasov V.N. YUridicheskaya procedura.- M.: "YUridicheskaya literatura", 1991. - 79 s.
10. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) [Elektronnyj resurs]: Rezhim dostupa: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ Data obrashcheniya: 20.03.2021 g.
11. Konstituciya Respubliki Krym. Prinyata Gosudarstvennym Sovetom Respubliki Krym 11 aprelya 2014 goda. [Elektronnyj resurs]: URL: Krym <https://rk.gov.ru/ru/structure/39/> / Data obrashcheniya: 30.03.2020 g.
12. Konstituciya Avtonomnoj Respubliki Krym. Zakon Ukrainy ot 23 dekabrya 1998 goda № 350-XIV Ob utverzhdenii Konstitucii Avtonomnoj Respubliki Krym (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 19.03.2009 g.) Elektronnyj resurs: Rezhim dostupa: URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30810698#pos=6;-108 / Data obrashcheniya: 20.03.2021 g.
13. Postanovlenie Gosudarstvennogo Soveta respubliki Krym ot 24 dekabrya 2014 goda N 376-1/14 O Reglamente Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Krym (s izmeneniyami na 16 iyunya 2021 goda) Elektronnyj resurs : Rezhim dostupa: URL: <https://docs.cntd.ru/document/413904621>. Data obrashcheniya: 16 iyunya 2021 g.
14. Zakon Respubliki Krym ot 15 maya 2014 goda №2-ZRK "O Gosudarstvennom Sovete Respubliki Krym - Parlamente Respubliki Krym". Elektronnyj resurs: Rezhim dostupa: URL: <https://rg.ru/2014/06/11/krim-zakon2-reg-dok.html> . Data obrashcheniya: 16 iyunya 2021 g.

УДК 342.5

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(1)- 83-93

КОНСТИТУЦИОННАЯ СИСТЕМА СДЕРЖЕК И ПРОТИВОВЕСОВ: ПАРЛАМЕНТ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Нифанов А. Н., Шамаева К. В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В статье освещаются теоретические и практические аспекты представительного (законодательного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации – Чеченской Республики: Парламент Чеченской Республики. Отражены вопросы формирования и эволюции парламента Чеченской Республики как высшего представительного и законодательного органа власти Республики. Проведен анализ законодательных возможностей парламента. Определено место парламента в системе других органов государственной власти.

Ключевые слова: Конституция, парламент, депутаты, закон, субъекты законодательной инициативы, региональный парламент, парламентаризм, представительный и законодательный органы.

Система органов государственной власти субъекта Российской Федерации – Чеченской Республики – устанавливается республиканской Конституцией в соответствии с основами конституционного строя Российской Федерации и общими принципами организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, установленными федеральным законом. Прежде всего, речь идет об одноименном Федеральном законе № 184 «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [1] (далее - Федеральный закон № 184 «Об общих принципах»).

На республиканском уровне, помимо Конституции, правоотношения в сфере организации и деятельности органов государственной власти субъекта регулируются конституционными законами [2,3,4], законами [6,7], регламентами органов государственной власти республики [8,9]. В качестве общего принципа, в соответствии с Федеральным законом № 184 «Об общих принципах», взаимодействие ветвей власти субъекта Российской Федерации (законодательной и исполнительной) допускается только в формах, установленных данным Законом и законом субъекта Российской Федерации, который не должен противоречить федеральному закону (п.2 ст.23).

Высшим, единственным и постоянно действующим органом законодательной власти субъекта Российской Федерации является законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации, наименование и структура которого устанавливается субъектом Российской Федерации самостоятельно (статья 4 Федерального закона № 184 «Об общих принципах»). В Конституции Чеченской Республики законодательный орган именуется Парламентом (ст.5, глава 5 и др.) [5]. Федеральный закон ограничивает конституционно-правовое усмотрение субъекта только в части запрета совпадений с наименованиями федеральных органов государственной власти, но и с концептуальной точки зрения

наименование «парламент» не вызывает возражений [10]. Как резюмирует И.А. Старостина, допустимость нормативного названия «парламент» обусловлена постоянным характером деятельности законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации, переходом всех или части депутатов в этот орган на освобожденную работу с получением за нее вознаграждения, выполнением этим органом ряда функций, присущих парламенту, включая законоотворчество и парламентский контроль [11, с.102].

Относительно структуры законодательного (представительного) органа власти следует отметить, что Парламент Чеченской Республики первого созыва (2005 год) состоял из двух палат. Необходимость создания второй палаты законодательного органа определялась субъектами Российской Федерации исходя из общих конституционно-политических предпосылок (усовершенствование законодательного процесса, представительство определенных публично-территориальных групп населения, «сдерживание горячности нижней палаты», «каждое уважающее себя государство...» и т.п.) применительно к условиям каждого субъекта Российской Федерации [12].

Сложная политическая, социальная и демографическая обстановка в республиках, входящих в состав Южного федерального округа виделась исследователям основанием для установления именно двухпалатной структуры законодательного органа власти. Так, в работе Е.В. Луценко плюсы «специального представительства» и «сдерживания горячности» отстаивались следующим образом: «формирование верхней палаты законодательного органа власти в республике ЮФО из числа представителей административно-территориальных единиц, в каждой из которых проживают, как правило, различные народности и национальные и этнические общности, позволит обеспечить, наряду с представительством, как интересы населения в целом, так и интересы наций в многонациональных республиках, интересы отдельных групп и слоев общества, а также оптимизировать законодательный процесс, используя верхнюю палату как противовес поспешным и недостаточно продуманным законодательным решениям условно «нижней палаты»; стабилизировать государственность и политические отношения в обществе» [13, с.12]. Как заметил в свое время по этому поводу Председатель Совета глав администраций городов и районов Чеченской Республики, глава администрации Шалинского района Шерип Алихаджиев: «У нас много тейпов, нужно соблюсти все интересы» [14].

Между тем, практика парламентской деятельности Чеченской Республики (как и других субъектов Российской Федерации) во взаимосвязи с реализацией норм федерального законодательства продемонстрировала невысокую значимость многих из приведенных факторов в действующем федеративном поле. Так, законодательный процесс в Республике требовал, прежде всего, оперативности как с точки зрения восполнения законодательной базы субъекта, так и приведения ее в соответствие с весьма динамично развивающимся федеральным законодательством. «Продуманность» решений нижней палаты при целях своевременного реагирования на изменения федерального законодательства никак не зависит от двойного указания на эту цель еще и верхней палаты. Конечно, двойной фильтр совершенней, но при данных задачах вторая палата должна бы состоять из квалифицированных юристов, что в рамках действующей конституционно-правовой системы законодательством субъекта предусмотреть невозможно. Во всех остальных случаях это затратный меха-

низм, нецелесообразно расходуя время и ресурсы. Здесь уместно процитировать и высказывание 2008 года председателя Народного собрания парламента республики Дуквахи Абдурахманова: «двухпалатный парламент – слишком большая роскошь для республики и никакой надобности в нем нет» [15].

Определение оптимального состава и структуры законодательных органов, по мнению Б.Д. Накашидзе и Ж.И. Осканова, связано с решением задачи обеспечения (законодательной) деятельности данных органов и в то же время должно создавать условия для наиболее полного учета интересов населения субъекта Российской Федерации [16]. Очевидно, избрание однопалатной структуры парламента Чеченской Республики явилось оптимальным политико-правовым решением, соответствующим, помимо прочего, общефедеративной практике отказа от двухпалатной структуры законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации.

Отметим, что и по другим параметрам Парламент Чеченской Республики отличается от законодательных собраний иных субъектов Федерации. Например, в Республике все депутаты работают на профессиональной постоянной основе (п.1 ст.6 Закона «О статусе депутата Парламента Чеченской Республики»). Помимо Чеченской Республики, полностью на профессиональной основе работают только депутаты Законодательного собрания г. Санкт-Петербурга. Кроме того, все депутаты Парламента избираются по пропорциональной избирательной системе (ст. 5 Закона «О выборах депутатов Парламента Чеченской Республики» [17]).

Согласно Конституционному Закону «О Парламенте Чеченской Республики», этот орган обладает законодательными и контрольными функциями, к его задачам относится взаимодействие с федеральными (например, право законодательной инициативы по внесению законопроектов в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации, членство председателя республиканского парламента в Совете законодателей при Федеральном Собрании Российской Федерации) и региональными органами законодательной власти, иными органами государственной власти Российской Федерации и Чеченской Республики, органами местного самоуправления Республики (устанавливает порядок проведения выборов в органы местного самоуправления на территории Чеченской Республики, обеспечивает гарантии развития и деятельности органов местного самоуправления на территории республики (п.1,2 ст. 6 Конституционного Закона «О Парламенте Чеченской Республики»), а также «привлечение населения, общественных объединений к управлению республикой» (ст.3). Возможно, так сконструирована представительская функция Парламента Республики. Полномочия Парламента закреплены в ст.83 Конституции Чеченской Республики, главе 3 Конституционного Закона «О Парламенте Чеченской Республики».

К принципам деятельности Парламента, помимо целостности Федерации и верховенства федерального права, относятся разграничение полномочий между ним и органами исполнительной власти Республики, гласность, подконтрольность избирателям, учет национальных, языковых, религиозных и иных общественно значимых интересов (ст.4). Принцип разделения властей напрямую отражен в статье 5, посвященной взаимодействию Парламента с органами государственной власти Республики. Система сдержек и противовесов в конституционной системе Республики (на основании Конституции Республики, конституционных законов о парламенте и ор-

ганах исполнительной власти, регламентов Парламента и Правительства) выглядит следующим образом:

- Парламент принимает законы о Главе Республики, органах власти Республики;
- Парламент назначает выборы Главы Чеченской Республики, Парламента Республики;
- Парламент может быть распущен Главой Республики (основания - не изменен противоречащий законодательству нормативно-правовой акт, не проведено заседание – п.2, 2.1 ст. 9 Федерального закона № 184 «Об общих принципах»), распущен по решению суда (неправомочный состав);
- Парламент может выразить недоверие Главе Республики (не изменен противоречащий законодательству нормативно-правовой акт, нарушено законодательство с последствиями в виде массового нарушения прав и свобод граждан, ненадлежащее исполнение обязанностей), которое передается на рассмотрение Президента Российской Федерации;
- Парламент может выразить недоверие руководителям органов исполнительной власти Чеченской Республики, в назначении которых на должность он участвует;
- Парламент дает согласие на назначение Председателя Правительства Чеченской Республики (если руководство Правительством Чеченской Республики не осуществляется непосредственно Главой Чеченской Республики (п.3 ст.83 Конституции Чеченской Республики)), его заместителей, министров финансов, экономики, промышленности и сельского хозяйства;
- Парламент заслушивает ежегодный отчет Председателя Правительства Чеченской Республики о результатах деятельности Правительства, в том числе по вопросам, поставленным Парламентом;
- Парламент назначает по представлению Главы Республики судей Конституционного Суда Чеченской Республики (*в связи с предстоящим упразднением суда данное полномочие парламент утратит*) и мировых судей Чеченской Республики, Председателя Счетной палаты и Уполномоченного по правам человека в Чеченской Республике (и освобождает его от должности);
- Парламент обращается к Главе и Правительству с предложением изменения или отмены их нормативно-правовых актов;
- споры о компетенции разрешаются путем согласительных процедур, при отсутствии согласия – обращением в Конституционный Суд Российской Федерации;
- представитель Главы Республики вправе *участвовать* в заседаниях Парламента (комитетов и комиссий), Председатель Правительства Чеченской Республики, иные члены Правительства или уполномоченные ими лица вправе *присутствовать* на заседаниях Парламента и образуемых им органов с правом совещательного голоса (присутствовать и выступать на заседаниях согласно Регламенту Парламента (ст.61)), депутаты (в оговоренных случаях – работники Аппарата Парламента) вправе *присутствовать* на заседаниях органов исполнительной власти (согласно Конституционному Закону «О Парламенте Чеченской Республики»), согласно Конституционному Закону «О системе органов исполнительной власти Чеченской Республики» – *участвовать* в заседаниях Правительства (как и представители Главы Республики, высших судов, прокуратуры и др.). Как можно убедиться, несмотря на очевидную содержательную разницу, «присутствовать» и «участвовать» используются в республиканском законодательстве как синонимы, и во взаимосвязи с поло-

жениями Регламента Парламента могут быть истолкованы как «присутствовать и выступать».

Таким образом, принцип разделения властей выдержан в конституционных основах взаимодействия органов государственной власти Республики, наличествует перекрестный контроль нормотворчества, через посредство судебной власти замыкающийся на федеральном уровне. В сущности, без участия федеральных органов власти, региональные органы власти не могут законно прекратить свою деятельность (за исключением самороспуска).

На первый взгляд, Парламент обладает политическим влиянием в части возможности выразить недоверие Главе Республики (за ненадлежащее исполнение обязанностей) и тем членам Правительства, согласие на назначение которых дано Парламентом. Эта процедура не реализовывалась на практике, но и нормативного механизма для нее не предусмотрено (в том числе и в регламенте Парламента). Предусмотренные же механизмы в виде процедуры дачи согласия на назначение Председателя Правительства (или отказа в таковом) сконструированы так, что согласие в любом случае просто должно быть получено (глава 25 Регламента Парламента Чеченской Республики). Оно, разумеется, должно быть получено, коль скоро прямого федерального замещения (как в случае, допустим, формирования Парламентом половины состава Избирательной комиссии субъекта (сходные нормы Регламента Парламента Чеченской Республики) которая будет назначена ЦИК в случае неформированности органами власти субъекта [8, гл.26; 18, п.7 ст.22; 19, п.11 ст.4]) не предусматривается. Однако, на наш взгляд, нормы, предусматривающие процедуру согласования кандидатур (их количество, сроки повторного рассмотрения и т.п.), будучи принятыми, соответствовали бы конституционным полномочиям Парламента в полной мере. К сожалению, эти вопросы не нашли отражения в новом регламенте Парламента Чеченской Республики, принятом 1 июля 2021 года.

В контексте конституционных основ взаимодействия органов государственной власти Чеченской Республики отдельного рассмотрения заслуживает право законодательной инициативы. В соответствии с Конституцией Чеченской Республики (п. 1 ст. 87) право законодательной инициативы, помимо Главы Республики, предоставлено Правительству Республики, Администрации Главы и Правительства Республики, депутатам Парламента и представительным органам местного самоуправления, а также высшим судам (Конституционному Суду Чеченской Республики (*до упразднения суда*), Верховному суду Чеченской Республики, Арбитражному суду Чеченской Республики) и Избирательной комиссии Чеченской Республики по вопросам их ведения. Предложения об изменениях в Конституцию Республики вносят Глава Республики, Правительство, группа депутатов (не менее 21 – половина состава Парламента) и представительные органы местного самоуправления (п.2 ст.112 Конституции Чеченской Республики).

Законопроекты, внесенные в Парламент Главой Чеченской Республики, рассматриваются по его предложению в первоочередном порядке (ч. 2 ст. 87 Конституции Чеченской Республики). Ускоренный порядок рассмотрения законопроектов, предложенных главой Чеченской Республики, отмечают исследователи, подчеркивая важность для региона деятельности высшего должностного лица региона, необходимость оперативного и эффективного действия для решения острых вопросов жизнедеятельности общества» [20, с.250]. Отметим также, что подобная практика (рас-

смотрение в первоочередном порядке законопроектов, инициированных Президентом Российской Федерации) имеет место и в федеральном парламенте, но устанавливается на уровне Регламента Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [21].

В круг субъектов законодательной инициативы Республики не входят допускаемые Федеральным законом № 184 «Об общих принципах» (ст.6) и законодательством иных субъектов Российской Федерации граждане, общественные организации, Уполномоченный по правам человека, Прокурор Республики или представители Республики в Совете Федерации. Возможно, наделение только представительных органов местного самоуправления (как максимально приближенный к населению уровень и минимальная федеральная гарантия) правом законодательной инициативы недостаточно для «привлечения» населения к управлению Республикой, в необходимости которого убеждены чеченские исследователи [22, с.46-48]. Конечно, технико-юридические требования по внесению законопроекта предполагают серьезный уровень работы над ним, но общественная организация могла бы с этим справиться и, на наш взгляд, войти в круг субъектов законодательной инициативы в Республике (правозащитные организации, например).

Касательно практики реализации права законодательной инициативы, статистика работы с законопроектами Парламента Чеченской Республики за 2015-2017 годы демонстрировала вполне схожую с федеральным процессом динамику [23]:

Внесено проектов законов республики / из них принято в окончательном чтении (субъекты законодательной инициативы, не вносившие законопроекты, не указаны).	2015 г.	2016 г.	2017 г.
депутатами Парламента Чеченской Республики	43/26	65/47	16/6
Главой Чеченской Республики (врио Главы Чеченской Республики, и.о. Главы Чеченской Республики)	66/6		
Правительством Чеченской Республики	26/25	9/8	
представительными органами муниципальных образований Чеченской Республики	2/0		
Избирательной комиссией Чеченской Республики	1/1	4/3	

Большинство законопроектов вносились депутатами, но результативность законодательной инициативы органов исполнительной власти – практически 100%, суды не вносили законопроекты, органы местного самоуправления также трудно назвать активными участниками законодательного процесса.

В дальнейшем Парламент Республики отказался от предоставления (размещения на официальном сайте) статистики по субъектам законодательной инициативы. Определенные выводы мы можем сделать исходя из размещаемых планов законотворческой деятельности, таблиц законопроектов, находящихся на рассмотрении в Парламенте Чеченской Республики, отчетов о работе Парламента и перечня принятых законов [24]. Так, на 2021 год планом законотворческой деятельности предусмотрено схожее с 2015 годом количество инициируемых законопроектов теми же субъектами:

- депутаты Парламента – 47;
- Правительство Республики – 24;

– Избирательная комиссия – 3.

Иные субъекты законодательной инициативы в плане не представлены. Согласно разделам плана, инициатива в области бюджетного, налогового и финансового законодательства ожидается принадлежат Правительству (8 запланированных законопроектов против 2-х у депутатов), а в области социальной политики – депутатам Парламента (8 против 1 у Правительства). При этом среди законопроектов на рассмотрении обнаруживается проект закона Чеченской Республики «О физической культуре и спорте в Чеченской Республике» внесенный 16 июня 2021 г. Правительством Чеченской Республики (в плане работы законопроект находится в разделе социальной политики, субъектом значатся депутаты Парламента). Законопроекты, инициируемые Избирательной комиссией Чеченской Республики, запланированы в разделе «Государственное строительство и конституционные права граждан», на данный момент принято 2 из 3 запланированных законопроектов. Это по-прежнему единственный орган, реализующий специальное право законодательной инициативы, и реализующий результативно.

Представительные органы местного самоуправления, не обозначенные в плане законотворческой деятельности, пока инициировали в этом году один законопроект – проект закона Чеченской Республики «О внесении изменений в Закон Чеченской Республики «О реестре должностей муниципальной службы в Чеченской Республике», внесенный 25 июня 2021 г. Грозненской городской думой (в плане работы субъектом, инициирующим этот законопроект, значилось Правительство). Грозненская городская дума является безусловным флагманом (если не единственным органом), реализации права законодательной инициативы представительных органов местного самоуправления. Именно ей принадлежат 2 безуспешные законодательные инициативы 2015 г. в вышеприведенной таблице, а также 2 реализованные инициативы в 2018 г. и одна в 2020 г. Шесть законопроектов, внесенных в Парламент Республики с 2015 по 2021 гг. представительными органами местного самоуправления (Грозненской городской думой) касались:

- внесения изменений в Закон Чеченской Республики от 4 августа 2010 года № 40-рз «О реестре должностей муниципальной службы» (2);
- внесения изменений в Закон Чеченской Республики от 8 мая 2008 года № 17-рз «Об административных правонарушениях» (2);
- преобразования, изменения границ муниципальных образований (2);

Последние три законопроекта были приняты Парламентом [25]. Как с количественной, так и с содержательной точки зрения, на наш взгляд, можно сделать вывод о формально-образовательном участии представительных органов местного самоуправления Республики в законотворческом процессе, никакого существенного влияния на этот процесс и его результаты не оказывающего. Между тем, как указывалось ранее, это единственный наиболее близкий населению уровень субъекта законодательной инициативы. Расширение, активизация работы представительных органов местного самоуправления в этом направлении не видится перспективной с точки зрения демократического баланса и выражения чаяний граждан, так как в целом правотворческая функция на муниципальном уровне, преимущественно, принадлежит федеральному органу власти – прокуратуре Чеченской Республики, $\frac{3}{4}$ муниципальных правовых актов принимаются при непосредственном участии органов

прокуратуры Республики [26, с. 38-41]. Предоставление же права законодательной инициативы (права внесения законопроектов в Парламент Чеченской Республики) общественным организациям республики способствовало бы, на наш взгляд, демократическому развитию рассматриваемого субъекта Российской Федерации, усилению позиций парламента в системе сдержек и противовесов.

Относительно иных субъектов законодательной инициативы следует также отметить, что в статистике, предоставляемой Парламентом Республики, не указана Администрация Главы и Правительства. В целом, отдельное право законодательной инициативы для трех органов и должностных лиц исполнительной власти общей компетенции (при том, что в состав Администрации входят и Глава, и Председатель Правительства, и его заместители) выглядит излишним дроблением права законодательной инициативы и, судя, по статистике, не осуществляемым на практике.

Высшие органы исполнительной власти Республики, как можно было убедиться, являются 3 из 5 субъектов общей законодательной инициативы. С количественной точки зрения это 3 субъекта против 56 (интересным представляется и количественное соотношение Парламента (41 депутат) и Правительства (26 членов), и это только Правительство, без Главы Республики и Администрации Главы и Правительства, рассматриваемое как политический орган и представляющий собой весьма широкую (сравнительно) «коллегию советников»). Именно эти три субъекта обеспечены весомой административной, правовой и иными видами поддержки, позволяющими вносить законопроекты с учетом гарантий их последующей реализации, и, соответственно, демонстрирующие эффективное использование данного правомочия. В данном случае система взаимоотношений законодательных и исполнительных органов государственной власти Республики как бы замыкается, проводя сквозь властный механизм народного представительства инициативу исполнительных органов власти к последующему выполнению ими же. И, как отмечает в недавнем интервью Председатель Парламента Чеченской Республики IV созыва Магомед Даудов относительно исполнительной власти региона: «У нас никогда не было проблем во взаимодействии» [27].

Отдавая должное слаженному механизму законодательной работы в Республике, невозможно не обратить внимание на развернутость этой системы «воронкой вверх» – к федеральным органам власти, самостоятельно или совместно с другими субъектами Российской Федерации (посредством Северо-Кавказской парламентской ассоциации, например). Высказанные нами предложения не призваны перевернуть ее, но расширить источник: пересмотреть перечень субъектов законодательной инициативы, предусмотреть парламентские процедуры в соответствии с полномочиями Парламента. Современный конституционно-правовой климат Чеченской Республики благоприятствует, на наш взгляд, подобным изменениям.

Список литературы:

1. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: Федеральный закон № 184-ФЗ от 06.10.1999 года (последняя редакция) – Текст: непосредственный.
2. О Парламенте Чеченской Республики : Конституционный закон Чеченской Республики № 2-РКЗ от 02 декабря 2008 года : с изм. на 15 марта 2021 г. // СПС Консультант Регион.
3. О системе органов исполнительной власти Чеченской Республики : Конституционный закон Чеченской Республики № 7 - РКЗ от 31 октября 2006 года : с изм. на 27 июня 2019 г. // СПС Консультант Регион.

4. О Конституционном Суде Чеченской Республики : Конституционный закон Чеченской Республики № 2-РКЗ от 24 мая 2006 года : с изм. на 31 декабря 2010 г. // СПС Консультант Регион.
5. Конституция Чеченской Республики (принята на референдуме 23 марта 2003 года) // СПС «КонсультантПлюс».
6. О статусе депутата Парламента Чеченской Республики : Закон Чеченской Республики № 1- РЗ от 28 февраля 2006 года : с изм. на 08 мая 2008 г. – Текст: непосредственный.
7. О выборах Главы Чеченской Республики : Закон Чеченской Республики № 13 – РЗ от 18 июня 2012 года : с изм. на 16 июня 2021 г. – Текст: непосредственный.
8. О Регламенте Парламента Чеченской Республики: Постановление Парламента Чеченской Республики № 1068–4с от 01.07.2021 года. – Текст: непосредственный.
9. Об утверждении Регламента Правительства Чеченской Республики: Постановление Правительства Чеченской Республики № 1 от 26 января 2005 года – Текст: непосредственный.
10. Лебедев, В.А. Законодательная и исполнительная власть субъектов Российской Федерации в теории и практике государственного строительства. Москва, 2015. – Текст: непосредственный.
11. Авакьян, С.А. Организация государственной власти в России и зарубежных странах: Учебно-методический комплекс: Юстицинформ, 2014.- 692 с. С. 102 - Текст: непосредственный.
12. По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 4, подпункта «а» пункта 3 и пункта 4 статьи 13, пункта 3 статьи 19 и пункта 2 статьи 58 Федерального закона от 19 сентября 1997 года «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 17-П от 10 июня 1998 года - Текст: непосредственный.
13. Луценко, Е.В. Федеративная природа института законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации: дис. на соискание канд. юрид. наук / Луценко Елена Викторовна; ФГОУ ВПО «Северо-Кавказская академия государственной службы» - Ростов-на-Дону, 2008. С. 12 - Текст: непосредственный.
14. Независимая Газета. – Москва, 2001. - № 208 (27 ноября) - Текст: непосредственный.
15. Кавказский Узел: цифровой ресурс: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/103352/> (дата обращения – 15.08.2021 г.) – Текст : электронный.
16. Накашидзе Б.Д., Осканова Ж.И. Органы государственной власти субъектов Российской Федерации и развитие институтов представительной демократии // Государственное управление. Электронный вестник Выпуск № 33. Август 2012 г. - Текст: непосредственный.
17. О выборах депутатов парламента Чеченской Республики : Закон Чеченской Республики № 15-РЗ от 25 мая 2016 года : с изм. на 16 июня 2021 г. – Текст: непосредственный.
18. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : Федеральный закон №67-ФЗ от 12 июня 2002 года (последняя редакция) – Текст: непосредственный.
19. О системе избирательных комиссий в Чеченской Республике : Закон Чеченской Республики № 6-РЗ от 26 марта 2013 года : с изм. на 16 июня 2021 г. – Текст: непосредственный .
20. Гумашвили, Л. Э. Комментарий к Конституции Чеченской Республики : под общ. ред. Л. Э. Гумашвили, В.Ю. Муртазалиева. - Махачкала : Алф, 2013. С. 250. – Текст: непосредственный.
21. О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания РФ : Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации № 2134- П от 22 января 1998 года : с изм. на 15 декабря 2015 г. – Текст: электронный, Система ГАРАНТ .
22. Иналкаева К.С. Законодательная инициатива Парламента Чеченской Республики // Актуальные проблемы российского права. – 2016 – №9 (70). – Текст: непосредственный
23. Цифровой ресурс: <http://parlamentchr.ru/deyatelnost/statistika-zakonotvorcheskoj-raboty> (дата обращения - 20.11.2017 г.) – Текст : электронный.
24. Цифровой ресурс: официальный сайт Парламента Чеченской Республики <https://parlamentchr.ru/> (дата обращения - 15.08.2021 г.) – Текст : электронный.
25. Цифровой ресурс: официальный сайт Грозненской городской думы <https://grozgarduma.ru/> (дата обращения - 15.08.2021 г.) – Текст : электронный.
26. Шамаева, К.В. Особенности муниципального правотворчества в Чеченской Республике // Градостроительное право 2021 №3 С. 38-41 – Текст: непосредственный.
27. Цифровой ресурс: <https://parlamentchr.ru/analitika/magomed-daudov-dlya-regionalnyh-vlastej-bezuslovnym-prioritetom-yavlyayetsya-soczialno-ekonomicheskaya-sfera.html> : Магомед Даудов: Для реги-

ональных властей безусловным приоритетом является социально-экономическая сфера (дата посещения - 15.08.2021 г.).

Alexey N. Nifanov, Shamaeva Karina Vahitovna. The constitutional system of checks and balances: the parliament of the Chechen Republic // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 83-93.

The article highlights the theoretical and practical aspects of the representative (legislative) body of state power of the subject of the Russian Federation - the Chechen Republic: the Parliament of the Chechen Republic. The issues of formation and evolution of the Parliament of the Chechen Republic as the highest representative and legislative body of the Republic are reflected. The analysis of legislative possibilities of parliament is carried out. The place of parliament in the system of other bodies of state power is determined.

Keywords: Constitution, parliament, deputies, law, legislative initiatives, regional parliament, parliamentarism, representative and legislative bodies.

Spisok literatury:

1. Ob obshchih principah organizacii zakonodatel'nyh (predstavitel'nyh) i ispolnitel'nyh organov gosudarstvennoj vlasti sub"ektov Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon № 184-FZ ot 06.10.1999 goda (poslednyaya redakciya) – Tekst: neposredstvennyj.
2. O Parleme CHEchenskoj Respubliki : Konstitucionnyj zakon CHEchenskoj Respubliki № 2-RKZ ot 02 dekabrya 2008 goda : s izm. na 15 marta 2021 g. //SPS Konsul'tant Region.
3. O sisteme organov ispolnitel'noj vlasti CHEchenskoj Respubliki : Konstitucionnyj zakon CHEchenskoj Respubliki № 7 - RKZ ot 31 oktyabrya 2006 goda : s izm. na 27 iyunya 2019 g. // SPS Konsul'tant Region.
4. O Konstitucionnom Sude CHEchenskoj Respubliki : Konstitucionnyj zakon CHEchenskoj Respubliki № 2-RKZ ot 24 maya 2006 goda : s izm. na 31 dekabrya 2010 g. //SPS Konsul'tant Region.
5. Konstituciya CHEchenskoj Respubliki (prinjata na referendumе 23 marta 2003 goda) // SPS «Konsul'tantPlyus».
6. O statute deputata Parlamenta CHEchenskoj Respubliki : Zakon CHEchenskoj Respubliki № 1- RZ ot 28 fevralya 2006 goda : s izm. na 08 maya 2008 g. – Tekst: neposredstvennyj.
7. O vyborah Glavy CHEchenskoj Respubliki : Zakon CHEchenskoj Respubliki № 13 – RZ ot 18 iyunya 2012 goda : s izm. na 16 iyunya 2021 g. – Tekst: neposredstvennyj.
8. O Reglamente Parlamenta CHEchenskoj Respubliki: Postanovlenie Parlamenta CHEchenskoj Respubliki № 1068–4s ot 01.07.2021 goda. – Tekst: neposredstvennyj.
9. Ob utverzhenii Reglamenta Pravitel'stva CHEchenskoj Respubliki: Postanovlenie Pravitel'stva CHEchenskoj Respubliki № 1 ot 26 yanvarya 2005 goda – Tekst: neposredstvennyj.
10. Lebedev, V.A. Zakonodatelnaya i ispolnitelnaya vlast' sub"ektov Rossijskoj Federacii v teorii i praktike gosudarstvennogo stroitel'stva. Moskva, 2015. – Tekst: neposredstvennyj.
11. Avak'yan, S.A. Organizaciya gosudarstvennoj vlasti v Rossii i zarubezhnyh stranah: Uchebno-metodicheskij kompleks: YU-s-ticinform, 2014.- 692 s. S. 102 - Tekst: neposredstvennyj.
12. Po delu o provere konstitucionnosti polozhenij punkta 6 stat'i 4, podpunkta «a» punkta 3 i punkta 4 stat'i 13, punkta 3 stat'i 19 i punkta 2 stat'i 58 Federal'nogo zakona ot 19 sentyabrya 1997 goda «Ob osnovnyh garantiyah izbiratel'nyh prav i prava na uchastie v referendumе grazhdan Rossijskoj Federacii» : Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii № 17-P ot 10 iyunya 1998 goda - Tekst: neposredstvennyj.
13. Lucenko, E.V. Federativnaya priroda instituta zakonodatel'nyh (predstavitel'nyh) organov gosudarstvennoj vlasti sub"ektov Rossijskoj Federacii: dis. na soiskanie kand. yurid. nauk / Lucenko Elena Viktorovna; FGOU VPO «Severo-Kavkazskaya akademiya gosudarstvennoj sluzhby» - Rostov-na-Donu, 2008. S. 12 - Tekst: neposredstvennyj.
14. Nezavisimaya Gazeta. – Moskva, 2001. - № 208 (27 noyabrya) - Tekst: neposredstvennyj.
15. Kavkazskij Uzel: cifrovoy resurs: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/103352/> (data obrashcheniya – 15.08.2021 g.) – Tekst : elektronnyj.
16. Nakashidze B.D., Oskanova ZH.I. Organy gosudarstvennoj vlasti sub"ektov Rossijskoj Federacii i razvitie institutov predstavitel'noj demokratii // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik Vypusk № 33. Avgust 2012 g. - Tekst: neposredstvennyj.
17. O vyborah deputatov parlamenta CHEchenskoj Respubliki : Zakon CHEchenskoj Respubliki № 15-RZ ot 25 maya 2016 goda : s izm. na 16 iyunya 2021 g. – Tekst: neposredstvennyj.
18. Ob osnovnyh garantiyah izbiratel'nyh prav i prava na uchastie v referendumе grazhdan Rossijskoj Federacii : Federal'nyj zakon №67-FZ ot 12 iyunya 2002 goda (poslednyaya redakciya) – Tekst: neposredstvennyj

19. O sisteme izbiratel'nyh komissij v CHEchenskoj Respublike : Zakon CHEchenskoj Respubliki № 6-RZ ot 26 marta 2013 goda : s izm. na 16 iyunya 2021 g. – Tekst: neposredstvennyj .
20. Gumashvili, L. E. Kommentarij k Konstitucii CHEchenskoj Respubliki : pod obshch. red. L. E. Gumashvili, V.YU. Murtazalie-va. - Mahachkala : Alef, 2013. S. 250. – Tekst: neposredstvennyj.
21. O Reglamente Gosudarstvennoj Dumy Federal'nogo Sobraniya RF : Postanovlenie Gosudarstvennoj Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii № 2134- II ot 22 yanvarya 1998 goda : s izm. na 15 dekabrja 2015 g. – Tekst: elektronnyj, Sistema GARANT .
22. Inalkaeva K.S. Zakonodatel'naya iniciativa Parlamenta CHEchenskoj Respubliki // Aktual'nye problemy rossijskogo pra-va. – 2016 – №9 (70). – Tekst: neposredstvennyj
23. Cifrovoj resurs: <http://parlamentchr.ru/deyatelnost/statistika-zakonotvorcheskoj-raboty> (data obrashcheniya - 20.11.2017 g.) – Tekst : elektronnyj.
24. Cifrovoj resurs: oficial'nyj sajt Parlamenta CHEchenskoj Respubliki <https://parlamentchr.ru/> (data obrashcheniya - 15.08.2021 g.) – Tekst : elektronnyj
25. Cifrovoj resurs: oficial'nyj sajt Groznenskoj gorodskoj dumy <https://grozgoduma.ru/> (data obrashcheniya - 15.08.2021 g.) – Tekst : elektronnyj.
26. SHamaeva, K.V. Osobnosti municipal'nogo pravotvorchestva v CHEchenskoj Respublike // Gradostroitel'noe pravo 2021 №3 S. 38-41 – Tekst: neposredstvennyj.
27. Cifrovoj resurs: <https://parlamentchr.ru/analitika/magomed-daudov-dlya-regionalnyh-vlastej-bezuslovnym-prioritetom-yavlyaetsya-soczialno-ekonomicheskaya-sfera.html> : Magomed Daudov: Dlya regional'nyh vlastej bezuslovnym prioritetom yav-lyaetsya social'no-ekonomicheskaya sfera (data poseshcheniya - 15.08.2021 g.).

УДК 342.7

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(1)- 94-100

НАУЧНО-ПРЕЗЕНТАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ МИНИМИЗАЦИИ ПРАВООЩИТНЫХ РИСКОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Новикова А. Е.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Современные стратегические задачи создания незыблемого правозащитного статуса Российской Федерации предполагают наличие солидарного и безопасного правозащитного пространства, созидательно поддерживаемого всеми предназначенными для этого ресурсами и средствами. Однако несмотря на общепризнанные эффективные правозащитные институты национального и международного уровней, права человека под влиянием вызовов и угроз, идентифицируемых в качестве рисков, по-прежнему уязвимы и нуждаются в гарантировании и обеспечении.

Одним из направлений разрешения сложившейся ситуации является обновление конституционно-отраслевого теоретического и практического подхода к реализации правозащитной деятельности. В этой связи нами разработана и в рамках данной статьи презентован минимизирующий аспект конституционной теории правозащитных рисков.

Ключевые слова: правозащитный риск, конституционная теория, минимизация правозащитных рисков, правовой запрет, правозащитный доклад, правозащитная программа.

Самостоятельность конституционно-правовой теории правозащитных рисков опосредована запросом конституционно-правовой науки к поиску новых и обновлению имеющихся теоретических, методологических и практических подходов к защите прав и свобод человека и гражданина [2; 6; 7; 8; 9, с. 59-63; 14; 17, с. 201-207].

В современной России этому курсу уделяется последовательное внимание на высшем официальном уровне при определении основных направлений внутренней и внешней политики, что неизбежно возводится в ранг критерия деятельности законодательной, исполнительной и судебной власти, сказывается на прицельном формировании правозащитной структуры и инфраструктуры российского государства и общества, на подборе востребованных правозащитных механизмов, на активности правозащитного взаимодействия уполномоченных субъектов в формате конституционного партнерства. При этом образцовые правозащитные ожидания существенно искажаются ставшей уже привычной практикой небрежного отношения к человеку, его правам и свободам не только со стороны носителей власти, но и представителей гражданского общества, что в совокупности дает основания диагностировать наличие угроз и обусловленных ими рисков [3; 4; 12, с. 24-27].

Наряду с этим в российскую и иные современные национальные правозащитные системы весьма агрессивно вмешиваются риски международной природы [1, с. 13-23; 5, с. 18-21; 10, с. 45-67; 11; 13, с. 74-76], что ставит перед государствами дополнительные задачи, в том числе по управлению рисками и их минимизации. Опору здесь целесообразно искать, судя по реакции России на такого рода риски, в конституционных ценностях и нормах.

Полагаем, аксиологическое сопряжение, правозащитный императив и институциональные гарантии, имманентные правозащитным рискам подчеркивают значи-

мость их обособления и разработки самостоятельной конституционной теории [15; 16].

Конституционная теория правозащитных рисков композиционно включает совокупность терминологических и дефинитивных конструкций, принципов, универсальных индикаторов распознавания рисков и их критериально-видовых характеристик; основанная на доктринальных постулатах и практике защиты прав человека в целях минимизации правозащитных рисков. Уточним, что в рамках данной работы исследовательское внимание уделено именно минимизации правозащитных рисков.

Поскольку правозащитный риск выступает в качестве разновидности конституционно-правового риска, раскрывающего гуманитарно-аксиологическое содержание конституционной рискологии, он дефинитивно нами обличен в формулировку вероятности отклонения реального правозащитного результата от согласованных государствами стандартов защиты прав и свобод человека и гражданина под воздействием событиями или деяниями.

Ввиду многообразия правозащитных рисков, а также связанных с ними вызовов и угроз, нами в целях их диагностики предложена категория «индикатор правозащитного риска», представляющая собой совокупность определенных ориентирующих показателей, предназначенных и для диагностики состояния правозащитного пространства, и для минимизации правозащитных рисков. Исходя из этого, осуществлена диагностика состояния правозащитного пространства России с помощью следующих индикаторов правозащитных рисков, выражающих наличие/отсутствие: аксиологических акцентов в пользу человека, его прав и свобод; правозащитного законодательства и ресурсов его реализации; типичных и специализированных правозащитных структур; правозащитного взаимодействия; правозащитных процедур и возможностей их применения; адресных правозащитных средств.

В индикативном анализе правозащитного пространства использованы как информативные антропологические, государственно-режимные, юридико-технические и другие аспекты.

Правозащитные риски классифицированы по критериям, идентифицирующим конституционно-правовые риски и риски правозащиты. В частности, обособлены диаметрально противоположные (позитивные и негативные, управляемые и неуправляемые, устранимые и неустраиваемые, статические и динамические), структурные (по структуре правоотношения – субъект-риски и объект-риски; односторонние, двусторонние или многосторонние) и содержательные (по содержанию гражданских, политических, социальных, экономических, культурных, экологических, информационных и иных прав личности) правозащитные риски.

Раскрытие правозащитных рисков также осуществлено с учетом критерия юридической природы. Укрупненно выделены риски, которые имманентны национальному (государственному) и международному уровням.

В связи с присоединением России к ключевым международным правовым актам, составляющим упорядоченную систему регулирования правозащитной сферы, нами были выделены правозащитные риски, возникающие на универсальном, региональном и локальном уровнях. По роли государства в их возникновении раскрыты непосредственные правозащитные риски (исходят от международных институций) и опосредованные (государство является виновником деструктивных правозащитных процедур и статуса международных институтов).

На универсальном уровне правозащитных рисков преобладает индикатор несовершенства процедур и самих специализированных институтов. В видовом многообразии практически каждая разновидность правозащитных рисков коррелируется с генеральными трендами международного права, к примеру, фрагментацией, глобализацией и санкциями.

В отношении регионального уровня достижение компромисса между государством и международной институцией о порядке исполнения решений последней в национальной правовой системе есть ключ к минимизации правозащитных рисков. При этом в России конституционное установление ч. 4 ст. 15 в совокупности с позицией по этому поводу конституционного контролирующего органа представляются конструктивным подходом.

В локальной по отношению к России интеграции – Содружестве Независимых Государств – принципиально иные индикаторы правозащитных рисков, и связаны они с отсутствием специального правозащитного института, а также незаинтересованностью стран-членов полномасштабно регулировать правозащитную сферу.

Основываясь на конституционной гарантированности государственной защиты прав и свобод человека и гражданина (ч. 1 ст. 45) и понимая под ней классическую совокупность условий, средств и факторов, положительно влияющих на данный процесс, полагаем, что именно через гарантии на высшем юридическом уровне Российской Федерацией принимаются меры по минимизации правозащитных рисков. Исходя из этого, а также с учетом видового разнообразия гарантий защиты прав человека, введены общегарантный и специально-гарантный критерии классификации правозащитных рисков.

Так, специально-гарантный критерий связан с совокупностью условий, способов и средств, непосредственно касающихся защиты прав и свобод человека и гражданина. В соответствии с данным критерием выделены и охарактеризованы нормативные, институциональные и процессуальные правозащитные риски.

Общегарантный критерий характеризует совокупность объективных условий конкретного государства, в рамках которого и возникают, и минимизируются правозащитные риски. Это дало основание утверждать о наличии правозащитных рисков, опосредованных, в том числе, условиями и обстоятельствами политической, экономической и социальной природы в сопряжении с основами конституционного строя России.

Как видим, многообразие выявленных правозащитных рисков опосредует для их минимизации необходимость конструктивной государственной реакции.

Исходя из нормативных и доктринальных позиций, а также с учетом тезиса о государстве как носителе функции главного риск-менеджера на основе ст. 2 Конституции Российской Федерации, применительно к процессу положительной корректировки правозащитных ситуаций, опосредованных рисками, обосновано применение термина «минимизация».

Минимизация правозащитных рисков представляет собой, аксиологически и конституционно определяющую деятельность государственных органов по диагностике состояния, оценке угроз и необходимой корректировке правозащитного пространства в целях достижения востребованного баланса фактических правозащитных отношений и их формализованного конституционного стандарта.

Анализ конституционного текста Российской Федерации дал основания для вывода, что минимизация правозащитных рисков целеполагает конструктивное сопряжение совокупности взаимосвязанных правовых средств, группы которых именованы как опорные, производные и ассоциированные. К опорным правовым средствам отнесено конституционное аксиологическое предпочтение человека, его прав и свобод; к производным – конституционная обязанность государства защищать их, запреты правозащитного свойства; к ассоциированным – правозащитно-ориентированные программы и правозащитные доклады государственных органов.

Исходным императивом производных правовых средств являются обязанность-признание, обязанность-соблюдение и обязанность-защита прав и свобод человека и гражданина в их доктринальном и формализованном содержании. В рамках заявленного алгоритма в силу необходимости и важности восстановления нарушенных прав именно обязанность-защита выступила основанием для формирования государственной системы защиты прав и свобод человека и гражданина, которая характеризуется следующими признаками:

- включением элементов общей и специальной компетенции федерального уровня и субъектов Российской Федерации;
- распространением функционала в рамках национальной юрисдикции, а также в качестве направления внешнеполитической деятельности посредством защиты и покровительства граждан Российской Федерации, находящихся за пределами Российской Федерации;
- специализацией применительно к отдельным правовым статусам или субъективным правам;
- активизацией в случае нарушения или несоблюдения формализованных прав и свобод личности.

В ряду производных правовых средств уделено внимание правозащитному запрету как конкретизированному законодательством императивному изъятию из допустимых действий субъектов различной правовой природы для превенции нарушения прав и свобод личности и восстановления их последствий в сопряжении с юридической ответственностью.

Анализ правовых норм советского и современного периодов на предмет наличия в них запретов правозащитного свойства, показал, что для первого из них характерна подзаконная форма закрепления, а для второго – законодательная. Исходя из лингво-юридического метода, сделан вывод, что в условиях демократизации российского общества и государства систематически растет число законодательно устанавливаемых правозащитных запретов, адресуемых публичным властным субъектам.

Учитывая значимость правозащитного взаимовлияния общества и государства, осуществлен предметный разбор правозащитно-ориентированных программ и докладов государственных органов в качестве юридических инструментов, способствующих минимизации правозащитных рисков.

Исходя из проектного метода, правозащитно-ориентированная программа способствует целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию актуальных правозащитных отношений, реализация которых доступна для наблюдения со стороны любого интересующегося субъекта. Это дало основания толковать правозащитно-ориентированную программу как надлежаще формализованный до-

кумент, служащий правовым инструментом реализации задач социально-экономического развития страны через парную и системную консолидацию универсальных для них компонентов – «цель – индикатор», «субъект – объект», «план – ресурс». При этом обоснована значимость правозащитного симбиоза правотворчества и правовой культуры в свете минимизации правозащитных рисков путем установления социальных барьеров правовому нигилизму/фетишизму.

В этой связи в подчеркнуто, что программы (планы), равно как и любые документы периодического характера (комплекс мер, мероприятий и др.), направленные на повышение уровня правовой (в том числе электоральной) культуры, целесообразно актуализировать с учетом современных требований, принимать на федеральном и региональном уровнях, утверждать на краткосрочную или среднесрочную перспективу.

Применение аналитического метода к иным правовым средствам ассоциированной группы позволило охарактеризовать правозащитный доклад в качестве источника информации о состоянии защиты прав и свобод человека и гражданина, о правозащитной деятельности органов государственной власти; основания для консолидации усилий в достижении правозащитного результата для внутреннего ведомственного и общественного контроля.

С учетом этого в рамках решения задач исследования правозащитный доклад раскрыт как нормативно предусмотренный аналитический документ, представляемый государственными органами и должностными лицами, содержащий систематизированную правозащитную информацию для оценки и выявления направлений совершенствования и минимизации правозащитных рисков в данной сфере.

Мы выражаем информированное опасение, что императивность и чрезмерная повсеместность введения докладной деятельности может обернуться воспроизведением текстов без надлежащего анализа реально складывающейся ситуации. Результативным препятствием этому в сфере исполнительной власти, как представляется, послужит разработка и утверждение Правительством Российской Федерации Положения о докладе, включающего традиционно не только основные определения, но и разновидности, структуру докладов, субъекты их принятия, сроки представления и порядок обнародования.

Дальнейшая разработка теории правозащитных рисков сопряжена с типичными специализированными правозащитными структурами, раскрывающими в своей деятельности потенциал всех охарактеризованных ранее правовых средств. Наиболее иллюстративны здесь омбудсменовская служба и комиссионный сегмент (в связи с защитой прав несовершеннолетних). Их стратегический и тактический вклад в минимизацию правозащитных рисков способствовал обособлению политико-правозащитного и оперативно-правозащитного этапов, каждый из которых, имеет собственное содержание.

Подчеркивая значимость принципов в оценке качества правозащитного пространства Российской Федерации, обоснована необходимость устранения пробела, наличествующего в Федеральном конституционном законе от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации». Так, данный закон, ссылаясь на общепризнанные принципы и нормы международного права, необоснованно проигнорировал конкретные принципы деятельности россий-

ской омбудсменовской службы. Для сравнения отметим, что таковые предусмотрены для недавно учрежденного финансового омбудсмена.

Применительно к такому специализированному правозащитному институту, как уполномоченные по правам ребенка, в целях минимизации правозащитных рисков аргументирована необходимость введения в ст. 8 Федерального закона от 27 декабря 2018 г. № 501-ФЗ «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации» нормы, о подготовке специальных докладов следующего содержания: «2. По отдельным вопросам соблюдения прав ребенка Уполномоченный может направлять Президенту Российской Федерации специальные доклады».

В целях минимизации правозащитных рисков силами института уполномоченного по правам человека также целесообразно составление карты правозащитных рисков на основе приведенных выше индикаторов.

В качестве резюме укажем, что каталог представленных публичных властных средств минимизации правозащитных рисков целесообразно пополнять для обеспечения единства правозащитного пространства. Кроме того, считаем, что минимизацию правозащитных рисков перспективно связать и с публичным невластным сегментом.

Список литературы:

1. Авхадеев, В.Р. Практика международных судебных органов в сфере защиты прав человека и ее влияние на законодательство Российской Федерации // Адвокат. 2016. № 3. С. 13-23.
2. Азаров, А., Ройтер, В., Хюфнер, К. Права человека. Международные и российские механизмы защиты. М., 2003, 560 с.
3. Альгин, А.П. Риск и его роль в общественной жизни. М.: Мысль, 1989. 187 с.
4. Арямов, А.А. Общая теория риска: юридический, экономический и психологический анализ. М.: Российская академия правосудия, 2009, 171 с.
5. Балаян, Э.Ю., Сычев, С.С. Международно-правовые принципы защиты прав и свобод человека и гражданина в условиях глобализации // Российская юстиция. 2019. № 11. С. 18-21.
6. Бондарь, Н.С. Гражданин и публичная власть: Конституционное обеспечение прав и свобод в местном самоуправлении. М.: ОАО «Издательский дом "Городец"», 2004. 352 с.
7. Витрук, Н.В. Общая теория правового положения личности. М.: НОРМА, 2008. 448 с.
8. Воеводин, Л.Д. Юридический статус личности в России. М.: Изд-во МГУ; Издательская группа ИНФРА-М, 1997. 298 с.
9. Грудцына, Л.Ю. Правовая природа институтов защиты и охраны прав человека в России // Российская юстиция. 2008. № 2. С. 59-63.
10. Исполинов, А.С. Исполнение решений международных судов: теория и практика // Международное правосудие. 2017. № 1 (21). С. 45-67.
11. Карташкин, В.А. Права человека: международная защита в условиях глобализации. М.: Норма, 2009. 288 с.
12. Киреев, В.В. Конституционные риски: проблемы правовой теории и политической практики // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 3. С. 24-27.
13. Макогон, Б.В. Дифференциация законодательства и расширение предмета правового регулирования в России в условиях глобализации // Образование. Наука. Научные кадры. 2012. № 3. С. 74-76.
14. Мархгейм, М.В. Защита прав и свобод человека и гражданина в современной России: системная конституционная модель, проблемы ее функционирования и совершенствования. Ростов н/Д., Ростиздат, 2005. 199 с.
15. Новикова, А.Е. Правозащитные риски: конституционная теория и практика: Дис. ... докт. юрид. наук. Белгород, 2021. 436 с.
16. Новикова, А.Е. Правозащитные риски: конституционная теория и практика: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Белгород, 2021. 39 с.

17. Тонков, Е.Е. Правозащитная функция и субъективное право: горизонты познания. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2013. № 16 (159). С. 201-207.

Alevtina E. Novikova. Scientific and presentation model of minimizing human rights risks in the activities of the state // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 94-100.

The current strategic tasks of creating an unshakable human rights status of the Russian Federation presuppose the existence of a solidary and safe human rights space, creatively supported by all the resources and means intended for this purpose. However, despite the generally recognized effective human rights institutions at the national and international levels, human rights under the influence of challenges and threats identified as risks are still vulnerable and need to be guaranteed and ensured.

One of the ways to resolve the current situation is to update the constitutional-sectoral theoretical and practical approach to the implementation of human rights activities. In this regard, we have developed and presented the minimizing aspect of the constitutional theory of human rights risks in the framework of this article.

Keywords: human rights risk, constitutional theory, minimization of human rights risks, legal prohibition, human rights report, human rights program.

Spisok literatury:

1. Avhadeev, V.R. Praktika mezhdunarodnyh sudebnyh organov v sfere zashchity prav cheloveka i ee vliyanie na zakonodatel'stvo Rossijskoj Federacii // Advokat. 2016. № 3. S. 13-23.
2. Azarov, A., Rojter, V., Hyufner, K. Prava cheloveka. Mezhdunarodnye i rossijskie mekhanizmy zashchity. M., 2003, 560 s.
3. Al'gin, A.P. Risk i ego rol' v obshchestvennoj zhizni. M.: Mysl', 1989. 187 s.
4. Aryamov, A.A. Obshchaya teoriya riska: yuridicheskij, ekonomicheskij i psihologicheskij analiz. M.: Rossijskaya akademiya pravosudiya, 2009, 171 s.
5. Balayan, E.YU., Sychev, S.S. Mezhdunarodno-pravovye principy zashchity prav i svobod cheloveka i grazhdanina v usloviyah globalizacii // Rossijskaya yusticiya. 2019. № 11. S. 18-21.
6. Bondar', N.S. Grazhdanin i publichnaya vlast': Konstitucionnoe obespechenie prav i svobod v mestnom samoupravlenii. M.: OAO «Izdatel'skij dom "Gorodec"», 2004. 352 s.
7. Vitruk, N.V. Obshchaya teoriya pravovogo polozheniya lichnosti. M.: NORMA, 2008. 448 s.
8. Voevodin, L.D. Yuridicheskij status lichnosti v Rossii. M.: Izd-vo MGU; Izdatel'skaya gruppa INFRA-M, 1997. 298 s.
9. Grudcyna, L.YU. Pravovaya priroda institutov zashchity i ohrany prav cheloveka v Rossii // Rossijskaya yusticiya. 2008. № 2. S. 59-63.
10. Ispolinov, A.S. Ispolnenie reshenij mezhdunarodnyh sudov: teoriya i praktika // Mezhdunarodnoe pravosudie. 2017. № 1 (21). S. 45-67.
11. Kartashkin, V.A. Prava cheloveka: mezhdunarodnaya zashchita v usloviyah globalizacii. M.: Norma, 2009. 288 s.
12. Kireev, V.V. Konstitucionnye riski: problemy pravovoj teorii i politicheskoy praktiki // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2013. № 3. S. 24-27.
13. Makogon, B.V. Differenciaciya zakonodatel'stva i rasshirenie predmeta pravovogo regulirovaniya v Rossii v usloviyah globalizacii // Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry. 2012. № 3. S. 74-76.
14. Marhgejm, M.V. Zashchita prav i svobod cheloveka i grazhdanina v sovremennoj Rossii: sistemnaya konstitucionnaya model', problemy ee funkcionirovaniya i sovershenstvovaniya. Rostov n/D., Rostizdat, 2005. 199 s.
15. Novikova, A.E. Pravozashchitnye riski: konstitucionnaya teoriya i praktika: Dis. ... dokt. yurid. nauk. Belgorod, 2021. 436 s.
16. Novikova, A.E. Pravozashchitnye riski: konstitucionnaya teoriya i praktika: Avtoref. dis. ... dokt. yurid. nauk. Belgorod, 2021. 39 s.
17. Тонков, Е.Е. Правозащитная функция и субъективное право: горизонты познания. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2013. № 16 (159). С. 201-207.

УДК 342.56

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(1)- 101-107

ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ КАК АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

Тресков А. П.

Ростовский государственный университет путей сообщения

Принципы судебной власти, выступая основополагающими началами ее реализации, требуют особого научного и практического внимания в связи с важностью их реализации. Действенным правовым инструментом их обеспечения выступают гарантии. Исходя из этого, в данной статье представлен авторский подход к альтернативным конституционно-правовым гарантиям реализации принципов судебной власти; дана их оригинальная трактовка, а также характеристика примирительных процедур.

В статье уделено внимание содержанию судебного примирения как разновидности примирительных процедур; выявлены направления для совершенствования нового для России способа разрешения споров и конфликтов.

Ключевые слова: принципы судебной власти, альтернативные гарантии, примирительные процедуры, судебное примирение, судья в отставке.

В рамках данной работы обратимся к раскрытию альтернативных конституционно-правовых гарантий реализации принципов судебной власти. Под ними мы предлагаем понимать совокупность формализованных в нормативных правовых актах условий, способов и средств, предназначенных для разрешения споров, нейтрализации конфликтных ситуаций специальными субъектами, действующими на основе принципов, характерных и для судебной власти в следствие чего содействующих их реализации в достижении правозащитных целей. К таким гарантиям мы относим законодательно предусмотренные альтернативные правосудию способы разрешения споров, конфликтов специальными субъектами.

О корреляции альтернативных конституционно-правовых гарантий с реализацией принципов судебной власти, полагаем свидетельствует законодательное установление ч. 1 ст. 153.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: суд принимает меры для примирения сторон, содействует им в урегулировании спора, руководствуясь при этом интересами сторон и задачами судопроизводства [1, 2]. Кроме разрешения конфликта в судебном заседании, судья может сообщить сторонам об альтернативном способе решения спора, к примеру, медиации и стороны самостоятельно или по предложению судьи могут сделать свой выбор для наилучшего разрешения спора [3].

Еще одним основанием для корреляции альтернативных конституционно-правовых гарантий с реализацией принципов судебной, на наш взгляд, является частичная идентичность каталогов таких принципов для суда и специальных инстанций / процедур. Разумеется, специфика альтернативных процедур и способ опосредует наличие у них и аутентичных принципов. К примеру, в соответствии с ч. 2 ст. 153.1 Гражданского процессуального кодекса РФ примирение сторон осуществляется на основе принципов добровольности, сотрудничества, равноправия и конфи-

денциальности. Как видим, из четырех принципов 3 (кроме равноправия) являются оригинальными именно для процедур примирения сторон.

В числе причин, актуализирующих альтернативные конституционно-правовые гарантии реализации принципов судебной власти – высокая конфликтность общества с разнонаправленными интересами индивидов, перегруженность судов, низкая исполнимость судебных решений [4, с. 21] и др., что наглядно демонстрируют статистические данные. Так, в 2020 г. суды рассмотрели 38,4 млн. дел, что на 11 % больше, чем в 2019 г.; нагрузка на суды по гражданским делам растет +10 % за год [5].

Уточним, что в отечественной юриспруденции¹¹ типично мнение, согласно которому несмотря на множество мер, распространяющих способы мирного урегулирования конфликтов, примирительные процедуры не пользуются популярностью среди населения [6]. Однако, считаем, что заявленные гарантии, как и любое новое явление, в перспективе позитивно продемонстрирует свой процессуально-гуманитарный потенциал.

Следует заметить, что в зарубежном опыте примирительные процедуры больше не являются альтернативой правосудию, они стали основными компонентами судебной системы и интегрированы в судопроизводство [7, р. 245]. Данным опосредована разница и в доктринальных подходах к ним: от расширения такой интеграции с поддержкой, к примеру, индустрии профессиональных медиаторов, до утверждения, что альтернативные способы разрешения споров могут создавать угрозу правосудию и законным правам, особенно для тех, у кого нет власти, денег или доступа к адвокату [7, р. 247]. Уточним, что в России подобного рода глубокой интеграции не произошло; все альтернативные способы формализованы в законодательстве, а часть из них реализуется при содействии непосредственно судей.

В нашем государстве ориентироваться на видовое многообразие заявленных гарантий необходимо, исходя из Главы 14.1 «Примирительные процедуры. Мировое соглашение» Гражданского процессуального кодекса РФ. Согласно его ст. 153.3 споры могут быть урегулированы путем проведения переговоров, посредничества, в том числе медиации, судебного примирения, или использования других примирительных процедур. Подчеркнем, что приведенные примирительные процедуры являются лишь частью альтернативных способов разрешения споров.

Доктрина права с учетом вариативности примирительных процедур в различных правовых системах группирует их в зависимости от роли и степени участия судей. Группы представлены такими разновидностями, как

«– классические судебные (представляет собой действия судьи по склонению сторон к мирному урегулированию споров, разъяснению им процессуального права, содействию в разрешении споров и оформлению итогов примирения);

– медиативные судебные примирительные процедуры (представляет собой деятельность медиатора в целях налаживания взаимоотношений между сторонами и заключения взаимовыгодного соглашения по окончании процедуры);

– опосредованные судебные примирительные процедуры (представляет собой взаимодействие между судом и иными лицами, привлекаемыми к осуществлению деятельности по примирению сторон в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством);

– судебные примирительные процедуры с участием судьи-примирителя (представляет собой деятельность по осуществлению специальным судьей-примирителем оценки обстоятельств спора на основании доказательств сторон, разъяснения сторонам перспектив рассмотрения дела в судебном заседании)» [2].

Для примирительной процедуры характерны:

«– наличие признака формы – нормативно установленный порядок ее проведения;

– наличие признака цели – урегулирование правового конфликта между сторонами правоотношений;

– наличие признака результата и его оформления – выработка согласованного, взаимоприемлемого для сторон соглашения, направленного на прекращение конфликтного взаимодействия» [8].

Помимо приведенных признаков судебная процессуальная примирительная процедура отличается наличием признака процессуальной формы.

Далее раскроем ключевые примирительные процедуры, исходя из буквального смысла ст. 153.3 Гражданского процессуального кодекса РФ.

Одной из последних законодательных новелл в части видового многообразия примирительных процедур является формализация судебного примирения (ст. 156.3 Гражданского процессуального кодекса РФ, ст. 138.5 Арбитражного процессуального кодекса [9] и ст. 137.6 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации [10]). Порядок его проведения и требования к судебному примирителю определены процессуальным законодательством, а также одноименным Регламентом [11]. Кроме того, Пленум Верховного Суда РФ утвердил список судебных примирителей [12], из которого по взаимному согласию сторон определяется кандидатура судебного примирителя, в том числе с учетом его специализации и региона проживания.

По российскому законодательству судебным примирителем является судья в отставке.

Цели судебного примирения состоят в достижении сторонами взаимоприемлемого результата примирения и урегулировании конфликта с учетом интереса сторон. По одному из экспертных мнений «Важно, что используется именно слово конфликт, потому что оно шире спора. Также нужно отметить, что судебное примирение должно привести к тому, что стороны будут использовать один из результатов примирения, которые закреплены в процессуальном законодательстве» [13].

Судебное примирение может быть инициировано сторонами либо предложено судом. Судебный примиритель не является участником судебного разбирательства, поэтому не вправе совершать действия, влекущие за собой возникновение, изменение либо прекращение прав или обязанностей лиц, участвующих в деле, и других участников процесса.

Судебное примирение является бесплатной процедурой. Деятельность судебных примирителей оплачивается из бюджета в соответствии с Правилами оплаты труда судей, пребывающих в отставке и осуществляющих функции судебных примирителей: половина оклада судьи соответствующего суда, пропорциональная количеству дней, в которые он работал [14]. Именно по аспекту оплаты труда, несмотря на принятое постановление Правительства РФ, практиками высказываются полярные позиции целесообразности [15]:

- финансирования из федерального бюджета деятельности судебного примирителя, фактически разбирающего частные интересы;
- оплаты труда судебного примирителя должна, включая не только дни проведения процедуры, но и подготовки к ней;
- установленного порядка оплаты, поскольку судья за один рабочий день рассматривает десятки дел, а судебный примиритель, разумеется несоизмеримо меньше.

Полагаем, высказанные мнения отражают рациональный смысл, однако не лишены и дискуссионных моментов. На наш взгляд, ответственность за достижение целей процедуры судебного примирения, которые реализует судья в отставке соответствуют установленному размеру оплаты его труда, особенно с учетом того, что он получает установленное ежемесячное содержание.

Более реальной видится проблема различной природы оплаты труда судьи-примирителя и медиатора. В первом случае – из федерального бюджета, а во втором – из средств обратившихся заинтересованных сторон. Представляется, процедура медиации по идентичным категориям споров может быть менее востребованной по сравнению с судебным примирением именно по данной причине. Тем более, что Налоговым кодексом Российской Федерации предусмотрен частичный возврат государственной пошлины при заключении соглашения о примирении, в том числе по результатам проведения примирительных процедур (ч. 1 ст. 333.40) [16]. До принятия решения судом первой инстанции возврату истцу (административному истцу) подлежит 70 % суммы уплаченной им государственной пошлины, на стадии рассмотрения дела судом апелляционной инстанции – 50 %, на стадии рассмотрения дела судом кассационной инстанции, пересмотра судебных актов в порядке надзора – 30 %.

Судебное примирение проводится в здании суда, на срок его проведения судебное разбирательство откладывается. При этом срок, на который судебное разбирательство было отложено в целях примирения сторон, не включается в сроки рассмотрения дел, но учитывается при определении разумного срока судопроизводства.

Судебное примирение завершается в случае:

- достижения результата примирения;
- недостижения результата примирения и истечения установленного судом срока проведения процедуры;
- недостижения результата примирения и направления стороной/сторонами письменного заявления до истечения срока проведения судебного примирения;
- прекращения судебного примирения судебным примирителем до истечения срока проведения процедуры.

Судебный примиритель передает в суд информацию о достижении примирения и ходатайство о его утверждении.

Ввиду небольшого срока функционирования судебного примирения, объективны некоторые нормативные недостатки, которые справедливо критикуют в юридической литературе. Так, правовые нормы не требуют от судебного примирителя специальной компетенций в сфере медиативной технологии. В связи с чем выражено опасение, что «одних только юридических знаний, умений и навыков, пусть и экспертного уровня, все же недостаточно для успешной практики судебного примирения» [17] по той причине, что «медиация как технология не предполагает привыч-

ного для судьи алгоритма работы и по своему характеру и процедурным особенностям мало чем напоминает привычное для судей разбирательство дела» [18]. В качестве направления восполнения пробела – формализация дополнительных профессиональных компетенций для судебного примирителя в части знаний «конфликтологии, теории и практики коммуникации, организации и проведения переговоров, что может потребовать дополнительной профессиональной подготовки судебных примирителей» [17].

Не со всеми, высказываемыми учеными предложениями можно соглашаться относительно совершенствования статуса судебного примирителя. Так, Е.С. Смагина настаивает на необходимости «определения порядка отбора кандидатур судей в отставку для приобретения статуса судебного примирителя, обязательного прохождения ими специальной подготовки, включающей изучение техник примирения, и сдачи экзамена. Судья, пребывающий в отставке более трех лет и желающий возобновить свою деятельность в качестве судьи, обязан снова сдавать квалификационный экзамен... Статус судебного примирителя также не может, полагаем, приобретаться иначе, учитывая характер его деятельности и то, что примирение имеет конечной целью и наиболее желаемым результатом, как и разрешение дела, – устранение спора» [19]. Полагаем, изложенные меры излишни для статуса судебного примирителя. Судебное примирение только начинает развиваться, не получило желаемых оборотов, поэтому нецелесообразно усложнять условия для реализации статуса судебного примирителя, тем более, что он не реализует функционал судьи.

А еще над одним предложением в части определения «перечня запретов и ограничений для судей в отставке, выступающих судебными примирителями, с целью обеспечения независимости суда и самих судебных примирителей» [19] полагаем, предстоит поразмышлять.

Мы разделяем мнение, согласно которому «в условиях российской действительности примирение с той или иной долей участия властного субъекта в лице суда найдет больше сторонников и позволит разгрузить судебную систему от рассмотрения и разрешения дел, в которых спор может быть добровольно урегулирован» [4]. Вместе с тем, дальнейшее функционирование судебного примирения укажет направления его совершенствования и место в числе иных примирительных процедур.

Список литературы:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 08.12.2020 г., с изм. от 12.01.2021 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532; 2020. № 50 (часть III). Ст. 8073.
2. Герасимова С.И. Виды судебных примирительных процедур // Российский судья. 2019. № 8. С. 30-35.
3. Борисова Е.А. Судебное примирение: кто виноват и что делать? // Российский судья. 2019. № 9. С. 21.
4. Долова М.О., Багрянская П.Д. Судебное примирение по гражданским делам // Журнал российского права. 2020. № 5. С. 104-119.
5. Верховный суд подвел итоги работы судов за 2020 год // https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/29651/ (дата обращения 15.07.2021 г.).
6. Лескина Э.И. Участие медиаторов и судебных примирителей в разрешении трудовых споров // Третейский суд. 2019. № 1/2. С. 278-282.
7. Eisenberg D.Th. What We Know (and Need to Know) About Court-Annexed Dispute Resolution (September 4, 2015) // South Carolina Law Review. 2016. № 245.
8. Герасимова С.И. О понятии примирительной процедуры // Мировой судья. 2019. № 3. С. 32-40.

9. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 08.12.2020 г.) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012; 2020. № 50 (часть III). Ст. 8073.
10. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 08.12.2020 г.) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391, 2020. № 50 (часть III). Ст. 8073.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 г. № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения» // Российская газета. 2019, 12 ноября.
12. Постановление Пленума ВС РФ от 28.01.2020 г. № 1 «Об утверждении списка судебных примирителей» // Документ опубликован не был; <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 15.07.2021 г.).
13. Гибко, эффективно, бесплатно: нюансы и подводные камни судебного примирения // <https://legalacademy.ru/sphere/post/gibko-effektivno-besplatno-nyuansy-i-podvodnye-kamni-sudebnogo-primireniya> (дата обращения 07.07.2021 г.).
14. Постановление Правительства РФ от 14.04.2020 г. № 504 «Об утверждении Правил оплаты труда судей, пребывающих в отставке и осуществляющих функции судебных примирителей» // 2020. № 16. Ст. 2614.
15. Судебные примирители смогут зарабатывать больше судей? // <https://www.advgazeta.ru/novosti/sudebnye-primiriteli-smogut-zarabatyvat-bolshe-sudey/> (дата обращения 07.07.2021 г.).
16. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 г. № 117-ФЗ (ред. от 17.02.2021 г.) // СЗ РФ. 2000. № 32. Ст. 3340; Российская газета. 2021, 19 февраля.
17. Спицин И.Н. Реализация судебного примирения в России: в поисках оптимальной модели // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 2. С. 7-9.
18. Аболонин В.О. Судебная медиация: теория, практика, перспективы. М., 2014. С. 111-113.
19. Смагина Е.С. Судебное примирение и судебные примирители в гражданском судопроизводстве: возможные правоприменительные проблемы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 1. С. 29-34.

Alexey P. Treskov. Conciliation procedures as alternative constitutional and legal guarantees for the implementation of the principles of judicial power // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 101-107.

The principles of judicial power, acting as the fundamental principles of its implementation, require special scientific and practical attention due to the importance of their implementation. Guarantees are an effective legal instrument for ensuring them. Based on this, this article presents the author's approach to alternative constitutional and legal guarantees for the implementation of the principles of judicial power; their original interpretation is given, as well as the characteristics of conciliation procedures.

The article reveals the content of judicial reconciliation as a kind of conciliation procedures; the directions for improving a new method of dispute and conflict resolution for Russia are identified.

Keywords: principles of judicial power, alternative guarantees, conciliation procedures, judicial reconciliation.

Spisok literatury:

1. Grazhdanskij processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 14.11.2002 g. № 138-FZ (red. ot 08.12.2020 g., s izm. ot 12.01.2021 g.) // SZ RF. 2002. № 46. St. 4532; 2020. № 50 (chast' III). St. 8073.
2. Gerasimova S.I. Vidy sudebnyh primiritel'nyh procedur // Rossijskij sud'ya. 2019. № 8. S. 30-35.
3. Borisova E.A. Sudebnoe primirenie: kto vinovat i chto delat'? // Rossijskij sud'ya. 2019. № 9. S. 21.
4. Dolova M.O., Bagryanskaya P.D. Sudebnoe primirenie po grazhdanskim delam // Zhurnal Rossijskogo prava. 2020. № 5. S. 104-119.
5. Verhovnyj sud podvel itogi raboty sudov za 2020 god // https://www.vsrp.ru/press_center/mass_media/29651/ (data obrashcheniya 15.07.2021 g.).
6. Leskina E.I. Uchastie mediatorov i sudebnyh primiritelej v razreshenii trudovyh sporov // Tretejskij sud. 2019. № 1/2. S. 278-282.
7. Eisenberg D.Th. What We Know (and Need to Know) About Court-Annexed Dispute Resolution (September 4, 2015) // South Carolina Law Review. 2016. № 245.
8. Gerasimova S.I. O ponyatii primiritel'noj procedury // Mirovoj sud'ya. 2019. № 3. S. 32-40.
9. Arbitrazhnyj processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 24.07.2002 g. № 95-FZ (red. ot 08.12.2020 g.) // SZ RF. 2002. № 30. St. 3012; 2020. № 50 (chast' III). St. 8073.
10. Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossijskoj Federacii ot 08.03.2015 g. № 21-FZ (red. ot 08.12.2020 g.) // SZ RF. 2015. № 10. St. 1391, 2020. № 50 (chast' III). St. 8073.

11. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 31.10.2019 g. № 41 «Ob utverzhdenii Reglamenta provedeniya sudebnogo primireniya» // Rossijskaya gazeta. 2019, 12 noyabrya.
12. Postanovlenie Plenuma VS RF ot 28.01.2020 g. № 1 «Ob utverzhdenii spiska sudebnyh primiritelej» // Dokument opublikovan ne byl; <http://www.consultant.ru/> (data obrashcheniya 15.07.2021 g.).
13. Gibko, effektivno, besplatno: nyuansy i podvodnye kamni sudebnogo primireniya // <https://legalacademy.ru/sphere/post/gibko-effektivno-besplatno-nyuansy-i-podvodnye-kamni-sudebnogo-primireniya> (data obrashcheniya 07.07.2021 g.).
14. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 14.04.2020 g. № 504 «Ob utverzhdenii Pravil oplaty truda sudej, prebyvayushchih v otstavke i osushchestvlyayushchih funkcii sudebnyh primiritelej» // 2020. № 16. St. 2614.
15. Sudebnye primiriteli smogut zarabatyvat' bol'she sudej? // <https://www.advgazeta.ru/novosti/sudebnye-primiriteli-smogut-zarabatyvat-bolshe-sudej/> (data obrashcheniya 07.07.2021 g.).
16. Nalogovyj kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraya) ot 05.08.2000 g. № 117-FZ (red. ot 17.02.2021 g.) // SZ RF. 2000. № 32. St. 3340; Rossijskaya gazeta. 2021, 19 fevralya.
17. Spicin I.N. Realizaciya sudebnogo primireniya v Rossii: v poiskah optimal'noj modeli // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. 2020. № 2. S. 7-9.
18. Abolonin V.O. Sudebnaya mediaciya: teoriya, praktika, perspektivy. M., 2014. S. 111-113.
19. Smagina E.S. Sudebnoe primirenie i sudebnye primiriteli v grazhdanskom sudoproizvodstve: vozmozhnye pravoprimenitel'nye problemy // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2020. № 1. S. 29-34.

УДК 342.71

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(1)-108-116

**КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СУБИНСТИТУТ
МНОЖЕСТВЕННОГО ГРАЖДАНСТВА: ПРЕДПОСЫЛКИ
ВОЗНИКНОВЕНИЯ**

Трифонов С. Г., Лубский Р. А.

В настоящей статье автором рассматриваются особенности конституционно-правового субинститута множественного гражданства, анализируются социальные, политические, правовые предпосылки появления данного явления, особенности регулирования множественного гражданства в отдельных государствах. Рассматриваются примеры успешного, согласованного урегулирования случаев множественного гражданства и анализируются пути возможного преодоления возникающих коллизий при наличии нескольких гражданств у физического лица.

В заключении авторы указывают, что универсальным средством предотвращения случаев множественного гражданства и их устранения является принцип эффективного гражданства. Его критериями является постоянное место жительства или наиболее частого пребывания; место труда, несения военной или государственной службы; место, где лицо реально пользуется своими гражданскими или политическими правами; порой - место расположения недвижимой собственности. Справедливо отмечается, что предотвращение множественного гражданства и устранение таких случаев осуществляется при помощи как внутригосударственных, так и международно-правовых средств.

Ключевые слова: гражданство, множественное гражданство, суверенитет, конституционное законодательство, зарубежные страны, миграция, эффективное гражданство.

Рассматривая множественное гражданство как сложное состояние, которое выражается сложным правоотношением, оформляет многоаспектное социально-политическое, экономическое, культурное, моральное взаимодействие между государством и физическим лицом в отношении ответственного обладания человеком всем комплексом прав и обязанностей граждан [1, с. 5], следует подробно исследовать социально-правовые причины возникновения такого состояния: двойного, тройного и более гражданства.

Обычно, множественное гражданство возникает при территориальных изменениях, при миграции населения, в случае коллизий при применении норм о приобретении гражданства, в результате заключения браков с иностранными гражданами и при усыновлении детей-иностранцев, при натурализации, если лицо, которое получает гражданство другой страны, не теряет своего прежнего гражданства. Несмотря на всё многообразие причин возникновения множественного гражданства, представляется, что одной из самых распространенных причин является несогласованность действий государств в регулировании отношений гражданства, которые вытекают из их суверенитета и принципа равенства. Именно это чаще всего и приводит к правовым коллизиям и, очевидно, породило мнение, что множественное гражданство «возникает только в силу норм национального законодательства разных государств» [2]. Соглашаясь с этим утверждением, необходимо указать, что такое обстоятельство является основным, но не единственным источником. Конвенция, регулирующая некоторые вопросы, связанные с коллизией законов о гражданстве 1930 г., устанавливала, что каждое государство в соответствии со своим законом

определяет, кто является его гражданами. В ней же предоставлен критерий правомерности таких законов: «Данный закон признается другими государствами в случае его соответствия международным конвенциям, международным обычаям и общепризнанным принципам права, касающимся вопросов гражданства» [3, с. 223].

Традиционно авторы выделяют три основные причины возникновения и существования множественного гражданства. «Первая: по рождению, когда государство места рождения признает гражданство по принципу *jus soli* и государство, к гражданству которого относится один из родителей, предоставляет свое гражданство по принципу *jus sanguinis*. Вторая – в случае заключения брака, когда государство супруги сохраняет её гражданство, а государство мужа предоставляет, соответственно ей своё гражданство. Третья – в случае эмиграции, когда эмигрант приобретает новое гражданство, не теряя при этом старого» [4, с. 51-52]. Кроме этого, выделяют и дополнительные предпосылки, имеющие прежде всего социальный или политический характер. Так, например, Д. А. Городецкая выделяет предпосылки, ведущие к возникновению множественного гражданства у детей: «при смене гражданства родителями или одним из них, когда родители ребенка неизвестны или являются лицами без гражданства, при усыновлении детей» [5, с. 112]. Множественное гражданство возникает также при недостаточном урегулировании территориальных цессий и осуществляемых при этом трансфертах или при одновременном притязании государств на какое-либо лицо без предоставления ему права оптации при образовании новых государств [6].

Некоторые государства откровенно или в завуалированной форме официально поощряют или позволяют обладание множественным гражданством, а также успешно решают проблемы, возникающие в связи с ним (Великобритания, Германия, Израиль, Испания, Франция и др.), получая при этом определенные выгоды.

В настоящее время во многих источниках указываются положительные моменты множественного гражданства [7, с. 65]. Приобретение лицом множественного гражданства осуществляется, как правило, для получения большей свободы и самостоятельности. Параллельно с этим уменьшается степень контроля государства за действиями такого человека.

Бесспорно, самым распространенным способом возникновения множественного гражданства является коллизия законодательных подходов к формам приобретения гражданства — «права крови» и «права почвы». Так, ребенок, рожденный у родителей-иностранцев на территории государства, где доминирует право почвы, кроме приобретения гражданства родителей по праву крови, приобретает также гражданство того государства, на территории которого он родился. Право почвы, согласно Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. [8, с. 124] и Венской конвенции о консульских сношениях 1963 г. [9, с. 148], не распространяется лишь на детей иностранных дипломатов и консулов.

Множественное гражданство возникает и независимо от места рождения ребенка от смешанного брака, если законодательство государства матери или отца содержит правило, согласно которому право крови действует и тогда, когда один из родителей обладает гражданством этого государства. Если такой ребенок рождается на территории третьего государства, где действует право почвы, то он в силу рождения получает и третье гражданство. Кроме этого, при наличии соответствующих доказа-

тельств такое лицо, в принципе, может передать все эти гражданства по праву крови своим детям.

Проблема множественного гражданства тесно связана с миграцией. Традиционные государства иммиграции – США, Канада, Великобритания, Франция и др. – применяют право почвы. Зато в государствах, поставляющих эмигрантов (прежде всего – государства третьего мира), обычно действует право крови. Если раньше гражданство у них «наследовалось» от отца, то теперь мать и отец уравниваются в этом праве. Возможности для ребенка, родившегося в иммигрантской (или частично иммигрантской) супружеской пары на территории, например, США, сохранить гражданство родителей, одновременно приобретая новое, резко увеличились.

Распространению множественного гражданства поспособствовала либерализация брачного законодательства многих государств, в результате которой женщина вступает в брак с иностранцем, и при этом не лишается автоматически гражданства, но приобретает при этом также гражданство супруга.

Практика наглядно демонстрирует, что признанные многими государствами принципы единого гражданства в семье, уважение прав женщины и избежание множественного гражданства – вступают в противоречие. С одной стороны, если брак с иностранцем автоматически должен вести к смене гражданства, а это противоречит праву женщины на личную свободу. С другой, единственное гражданство в семье может быть достигнуто лишь при условии, что один из супругов получит гражданство другого [10].

Чтобы не отказываться от этих принципов, необходимо отказаться от требования и к мужчине, и к женщине иметь только одно гражданство. Часто допускают двойное гражданство женщин. Но и в случаях, когда после брака новое гражданство получает муж, тоже наблюдается тенденция отдавать предпочтение единству семьи перед стремлением избежать двойного гражданства.

Кроме этого, ряды лиц, обладающих двумя и более гражданствами, расширяются за счет беженцев по всему миру, поскольку они легче натурализуются в государствах, в которых нашли приют, и часто от них не требуется отказ от предыдущего гражданства. Поэтому иногда предоставление гражданства сознательно не ставится в зависимость от потери предыдущего гражданства по правозащитным соображениям.

Такие соображения относительно беженцев являются закономерными, поскольку эта категория лиц рассматривается международным правом как в любом случае фактические апатриды. Правозащитный аспект предоставления двойного гражданства просматривается и в случае, когда освобождение от предыдущего гражданства создает лицу, желающему получить новое, чрезмерные трудности. Чтобы не отступить полностью от принципа, по которому нужно стремиться к принадлежности человека только одному государству, было предложено довольствоваться в таких случаях нотариально заверенным заявлением о том, что тот, кто вступает в новое гражданство, отказывается от прежнего. Впрочем, такое заявление не меняет международно-правового статуса лица, которое получает гражданство, как обладателя множественного гражданства, потому что односторонний волевой акт никоим образом не способен повлиять на гражданскую связь индивида с государством происхождения [10].

Некоторые государства совершенно сознательно допускают накопление гражданств, создавая значительно облегченные условия для получения гражданства представителям ассимилированных этнических групп. При такой натурализации членов многочисленных этнически чужих меньшинств надеются решить проблемы поощрения их включения в общество.

Так, на Филиппинах Президент своим указом открыл возможность для коллективного предоставления гражданства и таким образом для интеграции меньшинства китайского происхождения без выполнения определенных условий. Декрет предоставляет гражданство на основании простого заявления [11]. Такое облегченное групповое получение гражданства, в принципе, не требует предварительного освобождения от предыдущего гражданства, поскольку почти все без исключения азиатские государства придерживаются принципа права крови, а это нередко приводит к накоплению гражданств. К этому, правда, не стремятся, но допускают как компромисс в деле урегулирования проблемы меньшинств.

И, наконец, росту количества лиц с множественным гражданством способствует все более толерантное отношение к ним в большинстве государств мира.

Так, во Франции натурализация иностранца не зависит от того, отказался ли он от предыдущего гражданства. При достижении совершеннолетия такой субъект, который приобрел при рождении двойное гражданство (например, ребенок иммигрантов, родившийся во Франции), не стоит перед выбором избрания одно из двух гражданств.

Не требуется отказ от предыдущего гражданства при получении подданства Великобритании, а получение британским подданным иного гражданства не лишает его подданства. Так что в этом государстве проживает много лиц с множественным гражданством, в основном – граждан бывших колоний.

При натурализации в Италии также не требуется отказываться от предыдущего гражданства. Но если кто-то имеет от рождения два гражданства, то после достижения совершеннолетия он должен выбрать одно из них. При этом, если будет выбрано итальянское гражданство, то предоставлять доказательства отказа от другого гражданства не нужно. Однако выбор в пользу другого гражданства означает автоматическую потерю итальянского гражданства [12].

Принятие испанским гражданином другого гражданства влечет потерю испанского. В Конституции Испании 1978 г. есть одно важное положение, связанное с ролью Испании как центра испаноязычного мира. Одна из статей Конституции прямо стимулирует правительство к заключению договоров о двойном гражданстве с теми странами Латинской Америки, которые имеют или имели особые связи с Испанией (Филиппины, Португалия, бывшие испанские колонии в Африке). Согласно Конституции, «в этих государствах испанцы могут быть подвергнуты натурализации без утраты своего первоначального гражданства, даже если эти государства не признают их своими гражданами на взаимной основе». Эта норма лишь закрепляет практику испанского государства, которая уже давно существует: такие договоры Испания заключила с Чили в 1958 г., с Перу и Парагваем – в 1959 г., с Доминиканской Республикой – в 1968 г. [13].

Вообще, в международной практике по вопросам множественного гражданства законодательство Испании вызывает значительный интерес, поскольку оно квалифицируется исследователями как наиболее либеральное в отношении множествен-

ного гражданства. Так, Испания заключила 11 двусторонних соглашений о двойном гражданстве с государствами Латинской Америки [14].

США представляют особый случай, демонстрирующий, насколько трудно определить количество лиц с множественным гражданством и вообще установить, кто именно к ним относится. При натурализации в США иностранец лишь приносит присягу на верность Конституции США, отказываясь от обязательств перед другим государством, гражданином которого он был. Однако многие из таких других государств не признают эту присягу достаточным основанием для утраты их гражданства и продолжают считать это лицо своим гражданином. Поэтому количество лиц с множественным гражданством в США имеет тенденцию к росту.

Итак, у большинства ведущих демократических государств отношение к лицам с множественным гражданством, довольно либеральное. Однако есть ряд государств, которые пытаются максимально осложнить появление в них таковых. Так, Швейцария и Нидерланды являются государствами, гражданином которой можно стать, лишь потеряв предыдущее гражданство. Однако и здесь общий принцип допускает многочисленные оговорки.

Следовательно, множественное гражданство имеет отчетливую тенденцию к расширению. Конечно, оно создает и для своих носителей, и для современных государств определенные проблемы, связанные с тем, что гражданин имеет обязанности перед несколькими государствами одновременно, что создает предпосылки для возможных конфликтов – как между государством и гражданином, так и между государствами.

Проблема множественного гражданства имеет особое значение также при правопреемстве государств. Здесь, по утверждению И. В. Рачкова, можно выделить определенные тенденции. Почти все государства, прошедшие через правопреемство, пытаются предотвратить возникновение случаев многогражданства, однако при этом они руководствуются различными интересами. Так, государство, присоединившее территорию, пытается как можно скорее интегрировать население этой территории, в результате чего пребывание в гражданстве государства, под суверенитетом которого эта территория находилась ранее, может рассматриваться как преграда для достижения этой цели. То же касается государства, которое приобрело государственность вследствие отсоединения или деколонизации [15, с. 445].

Современные законы о гражданстве, целенаправленно поощряющие существование и возникновение множественного гражданства, встречаются нечасто. Нормы, предусматривающие, что приобретение нового гражданства не влечет автоматическую утрату старого, скорее подтверждает принцип суверенитета, то есть право каждого государства самому устанавливать основания для получения и потери своего гражданства, чем намеренно поощряют множественное гражданство.

Особым случаем в поощрительном регулировании множественного гражданства является предоставление еще одного гражданства в обмен на экономические выгоды, когда государства предлагают государственные программы экономического гражданства - принцип «гражданство за инвестиции». Например, островное государство Сент-Китс и Невис, которое входит в Британское Содружество и расположено в восточной части Карибского региона, предоставляет свое гражданство за инвестиции в объекты недвижимости стоимостью от 350 до 500 тыс. долл. США. Кроме этого, получить гражданство этого государства можно за денежный взнос в

Благотворительный фонд диверсификации сахарной промышленности в размере от 200 до 400 тыс. долл. США. Размер взноса зависит от того, для всей ли семьи оформляется индивидуальное гражданство. Популярность этой программы обусловлена тем, что Сент-Китс и Невис предоставляет право беспрепятственного въезда в 87 государств мира. Кроме этого, в этом государстве действуют значительные налоговые преференции.

Похожая программа действует и в еще одном государстве Карибского бассейна – Доминикане.

Подобный механизм поощрения множественного гражданства существует даже в Великобритании. В частности, по программе «инвестор» гражданин другого государства может через несколько лет получить престижное гражданство Соединенного Королевства. Для этого желающему необходимо приобрести недвижимость стоимостью в 250 тыс. фунтов стерлингов и разместить на счете в одном из английских банков 750 тыс. фунтов стерлингов или же стать владельцем государственных облигаций на такую же сумму [16].

Привлекательность механизма получения гражданства через такие экономические программы для лиц объясняется тем, что, когда они встают перед выбором: обязанности какого государства необходимо выполнять, а какого не выполнять – имеют большую свободу действий. К примеру, осуществляя предпринимательскую деятельность на территории одного из государств, между которыми подписано соглашение об избежании двойного налогообложения, индивид может уплачивать налоги в том из них, где налог на такую хозяйственную операцию ниже.

Возникновению случаев множественного гражданства также способствует механизм реинтеграции. Так, в законодательстве о гражданстве Италии предполагается, что тот, кто добровольно принял другое гражданство и таким образом потерял итальянское, автоматически получает его обратно, проведя 2 или более года в Италии.

Здесь нужно отметить, что лишь небольшое количество государств предусматривают утрату предыдущего гражданства, если приобретается (восстанавливается) новое гражданство автоматически, а не является результатом свободного волеизъявления лица, которого это касается. Автоматическая реинтеграция в Италии оставляет в силе другое гражданство, ведущее к тому, что многочисленные итальянские работники осуществляющие трудовую деятельность за рубежом, приобретшие гражданство за рубежом, по возвращении на родину становятся бипатридами. Практические последствия этого обстоятельства проявятся лишь в последующих поколениях, когда все итальянские жители – потомки итальянцев, которые в свое время получили, например, немецкое гражданство, тоже унаследуют его как по отцу, так и по матери, и окажутся гражданами ФРГ.

Среди имеющихся оснований возникновения множественного гражданства и с теоретической, и с практической точки зрения существует необходимость определенной их классификации. Так, С.А. Авакьян по критерию полноты выявления вариантов возникновения множественного гражданства разделяет их на следующие группы: 1) государство может предусматривать для своих граждан возможность множественного гражданства и позволяет его приобретение; 2) гражданин может по собственному желанию без разрешения своего государства приобрести гражданство другого государства, но затем просить свое государство признать его множественное гражданство; 3) государства могут заключить международные соглашения о

множественном гражданстве; 4) коллизия законодательства двух государств, вследствие которой лицо приобретает гражданство другого государства независимо от своей воли [17, с. 321].

В.Я. Кикоть отличает юридическое (легальное) и фактическое состояния множественного гражданства. Легальное возникает тогда, когда одно государство, гражданство которого имеет лицо, признает за ним также наличие гражданства другого государства, а фактическое состояние означает, что государство игнорирует наличие у его гражданина еще одного гражданства [18, с. 176]. М.И. Суржинский по этому поводу отмечает, что в таком случае за лицом не признается множественное гражданство, оно рассматривается государством только как его гражданин, хотя при этом лицо имеет два или более национальных документа, подтверждающих его гражданство, а следовательно, само лицо субъективно имеет право считать себя гражданином одновременно двух или более государств [19, с. 222].

Возможность реализовать право на множественное гражданство следует связывать с правом на гражданство как неотъемлемым правом каждого лица, закрепленным в ст. 15 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. в содержании этого права, просматриваются некоторые принципиальные моменты. На один из них указывает В. В. Свиначев: право лица на гражданство может и должно рассматриваться в контексте правоотношения лица с государством и определенными обязанностями последнего относительно индивида; в то же время государство имеет право выбирать, кому оказывать свое покровительство, и на основе этого права требовать выполнения соответствующих обязательств индивидом и лояльности к себе [20, с. 100]. Стоит согласиться также с позицией С. В. Черниченко относительно юридического содержания ст. 15 Всеобщей декларации прав человека. Он отмечает, что характер правоотношений между индивидом и государством по поводу гражданства устанавливает, что право лица на гражданство обеспечивается не безоговорочной обязанностью государства создать условия для реализации такого права каждому, кто того пожелает, а обязанностью создать такие условия, прежде всего для тех, кто правами граждан вообще не владеет, или если в отношении лица существует угроза утраты гражданства [21, с.231]. Следовательно, право лица на гражданство вовсе не значит, что оно его получит во многих государствах, а только создает реальные возможности рассчитывать на установление правовой связи хотя бы с одним из них, а также гарантирует лицу сохранение гражданства, которым оно уже обладает.

Итак, обзор социально-правовых предпосылок возникновения случаев множественного гражданства наглядно демонстрирует, что этот субинститут является объективным явлением и требует урегулирования как на национальном, так и на международном уровне [22, с. 84].

Множественное гражданство возникает в процессе территориальных изменений, миграции населения, в случае коллизий при применении норм о приобретении гражданства, в результате смешанных браков и при усыновлении, натурализации, если лицо, которое получает гражданство другой страны, не теряет своего прежнего гражданства. Учитывая суверенитет и принцип равенства государств, несогласованность действий государств при регулировании вопросов гражданства является одной из самых распространенных причин возникновения множественного гражданства, но не единственным источником этого явления.

Универсальным средством предотвращения случаев множественного гражданства и их устранения является принцип эффективного гражданства. Его критериями является постоянное место жительства или наиболее частого пребывания; место труда, несения военной или государственной службы; место, где лицо реально пользуется своими гражданскими или политическими правами; порой – место расположения недвижимой собственности. Предотвращение множественного гражданства и устранение таких случаев осуществляется при помощи как внутригосударственных, так и международно-правовых средств.

Список литературы:

1. Григорьев А.А. К вопросу формирования права на множественное гражданство / А.А. Григорьев // Белорусский журнал международного права и международных отношений. - №2. - 2001. - С. 5.
2. Международное право: учеб. / отв. ред. Ю. М. Колосов, Э.С. Кривчикова. - М.: Междунар. отнош., 2000. - 610 с.
3. Конвенция, регулирующая некоторые вопросы, связанные с коллизией законов о гражданстве (Гаага, 12 апреля 1930 г.) // Действующее международное право. - М.: Московский независимый институт международного права, 1996. - Т. 1. - С. 223-230.
4. Жухманов М.С. Двойное гражданство - это правовая аномалия / М. С. Жухманов // Дипломатический вестник. - 1995. - № 7. - С. 51-52
5. Городецкая И.К. Международная защита Международная защита прав и интересов детей / И.К. Городецкая. - М.: Междунар. отнош., 1973. - 112 с.
6. Двойное гражданство [Электронный ресурс] // Режим доступа : [www://referats.urist-center.ru/referat/content-1262.html](http://www.referats.urist-center.ru/referat/content-1262.html)
7. Нельсон Дж. Выбор — свобода: практическое руководство по иммиграции и получению второго паспорта / Дж. Нельсон. - М.: Гранат, 1994. - 65 с.
8. Венская конвенция о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 г. // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLV. - М., 1991. С. 124 - 147.
9. Венская Конвенция о консульских сношениях от 24 апреля 1963 г. // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLV. - М., 1991. С. 124 - 147.
10. Камман К. Допущение и поощрение множественного гражданства. Российский бюллетень по правам человека. Вып. 3. М., 1994. - С. 126
11. Информационно-аналитический бюллетень Института диаспоры и интеграции стран СНГ [Электронный ресурс]. - Режим доступа : <https://i-sng.ru/pdf/2181/35117-11-06-2003.pdf>
12. Жеребцов А.Н. Международное право: Учебное пособие. - 3-е изд., перераб. и доп. - Специально для системы ГАРАНТ, 2015 г.
13. Кузнецов Н. Гражданство Испании и двойное гражданство [Электронный ресурс] / Н. Кузнецов. - Режим доступа: <http://www.russpain.com/resident/res-grazhd.htm>
14. Вениаминова М.В. Натурализация в Испании в свете иммиграционных процессов. // "Право. Журнал Высшей школы экономики", N 3, июль-сентябрь 2020 г.
15. Рачков И.В. Новация в вопросах гражданства / И.В. Рачков // Международное право. - 1998. - № 2. - С. 440-455.
16. Ирхин И.В. Конституционный статус заморских территорий Великобритании и Северной Ирландии (на примере суверенных зон Акротири и Декелия. // "Lex Russica". - № 6. - 2017 г.
17. Авакьян С.А. Россия: гражданство, иностранцы, внешняя миграция / С.А. Авакьян. - СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2003. - 643 с.
18. Российское гражданство: учеб. пособ. для вузов / под ред. В.Я. Кикотя. - М., 2003. - 272 с.
19. Юридический энциклопедический словарь / под общ. ред. В.Е. Крутских. - 3-е изд., перераб. и доп. - М.: ИНФРА-М, 2001. - 450 с.
20. Свиначев В.В. К вопросу о правовом регулировании статуса лиц с двойным гражданством / В.В. Свиначев // Право и политика. - 2001. - № 2. - С. 100-107.
21. Черниченко С. В. Курс международного права / С.В. Черниченко: в 7 т. - Т. 3. - М., 1989. - 453 с.
22. Трифонова К.В. Институт двойного гражданства: проблемы и вызовы // Конституционное и административное право: проблемы совершенствования публичной власти. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. отв. ред.: А. Н. Осяк, Ю. В. Капранова. 2019. С. 84-95.

Trifonov S. G., Lubsky R. A. Constitutional and legal substitute of multiple citizenship: prerequisites of occurrence // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. - 2021. - Т. 7 (73). № 3. - P. 108-116.

Resume: In this article, the author examines the features of the constitutional and legal substitution of multiple citizenship, analyzes the social, political, legal prerequisites for the emergence of this phenomenon, the features of the regulation of multiple citizenship in individual states. Examples of successful, coordinated settlement of cases of multiple citizenship are considered and ways of possible overcoming of collisions arising in the presence of several citizenships of an individual are analyzed.

In conclusion, the authors point out that the principle of effective citizenship is a universal means of preventing and eliminating cases of multiple citizenship. Its criteria are permanent residence or most frequent stay; place of work, military or public service; the place where the person actually enjoys his civil or political rights; sometimes - the location of real estate. It is rightly noted that the prevention of multiple citizenship and the elimination of such cases is carried out using both domestic and international legal means.

Keywords: citizenship, multiple citizenship, sovereignty, constitutional legislation, foreign countries, migration, effective citizenship.

Spisok literatury:

1. Grigoriev A.A. On the issue of the formation of the right to multiple citizenship / A.A. Grigoriev // *Belarusian Journal of International Law and International Relations*. - No. 2.-2001. - P.5
2. *International law: textbook*. / otv. ed. Yu.M. Kolosov, B.E.S. Krivchikova. - M.: Mezhdunar. rel., 2000. -- 610 p.
3. Convention governing some issues related to the conflict of laws on citizenship (The Hague, April 12, 1930) // *International law in force*. - M.: Moscow Independent Institute of International Law, 1996. - T. 1. - S. 223-230.
4. Zhukhmanov M.S. Dual citizenship is a legal anomaly / M.S.Zhukhmanov // *Diplomatic bulletin*. - 1995. - No. 7. - P. 51-52
5. Gorodetskaya I.K. International protection of the rights and interests of children / I.K. Gorodetskaya. - M.: Mezhdunar. rel., 1973. -- 112 p.
6. Dual citizenship [Electronic resource] // Access mode: [www:// references. urist-center.ru / referat / sntent-1262. html](http://www.references.urist-center.ru/referat/sntent-1262.html)
7. Nelson J. Choice - freedom: a practical guide to immigration and obtaining a second passport / J. Nelson. - M.: Granat, 1994. - 65 p.
8. Vienna Convention on Diplomatic Relations of April 18, 1961 // *Collection of international treaties of the USSR*. Issue XLV.- M., 1991.S. 124 - 147.
9. Vienna Convention on consular relations of April 24, 1963 // *Collection of international treaties of the USSR*. Issue XLV.- M., 1991.S. 124 - 147.
10. Kamman K. Admitting and encouraging multiple citizenship. *Russian bulletin on human rights*. Issue 3, Moscow, 1994. --S.126
11. Information and analytical bulletin of the Institute of Diaspora and Integration of the CIS Countries [Electronic resource]. - Access mode: <https://i-sng.ru/pdf/2181/35117-11-06-2003.pdf>
12. Zherebtsov A.N. *International Law: Textbook*. - 3rd ed., Rev. and add. - Especially for the GARANT system, 2015
13. Kuznetsov N. Spanish citizenship and dual citizenship [Electronic resource] / N. Kuznetsov. - Access mode: <http://www.russain.com/resident/res-grazhd.htm>
14. Veniaminova M.V. Naturalization in Spain in the light of immigration processes. // "Law. Journal of the Higher School of Economics", N 3, July-September 2020
15. Rachkov I.V. Innovation in Citizenship Issues / I.V. Rachkov // *International Law*. - 1998. - No. 2. - S. 440-455.
16. Irkhin I.V. The constitutional status of the overseas territories of Great Britain and Northern Ireland (on the example of the sovereign zones of Akrotiri and Dhekelia. // "Lex Russica". - No. 6.-2017
17. Avakyan S.A. Russia: citizenship, foreigners, external migration / S.A. Avakyan. - SPb.: Legal. Center "Press", 2003. - 643 p.
18. *Russian citizenship: textbook. manual. for universities* / ed. V.Ya. Kikotya. - M., 2003. -- 272 p.
19. *Legal encyclopedic dictionary* / under total. ed. V.E. Krutskikh. - 3rd ed., Rev. and add. - M.: INFRA-M, 2001. -- 450 p.
20. Svinarev V.V. On the issue of legal regulation of the status of persons with dual citizenship / V.V. Svinarev // *Law and Politics*. - 2001. - No. 2. - S. 100-107.
21. Chernichenko S. V. *Course of international law* / S.V. Chernichenko: in 7 volumes - T. 3. - M., 1989. - 453 p.

СУДЕБНОЕ ПРАВОТВОРЧЕСТВО В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ярошевская А. М.

маку

В статье подчеркнута, что в законодательстве Российской Федерации отсутствуют специальные положения по правовому урегулированию порядка оказания юридических услуг, анализируются место и роль судебных актов Конституционного Суда Российской Федерации в правовой системе, рассматриваются особенности применения решений Конституционного Суда Российской Федерации и иных высших судебных органов Российской Федерации. Отмечается, что судебное правотворчество представляет собой деятельность высших органов судебной власти РФ, протекающую, как правило, в рамках юридической процедуры правосудия, результатом которой является создание, изменение, толкование либо отмена некоторых нормативных правовых актов или отдельных норм права, вследствие чего осуществляется правовое регулирование определенных общественных отношений. Исследуется правовая позиция, занимаемая адвокатским сообществом в отношении «гонорара успеха».

Ключевые слова: правотворчество, Конституционный Суд Российской Федерации, договор возмездного оказания юридических услуг, «гонорар успеха».

Анализ имеющихся материалов, многочисленных исследований и публикаций, посвященных вопросу правотворческой деятельности, свидетельствует о том, что в настоящее время проблема судебного правотворчества активно дискутируется как в среде ученых, так и адвокатским сообществом. В первую очередь, этот интерес можно объяснить не только повышенной обсуждаемостью проблемы участия судов в процессе правотворчества, но и практической значимостью отмеченного аспекта юридической деятельности, например, адвокатской.

В этой связи, необходимо указать на отсутствие выработанного целостного теоретического представления о судебном правотворчестве и его результатах, а также единого, признанного всеми, подхода к решению обозначенной проблемы.

Вначале остановимся на самом понятии «правотворчество». В соответствии с Большим юридическим словарем, правотворчеством является одна из важнейших сторон деятельности государства. В каждом государстве Правотворчество обладает особенностями, но везде оно направлено на создание и совершенствование единой, внутренне согласованной и непротиворечивой системы норм, регулирующих сложившиеся в обществе отношения. Согласно Конституции РФ Правотворчество осуществляется высшими (на уровне федерации и ее субъектов) и местными органами государственной власти и управления; непосредственно самим народом, путем проведения референдума; субъектами РФ путем заключения между ними договоров [1]. Отметим, что это практически единственное современное толкование и значение данного термина.

Российская Федерация на конституционном уровне провозгласила, что государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы

законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны [2]. Это стало одним из самых важных конституционных положений современной России и с ним, естественно, нельзя не считаться [3].

В настоящее время одним из самых обсуждаемых вопросов в российской правовой семье является роль судебных органов в создании права в России. Безусловно, особое положение в российской правовой системе занимают акты Конституционного Суда Российской Федерации, которые могут признавать неконституционными отдельные положения закона или закон в целом. Поэтому деятельность Конституционного Суда РФ может оцениваться с различных точек зрения, прежде всего, как правоприменительная и как толковательная. Некоторые авторы, не называя судебную практику источником права, называют ее источником нормотворчества [4].

Что касается Конституционного Суда РФ, то он действительно занимает особое, своеобразное, положение по сравнению с иными высшими судебными органами РФ. Так, Конституционный Суд Российской Федерации может давать предписания федеральному законодателю о внесении тех или иных изменений в действующее законодательство на основании рассмотренных им дел на предмет конституционности некоторых нормативных правовых актов или отдельных норм права, которых нельзя встретить в постановлениях Пленумов Верховного Суда Российской Федерации, а ранее и Высшего Арбитражного Суда РФ.

В качестве примера можно привести Постановление Конституционного Суда РФ от 30.11.2012 № 29-П «По делу о проверке конституционности положений части пятой статьи 244.6 и части второй статьи 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.Г. Круглова, А.В. Маргина, В.А. Мартынова и Ю.С. Шардыко». Так, в отмеченном постановлении содержится следующая формулировка: «Федеральному законодателю надлежит – руководствуясь требованиями Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, – внести необходимые изменения в регулирование порядка рассмотрения судом второй инстанции частной жалобы, представления прокурора на определение суда первой инстанции.

Впредь до внесения в действующее гражданское процессуальное законодательство надлежащих изменений часть пятая статьи 244.6 и часть вторая статьи 333 ГПК Российской Федерации **подлежат применению в их конституционно-правовом истолковании, данном Конституционным Судом Российской Федерации** (выделено мной – А.Я.) в настоящем Постановлении.» [5].

Следует отметить, что это далеко не единичный такой случай. Аналогичные формулировки можно встретить в значительном количестве иных решений Конституционного Суда РФ (Постановление Конституционного Суда РФ от 14.02.2013 № 4-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э.В. Савенко», Постановление Конституционного Суда РФ от 21.10.2014 № 25-П «По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»).

Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В.А. Шевченко и М.П. Эйдлена», Постановление Конституционного Суда РФ от 10.03.2016 № 7-П "По делу о проверке конституционности части 1 статьи 21, части 2 статьи 22 и части 4 статьи 46 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в связи с жалобой гражданина М.Л. Ростовцева» и др.).

Обязательность решений Конституционного Суда Российской Федерации на всей территории Российской Федерации для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений оговорена в статье 6 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». При этом, неисполнение, ненадлежащее исполнение либо воспрепятствование исполнению решения Конституционного Суда Российской Федерации влечет ответственность, установленную федеральным законом [6].

Мы рассмотрели примеры решений Конституционного Суда Российской Федерации когда положения нормативных правовых актов или отдельных норм права признавались им не соответствующими Конституции Российской Федерации. Зададимся вопросом, а как же, сквозь призму правотворчества, воспринимаются решения Конституционного Суда Российской Федерации в случае признания им положений нормативных правовых актов или отдельных норм права соответствующими Конституции Российской Федерации?

В качестве примера приведем решение Конституционного Суда Российской Федерации, в котором отдельные положения Гражданского кодекса РФ признаны не противоречащими Конституции Российской Федерации – Постановление Конституционного суда РФ от 23.01.2007 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Агентство корпоративной безопасности» и гражданина В.В. Макеева».

Следует заметить, что данным постановлением подтверждена позиция судебной системы Российской Федерации о том, что в системе действующего правового регулирования отношений по возмездному оказанию правовых услуг не предполагается удовлетворение требований исполнителя (адвоката, юриста) о выплате вознаграждения по договору возмездного оказания услуг, если данное требование обосновывается условием, ставящим размер оплаты услуг в зависимость от решения суда, которое будет принято в будущем.

Нормативный характер Постановления Конституционного суда РФ от 23.01.2007 г. № 1-П проявляется в том, что, будучи принятым по конкретному случаю (жалобы общества с ограниченной ответственностью «Агентство корпоративной безопасности» и гражданина В.В. Макеева) оно имеет общий характер для всех граждан России, которые могут оказаться в подобной ситуации. Кроме этого, данное постановление рассчитано на многократность применения (по крайней мере, фактически до принятия специального законодательства, регулирующего порядок и условия реализации права на квалифицированную юридическую помощь). Также это постановление имеет окончательный характер, поскольку над

Конституционным судом Российской Федерации, принимающим такие решения, нет никаких судебных или иных инстанций, которые могли бы оспаривать или корректировать его решения. По мнению Витрука Н.В., российского юриста и государственного деятеля, судьи Конституционного суда Российской Федерации в отставке, постановление Конституционного суда обладает юридической силой, приравненной к юридической силе самой Конституции [7].

Вместе с этим, в отмеченном постановлении содержится следующая формулировка: «...не исключается право федерального законодателя с учетом конкретных условий развития правовой системы и исходя из конституционных принципов правосудия предусмотреть возможность иного правового регулирования, в частности в рамках специального законодательства о порядке и условиях реализации права на квалифицированную юридическую помощь.» [8].

Кроме того, не лишены оснований и позиции трех судей Конституционного суда РФ (Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, А.Л. Кононова), которые выразили свои особые мнения к данному постановлению. Так, судья Н.С. Бондарь, который являлся председательствующим на заседании Конституционного суда Российской Федерации в своем мнении подчеркнул, что «правовая позиция Конституционного Суда по итогам данного дела не может быть истолкована как абсолютный запрет «гонорара успеха» и, соответственно, как недопустимость законодательного введения этого института на неопределенный срок (по крайней мере, до достижения правовой и судебной системами некоего качественно нового состояния развития). Иное расходилось бы со смыслом и содержанием Постановления, не соответствовало бы заложенной в нем аргументации и характеру взаимосвязей между теми отправными конституционными положениями и принципами, в соответствии с которыми сформулирован его итоговый вывод.»

А что же происходит на практике? В этом плане следует упомянуть, что многими представителями адвокатского сообщества данная позиция Конституционного Суда Российской Федерации истолковывалась как полный и безусловный запрет так называемого «гонорара успеха». Многие суды, зная о позиции КС РФ, отказывались признавать условное вознаграждение (постановление ФАС Дальневосточного округа от 19.02.2013 г. № Ф03-136/2013 по делу № А51-3114/1999, постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 03.07.2013 г. № Ф04-5985/12 по делу № А45-10408/2012, постановление ФАС Московского округа от 03.07.2013 г. по делу № А40-14153/11-14-116).

Все это заставило задуматься многих юристов над поиском иных форм договора об оказании юридических услуг, специальные положения по правовому урегулированию порядка оказания которых отсутствуют в законодательстве Российской Федерации, не противоречивших бы, на их взгляд, обозначенному Постановлению №1-П и не ставивших бы размер оплаты услуг в зависимость от решения суда, которое будет принято им в будущем и, одновременно соответствовавших бы принципам естественного права – требованиям добросовестности, разумности и справедливости.

При этом, практикующие адвокаты отмечают, что конечный результат оказанной ими услуги по предоставлению юридической помощи часто зависит не только от решения самого суда, но и от его исполнения (получения конечного результата), а именно – присуждения денег, в частности: возмещения ущерба (убытков),

взыскания неустойки, компенсации морального вреда, иное) и, как следствие, необходимо и достаточно – окончательный расчёт, сумма которого и есть «гонорар успеха», ставить в зависимость не от решения суда, а от момента поступления денег заказчику услуги, но не менее, например 20% суммы, предусмотренной договором об оказании юридической услуги (юридической помощи).

Необходимо отметить, что данная ситуация не противоречит положениям Гражданского кодекса Российской Федерации, а именно статье 157 «Сделки совершенные под условием». Так, п. 1 ст. 157 ГК РФ гласит следующее: «Сделка считается совершенной под отлагательным условием, если стороны поставили возникновение прав и обязанностей в зависимость от обстоятельства, относительно которого неизвестно, наступит оно или не наступит» [9].

Вместе с тем, нельзя не отметить, что вопреки тому, что допустимость «гонорара успеха» остается проблемным вопросом регулирования оплаты юридической помощи, судебная власть достаточно эффективно влияет на процессы правотворчества. Так, например, 22 февраля 2019 г. в Госдуме состоялись парламентские слушания, темой которых стала «адвокатская реформа» – масштабные поправки закона об адвокатуре, которые среди прочего расширяют надзорные полномочия Федеральной палаты адвокатов и вводят возможность прописывать в договоре с защитником «гонорар успеха». Предлагаемые поправки соответствует подходу Конституционного суда, который в 2007 г. указал законодателю на возможность предусмотреть «гонорары успеха» на уровне профессионального законодательства и направлены на повышение гарантий реализации предусмотренного ст. 48 Конституции РФ права граждан на получение квалифицированной юридической помощи.

Список литературы:

1. Портал slovonline.ru «Словари Онлайн» [Электронный ресурс]: Онлайн толковые словари и словари синонимов, энциклопедии русского языка. – Режим доступа: http://slovonline.ru/slovar_blegal/b-16/id-4711/pravotvorchestvo.html, свободный. – Загл. с экрана.
2. Информационно-правовой портал legalacts.ru «Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации» [Электронный ресурс]: база данных содержит обновляемые нормативно-правовые акты законодательства Российской Федерации и судебных актов, принятых судами Российской Федерации различного уровня, на основании действующего законодательства РФ. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/Konstitucija-RF/razdel-i/glava-1/statja-10/>, свободный. – Загл. с экрана.
3. Мартынич Е., Колоколов Э. Прецедентное право: от современной идеологии к международной практике // Российская юстиция. 1994. 12. С. 21.
4. Воротынцева А.А., Колоколов Н.А., Павликов С.Г., Потапова А.В., Ралько В.В., Слободенюк И.П. Право, закон, судебный прецедент в российской цивилизационной системе. М., 2009. С. 74.
5. Информационно-правовой портал legalacts.ru «Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации» [Электронный ресурс]: база данных содержит обновляемые нормативно-правовые акты законодательства Российской Федерации и судебных актов, принятых судами Российской Федерации различного уровня, на основании действующего законодательства РФ. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-30112012-n/>, свободный. – Загл. с экрана.
6. Справочно-правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=303524&fld=134&dst=100015,0&rnd=0.308659104208179#07215500214790986>, свободный. – Загл. с экрана.
7. Витрук Н.В. Правовые позиции Конституционного суда Российской Федерации: понятие, природа, юридическая сила и значение // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 1999. № 3 (28). С. 96.
8. Информационно-правовой портал legalacts.ru «Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации» [Электронный ресурс]: база данных содержит обновляемые нормативно-правовые акты законодательства Российской Федерации и судебных актов, принятых судами Российской Федерации различного уровня, на основании действующего законодательства РФ. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-23012007-n/>, свободный. – Загл. с экрана.

9. Информационно-правовой портал legalacts.ru «Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации» [Электронный ресурс]: база данных содержит обновляемые нормативно-правовые акты законодательства Российской Федерации и судебных актов, принятых судами Российской Федерации различного уровня, на основании действующего законодательства РФ. – Режим доступа: <http://legalacts.ru/kodeks/GK-RF-chast-1/razdel-i/podrazdel-4/glava-9/ss-1/statja-157/>, свободный. – Загл. с экрана.

Yaroshevskaya A. M. Judicial law-making in the activities of the Constitutional Court of the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 3. – P. 117-122.

The article emphasizes that the legislation of the Russian Federation does not contain special provisions on the legal regulation of the procedure for the provision of legal services, analyzes the place and role of judicial acts of the Constitutional Court of the Russian Federation in the legal system, considers the features of application of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and other higher judicial bodies of the Russian Federation. It is noted that judicial lawmaking is the activity of the highest judicial authorities of the Russian Federation, proceeding, as a rule, within the framework of the legal procedure of justice, the result of which is the creation, amendment, interpretation or cancellation of certain regulatory legal acts or certain legal norms, as a result of which legal regulation of certain public relations. The legal position taken by the advocacy community regarding the “fee of success” is examined.

Key words: law-making, Constitutional Court of the Russian Federation, contract for paid legal services, «success fee».

Spisok literatury

1. Portal slovonline.ru «Slovari Onlayn» [Elektronnyy resurs]: Onlayn tolkovyye slovari i slovari sinonimov, entsiklopedii russkogo yazyka. – Rezhim dostupa: http://slovonline.ru/slovar_blegal/b-16/id-4711/pravotvorchestvo.html, svobodnyy. – Zagl. s ekrana.
2. Informatsionno-pravovoy portal legalacts.ru «Zakony, kodeksy i normativno-pravovyye акты v Rossiyskoy Federatsii» [Elektronnyy resurs]: baza dannykh sodержit obnovlyayemye normativno-pravovyye акты zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii i sudebnykh aktov, prinyatykh sudami Rossiyskoy Federatsii razlichnogo urovnya, na osnovanii deystvuyushchego zakonodatel'stva RF. – Rezhim dostupa: <https://legalacts.ru/doc/Konstitucija-RF/razdel-i/glava-1/statja-10/>, svobodnyy. – Zagl. s ekrana.
3. Martynchik Ye., Kolokolov E. Pretsedentnoye pravo: ot sovremennoy ideologii k mezhdunarodnoy praktike // Rossiyskaya yustitsiya. 1994. 12. S. 21.
4. Vorotyntseva A.A., Kolokolov N.A., Pavlikov S.G., Potapova A.V., Ral'ko V.V., Slobodenyuk I.P. Pravo, zakon, sudebnyy pretседent v rossiyskoy tsivilizatsionnoy sisteme. M., 2009. S. 74.
5. Informatsionno-pravovoy portal legalacts.ru «Zakony, kodeksy i normativno-pravovyye акты v Rossiyskoy Federatsii» [Elektronnyy resurs]: baza dannykh sodержit obnovlyayemye normativno-pravovyye акты zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii i sudebnykh aktov, prinyatykh sudami Rossiyskoy Federatsii razlichnogo urovnya, na osnovanii deystvuyushchego zakonodatel'stva RF. – Rezhim dostupa: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-30112012-n/>, svobodnyy. – Zagl. s ekrana.
6. Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tant Plyus» [Elektronnyy resurs] – Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=303524&fld=134&dst=100015.0&rnd=0.308659104208179#07215500214790986>, svobodnyy. – Zagl. s ekrana.
7. Vitruk N.V. Pravovyye pozitsii Konstitutsionnogo suda Rossiyskoy Federatsii: ponyatiye, priroda, yuridicheskaya sila i znacheniyе // Konstitutsionnoye pravo: Vostochnoyevropeyskoye obozreniye. 1999. № 3 (28). S. 96.
8. Informatsionno-pravovoy portal legalacts.ru «Zakony, kodeksy i normativno-pravovyye акты v Rossiyskoy Federatsii» [Elektronnyy resurs]: baza dannykh sodержit obnovlyayemye normativno-pravovyye акты zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii i sudebnykh aktov, prinyatykh sudami Rossiyskoy Federatsii razlichnogo urovnya, na osnovanii deystvuyushchego zakonodatel'stva RF. – Rezhim dostupa: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-23012007-n/>, svobodnyy. – Zagl. s ekrana.
9. Informatsionno-pravovoy portal legalacts.ru «Zakony, kodeksy i normativno-pravovyye акты v Rossiyskoy Federatsii» [Elektronnyy resurs]: baza dannykh sodержit obnovlyayemye normativno-pravovyye акты zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii i sudebnykh aktov, prinyatykh sudami Rossiyskoy Federatsii razlichnogo urovnya, na osnovanii deystvuyushchego zakonodatel'stva RF. – Rezhim dostupa: <http://legalacts.ru/kodeks/GK-RF-chast-1/razdel-i/podrazdel-4/glava-9/ss-1/statja-157/>, svobodnyy. – Zagl. s ekrana.

УДК 347.9

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(1)- 123-135

СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ФРАНЦИИ

Дербишева О. А.

*Государственная Образовательная Организация Высшего Профессионального Образования
«Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР»*

В статье анализируется судебная система Франции и ее отдельные элементы с акцентом на изменения произошедшие в судостроительстве страны, а именно внесение изменений в гражданский процессуальный кодекс. Также рассматриваются основные принципы судебного разбирательства. Изучены теоретические основы и нормативная база, касающиеся данного вопроса. Во Франции сложилась чрезвычайно сложная система судов общей юстиции в области гражданского правосудия, дифференцированная по предметам юрисдикции и другим основаниям и функционирующая в определенной иерархии. Судебная система имеет два уровня. К первому уровню относятся суды, которые рассматривают дело впервые; на втором – органы, рассматривающие дело по существу во второй раз. Высший суд и высший административный суд не являются во Франции ни третьим уровнем судебной системы, ни третьей инстанцией по делу. Руководящие принципы реформирования судебной системы Франции содержат рекомендации, направленные на дальнейшее совершенствование законодательства в этой области. Определение справедливости – одна из важнейших форм правоохранительной деятельности в демократическом государстве. Первоначально представлявшаяся прерогативой верховной власти, правосудие прошло долгий период обучения и развития, чтобы сегодня стать наиболее эффективным инструментом защиты прав и свобод человека. В ходе своего существования справедливость часто была захвачена политическим вмешательством, а также становилась заложником экономических и социальных кризисов. В результате, в определенные моменты истории, основная деятельность судебной власти превращалась в оправдание «права сильного», что неизбежно приводило к несправедливым и пристрастным разбирательствам. Однако, несмотря на сложность и неоднозначность исторического пути, избранного судебной властью, в нем прослеживается значительная тенденция, которая полностью проявляется в современных демократиях. Речь идет о равноправном распространении правосудия на все население граждан, что связано с постепенным установлением принципа равенства всех перед законом. Франция является одной из стран, где этот процесс отличается определенной уникальностью.

Ключевые слова: судебная система, судебный процесс, судопроизводство, принципы судопроизводства, судебное разбирательство, судебное устройство, компетенция, предварительное решение, судебные процедуры, открытие дела.

В гражданском процессе Франции современный судебный процесс – это деятельность судов, которая существует уже много лет, и ее цель – рассматривать гражданские споры в существующей правовой системе. Наличие процессуальных институтов позволяет говорить о существовании высокоразвитой академической школы в области французского гражданского процессуального права. В то же время существующий институт апелляционной инстанции является одним из центральных институтов гражданского процессуального права в любой стране мира. Обжалование является важнейшей гарантией права, без которой невозможно разрешить судебные споры и исправить юридические ошибки законным и правильным образом. Без этих гарантий невозможно организовать гражданское судопроизводство, основанное на принципах состязательности и диспозитивности сторон. Отмена

решения суда первой инстанции, апелляционной и кассационной инстанции вынуждает судей и сторон в ходе разбирательства уделять больше внимания определенным деталям самого спора в ходе судебного процесса и более точно определять правовые позиции и аргументы при рассмотрении судом первой инстанции гражданских дел. Гражданское судопроизводство, в свою очередь, подразделяется на три объекта регулирования: судебное устройство (*organisation judiciaire*), компетенция (*compétence*), производство в буквальном смысле (*procédure proprement dite*). Важно, чтобы судебная система, помимо возможности обжалования, также обеспечивала качественные и быстрые судебные разбирательства, избегая при этом злоупотребления процессуальным законодательством. Как подчеркивается во французской специализированной литературе, гражданский процесс – это место вмешательства нескольких судей: на стадии расследования предварительного производства судья принимает промежуточное (предварительное) решение, а один или несколько судей (магистров) принимают окончательное решение. *Актуальность проблемы:* Влияние правосудия на жизнь современного демократического общества поставило функцию судебной системы, включая правовую мысль и традиции юридической науки, в центр общественного и научного дискурса во многих странах, включая Францию. При совершенствовании судебной деятельности с целью повышения ее эффективности и открытости к потребностям гражданского общества, необходимо её переосмысление. *В целях* стимулирования творчества и совершенствования французской судебной системы особое внимание следует уделять опыту Французской Республики, ее правовым нормам, а также организации и функционированию судебной системы. Французская Республика является одной из крупнейших стран в современной Европе. Действия, предпринятые Францией для улучшения качества судебной системы и совершенствования судебных процедур для защиты интересов отдельных лиц, общества и страны, требуют изучения теоретических, организационных, исторических, правовых, сравнительно-правовых и других аспектов функционирования судебной системы. Формирование судебно-правовой политики должно основываться на современных знаниях об общих тенденциях развития правосудия во Франции. *Используемый подход к ее решению:* анализ судебной системы Франции и ее отдельных элементов с акцентом на изменения, происшедшие в судопроизводстве страны, а именно внесение изменений в гражданский процессуальный кодекс. *Методы исследования:* историко-генетический, сравнительно-правовой, формально-юридический. Многие зарубежные ученые-правоведы не уделяют существенного внимания анализу таких понятий, как гражданское процессуальное право и гражданский процесс, не входят в научную дискуссию, не используют одно из этих понятий или не расшифровывают их по-разному.

Так называемое понятие гражданского судопроизводства, в соответствии с французской правовой доктриной, включает в себя непосредственно: гражданское судопроизводство (*procédure civile*) или гражданский процесс, уголовное судопроизводство (*procédure pénale*) или уголовный процесс и административную юстицию (*procédure administrative*). Гражданское судопроизводство, в свою очередь, имеет три объекта регулирования: производство в буквальном смысле (*procédure proprement dite*), судопроизводство (*organisation judiciaire*), компетенция (*compétence*).

Рассмотрим понятие гражданского судопроизводства, которое включает в себя весь период рассмотрения спора в суде с момента открытия дела до момента выне-

сения судом решения суда, а также действия, которые совершено сторонами или судом. При этом сам гражданский процесс определяется как серия таких действий, совершаемых в соответствии с правилами гражданского судопроизводства, направленных на обращение за судебной защитой, рассмотрение и разрешение споров и вынесение судебных решений.

Во французской процессуальной теории гражданское процессуальное право определяется как совокупность норм позитивного права, представляющих организацию и юрисдикцию гражданских судов, регулирующих процедуру запроса судебной защиты, оценки и разрешения гражданских дел. Это свод правил, согласно которым суды разрешают споры, возникающие между физическими лицами, связанные с применением частного права. Это право является позитивным, законным, санкционированным и защищенным силой принуждения в человеческом обществе, которое организовано в конкретный исторический период его создания. Поскольку во Франции долгое время господствовал взгляд на гражданский процесс как отрасль частного гражданского права, многие его нормы, например о показаниях свидетелей, о присяге, письменные доказательства, презумпции, исполнительную силу и исключительность судебного решение, были закреплены в Гражданском кодексе Франции 1804 (*Code civil*). Необычный способ доказательства для внутреннего судопроизводства – это присяга. Во Франции присяга используется в качестве доказательства, то есть объявление части факта, от которого зависит решение дела в его пользу, в форме торжественной присяги. Во французском праве существует три типа клятвы:

1) решающая присяга (*le serment décisoire*) – присяга, которую одна сторона предлагает другой, так что решения этого дела зависят от такой присяги (статья 1357 ГК Франции);

2) дополнительная присяга (*le serment Supplétoire*) – присяга, принесенная в связи с недостаточностью доказательств в гражданском процессе; его предложение вносится судом с целью преобразования решения дела в закон посредством присяги (ст. 1366 ГК Франции);

3) устная присяга – присяга, приносимая судом истцу в зависимости от суммы иска, если невозможно установить иное (ст. 1369 ГК Франции).

Поэтому сначала основу теории французского гражданского процессуального права составляло учение о том, что процесс – частное дело, поединок, судебный договор. Французские процессуалисты проводят различие между гражданским процессуальным правом как отраслью права и гражданским судопроизводством, поскольку не все процессуальные нормы являются формальными. Французское процессуальное гражданское право характеризуется как отрасль национального и позитивного судебного права, имеющее связь с социологией, философией и экономическими науками. Само гражданское процессуальное право рассматривается как естественное право, критерием обращения к которому является справедливость. Развитие права должно быть приближено к условиям жизни человека, которые выражаются в позитивном праве. Понятие справедливости во французском праве используется для изучения публично-правовых отношений, возникающих в результате осуществления гражданского правосудия. Сама по себе гражданская процедура является формальной, но обязательной. Формальный характер процесса означает, что он продолжается до завершения любого действия в самом процессе, подготовки доку-

ментов или любых формальностей, и он неотделим от соблюдения формы. Процессуальная форма является гарантией справедливости и направлена на защиту стороны в судебном процессе от нападения со стороны оппонента и самого судьи. Специфика проявляется в том, что несоблюдение формы влечет недействительность самого акта правосудия, а также не влечет никаких негативных последствий для оппонента. Однако необходимость строго следовать рекомендациям, изложенным во французском законодательстве, со временем меняется. Ст. 112 ГПК Франции содержит более резкую критику процесса формализации, что приводит к возможности отклонения от соблюдения процессуальных правил в случаях, когда формализм считается несущественным для защиты в ходе судебного разбирательства. Я считаю, что даже несоблюдение этой процессуальной формы не приводит к негативным последствиям, если они прямо не установлены законом, за исключением, конечно, случаев, когда такое строгое соблюдение требований будет существенным и обязательным. Соответственно, императивный характер процессуальных норм распространяется как на саму судебную систему, так и на судебную процедуру. Но индивидуальные права основаны на диспозитивности. В этом отношении процессуальные нормы, основанные на общих или частных интересах, имеют разный характер. Гражданско-процессуальная форма – это совокупность действующих правил, определяющих условия подачи иска, регулирующих порядок разрешения и рассмотрения споров и вынесения судебных решений. Гражданский процесс во Франции, как и сам гражданский процесс, представляет собой осуществление в установленной законом форме судебной власти государства, при условии соблюдения процессуальных прав участников процесса, при главенствующей роли суда, наделенного контролем судебным рассмотрением и разрешением гражданских споров, их разрешения и исполнения. В то же время, хотя исполнение судебных решений является отдельной и независимой частью гражданских дел, большинство французских юристов не относят его к гражданскому процессу. Coutums Bovesi – это собрание обычаев средневекового французского права, которое использовалось в основном на северо-востоке Франции в провинции Бовеси. Кутюмное право, хотя и было адаптированное к практике, средневековые юристы понимали, как такое разделение в том смысле, что римское право преобладало в странах писаного права и преобладало над обычаями. Это превосходство – еще одна особенность средневекового французского права. Возрождение римского права значительно меняет традиционные первоначальные законы: закон письменный, разумный, в отличие от устного закона, спонтанный и неполный по обычаю. Кутюм исчезает из-за невостребованности, когда меняется понимание закона и исчезает единство социальной группы. На теорию гражданского процесса Франции существенное влияние оказало законодательство периода времен Наполеона Бонапарта. Французский Гражданский кодекс (Кодекс Наполеона) – величайшее творение правовой мысли, повлиявшее на будущее развитие гражданского права во всем мире. Французские историки часто группируют весь свой исторический материал на два периода: *droit ancien* (старый закон), *droit nouveau* (новый закон), которые они разделяют не на мгновение после появления Гражданского кодекса, а на весь переходный период, так называемый *droit intermédiaire* (временный закон) с 1789 по 1804 год. Разработка и принятие гражданского кодекса ознаменовали конец длительного периода в истории развития французского права. Это было прямое понимание переходного права, а также пери-

од, когда французское право было разделено в соответствии с правовыми обычаями или территориальными границами. Принятие ГК означало безвозвратное развитие общего французского права. Кодекс, как и его первоначальные версии, снова нашел многие положения Кодекса Юстиниана, он был построен в соответствии с институциональной системой, состоящей из трех частей: лиц (*les personnes*); вещи (выбранные); обязательства (*les actions*). В проекте гражданского кодекса выделены четыре книги: *des personnes* (люди); *des biens et des différentes modifications de la propriété* (о праве собственности и смене собственников); *des différentes manières dont on acquiert la propriété* (о методах приобретения собственности); *un livre sur la procédure* (*retiré ultérieurement quand un code la régira*) (книга судебных заседаний). Французское гражданское право неразрывно связано с гражданским процессуальным правом и гражданским процессом, которое оно защищает, потому что процедура является жизненной формой закона и воплощением его сути [4, с. 2].

Еще в XVIII в. судебные органы Франции имели право вмешиваться в административные, финансовые, политические дела Республики, а правовая система была архаичной и консервативной, характеризовалась наличием различных правовых структур, тормозивших развитие капитализма. Однако, революция в корне изменила судебную юрисдикцию. Так, законом от 16 августа 1790 г. судам было запрещено вмешиваться в разного рода споры, стороной которых являлась администрация. Таким образом, административные споры исключены из рассмотрения в судах общей юрисдикции. Однако французская история также объясняет существование специальных судов. Суды общей юрисдикции состоят из: крупных судов, апелляционных судов и кассационных судов, которые занимаются уголовными и гражданскими делами.

Первоначально Кассационный суд назывался «Кассационным трибуналом» и не имел судебных функций. В 1790 г. он стал одним из отделов Королевского совета. На этот отдел были возложены функции надзорного органа, гарантирующего, что суд строго соблюдает закон и не узурпирует привилегии законодательного органа. Созданный таким образом институт до сих пор сохраняет одну из своих основных характеристик - это субъект: во всей Французской Республике существует только один Кассационный суд, что ведет к объединению судебной практики и правовой мысли. Как правило, гражданские дела могут рассматриваться единолично или коллегиально в зависимости от характера судебного спора. Трибунал же является судом первой инстанции и действует как апелляционная инстанция по ряду вопросов таких как гражданство, правоспособность лиц, обращение взыскания на имущество и др. И его компетенция является исключительной [2, с. 52].

Конституция Французской Республики официально установила судебную и законодательную систему Французской Республики. Весомое значение в этом смысле имело знаменитое решение Конституционного совета вынесенное от 16 июля 1971 г., в котором в число основных принципов, признанных законами Французской Республики, были включены принцип соблюдения права на защиту и принцип равенства граждан перед правосудием. «Закон о судеустройстве» и «Гражданский процессуальный закон Франции» определяют руководящие принципы гражданского судопроизводства. Французские правоведы по-разному относятся к перечню принципов гражданского судопроизводства. Они считают, что принципы гражданского судопроизводства рассматриваются как актуальные правовые нормы с общим со-

держанием. Во Франции руководящие принципы являются основой для ведения судебных разбирательств, основные из которых касаются гражданского судопроизводства. Эти принципы устанавливают принятие судом наиболее законного и справедливого решения, которое соответствует истинному положению вещей и было принято на основе свободного и всестороннего изучения материалов, а также состязательности сторон, при полном уважении каждой личности, ее прав и свобод. Такие принципы должны лежать в основе судебной процедуры гражданского судопроизводства Французской Республики [1, с. 2].

В общем, эти принципы должны иметь приоритет над другими положениями французского гражданского права. В соответствии с принципами, изложенными в статье 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее: Конвенция), которые составляют основу процессуального права, а именно: необходимость справедливого судебного разбирательства, независимости и беспристрастности судебной власти, скорости процедуры, прозрачности и равенства всех средств правовой защиты.

Так, ст. 6 Конвенции гласит, что каждый гражданин Франции в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство по делу и в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Судебное решение должно объявляться публично, однако пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части по соображениям морали, общественного порядка или национальной безопасности в демократическом обществе, а также когда того требуют интересы несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон, или – в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо – при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия [10, с.1].

Французский автор Э. Верже в своем исследовании по праву считает, что такие принципы ведения судебного разбирательства как: право на защиту, состязательность, справедливый процесс, судебная власть как хранительница личных свобод, публичность судебного разбирательства, устность судебного разбирательства, презумпция невиновности, тайна судебных совещаний, право на судью, право на обжалование, равенство перед судебной властью, скорость судебного разбирательства, равенство правовых средств, возложение бремени доказывания иска на истца, свобода доказывания, внутреннее убеждение судьи, справедливость, законность доказательств, основания для судебных решений, независимость судей, беспристрастность судей, разграничение процессуальных функций, уважение человеческого достоинства, право на жизнь, свобода передвижения, сила судебного решения, охрана личной жизни, примирение, признание недействительности любого судебного решения вследствие подлога, составляют группу бесспорных принципов любого судебного процесса Франции. [1, с.16].

Конституция Французской Республики от 4 октября 1958 г. (далее Конституция) содержит относительно краткие положения, которые относятся к судебной власти. К таким разделам относятся разделы VII и IX. В данных разделах установлены гарантии судебной независимости, в особенности это статья 64 Конституции, которой установлена несменяемость судей. Обеспечение личной свободы в условиях предусмотренных законом установлено статьей 66 Конституции Франции. Кодекс

судоустройства от 16 марта 1978 г. Франции определяет компетенцию и структуру всех действующих во Франции судов. Он состоит из законодательной части – *partie legislative* – и регламентирующей части – *partie reglementaire*. Обе части имеют одинаковую структуру – статьи сгруппированы в девять книг (*livres*), разделенных на заголовки (*title*), главы (*chapitres*) и в некоторых случаях разделы (разделы). Законодательная часть Кодекса содержит принципиальные положения судоустройства, а регламентная содержит более детальные предписания. Кодекс регулирует юрисдикцию и организацию как гражданских, так и специальных судов: Первый Гражданский процессуальный кодекс Франции 1806 г., который был принят в 1806 г., вступивший в силу 1 января 1807 г. Данный кодекс называют неудачным кодексом Наполеона. По своему существу это был очищенный от недействующих предписаний и принятый при Людовике XIV в 1667 г. В нем сохранялись многие архаичные нормы, а также отсутствовала традиционная для кодекса общая часть, системность изложения, а также немаловажные для судебного разбирательства положения о доказательствах. Однако при всех недостатках принятие кодекса стало значительным событием правовой жизни. Он положил начало новому типу судопроизводства, построенному на принципах равенства сторон, состязательности, гласности, свободной оценки доказательств, т. е. на тех процессуальных формах, которые соответствовали идеям равенства, свободы частной собственности и договора. Французский ГК был принят во многих государствах, под его непосредственным влиянием сформировалась романо-германская система права. Производился в чистом виде или с индивидуальными изменениями в Голландии, Италии и других странах. Сильное влияние кодекса в последующее время отразилось на гражданском законодательстве других стран Европы, Америки и даже Азии, естественно, в соответствии с их традициями и сложившейся судебной практикой. ГК оказал значительное влияние на развитие гражданского процессуального законодательства и других европейских стран, которые прежде всего входящих в сферу традиционного влияния французского права. Долгое время практически без существенных изменений он действовал на территории Бельгии. Традиционная связь с французским гражданским правом обнаруживается и в новом ГПК Бельгии, принятом 10 октября 1967 г. и вступившем в силу 1 января 1971 г. В XIX в. проект ГПК Греции разрабатывался на основе французской модели судопроизводства. В Германии и Австрии он рассматривается как исторический источник процессуального отечественного права. Данный проект составлялся баварским юристом Г.Л. Маурером. С многочисленными изменениями ГПК 1806 г. продолжал действовать до середины 70-х гг. XX в. В декабре 1975 г. были опубликованы первые две книги нового Гражданского процессуального кодекса, который вступил в силу 1 января 1976 г., он состоял из двух книг: общих положений для всех судов и специальных положений для отдельных судов, за исключением кассационного производства. С этого момента во Франции стали применяться два закона о судопроизводстве – старый и новый. В 1981 г. были приняты третья и четвертая книги нового ГПК, а в 1992 г. вступил в силу новый Закон об исполнительном производстве, составивший заключительный раздел нового Кодекса [3, с.2].

И только новый Гражданский процессуальный кодекс Франции сформулировал французскую концепцию гражданского процесса. Первая группа принципов кодекса (ст. 1-13) определяет, как распределение ролей между сторонами и судьей в гражд-

данском процессе. Принцип диспозитивности и сотрудничества сторон означает, что стороны самостоятельно определяют предмет спора (ст. 4), а председательствующий судья должен вынести решение по всем заявленным требованиям, но только в пределах того, что было потребовано (ст. 5). Согласно логике данной концепции процесса, сами стороны осуществляют процесс. Все стороны несут ответственность за продвижение справедливости для установления истины по делу. Во Франции судья - это лицо, наделенное определенными полномочиями по осуществлению правосудия, то есть правом судить и издавать общеобязательные правовые акты. В свою очередь, термин «магистрат» относится к должностным лицам, которые также обладают определенными полномочиями, но с той разницей, что такие полномочия не обязательно состоят только из полномочий по разрешению споров в суде. Судьи по французским гражданским делам обладают важными полномочиями, которые могут быть реализованы на стадии судебного разбирательства. Судья следит за законностью судебного разбирательства. Согласно статье 3 ГПК Франции, судья может устанавливать сроки совершения процессуальных действий и обязывать к принятию необходимых мер. Он также имеет право принимать любые меры, направленные на выяснение обстоятельств дела, которые допустимы в соответствии с законом, и имеет право потребовать от сторон предоставить юридические объяснения, которые он считает необходимыми для правильного разрешения спора, исходя из обстоятельств дела. Судья может выдвигать собственные правовые основания, независимо от доводов сторон. Согласно теории децентрализации Монтескье, судьи являются всего лишь устами закона, а это означает, что им запрещено отклоняться от закона [5, с. 385].

В Гражданском процессуальном кодексе Франции, в статьях 14 и 17 раздела шестого, закреплен принцип состязательности сторон. А статья 15 Кодекса устанавливает обязательства сторон, которые направлены на то, чтобы каждая из них смогла организовать свою защиту и своевременно уведомлять друг друга о фактических аргументах, которыми они подтверждают свои требования, о доказательствах, которые они представляют, и о правовых основаниях, которые они цитируют. Арбитр несет ответственность за соблюдение сторонами этого принципа, но также должен уважать его сам. Если он намеревается основывать свое решение на вопросе, который он выдвинул по своей собственной инициативе, он должен сначала предложить сторонам изложить свои взгляды по этому вопросу. Эта позиция содержится в статье кодекса [6, с.14].

Долгое время Франция является признанной одной из самых благоприятных стран для судебных разбирательств. Париж – это местонахождение Международного арбитражного суда, известного действующего на постоянной основе третейского суда. Французский ГК претерпел значительные изменения в последние десятилетия XX в. Институциональная основа законов и постановлений и стремление законодателей сохранить традиции законов и постановлений, сохраняют форму и структуру законов и постановлений неизменными. Кодекс начался с разработки новой системы гражданского права и использовал известные элементы (названия, главы, разделы) кодекса, чтобы обеспечить его включение в структуру кодекса. Следовательно, новый ГПК, вступивший в силу 1 мая 2011 г., является предметом очень активных обсуждений не только французскими юристами, но и их зарубежными коллегами. Указанный кодекс содержит ряд существенных изменений, например, в начале 90-х

гг. XX в. в первоначальной редакции действовала лишь половина статей ГК; отменено более ста статей, отредактировано около девяти сот. Одно из нововведений статьи 1507 Кодекса касается формы арбитражного соглашения. В соответствии с этой статьей к арбитражному соглашению не предъявляются претензии. Это было наиболее четко отражено в решении Апелляционного суда Парижа 1995 г., который постановил, что арбитражное соглашение существует независимо от того, существует ли письменное соглашение между сторонами. Но ст. 1515 Кодекса 2011 г. предусматривает, что требование о признании и приведении в исполнение арбитражных решений должно подаваться вместе с оригиналом арбитражного решения и арбитражным соглашением или аутентичными копиями этих документов. Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений требует письменного соглашения между сторонами. Таким образом, отсутствие письменного арбитражного соглашения может привести к неисполнению решения. Полагаю, что сторонам в гражданском процессе следует заключать такие соглашения письменно. Кодекс 2011 впервые на законодательном уровне вводит должность «вспомогательного судьи». В соответствии со ст. 1459 Кодекса, вспомогательным судьей становится Председатель Гражданского Суда Первой Инстанции г. Парижа. Особо важную роль играет такой судья в гражданском процессе. Например, он может, если стороны не договорились об этом, определить процедуру назначения и / или процедуру отвода арбитров. В ст. 1506 новый Кодекс исключает автоматическое признание конфиденциальности международных арбитражных разбирательств. Однако стороны арбитражного соглашения вправе предусмотреть соответствующие положения на основе принципа автономии сторон. Решением проблемы станет выбор сторон в постоянно действующий арбитражный суд, в правилах которого прописана обязанность сохранять конфиденциальность во время рассмотрения дела. Следовательно, риск раскрытия информации останется. Раньше во Франции такой конфиденциальности не существовало. Это законодательное изменение несет большую ясность в судебную практику французского права. Ст. 1522 Кодекса 2011 г. позволяет сторонам, заключившим с этой целью такое специальное соглашение, заранее отказаться от права обжаловать решение арбитража в судах французского государства. Тем не менее, даже подписав это соглашение, стороны не лишены права обжаловать исполнение решения во Франции по причинам, указанным в статье 1520 Кодекса. Согласно указанной статье решение может быть отменено по следующим причинам: если иск о юрисдикции был неправильно удовлетворен или отклонен, если он не был правильно сформулирован, если дело было разрешено без выполнения мандата, если было нарушено право равноправия сторон, если признание и исполнение противоречит международной публичной политике. Ст. 1513 нового кодекса расширяет полномочия председателя, позволяя ему решить вопрос единолично, если невозможно решение большинством голосов. Данный подход позаимствован из зарубежного законодательства и регламентов статьей 1486 и 1506 Кодекса 2011. Ранее сторонам давался год со дня вынесения решения, чтобы сделать такой запрос. Согласно с Кодексом 2011 сторона может сделать запрос в течение 3-х месяцев с момента уведомления о решении, если стороны не договорились об ином.

Ст. 1466 и 1506 нового кодекса содержит понятие процессуального отвода в международных разбирательствах. Так, запрещается утверждать, что решение вы-

несено с процессуальными ошибками, если сторона не подняла этот вопрос во время самого слушания по делу. Ст. 1515 Кодекса 2011 г. закрепляет, что для признания и исполнения решения, стороны могут доказать его существование, предоставив копию, а не оригинал. Ст. 1526 Кодекса 2011 г. устанавливает, что иск о пересмотре решения арбитража или судебного решения об исполнении не должен приводить к автоматическому приостановлению исполнения. Оно возможно только по решению Председателя суда, в котором запрашивается исполнение, и только если исполнение может нарушить права одной из сторон. Предполагается, что такое новое положение уменьшит количество поданных исков, направленных на приостановление исполнения. Таким образом, наиболее значимыми нововведениями являются нижеследующее. Положение об отсутствии требований к форме арбитражного соглашения, введение должности вспомогательного судьи, признание открытости международных арбитражных процессов, закрепление положений о полномочиях арбитра требовать предварительного судебного запрета или обеспечительных мер и налагать обязательство выплатить пени за неисполнение данных требований, наделяние сторон правом заранее отказаться от оспаривания решения арбитража, расширение полномочий председателя трибунала, упрощение процедуры исполнения решений, сокращение времени оспаривания решений арбитража. Кроме того, источники французского гражданского процессуального права включают Закон о правовой помощи для малоимущих от 1991 г., Закон о реформе некоторых судебных и юридических профессий от 1990 г., Закон о судебных экспертах 1971 г., а также серию постановлений, регулирующих размер гонораров и тарифов, взимаемых судебными приставами, секретарями, нотариусами. Наряду с нормативными законами внутреннего права среди источников французского гражданского процессуального права также следует упомянуть акты международного значения: международные соглашения, например Всеобщую декларацию прав человека от 10 декабря 1948 г. и Конвенцию о защите прав человека и основных свобод от 4 декабря 1948 г. Ноябрь 1950 г., закрепляющие общепринятые принципы судопроизводства, многосторонние и двусторонние соглашения о взаимной правовой помощи, регулирующие порядок применения процессуальных мер в связи с их исполнением в иностранных судах [7, с.1].

ГПК Франции был также дополнен Титулом «Приоритетный вопрос определения конституционности», в котором содержатся две главы. Первая глава указанного титула посвящена вопросу передачи при рассмотрении данного дела судом, то есть вопрос об определении конституционности в компетентные органы. Французская судебная система, состоящая из трех инстанций (первая - апелляционная - кассационная), представляет собой структуру, довольно простую для понимания, но не отрицающую ее особенностей. В отличие от большинства европейских стран, где относительно небольшое количество дел достигает высшей ступени (основное бремя ложится на апелляционный суд), кассационный суд Франции обязан рассматривать возможность обжалования любых решений, в том числе незначительные, к которым путь обращения закрыт и решение суда первой инстанции окончательно. В этой связи, прежде всего, необходимо говорить о загруженности единого кассационного суда по сравнению с 35 апелляционными судами (из которых 5 расположены за пределами территории самой Франции), что привело к созданию разветвленной структуры самой кассационной инстанции. В его состав входят шесть палат, три из

которых рассматривают жалобы по гражданским делам, одна – по коммерческим и административным вопросам, одна – по уголовным делам и одна – по социальным вопросам. Передача приоритетного вопроса об определении конституционности в Кассационный суд осуществляется в соответствии с положениями законов и постановлений. В то же время сторона дела, утверждающая, что положение закона нарушает права и свободы, гарантированные Конституцией, должна представить свои аргументы отдельно в письменной форме, с должной мотивацией и доказательствами. Регламентирован порядок действий судьи, ответственного за передачу приоритетного вопроса определения конституционности в компетентные органы. Также было установлено, что соответствующий судья, руководствуясь применимыми процессуальными нормами, принимает решение о передаче приоритетного вопроса определения конституционности в компетентные органы, о чем немедленно информируются органы прокуратуры, а также стороны. Судебный орган не обязан передавать приоритетный вопрос об определении конституционности на рассмотрение компетентных органов в том случае, если это же положение законодательства (в отношении которого возникли его сомнения относительно его соответствия положениям Конституции Франции) по тем же основаниям уже рассматривается Кассационным судом или Конституционным советом. В таких случаях суд должен приостановить производство по делу до принятия решения указанными органами. Однако и сегодня Кассационный суд не может быть отнесен к судебным органам третьей инстанции в полном смысле этого слова, поскольку этот суд не оценивает существо дела. Этот принцип остается неизменным. Согласно этому принципу, Кассационный суд не имеет полномочий выносить собственные постановления по спорным делам, а может только отменять судебные постановления по этим делам и передавать их в другие суды по тому же делу для пересмотра. Сам Кассационный суд ограничивается ответами на вопросы о правильности законодательства и его применении в конкретных спорах. Эти уникальные особенности французской кассации привели к появлению оригинальной техники написания французских решений, отличающейся особым стилем, языком и структурой. Важно отметить, что нет никаких письменных правил относительно вынесения судебных приказов и их оформления. Согласно условию, каждое судебное решение должно содержать одно и то же решение, которое в случае Кассационного суда может звучать так: «Суд ... отклоняет (кассационную жалобу)» или «Суд ... отменяет (оспариваемую Decision) и передает дело в суд ...». Обоснование решения «зажато» между подлежащим и сказуемым этого предложения путем объединения множества придаточных предложений, приведенных в непрерывном потоке, обязательно с формулой «Attendu que ...» («ввиду того, что ...») и прерывается точкой с запятой. Некоторые придаточные предложения могут начинаться с «que» («что») и обычно указывают на следствие предыдущего. Фраза «attuu que» представляет одну из «причин» решения суда, и мотивировка не включает конкретных частей, объясняющих характер кассационной жалобы или историю проблемы. В данном случае все это выражается в «аргументах» с той или иной стороны. Постановление не содержит иных объяснений, при наличии достаточных оснований для удовлетворения первоначальной кассационной жалобы другие причины рассматриваться не будут. Причины мотивируются на основании юридических фактов, истории права, правовой политики, соображений сравнительного правового характера. В решениях Кассационного суда не было упо-

минания ни его предыдущих постановлений, ни других судебных решений, ни даже учений. В решении суда есть только одна точка – в конце самого решения [8, с.10].

Важный вопрос перед судом – финансирование суда. Соответственно, любой житель республики, у которого нет достаточных ресурсов даже для обеспечения соблюдения или защиты своих прав, имеет судебное финансирование во Франции. Оно доступно иностранцам, если это предусмотрено международным договором, и торговым компаниям. Широко выражена конституционность ст. 11 ГК. В статье говорится, что иностранец будет пользоваться всеми правами гражданства, которые он предоставит французскому международному договору страны, к которой он принадлежит во Франции. Процесс финансирования судебного разбирательства занимает несколько месяцев, хотя в экстренных случаях возможна ускоренная процедура. Он покрывает гонорары адвокатам и расходы на приведение в исполнение судебного решения. С 2017 г. судебное финансирование доступно лицам, участвующим в урегулировании споров с долевым участием во Франции и мировых соглашениях [9, с.3].

Вывод. Таким образом, на сегодняшний день во Франции сложилась чрезвычайно сложная система судов общей юстиции в области гражданского правосудия, дифференцированная по предметам юрисдикции и другим основаниям и функционирующая в определенной иерархии. Судебная система имеет два уровня. К первому уровню относятся суды, которые рассматривают дело впервые; на втором – органы, рассматривающие дело по существу во второй раз. Высший суд и высший административный суд не являются во Франции ни третьим уровнем судебной системы, ни третьей инстанцией по делу. Руководящие принципы реформирования судебной системы Франции содержат рекомендации, направленные на дальнейшее совершенствование законодательства в этой области. Определение справедливости – одна из важнейших форм правоохранительной деятельности в демократическом государстве. Первоначально представлявшаяся прерогативой верховной власти, правосудие прошло долгий период обучения и развития, чтобы сегодня стать наиболее эффективным инструментом защиты прав и свобод человека. В ходе своего существования справедливость часто была захвачена политическим вмешательством, а также становилась заложником экономических и социальных кризисов. В результате, в определенные моменты истории, основная деятельность судебной власти превращалась в оправдание «права сильного», что неизбежно приводило к несправедливым и пристрастным разбирательствам. Однако, несмотря на сложность и неоднозначность исторического пути, избранного судебной властью, в нем прослеживается значительная тенденция, которая полностью проявляется в современных демократиях. Речь идет о равноправном распространении правосудия на все население граждан, что связано с постепенным установлением принципа равенства всех перед законом. Франция является одной из стран, где этот процесс отличается определенной уникальностью.

Список литературы:

1. Андреева И.А. Принципы судопроизводства во Франции // Вестник экономической безопасности: науч. ст. Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя. Москва, 2016.
2. Бибило В.Н. Судебные системы зарубежных государств: учеб.-метод. пособие для студентов юрид. спец. БГУ / В. Н. Бибило. – Минск : БГУ, 2012. – 93 с.
3. Источники гражданского процессуального права Франции. Лекции.Ком - 2014-2020 год [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://lektsii.com/1-151014.html>

4. Кулакова, В. Ю. Гражданский процесс зарубежных стран (Франция и Англия) / Кулакова В. Ю., Мирзоян М. Э., Соловьев А. А. - Москва: Проспект, 2017. - 256 с.
5. Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход: пер. с фр. 3-е изд., перераб. М., 2011.
6. Новый Гражданский процессуальный кодекс Франции / Пер. с франц. В. Захватаев / Предисловие: А. Довгерт, В. Захватаев / Отв. ред. А. Довгерт. — К., 2004. - 544 с.
7. Рыбина Ольга, юрист, к.ю.н. Французский гражданско-процессуальный кодекс 2011 года 08.11.2011 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://lawfirm.ru/knigi/index.php?id=4361>
8. Соловьев А.А. Особенности правового регулирования судебного нормоконтроля во Французской Республике // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». – 2017. – 13 с.
9. Судебный процесс во Франции 07.08.2020 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://iqdecision.com/sudebnyj-process-vo-francii/>
10. Европейская конвенция по правам человека измененная и дополненная Протоколами № 11 и № 14, вступившими в силу 1 июня 2010 г. Совет Европы 2015 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.coe.int/ru/web/compass/the-european-convention-on-human-rights-and-its-protocols>.

Derbisheva O. A. Judicial proceedings under french law // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 123-135.

The article analyzes the judicial system of France and its individual elements with an emphasis on the changes that have occurred in the judicial system of the country, namely, the introduction of amendments to the civil procedure code. The basic principles of judicial proceedings are also considered. The theoretical foundations and regulatory framework related to this issue have been studied. France has an extremely complex system of courts of general justice in the field of civil justice, differentiated by subjects of jurisdiction and other grounds and functioning in a certain hierarchy. The judicial system has two levels. The first level includes courts that consider the case for the first time; the second level includes bodies that consider the case on the merits for the second time. The Supreme Court and the Supreme Administrative Court are neither the third level of the judicial system in France, nor the third instance in a case. The guidelines for the reform of the French judicial system contain recommendations aimed at further improving legislation in this area. The definition of justice is one of the most important forms of law enforcement activity in a democratic state. Initially presented as the prerogative of the supreme power, justice has gone through a long period of training and development to become the most effective tool for protecting human rights and freedoms today. In the course of its existence, justice has often been captured by political interference, and has also become hostage to economic and social crises. As a result, at certain points in history, the main activity of the judiciary turned into a justification of the "right of the strong", which inevitably led to unfair and biased proceedings. However, despite the complexity and ambiguity of the historical path chosen by the judiciary, there is a significant trend in it, which is fully manifested in modern democracies. We are talking about the equal distribution of justice to the entire population of citizens, which is associated with the gradual establishment of the principle of equality of all before the law. France is one of the countries where this process is distinguished by a certain uniqueness.

Keywords: judicial system, judicial process, judicial proceedings, principles of judicial proceedings, judicial proceedings, judicial structure, competence, preliminary decision, judicial procedures, opening of a case.

Spisok literatury:

1. Andreeva I.A. Principy sudoproizvodstva vo Francii // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti: nauch. st. Moskovskij universitet MVD Rossii imeni V.YA. Kikoty. Moskva, 2016.
2. Bibilo V.N. Sudebnye sistemy zarubezhnyh gosudarstv: ucheb.-metod. posobie dlya studentov yurid. spec. BGU / V. N. Bibilo. – Minsk : BGU, 2012. – 93 s.
3. Istochniki grazhdanskogo processual'nogo prava Francii. Lekcii.Kom - 2014-2020 god Elektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: <https://lektii.com/1-151014.html>
4. Kulakova, V. YU. Grazhdanskij process zarubezhnyh stran (Franciya i Angliya) / Kulakova V. YU., Mirzoyan M. E., Solov'ev A. A. - Moskva: Prospekt, 2017. - 256 s.
5. Lezhe R. Velikie pravovye sistemy sovremennosti: sravnitel'no-pravovoj podhod: per. s fr. 3-e izd., pererab. M., 2011
6. Novyj Grazhdanskij processual'nyj kodeks Francii / Per. s franc. V. Zahvataev / Predislovie: A. Dovgert, V. Zahvataev / Otв. red. A. Dovgert. — К., 2004. - 544 s.
7. Rybina Ol'ga, yurist, k.yu.n. Francuzskij grazhdansko-processual'nyj kodeks 2011 goda 08.11.2011 [Elektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: <https://lawfirm.ru/knigi/index.php?id=4361>
8. Solov'ev A.A. Osobennosti pravovogo regulirovaniya sudebnogo normokontrolya vo Francuzskoj Respublike // Vestnik RUDN. Seriya «YUridicheskie nauki». – 2017. – 13 s.
9. Sudebnyj process vo Francii 07.08.2020 [Elektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: <https://iqdecision.com/sudebnyj-process-vo-francii/>
10. Evropejskaya konvenciya po pravam cheloveka izmenennaya i dopolnennaya Protokolami № 11 i № 14, vstupivshimi v silu 1 iyunya 2010 g. Sovet Evropy 2015 [Elektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: <https://www.coe.int/ru/web/compass/the-european-convention-on-human-rights-and-its-protocols>.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. Ч. 1. – С. 136-153.

УДК 343.21

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(1)- 136-153

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОГОВОРА КАК ВНЕШНИЙ ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА СИСТЕМУ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ВОИНСКИЙ ПРАВОПОРЯДОК

Бодаевский В. П.

Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье раскрываются и исследуются вопросы влияния международного права, прежде всего международных договоров, на формирование и функционирование системы уголовно-правовых норм, обеспечивающих воинский правопорядок. Автором обосновывается утверждение, что между отечественной системой правовых норм, обеспечивающих уголовно-правовую охрану воинского правопорядка, и международным правом преимущественно действуют иерархические и координационные связи. Отмечается, что эти связи обуславливают уже давно назревшую необходимость проведения ревизии всей системы отечественного уголовного законодательства, в том числе и системы военно-уголовных норм, на предмет их адаптации и соответствия предписаниям международного права, международным договорам, участницей которых является Российская Федерация. Система военно-уголовных норм, в силу своей специфики, должна не только учитывать, но и конкретизировать указанные предписания (например, терминологические конструкции «воинские преступления, не являющиеся преступлениями в соответствии с обычным уголовным правом», «вооруженный конфликт», «военные действия»), а некоторые из них требуют имплементации в национальный уголовный закон, что позволит устранить существующие противоречия в данных отраслях законодательства и будет способствовать улучшению качества УК РФ.

Ключевые слова: межотраслевые связи, нормативные предписания, воинский правопорядок, международные договора, внешние факторы, система уголовно-правовых норм, терминологические конструкции, имплементация, уголовный закон, уголовная ответственность военнослужащих.

К внешним детерминантам системы военно-уголовных норм, наряду с другими факторами, справедливо относят общепризнанные принципы и нормы международного права, прежде всего, международные договора. Вместе с тем, отечественная доктрина не дает однозначного ответа на вопросы, являются ли перечисленные составляющие международного права формальными или материальными источниками уголовного права России, а также, что следует понимать под этими категориями и как они соотносятся между собой? Не вдаваясь в полемику по данным вопросам, поскольку они являются научной проблемой, требующей самостоятельного исследования, необходимо указать следующее. Преобладающим в отечественной юридической литературе является мнение о том, что общепризнанные принципы и нормы международного права, в том числе международные договора, относятся к материальным источникам уголовного права. В основе его обоснования лежит разделение предметов правового регулирования уголовного и международного права. Что касается понятия и соотношения вышеуказанных составляющих последнего, то, как констатирует В.П. Коняхин, они не равноценны по своему объему: понятие общепризнанных принципов и норм международного права – шире и частично охватывает понятие международных договоров. Общепризнанные принципы и нормы, включают в себя договора, т.е. включают как «неписанные» (обычные) нормы, так и определенную часть «писанных» (договорных) норм. По мнению данного ученого,

это объясняется отсутствием единого критерия их классификации. Однако, Конституция РФ (ч. 4 ст. 15) отводит им разное место в правовой системе России «доминирующее – для всех норм международных договоров и ординарное – для всех тех общепризнанных принципов и норм международного права, формой выражения которых является обычай» [1, с. 90-92].

Значение международного договора и способы его применения, в общих чертах, определены в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ и детализируются в ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» от 15.07.1995 г. № 101-ФЗ (далее – Закон № 101-ФЗ). В частности, в п. «а» ст. 2 этого Закона, раскрывается понятие международного договора РФ, под которым понимается международное соглашение, заключенное РФ с иностранным государством (или государствами), с международной организацией либо с иным образованием, обладающим правом заключать международные договоры, в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится ли такое соглашение в одном документе или в нескольких, связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования. В свою очередь, ч. 3 ст. 5 Закона непосредственно дополняет указанную конституционную норму: «Положения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в Российской Федерации непосредственно. Для осуществления иных положений международных договоров Российской Федерации принимаются соответствующие правовые акты». Согласно его ст. 15, среди прочих оснований, по которым международные договоры РФ подлежат ратификации, необходимо выделить: «исполнение которых требует изменения действующих или принятия новых федеральных законов, а также устанавливающие иные правила, чем предусмотренные законом» (п. «а» ч. 1).

Цитируемые и другие предписания названного Закона, а также анализ юридической литературы указывают на два возможных способа применения международных договоров: непосредственно и опосредованно, через национальное уголовное право. Применение международного права через уголовно-правовые предписания России может осуществляться посредством: а) бланкетности диспозиции предписания – отсылки к нормам международного права; включения в текст уголовного закона терминов или терминологических оборотов (конструкций) международного права (разновидность бланкетности) [2, с. 377]; б) рецепции международного права – нормы международного права текстуально включаются в уголовный закон без каких-либо изменений; в) имплементации международного права – существующая или вводимая уголовно-правовая норма адаптируется внутренним законодателем во исполнение международного договора [3, с. 234; 4, с. 362].

По-нашему мнению, указанные предписания названного Закона свидетельствуют о субординационной (иерархической) и корреспондирующей зависимости между нормами международных договоров и УК РФ.

Субординационные связи обусловлены местом международных договоров в иерархии нормативных актов национальной правовой системы России, которое определено предписаниями ч. 4 ст. 15 Конституции РФ и ч. 2 ст. 5 Закона № 101-ФЗ, согласно которых принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются частью правовой системы России. Если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотрены национальным законо-

дательством, то применяются правила международного договора. Данный порядок не распространяется только, разве что, на предписания Конституции РФ. Надо отметить, что цитируемые предписания находятся в прямой коллизии с ч. 1 ст. 1 и ч. 1 ст. 3 УК РФ, поскольку последние устанавливают правило, согласно которым преступность и наказуемость определяются исключительно УК РФ, а новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в УК РФ. В силу верховенства предписаний Конституции РФ такая коллизия должна разрешаться в пользу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ.

По мнению В.П. Коняхина, самоисполнительность международного правового акта свойственна преимущественно сфере применения Общей части уголовного закона, хотя она не исключается и при применении его Особенной части, но такая вероятность ничтожна мала [1, с. 90-92]. Как отмечается в юридической литературе, это возможно, когда нормы международного договора блокируют применение уголовно-правовых предписаний, находящихся в противоречии с ними [5, с. 20], в остальных случаях они несоизмеримы [6, с. 137-138; 7, с. 92-93].

Международные договоры РФ применяются напрямую в двух случаях: а) при наличии коллизии между предписаниями международного акта и корреспондирующими им уголовно-правовыми предписаниями Общей части уголовного закона; б) при наличии в последней пробелов и возможности их восполнения за счет международно-правовых предписаний без принятия трансформационного нормативного акта [1, с. 256].

Исследуя проблему влияния международного права на уголовный закон М.С. Кириенко приводит два основных его направления, о которых указывают многие отечественные ученые. Первое, заключается в идейном, мировоззренческом воздействии международного права, под которым уголовное законодательство изменяется (трансформируется). Второе, в приемах законодательной техники. Международно-правовые акты наполняют содержанием элементы системы уголовного закона [8, с. 81-83]. Такая зависимость обуславливает наличие их корреспондирующей взаимосвязи.

Указанная позиция нашла свое отражение в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 г. «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», где отмечается, что международные договоры, содержащие признаки составов уголовно наказуемых деяний, не могут применяться непосредственно, так как они устанавливают не уголовную ответственность, а обязанность государств установить ее в своем национальном законодательстве. Однако, международно-правовые нормы могут непосредственно применяться, когда норма УК РФ прямо это устанавливает. Следовательно, взаимосвязь между нормами международных актов, предусматривающих составы преступлений, и Особенной части уголовного закона в основном обладают корреспондирующими свойствами.

В рамках системы действующих военно-уголовных норм международные договора преимущественно воздействуют на институт особенностей уголовной ответственности военнослужащих и должны учитываться при формировании традиционного для российского уголовного права института ответственности за преступления,

совершаемые против воинского правопорядка в военное время и в боевой обстановке, существование которого заявлено предписаниями ч. 3 ст. 331 УК РФ¹.

Применительно к институту особенностей уголовной ответственности военнослужащих это влияние осуществляется на предписания закона: о действии уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление на военном корабле или военном воздушном судне России, независимо от места их нахождения (ч. 3 ст. 11 УК РФ); о действии уголовного закона в отношении военнослужащих воинских частей России, дислоцирующихся за пределами РФ (ч. 2 ст. 12 УК РФ); об обстоятельствах, отягчающих наказание военнослужащих за совершение преступления в условиях вооруженного конфликта или военных действий (п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

Примером военно-уголовных предписаний, сформулированных путем отсылки к нормам международного права (бланкетным способом), могут служить предписания, определяющие пределы действия уголовного закона.

Так, реализация предписаний, предусмотренных ч. 3 ст. 11 УК РФ, относительно военного корабля или военного воздушного судна России, во многом зависит от обязанности государства, на территории которого они пребывают, либо, когда такой корабль или воздушное судно находятся в открытом водном или воздушном пространстве, вне пределов РФ, признать сферу действия УК РФ на данных объектах. В мировой литературе, в международной практике и законодательстве для обозначения сферы действия закона используют термин «юрисдикция». А когда речь идет о действии закона за пределами государства, используют понятие «экстратерриториальная юрисдикция». По объему юрисдикцию принято разделять на «полную» и «неполную» («ограниченную»). Под полной юрисдикцией понимают власть государства устанавливать обязательные правила поведения и обеспечивать их реализацию всеми законными средствами, которые имеются в его распоряжении. Соответственно, при неполной (ограниченной) юрисдикции государство, устанавливая обязательные правила поведения, ограничено в использовании средств, обеспечивающих их выполнение [9, с. 38; 10, с. 220].

Обязанность государств, признать уголовно-правовую юрисдикцию России на указанные объекты, устанавливается, например, Конвенцией ООН по морскому праву от 10.12.1982 г. и Хельсинского договора по открытому небу от 24.03.1992 г., которые и сегодня остаются актуальными для всего мирового сообщества. Нормативные предписания этих документов международного права связаны с юридическими категориями «право флага» и «территория государства» [10, с. 226]. Военный корабль в иностранных водах – плавающая часть государства, флаг которого он несет. Поэтому такой корабль имеет исключительный иммунитет относительно юрисдикции любого государства. Военный корабль со всем личным составом и грузом остается под «абсолютным обычным иммунитетом» государства его флага, независимо от того, находится он в открытом море, в территориальных водах другого государства или иностранном порту, и для этого не нужно заключать соответствующее соглашение. Против него невозможно начать какое-либо судопроизвод-

¹ В теории уголовного права принято считать, что система военно-уголовных норм структурируется в три института: 1) уголовной ответственности военнослужащих; 2) ответственности за преступления, совершаемые против воинского правопорядка в мирное время; 3) ответственности за преступления, совершаемые против воинского правопорядка в военное время и в боевой обстановке.

ство со стороны иностранного государства, ни одно должностное лицо другого государства не может вступить на борт корабля без разрешения его командира. Все преступления, которые совершены на борту корабля лицами, находящимися на службе, подлежат полной юрисдикции государства права. Кроме того, все преступления, совершенные ими при прохождении военной службы на территории государства пребывания, также подлежат полной юрисдикции государства флага [10, с. 226]. Аналогичные правила установлены и для военных воздушных объектов, независимо от места пребывания, за пределами воздушного пространства государства флага.

На положениях данных правил сформулированы и нормативные предписания ч. 8 ст. 11 Модельного Закона «Об участии государства – участника СНГ в миротворческих операциях», принятого 17.04.2004 г. на 23 пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ, где, в частности, указывается, что из-за отсутствия соглашения между участником СНГ и принимающей стороной, применяются следующие принципы: «...государство – участник СНГ осуществляет в соответствии с национальным законодательством правовое преследование лиц, входящих в состав военного или гражданского персонала, подозреваемых (обвиняемых) в преступлениях, совершаемых по месту проведения миротворческой операции» [10, с. 227].

Исследуя генезис изложенных предписаний Я.Н. Ермолович указал, что они имеют давние исторические корни, армия и ее отдельные части в дореволюционной теории международного права традиционно сравнивались с подвижными крепостями, переносящими территорию государства за ее реальные пределы, на том же основании, как и военные корабли. На такой территории действовал запрет судимости российских военнослужащих по местным законам и местными судами [11, с. 43-44; 12, с. 211, 221].

В современном уголовном законе указанная особенность его экстерриториального действия в отношении военнослужащих нашла свое отражение не только в ч. 3 ст. 11 УК РФ, но и в покровительственном принципе, закрепленном в ч. 2 ст. 12 УК РФ. Ее предписания служат еще одним примером отсылки к нормам международного права, причем, с прямым указанием на международные договора.

В основе этого принципа лежат международные нормативные акты двух групп (видов): 1) регламентирующие юрисдикцию войск одного государства на территории другого, находящихся на положении военного времени (например, с целью совместной обороны данной территории или при ее оккупации); 2) регламентирующие юрисдикцию войск на территории другого государства, находящихся на положении мирного времени: при размещении ограниченных контингентов и других войск, в целях обеспечения военной безопасности; при выполнении союзнических обязательств в целях коллективной безопасности и обеспечения совместной обороны определенной территории, в случае войны; при защите национальных интересов в Мировом океане (при осуществлении военно-морского присутствия и демонстрации флага, защите судоходства, промысловой и других видов деятельности, при участии в военно-политических акциях и др.); при участии в операциях по поддержанию и восстановлению международного мира и безопасности; при участии в международных принудительных действиях с использованием вооруженных сил; при пресечении международной террористической деятельности за

пределами территории государства и участия в совместных контртеррористических операциях; при осуществлении разведывательной деятельности; при проведении совместных военных учений; при совместной охране государственных границ.

Что касается вида международных нормативных актов и формы международных соглашений (договоров), регламентирующих миротворческую деятельность, то необходимо заметить, что они зависят от того, в рамках какой международной организации осуществляется миротворческая деятельность (ООН, СНГ, ОДКБ, ОБСЕ и других) и какое правовое регулирование этих отношений в ней осуществляется [13, с. 191].

На сегодняшний день международная практика государств при регулировании исследуемых отношений допускает заключение отдельных соглашений (преимущественно двусторонних), иногда обмен дипломатическими нотами или устные соглашения (последние являются присущими для миссий SOFA), где направляющее государство может закрепить необходимый определенный объем правовых гарантий для своих военнослужащих и других лиц в составе миротворческого персонала, а принимающее государство, напротив, ограничить эту юрисдикцию, в соответствии с международным правом [13, с. 192-193]. Так, например, Резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН (UN Doc. A/45/594) от 09.10.1990 г. и (UN Doc. A/46/185) от 23.05.1991 г. были утверждены «Типовое соглашение о статусе сил для проведения операций по поддержанию мира» и «Типовое соглашение между ООН и государствами-членами, которые предоставляют персонал и оборудование для операций ООН по поддержанию мира». О необходимости заключения таких соглашений, предусматривает и ст. 11 Модельного Закона «Об участии государства – участника СНГ в миротворческих операциях» от 17.04.2004 г.

По подсчетам Я.Н. Ермоловича, начиная с 1991 г. Российской Федерацией заключено более 170 международных договоров и соглашений, в которых, так или иначе, затрагивались вопросы определения уголовной юрисдикции российских военнослужащих, проходящих службу на территории иностранных государств [11, с. 47].

В результате ведения боевых действий воинские формирования РФ, на что уже обращалось внимание, могут занимать территорию иностранного государства, как противника в войне, так и союзника, который ранее подвергся оккупации противника. Вопрос о действии, в этом случае, российского уголовного закона разрешается на основании Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны от 18.10.1907 г. (Гаага), согласно смысла ст. 43 которой, с фактическим переходом власти к неприятелю, занявшему территорию другого государства, последний обязан принять все зависящие от него меры к тому, чтобы, насколько это возможно, восстановить и обеспечить общественный порядок и общественную жизнь, уважая существующие в стране законы. Вместе с тем, предписания статей 64-78 Женевской Конвенции о защите гражданского населения во время войны от 12.08.1949 г. (Женева)² дают право оккупирующему государству, дабы исключить угрозу безопасности интересам последнего (личного состава и имущества оккупационных войск или администрации, а также используемых ею объектов и коммуникационных линий) и препятствия применения данной Конвенции, распространять свою юрисдикцию на

² Конвенция ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17.04.1954 г.

население оккупированной территории³. Однако, согласно ч. 1 ст. 43 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12.08.1949 г. (Протокол I) от 08.06.1977 г., указанные меры не должны противоречить нормам международного права [14, с. 42]. Разумеется, исходя из указанных и других угроз для своих войск, оккупирующее государство распространяет в отношении них свою полную юрисдикцию.

С проблемами установления уголовной юрисдикции на оккупированных территориях и полной юрисдикции в отношении военнослужащих, связаны вопросы определения юрисдикции военнопленных. Регламентация этих общественных отношений в РФ служит примером полной рецепции норм международного права (применения напрямую), в случае совершения военнопленными воинских преступлений, предусмотренных национальным уголовным законом.

Военнопленными могут быть не только оказавшиеся в российском плену военнослужащие неприятельской державы, но и попавшие во власть неприятеля российские военнослужащие. Действующее военное законодательство России, а именно, предписания ч. 1 ст. 37 ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» от 28.03.1998 г. № 53-ФЗ, устанавливает, что военнослужащие сохраняют за собой свой статус при нахождении в плену, за исключением случаев добровольной сдачи в плен.

Международное право рассматривает в качестве военнопленных кроме военнослужащих еще и гражданский персонал, а также лиц, не имеющих статуса военнослужащего, принимающих участие в войне в составе вооруженных сил, подпадающих под следующие требования: а) они имеют во главе лицо, ответственное за своих подчиненных; б) имеют определенные и явно видимые издали отличительные знаки; в) открыто носят оружие; г) соблюдают в своих действиях законы и обычаи войны [11, с. 50].

Правовое положение и вопросы уголовной юрисдикции военнопленных регламентированы Женевской Конвенцией об обращении с военнопленными от 12.08.1949 г. (Женева). В соответствии с ее ст. 82, военнопленные подчиняются законам, уставам и приказам, действующим в вооруженных силах держащего их в плену государства. При совершении преступлений, они несут ответственность по уголовному законодательству страны, у которой данные лица находятся в плену, применяемому в отношении ее военнослужащих. Преступность и наказуемость военнопленных, должна соответствовать установленной для военнослужащих держащего в плену государства и не противоречить данной Конвенции.

По законодательству государства, в плену которого находится военнопленный, наступает уголовная ответственность и за совершение указанным лицом преступлений до взятия его в плен. Держащая в плену держава не может лишить ни одного военнопленного его звания или возможности носить знаки различия. В случае вынесения военнопленному смертного приговора последний приводится в исполнение не ранее чем по истечении шестимесячного срока со дня получения державой-покровительницей по указанному ею адресу подробного сообщения. Военнопленные отбывают наказания по вступившим в законную силу приговорам,

³ В теории уголовного права распространение уголовной юрисдикции государства на оккупированную им территорию и ее население получило название оккупационного принципа действия уголовного закона в пространстве.

в тех же учреждениях и в тех же условиях, что и лица из состава вооруженных сил держащей в плену державы. Данные условия должны, во всяком случае, отвечать требованиям гигиены и гуманизма.

Особенностью уголовной ответственности иностранных военнопленных является возможность нести такую ответственность за преступления, предусмотренные гл. 33 УК РФ, – против военной службы. Вместе с тем, несмотря на возможность прямого применения указанных предписаний международного права, данная особенность никак не отражена в действующем российском уголовном законодательстве, что создает некий диссонанс между этими предписаниями и содержанием ч. 1 ст. 1, ч. 2 ст. 2 и ст. 3 УК РФ.

Полная уголовная юрисдикция войск, о чем уже отмечалось ранее, возникает и когда они принимают участие в вооруженных конфликтах за пределами России под эгидой указанных организаций. В теории международного права преобладает мнение (например, его высказывали И.М. Коропатник, Г.М. Мелков и Б.Р. Тузмухамедов), нашедшее свое нормативное закрепление во многих международных актах, о том, что такие воинские подразделения (даже те, которые действуют по мандату ООН) являются законными участниками вооруженных конфликтов и обладают статусом комбатанта [15, с. 79; 16, с. 23].

На уровне национального законодательства, порядок предоставления Россией своего военного и гражданского персонала, организации его подготовки и обеспечения для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности, осуществляется на основании ФЗ «О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности» от 23.06.1995 г. № 93-ФЗ, с учетом предписаний международного права, в том числе и на основании двусторонних, либо многосторонних, международных договоров РФ (ст. 2).

По данным Министерства обороны РФ, воинские подразделения и отдельные военнослужащие России брали, например, участие: 1) в миссиях ООН – участвовали в предотвращении или ликвидации междоусобных и межнациональных конфликтов как на территории республик бывшего СССР, так и в странах дальнего зарубежья. География таких мест обширна: Южная Осетия, Абхазия, Приднестровье, Таджикистан, Босния и Герцеговина, Косово, Метохия, Ангола, Чад, Сьерра-Леоне и Судан. Кроме того, Россией, в миссии ООН направлялись военные наблюдатели на Ближний Восток, в Западную Сахару, в ДР Конго; 2) в миссиях Организации Договора о коллективной безопасности, для чего, в октябре 2007 г., был сформирован контингент, который предназначен, прежде всего, для участия в операциях по поддержанию мира на территориях государств-членов ОДКБ (по решению Совета коллективной безопасности ОДКБ), а также за пределами этих государств (на основании Мандата выдаваемого Советом Безопасности ООН); 3) в военной операции в Сирии, по приглашению этого государства, против террористических формирований «Аль-Каиды», «Исламского государства» и «Джехат ан-Нусра», с сентября 2015 г. по настоящее время; 3) в миссиях и операциях по поддержанию международного мира и безопасности, для чего была сформирована миротворческая 15-я отдельная мотострелковая бригада (получившая почетное название «Александровская»). Ее личный состав по решению Президента РФ может входить в миротворческие контин-

генты, в интересах СНГ, ООН, ОБСЕ, Совета Россия-НАТО и Шанхайской организации сотрудничества. В настоящее время эта бригада выполняет миротворческие задачи под эгидой ООН в зоне вооруженного армяно-азербайджанского конфликта в Нагорном Карабахе [17].

Как указывает Я.Н. Ермолович, начиная с 1991 г. миротворческие подразделения Вооруженных Сил РФ принимали участие в восемнадцати миротворческих операциях [11, с. 45]. На сегодняшний день воинские формирования РФ дислоцируются на территориях не менее 10 государств (Азербайджанской Республики, Республики Беларусь, Киргизской Республики, Республики Таджикистан, Республики Казахстан, Республики Армения, Сирийской Арабской Республики, Приднестровской Молдавской Республики, Республики Абхазия, Республики Южной Осетии). Пограничные органы ФСБ России дислоцированы на территориях 5 государств. В местах дислокации российских воинских формирований, как правило, действуют и органы военной юстиции (военные суды, военная прокуратура, военные следственные органы и органы военной полиции) [11, с. 45].

В качестве аргумента, в подтверждение указанному, приведем предписания основных базовых нормативных актов международных организаций и договоров (соглашений), относительно уголовной юрисдикции боевых подразделений войск России, участвующих в операциях на территории иностранных государств.

Так, в соответствии с Конвенцией «О привилегиях и иммунитетах Объединённых Наций», принятой Генеральной Ассамблеей ООН 13.02.1996 г., Конвенцией «О безопасности ООН» от 09.12.1994 г., Протоколом «О статусе Групп военных наблюдателей и Коллективных сил по поддержанию мира в СНГ» от 15.05.1992 г. (Ташкент), Договором «О коллективной безопасности» от 15 мая 1992 г. (Ташкент), военнослужащие, в период прохождения службы в составе специального воинского контингента, пользуются статусом, привилегиями и иммунитетом, которые предоставляются персоналу ООН при проведении операций по поддержанию мира. Данные предписания получили свое дальнейшее развитие в п. 1.1 раздела I Бюллетеня Генерального секретаря ООН (в дальнейшем Бюллетень ГС ООН) от 06.08.1999 г. (ST/SGB/1999/13) под названием «Соблюдение силами Организации Объединённых Наций норм международного гуманитарного права», где указывается, что: «Основопологающие принципы и нормы международного гуманитарного права, изложенные в настоящем бюллетене, применяются к силам Организации Объединённых Наций, когда, находясь в ситуации вооруженного конфликта, они активно принимают участие в нем в качестве комбатантов». В разделе II, этого Бюллетеня, регламентируется, что: «Настоящие положения... не подменяют собой национальные законы, которые остаются обязательными для военного персонала в ходе всей операции». А в его разделе IV отмечается, что: «В случае нарушения норм международного гуманитарного права военнослужащие сил ООН подлежат судебному преследованию в своих национальных судах». Такие же по смыслу предписания предусмотрены и п. 30 раздела VII Кодекса поведения, касающегося военнополитических аспектов безопасности (базового документа ОБСЕ) от 03.12.1994 г., где, в частности, указывается, что: «Каждое государство-участник будет обеспечивать, чтобы личный состав его вооруженных сил был ознакомлен с положениями международного гуманитарного права, международными гуманитарными правилами, нормами и обязательствами, касающимися вооруженных конфликтов, а также

осведомлен о том, что он несет индивидуальную ответственность, согласно национального законодательства и международного права за свои действия».

Как и базовые международные нормативные акты, договоры РФ, регламентирующие правовой статус войск, дислоцированных за пределами России, находящихся на положении военного времени, также предусматривают полную уголовно-правовую юрисдикцию. Типичным примером этому, являются предписания ч. 3 ст. 6 Соглашения Российской Федерации и Сирийской Арабской Республикой о размещении авиационной группы Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Сирийской Арабской Республики от 26.08.2015 г., согласно которых, военнослужащим российской авиационной группы и членам их семей предоставляются иммунитеты и привилегии аналогичные тем, которыми обладает дипломатический персонал дипломатического представительства и члены их семей, в соответствии с Венской конвенцией о дипломатических сношениях от 18.04.1961 г.

В отличие от международных договоров РФ, регламентирующих юрисдикцию российских войск, дислоцированных на территории другого государства, находящихся на положении военного времени, подобные международные договора для мирного времени по-разному определяют уголовную юрисдикцию военнослужащих.

Например, привилегиями и иммунитетами уголовной юрисдикции, предусмотренными в отношении административно-технического персонала дипломатического представительства, согласно предписаний Венской конвенции о дипломатических сношениях от 18.04.1961 г., в соответствии с ч. 2 ст. 13 Соглашения между Российской Федерацией и Киргизской Республикой «О статусе и условиях пребывания объединенной российской военной базы на территории Киргизской Республики» от 20.09.2012 г. (Бишкек), пользуется личный состав объединенной российской военной базы, дислоцированной в Киргизии. Полной уголовной юрисдикцией России, согласно ст. 13 Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан «О статусе и условиях пребывания российской военной базы на территории Республики Таджикистан» от 05.10.2012 г. (Душанбе), обладает и личный состав российской военной базы, дислоцированной в Таджикистане. Надо отметить, что данный подход установления юрисдикции для российских войск известен достаточно давно. Он впервые нашел свое закрепление в Конвенции «О содержании вспомогательных аксиларных войск российских в Швеции, а шведских – в России» от 30 июня 1727 г. [10, с. 226].

Ограниченной уголовной юрисдикцией пользуются российские войска, дислоцированные в Республике Армения. Так, согласно ст. 19 Договора между Российской Федерацией и Республикой Армения «О правовом статусе Вооруженных Сил Российской Федерации, находящихся на территории Республики Армения» от 21.08.1992 г. (Москва), эти вопросы решаются следующим образом: а) по делам о преступлениях и проступках, совершаемых лицами, из числа российских войск (сил) или членов их семей, вне пределов дислокации этих войск, применяется законодательство Армении, действуют ее правоохранительные органы и суды; б) по делам о преступлениях и проступках указанных лиц, совершаемых в местах дислокации, либо при исполнении служебных обязанностей, а также по делам о воинских преступлениях, применяется законодательство РФ, действуют ее правоохранительные органы и суд. Компетентные органы Армении, в этом случае, обеспечивают по

постановлениям и судебным решениям соответствующих органов России содержание лиц, находящихся под стражей и их конвоирование; в) исполнение приговоров в виде лишения свободы, обязательного привлечения к труду, направления в дисциплинарный батальон, производиться на территории России; компетентные органы РФ и Армении могут взаимно обращаться друг к другу с просьбой о передаче или принятии юрисдикции в отношении отдельных дел, указанных в данной статье Договора. Аналогичные предписания о частичной уголовной юрисдикции российских войск, например, предусмотрены: в статьях 4 и 5 Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Беларусь «По вопросам юрисдикции и взаимной помощи по делам, связанным с временным пребыванием воинских формирований Российской Федерации из состава Стратегических сил на территории Республики Беларусь» от 06.01.1995 г. (Минск); в ст. 12 Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Казахстан «О статусе воинских формирований Российской Федерации, временно находящихся на территории Республики Казахстан» от 20.01.1995 г. (Москва) и т.д.

С проблемой действия уголовного закона России в пространстве, относительно военнослужащих, тесно связаны вопросы их экстрадиции. В УК РФ данные общественные отношения регламентированы ст. 13, предписания которой прямо нельзя назвать военно-уголовными, но они имеют специфику применения к военнослужащим, и являются еще одним примером бланкетности. Помимо национального законодательства экстрадиция урегулирована рядом международных актов и соглашений (договоров). Базовыми из них являются: Европейская конвенция о выдаче (ETS N 024) от 13.12.1957 г. (Париж) и Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22.01.1993 г. (Минск) (далее – Минская конвенция 1993 г.). В теории уголовного права под экстрадицией (выдачей лиц, совершивших преступление), как правило, понимается передача преступника другому государству для судебного разбирательства или приведения в исполнение вынесенного приговора, осуществляемая согласно международным договорам и национальному конституционному, уголовному и уголовно-процессуальному законодательству [18, с. 27].

В специальной юридической литературе преобладает мнение, что экстрадиция – это право, а не обязанность государств, поскольку в международном праве не существует какой-либо универсальной нормы, которая бы распространялась на все государства, касательно обязанности ее осуществления. Такие обязанности могут возникать только при условии заключения между государствами соответствующих международных договоров⁴.

Что касается военной составляющей, то в этом случае необходимо отметить, что в международном праве утвердилось правило об ограничении выдачи лиц, совершивших правонарушение, предусмотренное военным правом и не являющееся правонарушением в соответствии с обычным уголовным правом.

В частности, в ст. 4 Европейской конвенции 1957 г. отмечается: «Выдача в связи с воинскими преступлениями, которые не являются преступлениями в соответствии с обычным уголовным правом, исключается из сферы применения настоя-

⁴ При заключении таких договоров государства могут ориентироваться на Типовое соглашение о выдаче, принятое Генеральной Ассамблеей ООН от 14.02.1990 г., в ее резолюции за № 45/116.

щей Конвенции». Практически тождественные предписания предусмотрены и в п. «ж» ч. 1 ст. 89 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 07.10.2002 г. (Кишнев) (далее – Кишиневская Конвенция 2002 г.), она не вступила в силу для России. Что касается Минской Конвенции 1993 г., то этот акт не содержит изложенных предписаний, а, соответственно, указанных в них ограничений.

Между тем, анализ юридической литературы показывает, что многие практики и ученые по-разному толкуют вышерассматриваемые положения. Так, старший военный прокурор управления надзора за исполнением законов при расследовании преступлений Главной военной прокуратуры РФ А.В. Брагин, поднимая проблему розыска дезертиров, отмечает, что все воинские преступления (против прохождения военной службы), согласно Кишиневской Конвенции 2002 г., «... отнесены к числу неэкстрадиционных» [19]. Очевидно, этот подход касается и предписаний Европейской Конвенции 1957 г. Указанная позиция обосновывается и утверждениями И.Ю. Белого, который отмечает, что Женевские Конвенции обязывают все государства разыскивать и придавать суду, либо выдавать всех лиц, подозреваемых в совершении серьезных, в том числе, военных преступлений. Предписания ст. 66 Кишиневской Конвенции 2002 г. (Минской Конвенции 1993 г.), предусматривают четкие условия их выдачи [20]. Из указанных утверждений следует, что в п. «ж» ч. 1 ст. 89 «Об отказе в выдаче» Кишиневской Конвенции 2002 г., речь ведется о запрете выдачи лиц, совершивших не военные, а воинские преступления. В противном случае, такой запрет будет противоречить вышеуказанным предписаниям как ст. 66 этой же Конвенции, так и Женевских и других специальных Конвенций, международных актов и договоров о военных преступлениях.

Иной точки зрения, например, придерживаются И.И. Лукашук и А.В. Наумов, которые понимают под рассматриваемыми преступлениями военные преступления, «... являющиеся таковыми в соответствии с военным правом и не являющиеся разновидностью правонарушений, предусматриваемых обычным уголовным правом ...» [9, с. 219]. Выдача (передача) военных преступников, в том числе и военнослужащих, осуществляется не по «общим» Конвенциям и договорам об экстрадиции, а предусмотрена специальными международными нормативными предписаниями, преимущественно, уставами международных трибуналов и т.д. [9, с. 112-122].

Надо отметить, что в большинстве государств «дальнего зарубежья» воинские преступления, в отличие от российской доктрины уголовного права, четко не выделяются, а охватываются более широкой по смыслу категорией преступлений, подпадающих под действие военно-уголовного законодательства. Как констатирует В.Н. Додонов, эта категория включает преступления против военной службы (воинские преступления), преступления любого лица против вооруженных сил и военной безопасности государства, а также преступления против законов и обычаев войны (военные преступления). В качестве примера необходимо привести уголовное законодательство Бразилии, Испании, Колумбии и т.д. Такой подход наблюдается во всех странах, где приняты военные уголовные кодексы или кодексы военной юстиции [21, с. 488]. Кроме того, многие страны бывшего соцлагеря традиционно объединяют военные преступления (против мира и безопасности человечества) и воинские преступления (преступления против прохождения военной службы), это, в частности, Болгария, Вьетнам, Молдавия, Украина и т.д. [21, с. 525].

Следует заметить, что в отличие от воинских преступлений, понятие которых раскрывается национальным законодательством, понятие военных преступлений, раскрывается международным уголовным правом. Так, Уставом Нюрнбергского военного трибунала указанные преступления определяются, как нарушения законов и обычаев войны [21, с. 523]. Предусмотренный этим международным документом перечень военных преступлений лег в основу их дальнейшей систематизации. Со временем, данный перечень дополнили также нормативные предписания четырех Женевских конвенций от 12.08.1949 г. и др.

Все изложенное, касательно проблемы экстрадиции военнослужащих, по нашему мнению, свидетельствует о том, что в каждом конкретном случае необходимо исходить из предписаний международных актов, основанных на них соглашений (договоров) и национального законодательства, а при наличии несогласованностей между этими предписаниями, данная проблема должна разрешаться путем системного толкования указанных предписаний, анализа их корреспондирующих взаимосвязей с национальным законодательством. В свою очередь, необходимость согласованности данных предписаний вызывает появление связей субсидиарности (конкретизации, дополнения) или контрадикторности (протворечия). Как представляется, с целью усиления согласованности этих предписаний и сведения к минимуму их противоречий, российское уголовное законодательство должно конкретизировать предписания международных нормативных актов об экстрадиции военнослужащих и практики их применения, что позволит правоприменителям правильно реализовывать данные предписания, а соответствующим государственным органам учитывать их при заключении Российской Федерацией международных двухсторонних договоров.

Примером межотраслевого взаимодействия и восприятия уголовным законодательством нормативного материала международного права путем использования в статьях УК РФ терминологических конструкций являются предписания п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

По мнению Н.И. Пикурова, термины имеют особую роль в структуре межотраслевых связей, поскольку значительное число имплементированного в уголовное право материала переносится именно через термины другой отраслевой принадлежности [2, с. 377].

Указанные предписания отечественного уголовного закона определяют в качестве обстоятельства, отягчающего наказание военнослужащих, совершение преступления в условиях вооруженного конфликта или военных действий. Понятия «вооруженный конфликт» и «военные действия» повсеместно используются в международных актах, соглашениях (договорах) и практике международных судебных инстанций. Первое понятие раскрывается международным правом, а второе, его общепризнанными обычаями и доктриной.

Рассматриваемые условия для военнослужащих могут возникнуть как в военное время, так и в мирное время, при прохождении военной службы, на что уже обращалось внимание, в горячих точках, в том числе, за пределами России. Соответственно, возникает множество вопросов: что необходимо понимать под вооруженным конфликтом и военными действиями, прежде всего, с позиции международного права, можно ли считать таковыми, например, миротворческие или антитеррористические операции?

Понятие «вооруженный конфликт» четко не раскрывается базовыми актами международного права вооруженных конфликтов – Женевскими конвенциями 1949 г. и Дополнительными протоколами к ним. Однако, такая попытка была сделана в Комментариях Международного комитета Красного Креста 2016 г. к I Женевской Конвенции, которыми вооруженный конфликт признается: «враждебным противостоянием между двумя или более государствами с боевым применением вооруженной силы» [22, с. 80]. Примечательными к этому определению являются пояснения О.Г. Безбабнова, который ссылаясь на международную судебную практику указал, что применение вооруженных сил не всегда признается вооруженным конфликтом. Исходя из прецедентов ЕСПЧ в отношении использования Вооруженных Сил РФ на Северном Кавказе, с включением в Объединенную группировку войск всех силовых структур и проведением контртеррористической операции на территории Чечни, то речь в этом случае идет: «... о реализации положений Европейской конвенции во внутригосударственном законодательстве при проведении контртеррористической операции, на которую не распространяются нормы права вооруженных конфликтов» [23, с. 50].

В свою очередь практика международных уголовных трибуналов *ad hoc* также выработала свой подход к раскрытию понятия «вооруженный конфликт». Одним из первых судебных решений, в котором раскрывается его содержание, стало решение Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии (дело «Тадич»), в котором указывается: «Вооруженный конфликт имеет место всякий раз, когда государства прибегают к силе или когда происходит продолжительное вооруженное столкновение между правительственными силами и организованными вооруженными группами или же между такими группами внутри одного государства» [24, с. 70]. Данное определение получило свое дальнейшее закрепление в ряде международных актов, например, в предписаниях п. 2 «f» ст. 8 Римского Статута Международного уголовного суда [25, с. 70; 26, с. 45]. Как следует из его содержания, международное право выделяет два вида вооруженного конфликта – международного и немеждународного характера. В тоже время решение Международного Суда ООН по делу «Никарагуа против США» указывает, что вооруженный конфликт может быть одновременно как международного, так и немеждународного характера.

Что касается понятия «военные действия», то, как констатирует О.П. Паршина, в отечественном и международном праве, оно прямо не раскрывается. Преимущественно, в качестве терминологического оборота, это понятие употребляется в контексте определений «война» или «военный конфликт», либо во взаимосвязи с ними [27]. Примером этому могут служить действующие предписания ст. 1 Конвенции «Об открытии военных действий» от 18.10.1907 г. (Гаага). В доктринах международного права и отечественного военного права, указанное понятие рассматривается, как: «...организованное применение вооруженных сил государства (включая различные военизированные формирования и силовые структуры) для ведения войны на стратегическом уровне» [28]. Военные действия развертываются в соответствующих пространственных пределах, именуемых театром войны, т.е. территория воюющих государств (сухопутная, водная и воздушная), на которой они потенциально могут вести военные операции [23, с. 52]. С военными действиями тесно связано понятие «боевые действия», под которым в теории военного права принято понимать составную часть военных действий противоборствующих сторон, организо-

ванное применение воинских подразделений для решения оперативных, оперативно-тактических и тактических задач. Следовательно, эти понятия соотносятся между собой как целое и его часть [29].

Деяния, которые должны составлять институт ответственности за преступления, совершаемые против воинского правопорядка в военное время и в боевой обстановке, являются традиционными для российского уголовного права. В советской теории уголовного права и в законодательстве того времени, эти преступления делились на два вида: общевоинские, которые могли быть совершены как в мирное, так и в военное время, либо в боевой обстановке; специальновоинские, совершаемые только в условиях военного времени или боевой обстановки. В свою очередь, последние градировались на три группы: против порядка несения военной службы в боевой обстановке и в районе военных действий; добровольная сдача в плен и преступления, совершенные в плену; преступления против законов и обычаев войны [11, с. 486].

В Законе об уголовной ответственности за воинские преступления 1958 г., преступления, совершенные в плену, а также против законов и обычаев войны, были представлены следующим образом: преступные действия военнослужащего, находящегося в плену (ст. 29); дурное обращение с военнопленными (ст. 32), незаконное ношение знаков Красного Креста и Красного Полумесяца, злоупотребление ими (ст. 33), насилие над населением в районе военных действий (ст. 31). В международном праве перечисленные преступления именуется военными преступлениями. Действующий УК РФ объединил их в ст. 356, носящей название «Применение запрещенных средств и методов ведения войны», Главы 34, Раздела XII «Преступления против мира и безопасности человечества». Предписания этой статьи являются примером имплементации в национальное уголовное право норм международного права.

Для реализации предписаний ч. 1 ст. 356 УК РФ необходимо применение предписаний соответствующих международных актов, к которым, например, относятся: Санкт-Петербургская декларация «Об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль» 29.11 (11.12) 1868 г. (СПб), IV Гагская Конвенция «О законах и обычаях сухопутной войны» от 18.10.1907 г. (Гаага), Конвенция «О международной гражданской авиации» от 07.12.1944 г. (Чикаго), Устав Международного Военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси от 08.08.1945 г. (Лондон), Женевские конвенции от 1949 г. (Женева), Конвенция «О защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта» от 14.05.1954 г. (Гаага), Конвенция «О запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие» от 01.10.1980 г. (Женева) и т.д., а предписаний, предусмотренных ч. 2 ст. 356 УК РФ, – Женевский протокол «О запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств» от 17.06.1925 г. (Женева), Женевские конвенции 1949 г., Конвенция ООН «О запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду» от 18.05.1977 г., (Женева), другие многочисленные международные акты, рекомендованные резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН, в частности, 1653 (XVI) от 14.11.1961 г., 2603 (XXIV) от 16.12.1969 г., 3255 (B) (XXIX) от 09.12.1974 г., 45/59 (B) от

04.12.1990 г., 47/53 (С) от 09.12.1992 г., Конвенция «О запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении» от 13.01.1993 г. (Париж) и др.

Таким образом, подводя итоги изложенному, необходимо отметить, что между отечественной системой правовых норм, обеспечивающих уголовно-правовую охрану воинского правопорядка, и международным правом (прежде всего, международными договорами) преимущественно действуют иерархические и координационные связи. Отмечается, что эти связи обуславливают уже давно назревшую необходимость проведения ревизии всей системы отечественного уголовного законодательства, в том числе и системы военно-уголовных норм, на предмет их адаптации и соответствия предписаниям международного права, международным договорам, участницей которых является Российская Федерация. Система военно-уголовных норм, в силу своей специфики, должна не только учитывать, но и конкретизировать указанные предписания (например, терминологические конструкции «воинские преступления, не являющиеся преступлениями в соответствии с обычным уголовным правом», «вооруженный конфликт», «военные действия»), а некоторые из них требуют имплементации в национальный уголовный закон (в частности, положение об ответственности военнопленных), что позволит устранить существующие противоречия в данных отраслях законодательства и будет способствовать улучшению качества УК РФ.

Список литературы

1. Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права / Предисловие А.В. Наумова. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002. 346 с.
2. Пикуров Н.И. Энциклопедия уголовного права. Т. 1. Понятие уголовного права // Г.Ю. Лесников, Н.А. Лопашенко, Ю.Е. Пудовочкин и др. СПб.: Издание профессора Малинина, 2005. 699 с.
3. Кибальник А.Г. Влияние международного уголовного права на российское уголовное право: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2003. 427 с.
4. Ермолович Я.Н. Теоретико-правовые основы военно-уголовной политики в Российской Федерации: монография. М.: Юрлитинформ. 2012. 576 с.
5. Хомяков Е.В. Уголовный закон. Уголовное право России. Общая часть: учебник // под ред. Е.В. Круковского, А.И. Чучаева. М.: Проспект, 2020. 303 с.
6. Международное право. Учебник / Под ред. Г.И. Тункина. М.: Юридическая литература 1994. 590 с.
7. Международное публичное право. Учебник / Под ред. К.А. Бякишева. М.: Проспект, 1999. 784 с.
8. Кириенко М.С. Система Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2003. 229 с.
9. Лукашук И.И., Наумов А.В. Международное уголовное право: Учебник / И.И. Лукашук, А.В. Наумов. М.: Спартак, 1999. 509 с.
10. Бодаевский В.П. Особенности действия уголовного закона Украины относительно воинских преступлений в пространстве // Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 1. С. 219-235.
11. Военно-уголовное право: Учебник. 2-е изд. перераб. и доп.; под ред. В.В. Ершова, В.В. Хомчика. М.: РГУП, 2020. 624 с.
12. Таганцев Н.С. Курс уголовного права. Т. 1. СПб.: Гос. тип. 1902. 832 с.
13. Білоцький С.Д. Міжнародно-правові питання статусу, захисту та відповідальності миротворчого персоналу // Європейські перспективи. № 1. С. 188-193.
14. Ромашев Ю.С., Фетищев Д.В. Юрисдикция государств в правоохранительной сфере. Монография / Ю.С. Ромашев, Д.В. Фетищев. М.: Научная книга, 2009. 48 с.
15. Мелков Г.М. Международное право в период вооруженных конфликтов. М.: ВЮЗИ, 1988. 94 с.
16. Тузмухамедов Б.Р. Международное гуманитарное право и международные военные операции по поддержанию и восстановлению мира // Московский журнал международного права. Спец. выпуск, посвященный 50-летию Женевских конвенций 1949 года. М.: Междунар. отношения, 1999. С. 83-91.
17. Российские миротворцы в Нагорном Карабахе: кто они, откуда и чем вооружены [Электронный ресурс]. Режим доступа. WWW.KP.RU: <https://www.kp.ru/daily/2171206/4318995/> Название с титул. экрана.

18. Чучаев А.И. Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. В.П. Бодаевского, В.М. Зиминой, А.И. Чучаева. М.: Проспект, 2018. 251 с.
19. Брагин А.В. К вопросу о некоторых проблемах международного сотрудничества в розыске и выдаче военнослужащих / А.В. Брагин // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pandia.ru>. Название с титул. экрана.
20. Белый И.Ю. Вопросы выдачи военнослужащих и иных лиц, совершивших военные преступления, для осуществления уголовного преступления в Кишиневской (2002 г.) конвенции участников СНГ / И.Ю. Белый // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://voenprav.ru/doc-2909-1.htm>. Название с титул. экрана.
21. Сравнительное уголовное право. Особенная часть: Монография / Под общ. и научн. ред. С.П. Щербы. М.: изд-во «Юрлитинформ», 2010. 544 с.
22. Commentary on the First Geneva Convention for the Amelioration of the Condition of the Wounded and Sick in Armed Forces in the Field. Geneva, 12 August 1949. Geneva: International Committee of the Red Cross (ICRC), 2016. P. 80.
23. Право вооруженных конфликтов: Учебное пособие // Под ред. О.Г. Безбабнова и В.В. Ершова. М.: РГУП, 2019. 187 с.
24. TRIY, Prosecutor v. Tadic, Case No. IT-94-1-AR72, Appeals Chamber, Decision on the Defense Motion for interlocutory Appeal on Jurisdiction. P. 70.
25. Prosecutor v. Dusko Tadic, Decision on the Defence Motion for Interlocutory Appeal on Jurisdiction, Case No. IT-94-1-A. International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia, 2 October 1995, para 70.
26. Тузмухамедов Б.Р. Международно-правовая классификация вооруженных конфликтов: дефиниции и реальность. С. 45. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.imemo.ru/File/2018/Tuzmukhamedov1.pdf>. Название с титул. экрана.
27. Паршина О.П. Военные действия как юридическое понятие (комментарий к статье 964 Гражданского кодекса РФ) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.sovremennoepravo.ru>. Название с титул. экрана.
28. Словарь военных терминов // Составители А.М. Плехов, С. Г. Шапкин, М.: Воениздат, 1988 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: anex.ru/search/?text=организованное%. Название с титул. экрана.
29. Военный энциклопедический словарь // Официальный сайт Министерства обороны РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/list.htm>. Название с титул. экрана.

Bodayevskiy V. P. International treaties as an external factor affecting the system of criminal law norms that ensure military law and order // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 136-153.

The article reveals and examines the issues of the influence of international law, primarily international treaties, on the formation and functioning of the system of criminal law norms that ensure military law and order. The author substantiates the claim that hierarchical and coordination relations mainly operate between the domestic system of legal norms that provide criminal and legal protection of military law and order, and international law. It is noted that these connections cause the long-overdue need for an audit of the entire system of domestic criminal legislation, including the system of military criminal norms, for their adaptation and compliance with the requirements of international law, international treaties to which the Russian Federation is a party. The system of military criminal norms, due to its specifics, should not only take into account, but also specify these prescriptions (for example, the terminological constructions «military crimes that are not crimes in accordance with ordinary criminal law», «armed conflict», «military actions»), and some of them require implementation in the national criminal law, which will eliminate existing contradictions in these branches of legislation and will contribute to improving the quality of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: intersectoral relations, normative prescriptions, military law and order, international treaties, external factors, the system of criminal law norms, terminological constructions, implementation, criminal law, criminal liability of military personnel.

Spisok literaturey

1. Konyahin V.P. Teoreticheskie osnovy postroeniya Obshchej chasti rossijskogo ugovolnogo prava / Predislovie A.V. Naumova. SPb.: Izd-vo «YUridicheskij centr Press», 2002. 346 s.
2. Pikurov N.I. Enciklopediya ugovolnogo prava. T. 1. Ponyatie ugovolnogo prava // G.YU. Lesnikov, N.A. Lopashenko, YU.E. Pudovochkin i dr. SPb.: Izdanie professora Malinina, 2005. 699 s.
3. Kibal'nik A.G. Vliyanie mezhdunarodnogo ugovolnogo prava na rossijskoe ugovolnoe pravo: dis. ... dokt. yurid. nauk. M., 2003. 427 s.
4. Ermolovich YA.N. Teoretiko-pravovye osnovy voenno-ugolovnoj politiki v Rossijskoj Federacii: monografiya. M.: YUrlitinform. 2012. 576 s.

5. Homyakov E.V. Ugolovnyj zakon. Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast': uchebnik // pod red. E.V. Krukovskogo, A.I. Chuchaeva. M.: Prospekt, 2020. 303 s.
6. Mezhdunarodnoe pravo. Uchebnik / Pod red. G.I. Tunkina. M.: YUridicheskaya literatura 1994. 590 s.
7. Mezhdunarodnoe publichnoe pravo. Uchebnik / Pod red. K.A. Byakisheva. M.: Prospekt, 1999. 784 s.
8. Kirienko M.S. Sistema Osobnoy chasti Ugolovnoy kodeksa Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. yurid. nauk. CHelyabinsk, 2003. 229 s.
9. Lukashchuk I.I., Naumov A.V. Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo: Uchebnik / I.I. Lukashchuk, A.V. Naumov. M.: Spartak, 1999. 509 s.
10. Bodaevskij V.P. Osobennosti dejstviya ugolovnogo zakona Ukrainy otnositel'no voinskih prestuplenij v prostranstve // Gumanitarnye i social'nye nauki. 2013. № 1. S. 219-235.
11. Voennno-ugolovnoe pravo: Uchebnik. 2-e izd. pererab. i dop.; pod red. V.V. Ershova, V.V. Homchika. M.: RGUP, 2020. 624 s.
12. Tagancev N.S. Kurs ugolovnogo prava. T. 1. SPb.: Gos. tip. 1902. 832 s.
13. Biloc'kij S.D. Mizhnarodno-pravovi pitannya statusu, zahistu ta vidpovidal'nosti mirotvorchoho personalu // Evropejs'ki perspektivi. № 1. S. 188-193.
14. Romashev YU.S., Fetishchev D.V. YUridikciya gosudarstv v pravoohranitel'noj sfere. Monografiya / YU.S. Romashev, D.V. Fetishchev. M.: Nauchnaya kniga, 2009. 48 s.
15. Melkov G.M. Mezhdunarodnoe pravo v period vooruzhennykh konfliktov. M.: VYUZI, 1988. 94 s.
16. Tuzmuhamedov B.R. Mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo i mezhdunarodnye voennye operacii po podderzhaniyu i vosstanovleniyu mira // Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. Spec. vypusk, posvyashchennyj 50-letiyu ZHenevskih konvencij 1949 goda. M.: Mezhdunar. otnosheniya, 1999. S. 83-91.
17. Rossijskie mirotvorcy v Nagornom Karabahe: kto oni, otkuda i chem vooruzhены [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa. WWW.KP.RU: <https://www.kp.ru/daily/2171206/4318995/> Nazvanie s titul. ekrana.
18. Chuchaev A.I. Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast': uchebnik / pod red. V.P. Bodaevskogo, V.M. Zimina, A.I. Chuchaeva. M.: Prospekt, 2018. 251 s.
19. Bragin A.V. K voprosu o nekotorykh problemah mezhdunarodnogo sotrudnichestva v rozyske i vydache voennosluzhashchih / A.V. Bragin // [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.pandia.ru>. Nazvanie s titul. ekrana.
20. Belyj I.YU. Voprosy vydachi voennosluzhashchih i inyh lic, sovershivshih voennye prestupleniya, dlya osushchestvleniya ugolovnogo prestupleniya v Kishinevskoj (2002 g.) konvencii uchastnikov SNG / I.YU. Belyj // [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://voenprav.ru/doc-2909-1.htm>. Nazvanie s titul. ekrana.
21. Sravnitel'noe ugolovnoe pravo. Osobennaya chast': Monografiya / Pod obshch. i nauchn. red. S.P. SHCherby. M.: izd-vo «YUrlitinform», 2010. 544 s.
22. Commentary on the First Geneva Convention for the Amelioration of the Condition of the Wounded and Sick in Armed Forces in the Field. Geneva, 12 August 1949. Geneva: International Committee of the Red Cross (ICRC), 2016. P. 80.
23. Pravo vooruzhennykh konfliktov: Uchebnoe posobie // Pod red. O.G. Bezbabnova i V.V. Ershova. M.: RGUP, 2019. 187 s.
24. TPIY, Prosecutor v. Tadic, Case No. IT-94-1-AR72, Appeals Chamber, Decision on the Defense Motion for interlocutory Appeal on Jurisdiction. P. 70.
25. Prosecutor v. Dusko Tadic, Decision on the Defence Motion for Interlocutory Appeal on Jurisdiction, Case No. IT-94-1-A. International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia, 2 October 1995, para 70.
26. Tuzmuhamedov B.R. Mezhdunarodno-pravovaya klassifikaciya vooruzhennykh konfliktov: definicii I real'nost'. S. 45. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.imemo.ru/File/2018/Tuzmukhamedov1.pdf>. Nazvanie s titul. ekrana.
27. Parshina O.P. Voennye dejstviya kak yuridicheskoe ponyatie (kommentarij k stat'e 964 Grazhdanskogo kodeksa RF) [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.sovremennoepravo.ru>. Nazvanie s titul. ekrana.
28. Slovar' voennykh terminov // Sostaviteli A.M. Plekhov, S. G. SHapkin, M.: Voenizdat, 1988 g. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: andex.ru/search/?text=organizovannoe%. Nazvanie s titul. ekrana.
29. Voennyj enciklopedicheskij slovar' // Oficial'nyj sajt Ministerstva oborony RF [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/list.htm/> Nazvanie s titul. ekrana.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. Ч. 1. – С. 154-160.

УДК 340

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(1)- 154-160

ОРГАНИЗАЦИЯ ЛОЦМАНСКОЙ ПРОВОДКИ В РАЙОНЕ ВЕЛИКИХ ОЗЕР

Кириллова Т. К., Макухин А. А.

*Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения,
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского*

В статье указано, что основополагающим законодательным актом, регулирующим лоцманскую проводку в Великих озерах стал закон «Закон о лоцманской проводке на Великих озерах 1960 года» от 30 июня. Важнейшая роль в реализации данного закона отведена секретарю (министр торговли), так как судоходные воды Великих озер США разделяет с Канадой, как и лоцманскую проводку в них. Отсюда возникла необходимость урегулирования взаимоотношений двух стран в ходе возникающих правоотношений, тем более, что, как мы видим в содержании закона 1960 г., этот шаг США уже был сделан, да и развитие пути Святого Лаврентия происходило совместными усилиями этих двух держав.

Канадские правила лоцманской проводки в районе Великих озер, действующие сегодня, действительны до 2021-08-10 и последний раз изменялись 01.07.2011, а основной организацией в Канаде, занимающейся проводкой судов в данном регионе является Управление лоцманской проводки на Великих озерах, которое, как иные лоцманские органы, действует на основании Закон о лоцманской проводке 1985 г.

Ключевые слова: Великие озера, лоцманская проводка, США, Канада, лоцманы, регулирование, закон.

Великие озера в Северной Америке являются одним из важнейших транспортных ворот к промышленным центрам севера США и юга Канады. Их регионе расположен ряд крупных городов с многомиллионным населением, жизнь которого в значительной степени зависит от деятельности водного транспорта.

Длительное время упомянутые озера в основном представляли собой внутренние воды для США и Канады, а их связь с внешними торговыми путями была практически ничтожной.

С открытием морского пути Святого Лаврентия в 1959 г. [1], в первую очередь для компании США Ocean Ships открылась новая эпоха лоцманской проводки на Великих озерах. Пилоты Lake Superior были сформированы вскоре после открытия морского пути, а несколько лет спустя были сформированы пилоты Верхних Великих озер для обеспечения лоцманских услуг в верховьях Великих озер.

Компания Upper Great Lakes Pilots была распущена в 1992 г., и вместо нее была создана компания Western Great Lakes Pilots. С тех пор Ассоциация пилотов Западных Великих озер предоставляет лоцманские услуги на озерах Гурон, штат Мичиган и Верхнее, а также на реке Святой Марии. Ее офис находится в Бримли, штат Мичиган, где работают 4 диспетчера, бизнес-менеджер и помощник бухгалтера и администратора [2].

Сегодня ассоциация лоцманов Западных Великих озер обеспечивает лоцманскую проводку в районе, известном как Район 3, который состоит из трех крупнейших из пяти Великих озер, а именно из Верхних озер, Мичиган и Гурон, а также реки Святой Марии и замков Су. Она пилотирует суда почти в 60 различных портов. В

настоящее время лоцманские обязанности делятся между 17 американскими и 4 канадскими пилотами. Поскольку Великие озера граничат с 8 штатами и Провансом Онтарио, американские лоцманы находятся под федеральным контролем Береговой охраны США.

Однако, с открытием этого пути возникла необходимость урегулирования необходимых правоотношений по его использованию. Соответствующий акт, для обеспечения определенных требований к лоцманской проводке при судоходстве в водах США Великих озер и для других целей, был принят 30 июня 1960 г. «Закон о лоцманской проводке на Великих озерах 1960 года».

Данным документов, в первую очередь установлены термины, которые в нем используются:

а) «Великие озера» означает озера Верхнее, Мичиган, Гурон, Эри, и Онтарио, их соединяющие воды и притоки, река Сент-Лоу-Ренс на востоке до Сент-Реджиса и прилегающие портовые районы;

б) «Секретарь» означает министра торговли;

с) «зарегистрированный в США лоцман» означает лицо, не входящее в регулярный экипаж судна, который имеет неограниченное в действии удостоверение, разрешающего судоходство по Великим озерам, имеет необходимые знания для проводки судов по маршрутам, указанным в нем; с учетом требований береговой охраны и т.д.

д) «зарегистрированный в Канаде лоцман» означает лицо, не являющееся членом регулярного экипажа судна, которое имеет сертификат капитана или эквивалентную лицензию, разрешающую плавание на Большом Озере и лоцманскую проводку по указанным в них маршрутам, выданным соответствующим агентством Канады и зарегистрированным назначенным для того агентством Канады по существу на той же основе, что и регистрация секретарем в США в соответствии с положениями раздела 4 этого закона;

е) «Другое должностное лицо» означает капитана или любого другого члена регулярного экипажа соответствующего судна, квалифицированное для плавания в водах Великих озер, описанных в разделе 3(b) этого закона, либо лицензированное главой департамента Береговой охраны, в соответствии с правилами, изданными им, либо сертифицирован соответствующим агентством Канады¹;

(f) «Иностранные суда» означает все иностранные торговые суда, за исключением канадских судов, чьи операции осуществляются исключительно на Большом Озере или между портами в Великих озерах и реке Святого Лаврентия, или чьи операции, хотя в основном, как указано выше, не являются исключительно таковыми только из-за случайных рейсов в порт или порты в приморских провинциях Канады в канадской прибрежной торговле.

В разделе 3 закона установлено, что:

а) президент назначает и провозглашает те воды Великих озер США, в которых от зарегистрированных судов США и иностранных судов требуется, чтобы на их службе находился зарегистрированный лоцман США или зарегистрированный лоцман Канады для соответствующих вод, который, при условии соблюдения обычных

¹ В некоторых странах, на отдельных участках пути, функции лоцмана могут исполнять капитаны судов, имеющие соответствующий сертификат.

полномочий капитана, управляет судоходством или судном в этих водах. Эти обозначения должны быть сделаны с должным учетом общественных интересов, эффективного использования судоходных вод, безопасности на море и международных отношений США;

б) в тех водах Великих озер США, которые не обозначены президентом в соответствии с п. а) этого раздела, на борту зарегистрированных судов США и иностранных судов должен находиться зарегистрированный лоцман США или канадский зарегистрированный лоцман или другое должностное лицо, имеющее квалификацию для соответствующих вод, которому должно быть доступно управление плаванием судна в таких незарегистрированных водах по усмотрению и с учетом обычных полномочий капитана;

с) полномочия, предоставленные в п. п. «а» и «б» этого раздела зарегистрированным в Канаде лоцманам или другим сертифицированным должностным лицам Канадой для службы на зарегистрированных судах США и иностранных судах в водах Великих озер США действует только до тех пор, пока Канада предоставляет взаимность зарегистрированным лоцманам США или другим должностным лицам, имеющим лицензию США, в отношении требований, установленных для лоцманской проводки в канадских водах Великих озер.

В разделе 4 закона установлено, что: а) регистрация лоцманов США осуществляется секретарем в соответствии с правилами, касающимися квалификации и условий, которые обеспечивают надлежащую и эффективную пилотажную эксплуатацию, равноправное участие зарегистрированных в США лоцманов с зарегистрированными в Канаде лоцманами в лоцманской проводке судов, к которым применяется этот закон, и предоставляют справедливые и разумные возможности для регистрации. Каждый заявитель должен, в качестве предварительного условия, быть обладателем соответствующей лицензии магистра².

Кроме того, квалификация, условия и положения, которым должен соответствовать каждый заявитель, должны включать, но не ограничиваться, доступностью услуг, когда это требуется, и согласием соблюдать все применимые правила, изданные секретарем в соответствии с этим законом. Такие квалификационные требования, условия и положения не могут включать вопросы, касающиеся профессиональной компетентности пилота, и не должны противоречить его обязанностям в соответствии с лицензией, выданной ему Береговой охраной, и эти вопросы остаются в ведении Береговой охраны;

б) секретарь выдает документальные доказательства регистрации зарегистрированным лоцманам США, и такие доказательства должны находиться в их распоряжении в любое время, когда они находятся на службе судна. Кроме того, это свидетельство о регистрации должно описывать часть или части Великого Озера, в пределах которых владелец имеет право осуществлять лоцманскую проводку в соответствии с этим законом, и такое описание не должно противоречить условиям разрешения на лоцманскую проводку в его лицензии;

с) секретарь устанавливает регламентом срок действия регистрации пилотов, зарегистрированных в США. Когда секретарь определит в записи, после уведомления и узнав, что зарегистрированный в США лоцман нарушил какие-либо правила в со-

² см. раздел 2 (с).

ответствии с этим законом, он может отозвать или приостановить регистрацию такого пилота. Основания для такого отзыва или приостановления действия регистрации лоцмана могут включать вопросы, которые могут быть основанием для аннулирования или приостановления действия его лицензии береговой охраны в соответствии с разделом 4450, пересмотренных законов с поправками (46 U. S. с. 239), или под какой-либо закон или правил, введенных или установленных Береговой охраной, за исключением случаев отзыва или приостановления действия Береговой охраны, секретарь должен отозвать или приостановить регистрацию лоцмана.

Секретарь должен сообщить Береговой охране название и название побережья, номер охранной лицензии каждого лоцмана, который был зарегистрирован или чья регистрация была отозвана или приостановлена. В свою очередь, Береговая охрана должна сообщать секретарю имя любого зарегистрированного лоцмана, лицензия которого была отозвана или приостановлена;

d) секретарь уполномочен заключать соглашения с соответствующим агентством Канады о справедливом участии через зарегистрированных лоцманов США с зарегистрированными лоцманами Канады в лоцманских услугах, необходимые обоим странам для судов, плавающих по Великим озерам. С этой целью секретарь дополнительно уполномочен договориться с соответствующим агентством Канады о количестве лоцманов, которые должны быть зарегистрированы в каждой стране;

e) несмотря на положения любого другого закона, секретарь имел право разрешить создание пула или пулов добровольным объединением или ассоциациями зарегистрированных в США пилотов для предоставления таких механизмов и средств, которые необходимы или желательны для эффективной диспетчеризация судов и оказания лоцманских услуг, требуемых в соответствии с положениями этого Закона. Секретарь также получил право:

1) устанавливать такие правила и положения для эксплуатации бассейна или бассейнов, которые он счел необходимыми;

2) требовать, чтобы объединение координировалось на взаимной основе с аналогичными договоренностями, установленными соответствующим агентством Канады;

3) ограничить количество пулов;

4) проводить аудит и проверку администрирования и функционирования пула или пулов;

5) предписать единообразные системы счетов для пула или пулов.

Разделом 5 закона секретарь, а) получил возможность устанавливать в соответствии с правилами тарифы, сборы и любые другие условия для услуг, предоставляемых зарегистрированными лоцманами, в соответствии с положениями этого закона;

b) полномочен договариваться с соответствующим агентством Канады об установлении совместных или идентичных тарифов, сборов и любых других условий или условий предоставления услуг зарегистрированными лоцманами в водах Великих озер;

c) контролировать, чтобы пошлины, сборы и какие-либо другие условиях, или условия для лоцманской службы зарегистрированных лоцманов, установленных министром в соответствии с подразделами «а» и «b» этого раздела, были справедливыми, должным образом учитывая общественные интересы и имели умеренную

стоимость и расход на создание и поддержание таких общественных связей и договоров, необходимых для эффективного выполнения лоцманских услуг в соответствии с положениями этого закона.

Разделом 6 закона, любые письменные договоренности между секретарем и соответствующими учреждениями Канады в соответствии с положениями данного закона подлежали согласованию с государственным секретарем.

Разделом 7 установлено, что:

а) любой владелец или лицо, ответственное за судно, разрешивший судовождение человеку не зарегистрированным лоцманом в водах, или который разрешает навигацию судну, не имеющего на борту зарегистрированного лоцмана, несут ответственность в США в виде штрафа, не превышающем 500 долларов США за каждое нарушение, за которое судно несет ответственность и могло быть арестовано и подвергнуто преследованию в порядке клеветы в любом окружном суде США.

Каждый день плавания судна без лоцмана представлял собой отдельное нарушение. Выполнение этого положения возложено на руководителя департамента, в котором действовала Береговая охрана;

б) на любое лицо, не являющееся зарегистрированным лоцманом, которое руководило навигацией судна, подпадающее под действие этого закона, в водах, указанных президентом согласно с разделом 3(а) рассматриваемого закона, налагался гражданский штраф в размере, не превышающем 500 долларов США за каждое нарушение. Каждый день, когда такое лицо таким образом руководило плаванием такого судна, считалось отдельным нарушением. Выполнение этой нормы также возлагалось на руководителя департамента, в котором действует Береговая охрана;

с) лицо, нарушившее какие-либо правила, изданные в соответствии с разделами 4 и 5 этого закона, привлекалось к ответственности перед США в виде гражданского наказания не более 500 долларов за каждое нарушение. Выполнение положения этого подраздела возлагалось на секретаря, который мог, по его заявлению, отменить или смягчить наказание, предусмотренное в данном документе, на таких условиях, которые он, по своему усмотрению, сочтет подходящими.

В разделе 8 устанавливалось, что несмотря на любые другие положения этого закона, судно могло управляться в водах Великих озер США без зарегистрированного лоцмана США или Канады, когда, а) секретарь или назначенное им лицо с согласия руководителя Департамента, в котором действовала Береговая охрана, или назначенное им лицо уведомляло капитана о том, что зарегистрированный пилот в США или Канаде недоступен, или б) судно или его груз терпели бедствие или находились в опасности.

Что касается органов местной власти³ (раздел 9), то устанавливалось, что:

а) ни один государственный, муниципальный или другой местный орган власти не имеет права требовать использования лоцманов или регулировать какие-либо аспекты лоцманской проводки в любых водах, указанных в этом законе;

б) ничто в законе не применяется к любому судну США, которое при плавании в водах, к которым применим данный закон, в соответствии с любым другим законом

³ Этот пункт был необходим, т.к. основное законодательство о деятельности лоцманов традиционно установлено штатами.

должно иметь на своем вооружении и на борту лоцманов или других навигационных офицеров, лицензированных США для таких вод;

с) устанавливалось, что исключения в разделе 2(f), применимые к канадским судам, будут действовать только до тех пор, пока Канада разрешает зарегистрированным судам США осуществлять плавание в канадских водах Великих озер исключительно квалифицированными сотрудниками, имеющими лицензию главы департамента, в котором действовала Береговая охрана.

Разделом 10 установлено, что, а) секретарь уполномочен назначать консультативный комитет из трех общественных членов, каждый из которых должен иметь не менее пяти лет практического опыта в морских операциях. Срок, на который член может быть назначен или повторно назначен, не должен превышать пяти лет; б) Консультативный комитет собирается по приглашению секретаря и может рассмотреть предлагаемые правила и политику лоцманской проводки и выносить такие рекомендации, которые сочтет целесообразными; в) членам Консультативного комитета выплачивается компенсация в размере, не превышающем 75 долл. США в день, когда они фактически заняты выполнением своих обязанностей, вместе с их необходимыми командировочными расходами во время поездок на заседания и с заседаний, и при работе по вызову секретаря⁴.

При этом, секретарь может использовать, с их согласия, доступные услуги, оборудование, персонал и средства учреждений и учреждений Федерального правительства на основе возмещения, когда это необходимо (раздел 11).

Особо устанавливалось, что если какое-либо положение этого закона или применение такого положения к какому-либо лицу или обстоятельствам признавалось недействительным, то это не влияет на остальную часть Закона и применение такого положения к лицам или обстоятельствам, отличным от тех, в отношении которых оно признано недействительным (раздел 12).

Данный закон вступил в силу 30 июня 1960 г., за исключением того, что его положения о лоцманской проводке вступали в силу только в первый день четвертого месяца после опубликования секретарем правил в соответствии с данным законом [3]. Как видим, важнейшая роль в реализации данного закона отведена секретарю (министр торговли), т.к. судоходные воды Великих озер США разделяет с Канадой, как и лоцманскую проводку в них. Отсюда возникала необходимость урегулирования взаимоотношений двух стран в ходе возникающих правоотношений, тем более, что, как мы видим в содержании закона 1960 г., этот шаг США уже был сделан, к тому же развитие пути Святого Лаврентия происходило совместными усилиями этих двух держав.

⁴ Очередной двухгодичный съезд Американской ассоциации пилотов состоится 16 - 21 октября 2022 г.

К сожалению, в рамках одной статьи рассмотрение всего комплекса соответствующих нормативных актов невозможно. Укажем лишь, что Правила лоцманской проводки в районе Великих озер, действующие сегодня, действительны до 2021-08-10 и последний раз изменялись 01.07.2011 [4]. Основной организацией в Канаде, занимающейся проводкой судов в данном регионе является Управление лоцманской проводки на Великих озерах, которое, как иные лоцманские органы, действует на основании Закона о лоцманской проводке 1985 г. [5].

Список литературы:

1. Морской путь Святого Лаврентия. Определение, история, карты, замки и факты. URL: Морской путь Святого Лаврентия. Определение, история, карты, замки и факты (delphipages.live)
2. Western Great Lakes. Pilot Association. URL: История: Западная ассоциация пилотов Великих озер (www-wglpa-com.translate.google).
3. PUBLIC LAW 86-556-JUNE 30, 1960. STATUTE-74-Pg262.pdf (govinfo.gov).
4. Правила лоцманской проводки в районе Великих озер (laws--lois-justice-gc-ca.translate.google).
5. Great Lakes Pilotage Authority https://www-glpa--apgl-com.translate.google/?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=ajax,sc,elem; R.S.C.,1985, c. P-14 Pilotage Act (justice.gc.ca).

Kirillova T. K., Makuhin A. A. Organization of pilotage in the Great Lakes region // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 154-160.

The fundamental legislative act regulating pilotage in the Great Lakes was the law "The Law on Pilotage on the Great Lakes of 1960" of June 30. The most important role in the implementation of this law is assigned to the Secretary (Minister of Commerce), since the United States shares the navigable waters of the Great Lakes with Canada, as well as pilotage in them. Hence, there was a need to regulate the relations between the two countries in the course of emerging legal relations, especially since, as we see in the content of the 1960 law, this step was already taken by the United States, and the development of the St. Lawrence way was carried out by the joint efforts of these two powers.

The Canadian rules of pilotage in the Great Lakes region, in force today, are valid until 2021-08-10 and were last changed on 01.07.2011, and the main organization in Canada engaged in the wiring of vessels in this region is the Great Lakes Pilotage Authority, which, like other pilotage authorities, operates on the basis of the Pilotage Act of 1985.

Keywords: Great Lakes, pilotage, USA, Canada, pilots, regulation, law.

Spisok literatury:

1. Morskoj put' Svyatogo Lavrentiya. Opredelenie, istoriya, karty, zamki i fakty. URL: Morskoj put' Svyatogo Lavrentiya. Opredelenie, istoriya, karty, zamki i fakty (delphipages.live)
2. Western Great Lakes. Pilot Association. URL: Istoriya: Zapadnaya associaciya pilotov Velikih ozer (www-wglpa-com.translate.google).
3. PUBLIC LAW 86-556-JUNE 30, 1960. STATUTE-74-Pg262.pdf (govinfo.gov).
4. Pravila locmanskoj provodki v rajone Velikih ozer (laws--lois-justice-gc-ca.translate.google).
5. Great Lakes Pilotage Authority https://www-glpa--apgl-com.translate.google/?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=ajax,sc,elem; R.S.C.,1985, c. P-14 Pilotage Act (justice.gc.ca).

УДК 341-049.5:341.62(5-15)+(73)

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(1)- 161-169

СОТРУДНИЧЕСТВО США И ИЗРАИЛЯ КАК ПЕРМАНЕНТНЫЙ ДЕСТАБИЛИЗИРУЮЩИЙ ФАКТОР НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Кшевицкая М. А.

*Департамент развития экономического потенциала территории и муниципального заказа
Администрации города Симферополя Республики Крым*

Статья посвящена анализу проблем обеспечения региональной безопасности на Ближнем Востоке, прежде всего путём разрешения арабо-израильского конфликта; подчёркиваются злоупотребления Израилем отсылками к «военной необходимости», неоднократные нарушения Израилем международно-правовых норм, касающихся института оккупации, вопросов территориального разграничения, мирного урегулирования международных споров, права внешних сношений, международного гуманитарного права и международного права прав человека, а также фактическая политическая, военная, финансовая и моральная поддержка США всех действий Израиля; предоставляется перечень аргументов, доказывающих нежелание Израиля учитывать в плане урегулирования конфликта интересы Палестины, а также заинтересованность Израиля и США в сохранении противостояния между Израилем и Палестиной; особое внимание уделяется обзору истории тесного сотрудничества (партнерства) США и Израиля, в силу чего США неспособны быть беспристрастным и справедливым арбитром в споре Палестины и Израиля.

Ключевые слова: региональная безопасность; арабо-израильский конфликт; Израиль; Палестина; США; временная оккупация; Иерусалим; Лига Арабских Государств (ЛАГ).

По мнению некоторых американских и израильских авторов, Ближний Восток в целом сегодня «хаотичен», «полон насилия» и «деградации» [1, с. 183]. Палестинцы и их организации, а также арабы в целом изображаются с точки зрения насилия, терроризма, иррациональности и бескомпромиссного отказа примириться с существованием Израиля или принять нормы достойного поведения. Контраст очевиден в журналистике и науке, он также знаком по клише СМИ, где героическому израильтянину обычно противопоставляется арабский террорист. *«Нет такого понятия, как арабо-израильский конфликт, ... есть арабская война против Израиля, есть арабская война против права еврейского народа на государство»* [2], – настаивает профессор Гарварда Рут Вайс. Учитывая всё возрастающую заинтересованность российского научного сообщества в международно-правовых исследованиях проблем региональной безопасности на Ближнем Востоке, мы попытаемся сформировать собственное видение реальных угроз региональной безопасности, а также оценку практики толкования норм права международной безопасности США, Израиля и Палестины. Помогут нам в этом научные труды следующих исследователей: Аль Ахмад Амад Хасан, Г. Дж. Башар (G. J. Bachar), М. Ганнефло (M. Gunneflo), Дж. Долинджер (J. Dolinger), Д. Марьясис, Э. В. Саид, С. Сумина и С. Гилмор (S. Sumina, S. Gilmore), Хомский Н. (N. Chomsky), а также Д. А. Дегтерев, Е. А. Стёпкина, Т. А. Карасова, Н. Шуминов.

Изначально в Палестине видели безлюдную пустыню, ожидающую, чтобы её возделали, а её нынешних обитателей считали ни на что не способными, алогичными номадами, у которых нет никаких реальных прав на эту землю, а потому нет ни культурной, ни национальной реальности. Итак, арабов теперь представляют, как травящую евреев тень, к которой можно привязать любое традиционное, латентное недоверие, обычно испытываемое западным человеком по отношению к человеку Востока [3, с. 441]. В исследовании под названием «Арабы в американских учебниках» перед нами раскрывается картина самой поразительной лжи или, скорее, грубейшей репрезентации какой-либо из религиозно-этнических групп. В одной из книг утверждается, что «мало какие народы этого [арабского] региона могут даже представить себе, что можно жить лучше», а на вопрос «Что же связывает народы Ближнего Востока вместе?» автор уверенно отвечает: «В последнее время – это враждебность арабов, их ненависть к евреям и народу Израиля» [3, с. 443].

На этом фоне *израильская оккупация*, осуществляемая в соответствии с юридической предпосылкой *на временной основе*, уже превратилась в почти полвека военного контроля и израильского колонизаторского захвата. Тем не менее, оккупационный режим Израиля как таковой никогда не был объявлен ООН незаконным. Часто повторяется предположение о законном, а также временном характере израильской оккупации, несмотря на многочисленные свидетельства израильской политики и практики колониализма и принудительного перемещения населения, постоянно дискриминирующих и угнетающих палестинцев [4, с. 1]. С начала 2000-х годов Израиль использовал множество процедурных препятствий для ограничения доступа палестинцев к своим гражданским судам, фактически лишив их возможности предъявлять иски [5, с. 842]. Израильцы сносят дома палестинцев под предлогом поисков «еврейских археологических останков», создают «природные заповедники», которые впоследствии предоставляют «своим» под строительство [6, с. 27], а также последовательно отвергают любое учитывающее права коренного населения политическое урегулирование. Неоднократная документальная фиксация израильской политики и практики конвенционными комитетами ООН по правам человека, Специальными докладчиками и рабочими группами ООН [7, с. 287–288], а также миссиями по установлению фактов постоянно парировалась Израилем «необходимостью обеспечения общественного порядка и безопасности» либо же «военной необходимостью» [4, с. 1].

В решение проблемы Палестины вовлечены все члены Лиги Арабских Государств (ЛАГ), даже те государства, которые не имеют прямого отношения к этому конфликту (но на их территории проживают многочисленные беженцы, вынужденные покинуть Палестину во время вооруженных конфликтов 1947 и 1967 гг.) [8, с. 38]. В истории колониализма Израиль характеризуется не только его колониальными чертами, но и тем, что этот государственный проект был реализован одновременно с окружавшей его деколонизацией. Л. Рибейру описывает Палестину как «последнее колониальное столкновение», сионистский поселенческий колониализм, стремящийся заменить одну родину другой, уничтожить одну группу, чтобы другая обосновалась на освободившемся месте [4, с. 11].

Возникает закономерный вопрос – «Что же позволяет Израилю уверенно проводить такого рода политику, не оглядываясь на международное право, планомерно втаптывая его в грязь?».

Соединенные Штаты Америки (США) стали первой страной, признавшей Израиль в качестве государства в 1948 г., и первыми, кто признал Иерусалим столицей Израиля в 2017 г. Израиль долгое время был и остаётся поныне самым надёжным партнером США на Ближнем Востоке [9], их привилегированным внеблоковым союзником. Обе страны участвуют в совместных исследовательских и опытно-конструкторских проектах (преимущественно в военных и смежных), Израиль предоставляет базы и хранилища для обширной системы нацеленных на нефтедобывающие регионы интервенционных сил США, а разработка и развертывание Израилем оружия массового уничтожения (ОМУ) осуществляется под эгидой США [6, с. 21].

Эволюция отношений США и Израиля определялась, прежде всего, ролью, которую последний играл в контексте меняющихся представлений США о своих политико-стратегических интересах на Ближнем Востоке. Если сначала в арабо-израильском противостоянии Соединённые Штаты пытались играть роль арбитра, то в эпоху сорок пятого американского президента всё изменилось – арбитр стал на сторону одного из участников спора [10, с. 87], хотя и не полностью отказался от образа доброго и справедливого арбитра.

В *Стратегии национальной безопасности США* 2017 г. утверждается: «Сегодня угрозы со стороны террористических организаций-джихадистов и угрозы со стороны Ирана создают понимание того, что Израиль не является причиной проблем региона». Одновременно с этим заявляется «приверженность делу содействия достижению всеобъемлющего мирного соглашения, приемлемого как для израильтян, так и для палестинцев» [11, с. 49]. Опубликованный в январе 2020 г. «Мир ради процветания. Видение улучшения жизни палестинского и израильского народа» (план США по урегулированию арабо-израильского конфликта) наглядно демонстрирует, что именно подразумевает Вашингтон под «мирным соглашением».

Предложенная администрацией Д. Трампа «делка века» была призвана «положить конец конфликту и разблокировать огромный человеческий потенциал и экономические возможности, которые принесут мир израильтянам, палестинцам и всему региону» [12, с. 2], и во всех аспектах представлена и активно позиционировалась практически как «манна небесная» для народа Палестины. По мнению Д. Трампа, светлое и безоблачное будущее двум мирным народам обеспечит не пересмотр истории их конфликта [12, с. 6], а «создание палестинского государства, которое охватывает территорию, разумно сопоставимую по размерам с территориями Западного берега и Газы до 1967 года» [12, с. 11–12], поскольку Государство Израиль и Соединённые Штаты Америки не считают, что Израиль юридически обязан предоставить палестинцам 100% территории, существовавшей до 1967 г. (что соответствовало бы Резолюции 242 Совета Безопасности ООН (СБ ООН) 1967 г.).

По мнению премьер-министра Израиля, мирный план отменяет обычные требования к Израилю («освобождение заключенных и замораживание строительства в общинах [на Западном берегу]») и устанавливает следующие требования к палестинцам: 1) «прекратить финансировать террористов»; 2) «отозвать свой иск в Международном уголовном суде»; 3) «признать Израиль как еврейское государство»; 4) «отказаться от права на возвращение»; 5) «признать права Израиля на безопасность к западу от реки Иордан»; 6) «демилитаризовать Газу»;

7) «признать Иерусалим столицей Израиля»; 8) «создать демократическое правительство» [13].

Что получают Палестинцы, идя на такие условия? Во-первых, примерно треть нынешней [палестинской] территории (плодородные земли и источники воды на Западном берегу) должна отойти Израилю в обмен на небольшие участки пустыни [14]. Во-вторых, Палестина теряет достаточно протяженную границу с Иорданией и оказывается в своеобразном «кольце» из территорий Израиля [12, с. 44–46]. В-третьих, Государство Палестина полностью лишается не только возможности обороняться, но и всякой самостоятельности, превращаясь в ещё одно марионеточное государство на Ближнем Востоке [12, с. 52–53].

Именно такое видение, по мнению администрации США и Израиля, создало бы реалистичное решение для двух государств, хотя фактическая реализация плана в жизнь невозможна [15], поскольку его разработчики позволили себе пренебречь слишком многим.

Во-первых, можно ли говорить, что включая в «план урегулирования конфликта» положение, заведомо неприемлемое для одной из сторон и подавляющего большинства мирового сообщества (21 декабря 2017 г. в ответ на соответствующий указ Д. Трампа от 6 декабря 128 государств-членов ООН «проявили неуважение к США» [16] и отказались признать Иерусалим столицей Израиля [17]), США и Израиль стремились к «лучшему, самому реалистичному и наиболее достижимому результату для сторон» [12, с. 2]?

Во-вторых, игнорируя ответ Палестинской стороны (1 февраля 2020 г. Президент Палестины М. Аббас объявил о прекращении всех отношений с Израилем и США, в том числе в сфере безопасности [18]), 8 февраля 2020 г. Израиль не только приступил к подготовке точной карты частей Западного берега, которые планирует аннексировать в соответствии с новым «мирным планом» США (а это около 30% территории Западного берега, включая все поселения и долину реки Иордан), но и предпочёл забыть (в лучших традициях Альянса США – Израиль), что план позиционировался как основа для переговоров с палестинской стороной – определение конкретной границы было доверено совместному американо-израильскому комитету [13]. Всегда, когда предлагалась некая включающая палестинцев основа для переговоров, Израиль, находя новые предлоги, отказывался участвовать в них [6, с. 116].

В-третьих, позиция Израиля изначально не предполагает какого-либо сотрудничества с палестинцами:

то он отсылает нас к крайне сомнительной, с правовой точки зрения, Декларации Бальфура 1917 г. (подталкивая к мысли, что предоставленная евреями палестинцам в 1947 г. «концессия» путём принятия Резолюции 181 Генеральной Ассамблеи ООН (ГА ООН) истекла по причине отказа арабов, вернув Израилю и всему еврейскому народу титул на соответствующую территорию [19, с. 117–118]);

то разыгрывает карту «превентивной самообороны» (параллельно применяя противоречащие друг другу формулировки «когда Иордания, Египет и Ирак напали на Израиль 5 июня 1967 года, они нарушили соглашения о перемирии 1949 года» [19, с. 83], и «превентивное нападение, совершённое Израилем преимущественно против Объединенной Арабской Республики в июне 1967 года, что является прекрасной иллюстрацией обстоятельств, при которых право опережающей самообороны всё ещё может быть заявлено» [19, с. 81]);

то рьяно критикует роль, вмешательство, усилия и предложения ООН (обвиняя СБ ООН, призывающий государства «в своих договорах проводить различие между территорией Государства Израиль и территориями, оккупированными с 1967 года» [19, с. 119], в попытках предрешить или ненадлежащим образом повлиять на переговорный процесс [19, с. 120], а самой ООН приписывая роль «поля битвы в политической войне против Израиля» [20]),

то прячется за амнезией («запамятуя», что в соответствии с положениями Резолюции 273 (III) ГА ООН от 11 мая 1949 г., основываясь на интересах народов и государств Ближнего Востока, полноправное членство в ООН было предоставлено Израилю под условием принятия им обязательств выполнять положения ранее принятых ГА ООН Резолюций 181 (II) и 194 (III), которые подтверждают *необходимость создания двух равноправных государств – палестинского и израильского*, а также выражают требование предоставить гарантии палестинским беженцам на возвращение к родным очагам [8, с. 39]; либо «забывая», что «согласно Уставу ООН завоевание не является законным методом приобретения территории» [8, с. 76]),

то намеренно использует дискриминационное разделение палестинцев на особые категории (выделяя «оккупированных», «беженцев», «террористов», а также «меньшинства» в еврейском государстве, Израиль скрывает системные связи между ними, тем самым делая режим более защищённым от критики [4, с. 12–13]).

В-четвёртых, США регулярно устраивают «тиранию вето» в СБ ООН (по словам представителя ООП), блокируя любые усилия по достижению мирного урегулирования [6, с. 139] (примечательно, что в СБ ООН по этому вопросу было наложено больше вето, чем по любому другому – почти столько же, сколько по всем другим вопросам вместе взятым [21, с. 298]; показателен также выход в 2018 г. США из Совета ООН по правам человека (СПЧ ООН), где одной из причин принятия этого решения указывалась «проблема хронического уклона против Израиля» [22]).

И правда, в условиях господства предубеждений нет предела уровню искажений, которые могут произойти. При таких обстоятельствах можно даже заявить, что «палестинский народ» вообще не существует [19, с. 99].

Несмотря на их многочисленные заявления о том, что конфликт между Израилем и палестинцами – это «главный раздражитель, мешающий миру и процветанию в регионе» [11, с. 49], именно США и Израиль являются единственными странами, которым сегодня выгодна его неразрешённость (неурегулированность).

С одной стороны, Израиль выигрывает от политического раскола среди палестинцев (сохраняя состояние «нет войны, нет мира», он реализует свою собственную повестку дня, в которой ни у ХАМАС, ни у ООП никогда не будет независимого палестинского государства) и остаётся в позиции «осаждённой крепости» (несмотря на уровень технической оснащённости и боеспособности израильской армии [23], на диспропорцию потенциалов Израиля и Палестины [24, с. 187], на многолетнюю поддерживаемую Израилем и Египтом блокаду сектора Газа, а также усиливающуюся тяжёлую гуманитарную ситуацию в Газе [24, с. 149], существование ХАМАС – это прекрасное оправдание для всех жёстких и жестоких действий Израиля, ибо «воинственное отношение палестинцев требует, чтобы Израиль и поселения продолжали защищаться от террористических нападений» [19, с. 117–118]).

С другой стороны, США укрепляют зависимость их государства-партнёра (пока Соединённые Штаты предоставляют необходимые средства, Израиль будет исполь-

зовать их, чтобы интегрировать большую часть оккупированных территорий в пределы Израиля, сократить численность арабского населения, избавиться от беженцев, подавить проявления палестинского национализма и развитие палестинской культуры (чему может поспособствовать упомянутая ранее «сделка века»), сохраняют имидж борца за верховенство права и справедливость (редкие жалобы и обвинения США в адрес Израиля крайне лицемерны; если даже случайные вспылчивые критические замечания со стороны Вашингтона имеют серьёзные намерения, у израильского правительства нет особых оснований уделять им какое-либо внимание), создают видимость помощи сторонам конфликта (оторванность плана мирного урегулирования Трампа от реальности свидетельствует о том, что основная цель указанного документа – последовательное закрепление и своеобразная легализация устоявшихся позиций их ближайшего союзника, а также расширение влияния Израиля для дальнейшего полного поглощения им слабого и уязвимо палестинского государства) и скрывают истинную цель их поддержки Израиля (США выгодно поддерживать уверенность в том, что американская военная помощь будет длиться вечно [25, с. 95], ведь их подлинный интерес на Ближнем Востоке – энергетические ресурсы региона, прежде всего Аравийского полуострова [6, с. 61]).

Изменения в политике, объявленные пришедшим на смену Д. Трампу президентом Дж. Байденом, могут скорректировать некоторые особо резкие решения его предшественника, в то время как другие, вероятно, останутся неизменными, в том числе по статусу Иерусалима [26]. Маловероятно, что при новом президенте США внесут какие-либо существенные изменения в сложившуюся ситуацию, но следует отметить, что общественное мнение в США постепенно меняется: отдельные члены Конгресса США выражают Израилю свое неодобрение (даже в самой Демократической партии США присутствует раскол); меньшинства в США, которые сами долгое время подвергались жестокому обращению и насилию, испытывают естественную симпатию к делу палестинцев, поскольку оно отражает их собственную борьбу (активисты движения «Black Lives Matter» выступают в социальных сетях против агрессии Израиля в Газе); и, несмотря на то, что большая часть основных средств массовой информации симпатизирует Израилю (если не отражает в некоторых случаях израильские PR-кампании), некогда редкие симпатии к палестинцам и осуждение военных преступлений Израиля всё чаще прорываются и на кабельные новости в США [27].

При этом сам Дж. Байден 21 мая 2021 г. заявил, что его приверженность безопасности Израиля не изменилась, настаивая на том, что единственное решение – это создание двух государств (по сути, озвучив положение из *Временного стратегического руководства по национальной безопасности США*, опубликованного ранее в марте 2021 г. и предваряющего новую редакцию Стратегии национальной безопасности США¹ [28, с. 11]). Президент также обратился к идее раскола среди демократов, которые хотят, чтобы его администрация осудила Израиль и завершила запланированную сделку по поставкам оружия между США и Израилем, сказав: «Я думаю, что моя партия по-прежнему поддерживает Израиль» [29].

¹ «На Ближнем Востоке США будут поддерживать твердую приверженность безопасности Израиля, одновременно стремясь к дальнейшей его интеграции с его соседями и возобновляя свою роль сторонников жизнеспособного решения на основе сосуществования двух государств».

Чем больше времени проходит, тем неразрешимее становится конфликт, а США и Израиль упрямо продолжают защищать статус-кво. Все попытки США привести стороны конфликта к согласию сводились к пустым и громким заявлениям. Неизменный ключевой аспект, на который США и Израиль ссылаются, – безопасность израильского государства – фактически определяет, что для удовлетворения предполагаемых потребностей Израиля в безопасности все международные правила поведения могут быть нарушены (речь идёт, как минимум, о международно-правовых нормах, касающихся института самообороны, института оккупации, мирного урегулирования международных споров, вопросов территориального разграничения, права международных организаций, права внешних сношений, международного гуманитарного права и международного права прав человека).

Список литературы:

1. Карасова, Т. А. Новые тенденции в региональной политике Израиля (2009–2019 г) / Т. А. Карасова // Вестник МГИМО-Университета. – 2019. – № 12 (4). – С. 180–200.
2. How Do You Solve a Problem Like J Street? 19.02.2014. – Текст: электронный // Commentary. – URL: <https://www.commentarymagazine.com/foreign-policy/middle-east/israel/how-do-you-solve-a-problem-like-j-street/> (дата обращения: 27.05.2021).
3. Саид, Э. В. Ориентализм: Западные концепции Востока / Э. В. Саид. – СПб.: Русский мир, 2006. – 637 с.
4. Gunneflo, M. Settler Colonial and Anti-Colonial Legalities in Palestine / M. Gunneflo // The Palestine Yearbook of International Law. – 2019. – Vol. 20, No. 1. – P. 1–14.
5. Bachar, G. J. Access Denied – Using Procedure to Restrict Tort Litigation: The Israeli-Palestinian Experience / G. J. Bachar // Chicago Kent Law Review. – 2018. – Vol. 92. – P. 841–870.
6. Chomsky, N. *Fateful Triangle: The United States, Israel and the Palestinians* / N. Chomsky. (Updated edition). – London: Pluto Press, 1999. – 938 p.
7. Шумиленко, А. П. Международное право прав человека: учебно-методическое пособие для обучающихся по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (профиль «Международное право») / А. П. Шумиленко, Л. В. Пастухова. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. – 384 с.
8. Аль Ахмад Амад Хассан. Роль ООН в международно-правовом урегулировании ближневосточного конфликта: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Аль Ахмад Амад Хассан. – Казань, 2015. – 225 с.
9. U.S. Relations with Israel. 14.05.2018. – Текст: электронный // U.S. Department of State. – URL: <https://www.state.gov/u-s-relations-with-israel/> (дата обращения: 27.05.2021).
10. Страны Азии и Африки: экономические, социальные, политические, этноконфессиональные проблемы. Памяти З. И. Левина / Институт востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2019. – 176 с.
11. National security strategy of the United States of America. – Washington: The White House, 2017. – 68 p. – URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 27.05.2021). – Текст: электронный.
12. Peace to Prosperity: A Vision to Improve the Lives of the Palestinian and Israeli People. – Washington: The White House, 2020. – 181 p. – URL: https://www.jewishvirtuallibrary.org/jsource/Peace/trump_plan.pdf (дата обращения: 27.05.2021). – Текст: электронный.
13. Israel begins mapping out West Bank land for annexation after election. 08.02.2020. – Текст: электронный // The Jerusalem Post. – URL: <https://www.jpost.com/Israel-News/Israel-begins-mapping-out-West-Bank-land-for-annexation-after-election-616961> (дата обращения: 27.05.2021).
14. Arab League rejects Trump's 'deal of the century' at Cairo summit with Abbas. 01.02.2020. – Текст: электронный // Russia Today. – URL: <https://www.rt.com/news/479858-arab-league-rejects-palestine-deal/> (дата обращения: 27.05.2021).
15. *Марьясис, Д.* План Трампа по палестино-израильскому урегулированию нереализуем / Д. Марьясис. – Текст: электронный // РСМД: Интернет-портал. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/plan-trampa-po-palestino-izraelskomu-uregulirovaniyu-ne-realizuem/?fbclid=IwAR1zCkDg25wII5ArDKP3ufYArKfeL9qWzH79wOP9ls6sXzmlTiRiP9WHCBU> (дата обращения: 27.05.2021).
16. «Will Remember This Day», Says US, «Singled Out» On Jerusalem Vote At United Nations». 22.12.2017. – Текст: электронный // NDTV. – URL: <https://www.ndtv.com/world-news/will-remember-this-day-says-us-singled-out-on-jerusalem-vote-at-united-nations-1790826> (дата обращения: 27.05.2021).
17. UN Votes Resoundingly to Reject Trump's Recognition of Jerusalem as Capital. 21.12.2017. – Текст: электронный // Guardian. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/dec/21/unitednations-un-vote-donald-trump-jerusalem-israel> [<https://perma.cc/B6RR-V47T>] (дата обращения: 27.05.2021).
18. Аббас объявил о прекращении отношений с Израилем и США. – Текст: электронный // ТАСС. – URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7662889?utm_source=vk.com&utm_medium=social&utm_campaign=smm_social_share (дата обращения: 27.05.2021).

19. Dolinger, J. UN Antagonism towards the State of Israel Resolution 2334 of the UN Security Council: A Misinterpretation of International Law / J. Dolinger // University of Miami Inter-American Law Review. – 2019. – Vol. 50, No. 1. – P. 59–121.
20. Relations between Israel and the United Nations. – Текст: электронный // The Embassy of Israel to the Netherlands. – <https://embassies.gov.il/hague-en/aboutisrael/Relations/Pages/Relations-Israel-and-U-N.aspx> (дата обращения: 27.05.2021).
21. The United Nations. Security Council and War: The Evolution of Thought and Practice since 1945. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 793 p.
22. Remarks on the UN Human Rights Council. 19.06.2018. – Текст: электронный // U.S Department of State. – URL: <https://www.state.gov/remarks-on-the-un-human-rights-council/> (дата обращения: 27.05.2021).
23. Шуминов, Н. Система безопасности Израиля: без «стратегической глубины», но со стратегическим взглядом / Н. Шуминов. – Текст: электронный // РСМД: Интернет-портал. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sistema-bezopasnosti-izrailya-bez-strategicheskoy-glubiny-no-so-strategicheskim-vzglyadom/?fbclid=IwAR3P_3J5jfkScmatlsW-eY8orzcmrBeIGUbHgF1KDMMenijFXSctJR-YM (дата обращения: 27.05.2021).
24. Sumina, S. The Failure of International Law in Palestine / S. Sumina, S. Gilmore // St. Mary's University. The Scholar. – 2018. – Vol. 20. – P. 135–188.
25. Дегтерев, Д. А. Американская помощь Израилю: истоки, структура, динамика / Д. А. Дегтерев, Е. А. Стёпкин // Вестник МГИМО. – 2013. – № 3 (30). – С. 92–98.
26. What is U.S. Policy on the Israeli-Palestinian conflict? 12.04.2021. – Текст: электронный // The Council on Foreign Relations. – URL: <https://www.cfr.org/backgrounder/what-us-policy-israeli-palestinian-conflict> (дата обращения: 27.05.2021).
27. Debate over the Israel-Palestine issue has changed forever, but here's why the fabled 'two-state solution' is no solution at all. 22.05.2021. – Текст: электронный // Russia Today. – URL: <https://www.rt.com/op-ed/524473-israel-palestine-two-state-solution/> (дата обращения: 27.05.2021).
28. Interim National Security Strategic Guidance. – Washington: The White House, 2021. – 23 p. – URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> (дата обращения: 27.05.2021). – Текст: электронный.
29. Biden: Two-State Solution 'The Only Answer' to Israel-Palestine Conflict. 22.05.2021. – Текст: электронный // The thinking conservative. – URL: <https://www.thinkingconservative.com/biden-two-state-solution-the-only-answer-to-israel-palestine-conflict/> (дата обращения: 27.05.2021).

Kshevitskaia M. A. US – Israel cooperation as a permanent destabilizing factor in the middle east // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 161-169.

The article is dedicated to the analysis of the problems of ensuring regional security in the Middle East, primarily through the settlement of the Arab-Israeli conflict; the author emphasizes the Israel's abuse of references to "military necessity", Israel's repeated violations of international legal norms related to the institute of occupation, issues of territorial delimitation, peaceful settlement of international disputes, law of external relations, international humanitarian law and international human rights law, as well as actual political, military, financial and moral support from the United States for all actions of Israel; the article provides a list of arguments proving Israel's unwillingness to take into account the interests of Palestine in the settlement of the conflict, as well as the interest of Israel and the United States in maintaining the confrontation between Israel and Palestine; a special attention is paid to the review of the history of close cooperation (partnership) between the United States and Israel, due to which the United States is unable to be an impartial and fair arbiter in the dispute between Palestine and Israel.

Key words: regional security; Arab-Israeli conflict; Israel; Palestine; USA; temporary occupation; Jerusalem; League of Arab States (LAS).

Spisok literatury:

1. Karasova, T. A. Novye tendencii v regional'noj politike Izrailya (2009–2019 g) / T. A. Karasova // Vestnik MGIMO-Universiteta. – 2019. – № 12 (4). – S. 180–200.
2. How Do You Solve a Problem Like J Street? 19.02.2014. – Текст: электронный // Sommentary. – URL: <https://www.commentarymagazine.com/foreign-policy/middle-east/israel/how-do-you-solve-a-problem-like-j-street/> (дата обращения: 27.05.2021).
3. Said, E. V. Orientalizm: Zapadnye koncepcii Vostoka / E. V. Said. – SPb.: Russkij mir", 2006. – 637 s.
4. Gunneflo, M. Settler Colonial and Anti-Colonial Legalities in Palestine / M. Gunneflo // The Palestine Yearbook of International Law. – 2019. – Vol. 20, No. 1. – P. 1–14.
5. Bachar, G. J. Access Denied – Using Procedure to Restrict Tort Litigation: The Israeli-Palestinian Experience / G. J. Bachar // Chicago Kent Law Review. – 2018. – Vol. 92. – R. 841–870.
6. Chomsky, N. Fateful Triangle: The United States, Israel and the Palestinians / N. Chomsky. (Updated edition). – London: Pluto Press, 1999. – 938 p.
7. SHumilenko, A. P. Mezhdunarodnoe pravo prav cheloveka: uchebno-metodicheskoe posobie dlya obuchayushchihся po napravleniyu podgotovki 40.03.01 YUrisprudenciya (profil' «Mezhdunarodnoe pravo») / A. P. SHumilenko, L. V. Pastuhova. – Simferopol': IT «ARIAL», 2019. – 384 s.
8. Al' Ahmad Amad Hassan. Rol' OON v mezhdunarodno-pravovom uregulirovanii blizhnevostochnogo konflikta: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.10 / Al' Ahmad Amad Hassan. – Kazan', 2015. – 225 s.
9. U.S. Relations with Israel. 14.05.2018. – Текст: электронный // U.S Department of State. – URL: <https://www.state.gov/u-s-relations-with-israel/> (дата обращения: 27.05.2021).

10. Strany Azii i Afriki: ekonomicheskie, social'nye, politicheskie, etnokonfessional'nye problemy. Pamyati Z. I. Levina / Institut vostokovedeniya RAN. – M.: IV RAN, 2019. – 176 s.
11. National security strategy of the United States of America. – Washington: The White House, 2017. – 68 p. – URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (data obrashcheniya: 27.05.2021). – Tekst: elektronnyj.
12. Peace to Prosperity: A Vision to Improve the Lives of the Palestinian and Israeli People. – Washington: The White House, 2020. – 181 p. – URL: https://www.jewishvirtuallibrary.org/jsource/Peace/trump_plan.pdf (data obrashcheniya: 27.05.2021). – Tekst: elektronnyj.
13. Israel begins mapping out West Bank land for annexation after election. 08.02.2020. – Tekst: elektronnyj // The Jerusalem Post. – URL: <https://www.jpost.com/Israel-News/Israel-begins-mapping-out-West-Bank-land-for-annexation-after-election-616961> (data obrashcheniya: 27.05.2021).
14. Arab League rejects Trump's 'deal of the century' at Cairo summit with Abbas. 01.02.2020. – Tekst: elektronnyj // Russia Today. – URL: <https://www.rt.com/news/479858-arab-league-rejects-palestine-deal/> (data obrashcheniya: 27.05.2021).
15. Mar'yasis, D. Plan Trampa po palestino-izrail'skomu uregulirovaniyu nerealizuem / D. Mar'yasis. – Tekst: elektronnyj // RSM: Internet-portal. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/plan-trampa-po-palestino-izrail'skomu-uregulirovaniyu-nerealizuem/?fbclid=IwAR1zCkDg25wII5ArDKP3ufYArKfeL9qWzH79wOP9ls6sXzmlTiRiP9WHCBU> (data obrashcheniya: 27.05.2021).
16. «Will Remember This Day», Says US, 'Singled Out' On Jerusalem Vote At United Nations». 22.12.2017. – Tekst: elektronnyj // NDTV. – URL: <https://www.ndtv.com/world-news/will-remember-this-day-says-us-singled-out-on-jerusalem-vote-at-united-nations-1790826> (data obrashcheniya: 27.05.2021).
17. UN Votes Resoundingly to Reject Trump's Recognition of Jerusalem as Capital. 21.12.2017. – Tekst: elektronnyj // Guardian. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/dec/21/unitednations-un-votedonald-trump-jerusalem-israel> [https://perma.cc/B6RR-V47T] (data obrashcheniya: 27.05.2021).
18. Abbas ob'yavil o prekrashchenii otmoshenij s Izrailem i SSHA. – Tekst: elektronnyj // TASS. – URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7662889?utm_source=vk.com&utm_medium=social&utm_campaign=smm_social_share (data obrashcheniya: 27.05.2021).
19. Dolinger, J. UN Antagonism towards the State of Israel Resolution 2334 of the UN Security Council: A Misinterpretation of International Law / J. Dolinger // University of Miami Inter-American Law Review. – 2019. – Vol. 50, No. 1. – P. 59–121.
20. Relations between Israel and the United Nations. – Tekst: elektronnyj // The Embassy of Israel to the Netherlands. – <https://embassies.gov.il/hague-en/aboutisrael/Relations/Pages/Relations-Israel-and-U-N.aspx> (data obrashcheniya: 27.05.2021).
21. The United Nations. Security Council and War: The Evolution of Thought and Practice since 1945. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 793 p.
22. Remarks on the UN Human Rights Council. 19.06.2018. – Tekst: elektronnyj // U.S Department of State. – URL: <https://www.state.gov/remarks-on-the-un-human-rights-council/> (data obrashcheniya: 27.05.2021).
23. SHuminov, N. Sistema bezopasnosti Izrailiya: bez «strategicheskoy glubiny», no so strategicheskimi vzglyadom / N. SHuminov. – Tekst: elektronnyj // RSM: Internet-portal. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sistema-bezopasnosti-izrailiya-bez-strategicheskoy-glubiny-no-so-strategicheskimi-vzglyadom/?fbclid=IwAR3P_3J5jfkScmatlsW-eY8opzcmrBeIGUbHgF1KDMMenijFXSptJR-YM (data obrashcheniya: 27.05.2021).
24. Sumina, S. The Failure of International Law in Palestine / S. Sumina, S. Gilmore // St. Mary's University. The Scholar. – 2018. – Vol. 20. – P. 135–188.
25. Degterev, D. A. Amerikanskaya pomoshch' Izrailyu: istoki, struktura, dinamika / D. A. Degterev, E. A. Styopkin // Vestnik MGIMO. – 2013. – № 3 (30). – S. 92–98.
26. What is U.S. Policy on the Israeli-Palestinian conflict? 12.04.2021. – Tekst: elektronnyj // The Council on Foreign Relations. – URL: <https://www.cfr.org/background/what-us-policy-israeli-palestinian-conflict> (data obrashcheniya: 27.05.2021).
27. Debate over the Israel-Palestine issue has changed forever, but here's why the fabled 'two-state solution' is no solution at all. 22.05.2021. – Tekst: elektronnyj // Russia Today. – URL: <https://www.rt.com/op-ed/524473-israel-palestine-two-state-solution/> (data obrashcheniya: 27.05.2021).
28. Interim National Security Strategic Guidance. – Washington: The White House, 2021. – 23 p. – URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> (data obrashcheniya: 27.05.2021). – Tekst: elektronnyj.
29. Biden: Two-State Solution 'The Only Answer' to Israel-Palestine Conflict. 22.05.2021. – Tekst: elektronnyj // The thinking conservative. – URL: <https://www.thinkingconservative.com/biden-two-state-solution-the-only-answer-to-israel-palestine-conflict/> (data obrashcheniya: 27.05.2021).

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО- ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.721

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(1)- 170-180

СОСТОЯНИЕ И АНАЛИЗ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ (ЗА ПЕРИОД С 2015 ПО 2020 ГОДЫ)

Евтушенко И. И.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Проведен криминологический анализ состояния, динамики преступности против собственности в Республике Крым (далее – РК) (за период с 2015 по 2020 годы) в сравнении с общероссийскими показателями и показателями Южного федерального округа (далее – ЮФО), выявлены схожие черты и различия, предпринята попытка изучить причинный комплекс, события в Республике Крым, которые могли повлиять на динамику и уровень корыстной преступности в разные периоды времени. Анализ проводился по каждому виду преступлений против собственности, предусмотренному УК РФ, в их взаимосвязи, а также анализ ситуации в целом. В связи с чем автором анализировались преступления против собственности по двум криминологическим показателям: динамика – абсолютный показатель общего количества регистрируемых деяний за период с 2015 по 2020 годы включительно, и уровень – относительный показатель отдельного вида преступлений в общей структуре преступности. Такой подход позволил объективно изучить криминологические показатели отдельных видов преступлений против собственности и сделать общие выводы, выявить закономерности, определяющие развитие криминальной ситуации в сфере корыстной преступности в Республике Крым.

Ключевые слова: преступления против собственности, криминологический анализ корыстной преступности, мошенничество, хищения, кража, грабеж, разбой, присвоение или растрата, угон, умышленное уничтожение чужого имущества.

Преступления в сфере экономики появились одновременно с частной собственностью. Как показывают исследования, проведенные российскими и зарубежными криминологами, доля преступлений в сфере экономики является величиной достаточно стабильной и составляет в среднем 55-60 % [1; 2; 3].

В теории уголовного права, в научной, учебной литературе и в тексте УК РФ все преступления раздела VIII «Преступления в сфере экономики» делятся на две группы: преступления против собственности и преступления в сфере экономической деятельности. В свою очередь, преступления против собственности делятся на хищения и другие преступления против собственности, не являющиеся хищениями.

Однако в действующих формах статистической отчетности о состоянии преступности данная классификация не применяется. В соответствии с Указанием Генпрокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24.01.2020 (ред. от 13.07.2020) «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» [4], данные официальной статистики обобщаются таким образом, что среди всех преступлений в сфере экономики отдельно выделяются преступления против собственности и отдельно – преступления экономической направленности. При чем одни и те же деяния учи-

тываются один раз либо в составе первой группы преступлений, либо в числе преступлений экономической направленности, избегая таким образом двойного учета.

Также следует отметить, что структура отчетов о состоянии преступности за исследуемый период 2015-2020 года менялась, поэтому не по всем преступлениям велся отдельный учет из общего массива преступлений и не по всем статьям Уголовного кодекса РФ.

Таким образом, в данном исследовании для анализа криминальной обстановки в Республике Крым будет использована официально утвержденная структура статистической отчетности о состоянии преступности, действовавшая в соответствующие отчетные периоды, в целях обеспечения сопоставимости и достоверности используемых показателей.

Сферы деятельности преступников расширяются, изобретаются все новые и новые способы совершения преступлений как против собственности, так и в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, активно используется Интернет, новейшие информационные технологии и платежные системы. Расширяется таким образом спектр предметов преступлений и средств их совершения, увеличиваются суммы причиненного ущерба. А среди потерпевших оказываются не только самые незащищенные слои населения, но крупные финансовые организации, и даже государство.

Современное состояние и доля преступлений против собственности в сравнении с данными РФ, Южного федерального округа и РК представлена в таблице №1.

Таблица №1. Удельный вес преступлений против собственности в общей структуре преступности по России, Южному федеральному округу и Республике Крым в 2015-2020 гг. (в %).

Субъект	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Россия	54	54	53	52	58	60
ЮФО	57	58	57	57	60	61
РК	70	64	57	56	55	51

Как следует из приведенных в таблице данных, в Республике Крым за последние 6 лет отмечается устойчивая тенденция к снижению числа совершаемых преступлений против собственности. Эта тенденция объясняется постепенным улучшением уровня жизни населения Крыма, повышением уровня социальной защищенности, реализации на территории Республики Крым федеральных целевых программ развития региона, созданием в связи с этим не только нового качества жизни населения и повышения ее уровня, но решения таким образом экономических проблем – снижение уровня безработицы, обеспечение легальной занятости в сфере экономики, легализации выплаты заработной платы и как следствие, пополнения бюджетов субъекта РФ и муниципальных образований. Однако не только решение социально-экономических проблем в регионе позволяет улучшить показатели преступности. Также повышение уровня технической оснащённости подразделений полиции, налаживание межведомственного взаимодействия с прокуратурой Республики Крым, Управлением Следственного комитета РФ по Республике Крым и г. Севастополю, его территориальным подразделениям, постепенной реализацией программы «Безопасный город», повсеместным размещением камер видеонаблюдения, созданием специализированных подразделений туристической полиции, проведением

широкомасштабных мероприятий по информированию населения о новых способах совершения в отношении них преступлений против собственности, грабежей и мошенничеств и др.

В структуре преступности на протяжении веков основное место занимают кражи чужого имущества. Их доля составляет стабильные 40-50 % в общей массе совершаемых преступлений. Наглядно данные представлены в таблице 2.

Таблица №2. Удельный вес краж чужого имущества в общей структуре преступности по России, Южному федеральному округу и Республике Крым в 2015-2020 гг. (в %).

Как видно из представленных данных, на 2015 г. доля краж в РК составляла 60 % от общего числа зарегистрированных преступлений.

Субъект	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Россия	42,6	40,3	38,3	38,0	38,2	36,7
ЮФО	44,0	42,9	41,2	40,8	40,7	38,4
РК	60	52,7	44,4	40,1	39,3	33,4

Однако на протяжении последующих 5 лет этот показатель стабильно снижался. Причины такой тенденции аналогичны тем, что мы описали выше при анализе сокращения числа преступлений против собственности на протяжении 6 последних лет в РК. В настоящий момент уровень краж в изучаемом регионе даже несколько ниже, чем общероссийские показатели, хотя в целом отвечает тенденции на замещение краж чужого имущества другими преступлениями против собственности, в частности мошенничествами.

Подтверждением данной тенденции является динамика краж чужого имущества, зарегистрированных на территории Республики Крым за последние 6 лет (рис. 1).

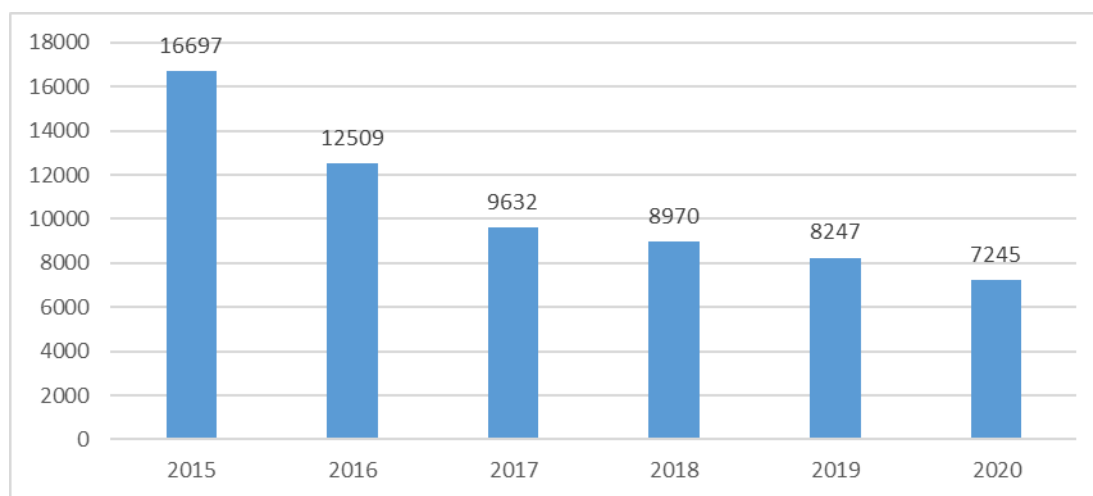

Рис. 1. Динамика краж чужого имущества, зарегистрированных на территории Республики Крым в 2015-2020 гг. (тыс. преступлений).

Также можно отметить, что в России на протяжении последних десяти лет динамика и уровень преступности в целом снижается, соответственно снижается и количество регистрируемых краж.

Следующим после краж с точки зрения количественного уровня в структуре преступлений против собственности является мошенничество. Анализ имеющихся показателей удельного веса и динамики мошенничеств в Республике Крым показывает, что они существенно отличаются от иных преступлений против собственности. Так, в частности, доля мошенничества неуклонно растет, причем в 2018 году доля мошенничеств резко увеличилась. А показатели 2020 г. свидетельствуют о системном изменении структуры преступлений против собственности: снижение насильственных форм и тайных хищений в пользу все более широкого использования обмана как способа завладения чужим имуществом. Развернутая картина мошенничества как элемента структуры преступности приведена в таблице №3.

Таблица №3 Удельный вес мошенничеств (ст. 159-159.6 УК РФ) в общей структуре преступности по России, Южному федеральному округу и РК в 2015-2020 гг. (в %).

Субъект	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Россия	8,4	9,7	10,8	10,8	12,7	16,4
ЮФО	9,4	10,9	12,1	10,3	15,6	19,4
РК	5,3	6,8	8,5	13	12,9	15,1

Сравнение доли мошенничеств в общей структуре преступности в РФ и ЮФО позволяет сделать вывод о том, что за последние 2 года доля мошенничеств в РК практически совпадает с общероссийскими показателями.

Все большее развитие в РК электронных сервисов, расширение возможностей дистанционного совершения финансовых операций, онлайн продаж и покупок позволяет сделать вывод, что региональная специфика мошенничеств в РК не выражена. Динамика же мошенничеств в РК свидетельствует о том, что в период с 2015 по 2017 гг. отмечался поступательный рост проявлений мошенничеств. Однако в 2018 г. произошел лавинообразный рост числа зарегистрированных фактов уголовно-наказуемых мошенничеств, их количество возросло только за один год почти на 1000 фактов (рис. 2). Последующее увеличение количества зарегистрированных мошенничеств позволяет с уверенностью прогнозировать их дальнейший рост.

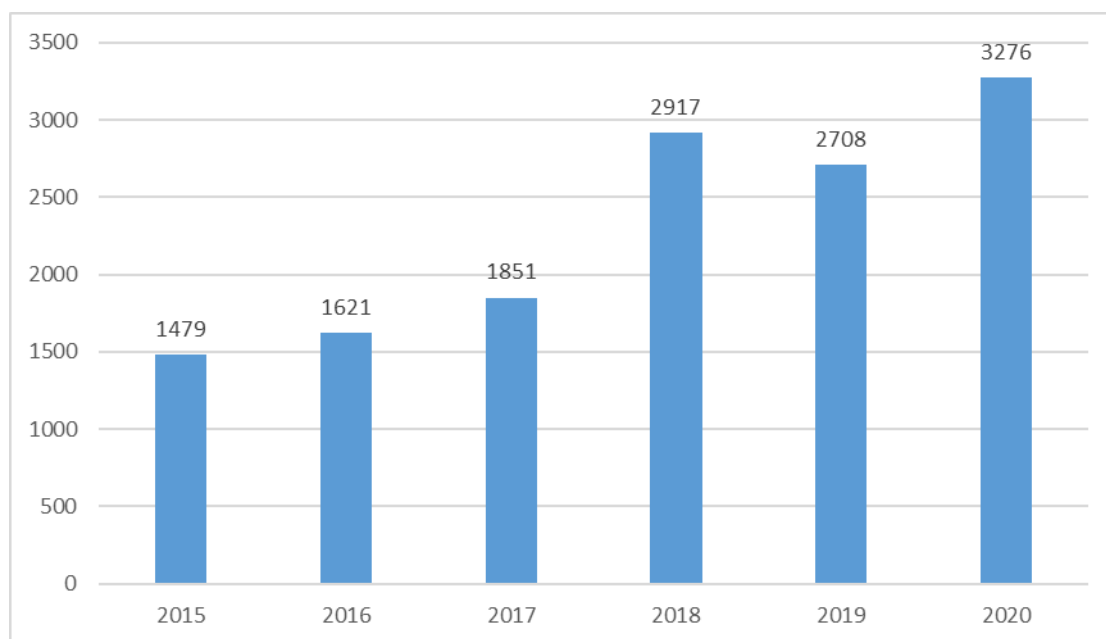

Рис. 2. Динамика мошенничеств (ст. 159–159.6 УК РФ), зарегистрированных на территории Республики Крым в 2015–2020 гг. (тыс. преступлений)

При сохранении имеющихся динамических характеристик, полагаем, что в пятилетней перспективе доля мошенничеств в общей структуре преступности достигнет 24 %.

Следующим видом преступлений против собственности в соответствии со структурой УК РФ являются присвоения и растраты чужого имущества. Доля этих преступлений в общей структуре преступности в РФ, ЮФО и Республике Крым позволяет утверждать, что их удельный вес в Республике Крым значительно меньше, чем в целом по России и ЮФО. При этом колебания данного показателя на протяжении 2015-2020 годов находятся в пределах $\pm 0,1$ %, что свидетельствует о стабильности данного показателя. Более подробно удельный вес присвоений и растрат чужого имущества можно проследить в таблице №4.

Таблица №4. Удельный вес присвоений и растрат чужого имущества в общей структуре преступности по России, Южному федеральному округу и Республике Крым в 2015-2020 гг. (в процентах).

Субъект	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Россия	0,8	0,8	0,8	0,8	0,7	0,7
ЮФО	0,7	0,8	0,7	0,7	0,7	0,6
РК	0,4	0,3	0,5	0,3	0,3	0,4

Динамика присвоений и растрат чужого имущества в Республике Крым за последние 5 лет позволяет сделать вывод о наличии двух пиковых значений в 2017 и 2020 году. Рост этих показателей связан в первую очередь с реализацией в Республике Крым масштабных Федеральных целевых программ. Эти программы связаны с развитием социально-экономической инфраструктуры региона, ремонтом школ, дорог, строительством трассы «Таврида». При этом многие местные чиновники не

устояли перед искушением присвоить выделенные из федерального бюджета деньги. Более детальная информация представлена в рис. 3.

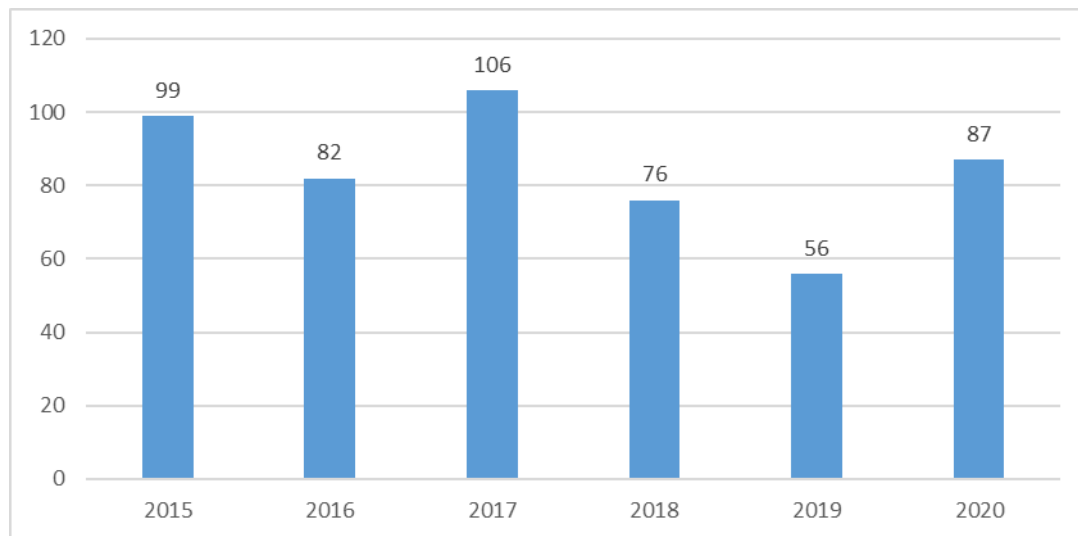

Рис. 3. Динамика присвоений и растрат чужого имущества, зарегистрированных на территории Республики Крым в 2015–2020 гг. (тыс. преступлений)

Переходя к анализу совершенных в Республике Крым грабежей, можно заметить, что на протяжении 2015-2017 годов доля грабежей превышала общероссийские показатели, что связано с переходным периодом, становлением российской государственности, ростом правопорядка в общественных местах, усилением мер контроля. В дальнейшем, с 2018 года можно утверждать, что доля грабежей и общая криминальная ситуация в Республике Крым выровнялась с другими регионами. Более подробные данные приведены в таблице №5.

Таблица №5. Удельный вес грабежей чужого имущества в общей структуре преступности по России, Южному федеральному округу и Республике Крым в 2015-2020 гг. (в процентах).

Субъект	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Россия	3,1	2,8	2,8	2,5	2,3	1,9
ЮФО	2,8	2,8	2,8	2,3	2,4	1,9
РК	4,1	3,4	3,1	2,3	2,2	1,5

Более наглядно динамическое падение числа совершенных грабежей в абсолютных показателях на территории Республики Крым можно увидеть в рис. 4.

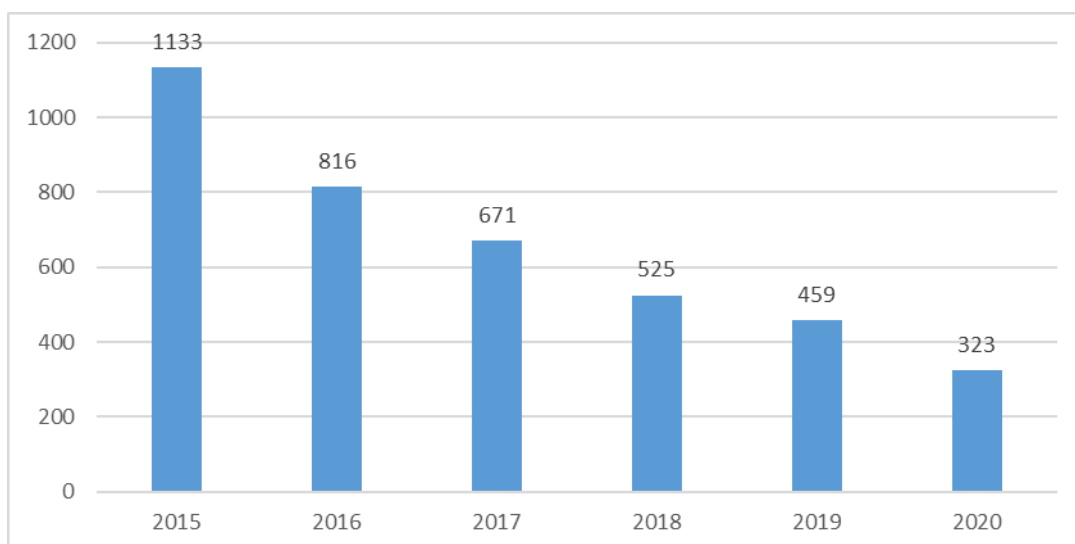

Рис. 4. Динамика грабежей, зарегистрированных на территории Республики Крым в 2015–2020 гг. (тыс. преступлений).

Аналогичным образом снижается и доля разбойных нападений. Причем за весь исследуемый период их доля соответствовала общероссийским показателям, а в 2020 г. стала даже меньше. Изменение структуры преступлений против собственности, перенос акцента с насильственных форм, более характерных для периода 90-х и 2000-х годов, на ненасильственные – кражи и мошенничества, – является новой тенденцией 2020-х годов. Доля разбоев в общей структуре преступности представлена ниже в таблице №6.

Таблица №6. Удельный вес разбоев в общей структуре преступности по России, Южному федеральному округу и Республике Крым в 2015-2020 гг. (в %).

Субъект	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Россия	0,6	0,5	0,4	0,4	0,3	0,3
ЮФО	0,5	0,5	0,5	0,4	0,3	0,2
РК	0,6	0,5	0,6	0,4	0,3	0,2

Анализ динамики совершения разбойных нападений в Республик Крым за последние пять лет, позволяет сделать вывод, что их число снизилось в три раза, что является несомненным достижением и наших правоохранительных органов. Но это вызвано и коренными преобразованиями в экономике, изменением ее типа на информационную, когда и сфера экономики, и соответственно преступность, переходят все больше в виртуальное интернет-пространство. Также на количество совершенных грабежей и разбоев в период 2020 года оказало значительное влияние введение на всей территории РФ строгих мер изоляции и контроля ее соблюдения со стороны правоохранительных органов, в том числе с помощью систем видеофиксации правонарушений, вызванных распространением новой коронавирусной инфекции. Фактически граждане не выходили из дома, не ездили на работу, не гуляли в парках, не ходили в магазины, что лишило уличных грабителей и разбойников возможности совершать нападения в целях хищения чужого имущества.

Показатели динамики разбоев в Республике Крым приведены на рис. 5.

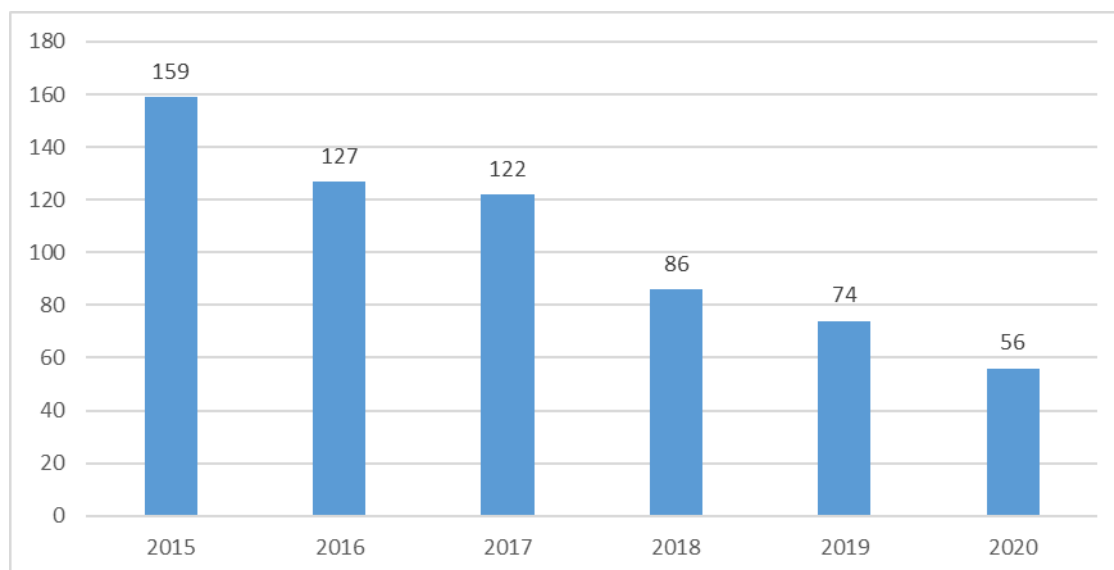

Рис. 5. Динами разбоев, зарегистрированных на территории Республики Крым в 2015–2020 гг. (тыс. преступлений)

Изучение удельного веса неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (угонов транспортных средств) – ст. 166 УК РФ в сравнении с общероссийскими данными позволяет сделать вывод, что доля угонов в общей структуре преступности не имеет ярко выраженного регионального аспекта и сопоставима с показателями по РФ в целом. Следует при этом отметить, что строительство Крымского моста и обустройство его новейшими системам безопасности и видеофиксации в значительной степени затруднило преступниками перемещение угнанных автомобилей за пределы Республики Крым, так как иного легального пути для выезда с полуострова нет.

Более подробная информация представлена в таблице 7. При этом в статистических отчетах по ЮФО по данной статье данные не приводились.

Таблица №7. Удельный вес угонов транспортных средств (ст. 166 УК РФ) в общей структуре преступности по России, Южному федеральному округу и Республике Крым в 2015-2020 гг. (в процентах%).

Субъект	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Россия	н/д	1,1	н/д	0,9	0,9	0,8
ЮФО	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
РК	0,7	0,9	1,0	0,7	0,8	0,8

Примечательно, что динамика угонов транспортных средств на территории Республики Крым достаточно стабильна, ее колебания незначительны в пределах 20-40 фактов за изучаемый период. Детально информация представлена на рис. 6.

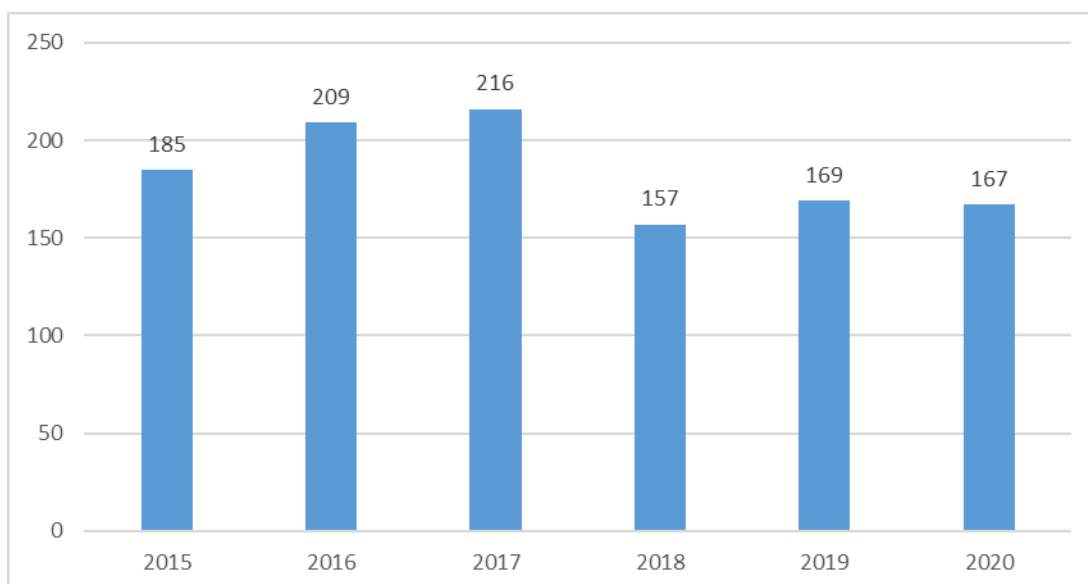

Рис. 6. Динамика угонов транспортных средств (ст. 166 УК РФ), зарегистрированных на территории Республики Крым в 2015–2020 гг. (тыс. преступлений)

Еще одно преступление, не относящееся к хищениям, традиционно изучается органами государственной власти в уголовной статистике: умышленное уничтожение чужого имущества, совершенное из хулиганских побуждений, путем поджога, взрыва или иным общеопасным способом или повлекшее по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия (ч. 2 ст. 167 УК РФ).

Доля его незначительна и достаточно стабильна, показатели по данному виду преступлений не имеют ярко выраженной региональной специфики, укладываются в общероссийские показатели.

Более подробная информация представлена в таблице 8. В статистических отчетах по ЮФО по данной статье данные не анализировались.

Таблица №8. Удельный вес умышленного уничтожения чужого имущества (ч. 2 ст. 167 УК РФ в общей структуре преступности по России, Южному федеральному округу и Республике Крым в 2015-2020 гг. (в процентах).

Субъект	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Россия	н/д	1,1	н/д	0,9	0,9	0,8
ЮФО	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
РК	0,7	0,9	1,0	0,7	0,8	0,8

Динамика совершения указанных преступлений, представлена на рис. 7. Примечательно, что выделить какие-либо закономерности невозможно. Вероятно, это связано с всплесками некоторой социально-экономической нестабильности, неудовлетворенности отдельных граждан своим имущественным положением.

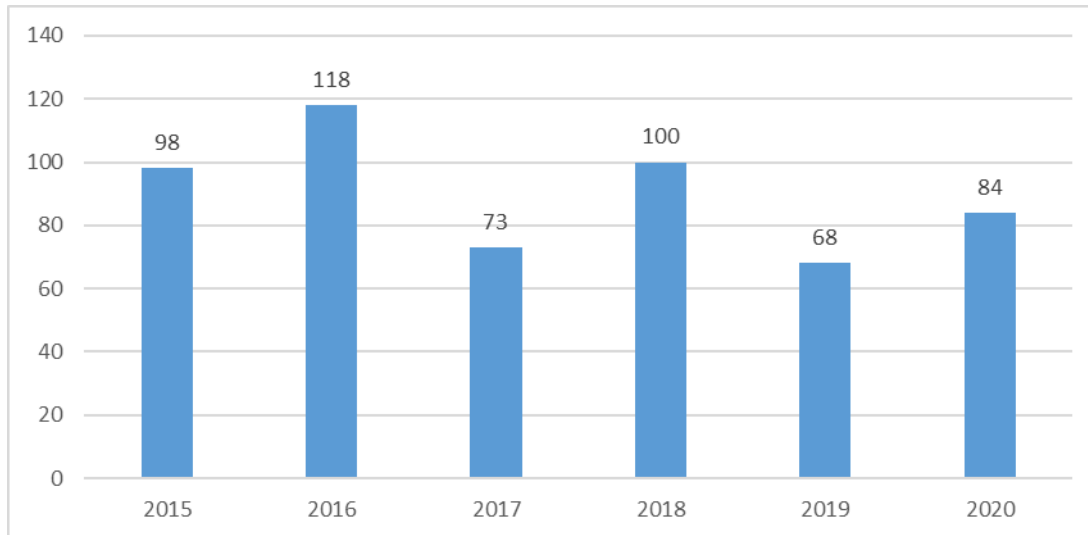

Рис. 7. Динамика умышленного уничтожения чужого имущества (ч. 2 ст. УК РФ), зарегистрированных на территории Республики Крым в 2015–2020 гг. (тыс. преступлений)

Подводя итог вышеизложенному, можно отметить, что преступления против собственности, совершаемые на территории Республики Крым, не имеют ярко выраженных отличительных криминологических свойств в сравнении с федеральными (на уровне Российской Федерации) и региональными (на уровне Южного федерального округа) закономерностями. Однако при этом некоторые тенденции можно выделить. К основным из них относятся следующие:

- 1) тенденция замещения насильственных форм хищений ненасильственными;
- 2) увеличение доли мошенничеств в сравнении с кражами чужого имущества, грабежами и разбоями;
- 3) прирост мошенничеств в РК несколько ниже, чем в целом по РФ и значительно ниже ЮФО;
- 4) стабильность показателей угонов транспортных средств и умышленного уничтожения чужого имущества.

Список литературы:

1. Преступность в Краснодарском крае: состояние и прогноз / К.В. Вишневецкий, Н.Ш. Козаев, А.А. Аведян и др.; под ред. А.В. Симоненко. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2019. – С. 113.
2. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: в 2 т. Т. 2. Особенная часть. М.: Юрайт, 2012. С. 399.
3. Лопашенко Н.А. Законодательная реформа мошенничества: вынужденные вопросы и вынужденные ответы // Всероссийский криминологический журнал. – 2015. – Т. 9. – № 3. – С. 504–513.
4. Указание Генпрокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24.01.2020 (ред. от 13.07.2020) «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71231728/> (дата обращения: 19.05.2021)

Evtushenko I.I. Situation and analysis of crimes against property in the Republic of Crimea (for the period from 2015 to 2020) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 170-180.

A criminological analysis of the situation and dynamics of crime against property in the Republic of Crimea (for the period from 2015 to 2020) in comparison with all-Russian indicators and indicators of the

Southern Federal District was carried out, similar features and differences were identified, an attempt was made to study the causal complex, events in the Republic of Crimea that could affect the dynamics and level of mercenary crime in different periods of time. The analysis was carried out for each type of crimes against property provided for by the Criminal Code of the Russian Federation, in their interrelation, as well as an analysis of the situation as a whole. In this connection, the author analyzed crimes against property according to two criminological indicators: the dynamics is an absolute indicator of the total number of registered acts for the period from 2015 to 2020 inclusive, and the level is a relative indicator of a particular type of crime in the overall crime structure. This approach allowed us to objectively study the criminological indicators of certain types of crimes against property and draw general conclusions, identify patterns that determine the development of the criminal situation in the field of mercenary crime in the Republic of Crimea.

Keywords: crimes against property, criminological analysis of mercenary crime, fraud, embezzlement, theft, robbery, violent robbery, embezzlement or embezzlement, theft, intentional destruction of someone else's property.

Spisok literatury

1. Prestupnost' v Krasnodarskom krae: sostoyanie i prognoz / K.V. Vishneveckij, N.SH. Kozaev, A.A. Avedyan i dr.; pod red. A.V. Simonenko. – Krasnodar: Krasnodarskij universitet MVD Rossii, 2019. – S. 113.
2. Luneev V.V. Kurs mirovoj i rossijskoj kriminologii: v 2 t. T. 2. Osobennaya chast'. M.: YUrajt, 2012. S. 399.
3. Lopashenko N.A. Zakonodatel'naya reforma moshennichestva: vynuzhdennye voprosy i vynuzhdennye otvety // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. – 2015. – T. 9. – № 3. – S. 504–513.
4. Ukazanie Genprokuratury Rossii № 35/11, MVD Rossii № 1 ot 24.01.2020 (red. ot 13.07.2020) «O vvedenii v dejstvie perechnoj statej Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii, ispol'zuemyh pri formirovanii statisticheskoj otchetnosti». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71231728/> (data obrashcheniya: 19.05.2021).

УДК 343.2

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(1)-181-186

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАТЕГОРИИ «СБЫТ ПРЕДМЕТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ»

Кашикаров А. А., Кашикаров А. А.

В публикации рассмотрены механизмы взаимосвязи сбыта предмета преступления, как признака раскрывающего способ совершения преступления с иными элементами состава преступления, объектом преступления, предметом преступления и субъективной стороной преступления. На основе анализа доктринальных положений отечественной теории уголовного права, норм действующего уголовного законодательства и актуальных Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации в сфере фальшивомонетничества, оборота наркотических средств, их аналогов и прекурсоров, оборота оружия и документооборота доказано, что сбыт, возможен только лишь в предметных составах преступлений. Сбыт может представлять, как возмездную, так и безвозмездную деятельность. Сбыт предмета преступления это всегда активное действие, активность может быть дифференцированной в зависимости от степени коммуникации сбытчика предмета преступления и потребителя. Сделан обобщающий вывод относительно содержания категории «сбыт предмета преступления». Сбыт как уголовно-правовая категория, характеризующая объективную сторону состава преступления также наполняет содержанием субъективную сторону состава преступления, а именно специальную цель – сбыт предмета преступления.

Ключевые слова: сбыт предмета преступления, сбыт наркотиков, сбыт фальшивых денег, сбыт оружия, сбыт взрывчатых веществ, сбыт поддельных документов, сбыт поддельных электронных документов, преступление, состав преступления, способ совершения преступления, субъективная сторона преступления.

Сбыт предмета преступления в теории уголовного права относится к способу совершения преступления, который из всех факультативных признаков, характеризующих объективную сторону преступления, имеет наибольшее юридическое значение, так как именно в способе совершения преступления выражается общественно опасное деяние [1, с. 198]. Исследователями отмечается, что чёткое определение понятия «сбыт» необходимо для правоприменителя, что в свою очередь позволит избежать необоснованного привлечения к уголовной ответственности [2, с. 60].

Вопросы, связанные с уяснением содержания понятия «сбыт предмета преступления», как конструктивного признака состава некоторых преступлений в теории уголовного права рассматриваются довольно редко и осуществляются в рамках одного состава преступления [3, с. 231-237; 4, с. 18] или группы составов преступлений [5, с. 118-119], объединенных одним видовым объектом преступления.

Определяя понятие «сбыт» мы должны исходить из того, что оно в первую очередь является экономическим понятием под которым экономисты понимают «реализацию изготовленной продукции, целью которой является превращение товара в деньги и удовлетворения запросов покупателей» [6, с. 427] или «сбыт – это системная деятельность предприятия-изготовителя, располагающая своей целью реализацию продукции на соответствующих рынках» [7, с. 225], кроме того экономисты утверждают, что термины «реализация» и «сбыт» являются однозначными понятиями [8].

Значение сбыта предмета преступления, как уголовно-правового понятия сложно переоценить, сбыт как способ совершения преступления, характеризующий объективную сторону преступления, предусмотрен в 28 составах преступлений, предусмотренных действующей редакцией УК РФ и закреплён в таких нормах как: ст. 138.1 УК РФ, ч. 1 и ч. 3 ст. 171.1 УК РФ, ст. 181 УК РФ, ст. 186 УК РФ, ст. 187 УК РФ, ст. 191.1 УК РФ, ч. 2 и ч. 7 ст. 222 УК РФ, ст. 222.1 УК РФ, ст. 222.2 УК РФ, ч. 1 и ч. 2 ст. 228.1 УК РФ, ст. 228.4 УК РФ, ст. 234 УК РФ, ст. 234.1 УК РФ, ст. 238 УК РФ, ст. 238.1 УК РФ, ст. 324 УК РФ, ст. 326 УК РФ, ч. 1, ч. 2, ч. 3 ст. 327 УК РФ, ч. 1 и ч. 3 ст. 327.1 УК РФ, ч. 1 и ч. 2 ст. 327.2 УК РФ, ст. 355 УК РФ. Также следует отметить, что сбыт, признаётся формой реализации посредником своих преступных действий при соучастии (ч. 5 ст. 33 УК РФ), наличие цели сбыта оказывает влияние на квалификацию и отграничение преступлений, предусмотренных ст. 228 УК РФ и ст. 228.1 УК РФ.

Сбыт предмета преступления — это всегда активные действия, однако степень активности, которая связана с коммуникацией сбытчика и потребителя может быть разной.

Исходя из экономических характеристик сбыта, которые указаны выше, мы полагаем, что сбытом можно признавать розничную продажу алкогольной продукции как несовершеннолетним (ст. 151.1 УК РФ), так и совершеннолетним лицам (ст. 174.1 УК РФ), также исходя из особенностей предмета преступления к сбыту можно также отнести публичную демонстрацию и распространение порнографических материалов или предметов (ст. 242 УК РФ), распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ и ст. 274.1 УК РФ). Отметим, что УК РФ содержит также и иные нормы, объективная сторона которых характеризуется таким способом как распространение, это преступления, предусмотренные ст. 207.1 УК РФ и 207.2 УК РФ, однако эти составы преступлений мы не можем соотнести со сбытом в силу того, что заведомо ложная информация не обладает материальными признаками, как, например, вредоносная компьютерная программа или порнографический материал.

Распространение вредоносных компьютерных программ, при условии соблюдения некоторых обстоятельств, мы относим к сбыту предмета преступлений, предусмотренных ст. 273 УК РФ и ст. 274.1 УК РФ, так как вредоносная компьютерная программа является схожей по своему выражению объекту авторского права и одновременно предметом преступлений, предусмотренных ст. 273 УК РФ и ст. 274.1 УК РФ, и передача такого рода предмета преступлений сопряжена осознанным приемом/передачей иному лицу вредоносной программы, аналогично следует рассматривать демонстрацию и распространение порнографических материалов или предметов, но по ст. 242 УК РФ. Также отметим, что в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (далее ППВС РФ № 14 от 15.06.2006) определено, что распространение предметов преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК РФ осуществляется посредством сбыта.

Также следует отметить, что сбыт, как признак, раскрывающий содержание объективной стороны указанных выше составов преступлений корреспондирует с иными

элементами составов преступлений, что обуславливает единство состава преступления, как теоретико-прикладной модели.

Сбыт присущ только лишь так называемым «предметным составам преступлений», где при характеристике состава преступления наличествует предмет преступления, таким образом элемент объективной стороны преступления связан с предметом конкретного состава преступления и как следствие с объектом конкретного состава преступления. Виновное лицо при этом сбывая предмет преступления причиняет вред общественным отношениям.

Сбыт предмета преступления, как признак объективной стороны преступления, корреспондирует с таким признаком субъективной стороны преступления как специальная цель. Реализуя специальную цель преступления – сбыт предмета преступления, виновное лицо, воплощает субъективную сторону преступления, обеспечивая ее объективизацию. Специальная цель сбыта определена в ряде статей УК РФ, а именно в ч. 2 ст. 146 УК РФ, ч. 1, ч. 3, ч. 5 ст. 171.1 УК РФ, ст. 186 УК РФ, ст. 187 УК РФ ст. 228.1 УК РФ, ст. 234.1 УК РФ, ст. 238 УК РФ, ст. 238.1 УК РФ, ч. 1 и ч. 3 ст. 327.1 УК РФ, ст. 327.2 УК РФ. В указанных нормах УК РФ виновное лицо может реализовывать объективную сторону состава преступления выполняя альтернативные деяния преследуя при этом конкретную цель, которая выражается в сбыте предмета преступления.

Уголовно-правовое понятие сбыт раскрывается в различных Постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Так Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 апреля 1994 г. № 2 «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг» (далее – ППВС РФ № 2 от 28.04.1994 г.) в п. 5 определяет, что «сбыт поддельных денег или ценных бумаг состоит в использовании их в качестве средства платежа при оплате товаров и услуг, размене, дарении, даче взаймы, продаже и т.п.», то есть исходя из содержания Постановления Пленума можно сделать вывод, что виновное лицо в обязательном порядке должен запустить предмет преступления, предусмотренный ст. 186 УК РФ в легальный оборот под видом подлинных. Далее в этом же пункте определено, что «приобретение заведомо поддельных денег или ценных бумаг в целях их последующего сбыта в качестве подлинных следует квалифицировать по ст. ст. 30 и 186 УК РФ». Отсюда мы опять же можем сделать вывод о том, что сбыт предмета преступления, предусмотренного ст. 186 УК РФ подразумевает поступление последнего в легальный денежный оборот под видом подлинного, то есть преступление, связанное со сбытом предмета преступления, предусмотренного ст. 186 УК РФ должно признаваться оконченным с момента, как уже отмечалось, поступления фальшивых денег либо ценных бумаг в легальный оборот под видом подлинных. Вместе с тем отметим, что в последнее время, в условиях распространения криминальных практик, связанных с использованием платформ «Даркнет» лицам, осуществляющим сбыт поддельных денег и ценных бумаг, предметы преступлений доставляются бесконтактно либо посредством курьера. Исходя из содержания п. 5 ППВС РФ № 2 от 28.04.1994 г. действия лица, предающего сбытчику предмет преступления не образуют сбыта предмета преступления, так как предмет преступления, предусмотренного ст. 186 УК РФ не попадает в легальный оборот. В приведенном примере не причиняется вред объекту преступления, предусмотренного ст. 186 УК РФ. При сбыте предмета преступления, предусмотренного

ст. 186 УК РФ чаще всего, происходит активная коммуникация сбытчика с иными лицами, которым передается предмет преступления.

Однако, в ином постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации разъясняется возможность признания бесконтактного сбыта предмета преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК РФ, а именно в п. 13 ППВС РФ № 14 от 15.06.2006 г., определено, что «передача (сбыт) лицом реализуемых средств, веществ, растений приобретателю может быть осуществлена любыми способами, ..., в том числе путем сообщения о месте их хранения приобретателю, проведения закладки в обусловленном с ним месте». При бесконтактном сбыте предмета преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК РФ отсутствует активная коммуникация сбытчика и потребителя.

Указанный нами ранее тезис о взаимосвязи таких элементов состава преступления как предмет преступления и способа совершения преступления – сбыта предмета преступления обуславливает существование проблемы при квалификации преступления по ст. 228.1 УК РФ, когда речь идет о квалификации сбыта так называемых «лего конструкторов», «наборов сделай сам». Сбыт «набора сделай сам» заключается в том, что наркопотребителю передают химические препараты, реактивы (химические комплекты) из которых наркопотребитель самостоятельно изготавливает наркотическое средство. В состав такого рода «конструкторов» входят как неподконтрольные химические реактивы, так и вещества, включенные в список прекурсоров, оборот которых в Российской Федерации ограничен и в отношении которых устанавливаются меры контроля в соответствии с законодательством Российской Федерации и международными договорами Российской Федерации (список IV) Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации [9], которые, однако, не могут быть признаны прекурсорами в связи с заниженной концентрацией действующего вещества [10], либо недостаточной массой веществ находящихся в «наборе». Приведенный пример свидетельствует, что фактически общественно опасное деяние, связанное с нарушением порядка оборота наркотических веществ совершено, наркопотребитель получил наркотическое средство, а наркосбытчик предоставил наркопотребителю наркотическое средство и получил вознаграждение за него, но при этом отсутствует предмет преступления и как следствие отсутствует сбыт предмета преступления.

Как нам представляется, разъяснения, закреплённые в п. 13 ППВС РФ № 14 от 15.06.2006 г., относительно бесконтактного, дистанционного сбыта наркотических средств могут быть распространены на сбыт таких предметов преступлений, как: оружие и поддельные документы.

Анализ Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» свидетельствует, что характерной особенностью сбыта предмета преступления является безвозвратное отчуждение предмета преступления другому лицу, если речь идет о сбыте предметов преступления, предусмотренного ст. 186 УК РФ, то поступление в легальный оборот. Исключение может составлять сбыт предметов преступлений, предусмотренных ст. 324 УК РФ, ч. 1 ст. 327 УК РФ, при условии, что сбытчик получает предмет преступления на время и обязуется его вернуть изготовителю после его использования.

В условиях повсеместной цифровизации и постковидной реальности все большую популярность приобретают формы, связанные с электронным документооборотом. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2020 г. № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324–327¹ Уголовного кодекса Российской Федерации» определяет, что предметом преступлений, предусмотренных ст. 324–327 УК РФ могут выступать в том числе и электронные документы, что дает нам основание утверждать, что сбыт подобного рода документов может быть осуществлен посредством использования информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и/или мессенджеров, иных средств электронной связи и электронного документооборота.

Определяя сбыт как конструктивный признак вышеуказанных составов преступлений, учитывая неразрывную взаимосвязь элементов состава преступления друг с другом [11, с. 168–171], а также исходя из положений рассмотренных Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, мы пришли к выводу о том, что сбыт предметов преступлений является неотделимым от последующего извлечения правовых, экономических, физических, биохимических, информационных, фармацевтических и иных свойств предмета преступления, который определен конкретной статьей УК РФ, то есть сбыт сопряжен с последующим использованием свойств предмета одной стороной и получением выгоды другой стороной. Извлечение указанных свойств предмета преступления, связанного со сбытом, может быть как желанным и осознанным, так и неосознанным, сбыт может быть как возмездным, так и безвозмездным. Сбыт предмета преступления должен быть безвозвратным, то есть обеспечить потребление свойств предмета преступления в полном его объеме. Отсутствие непосредственного извлечения и/или использования указанных свойств предмета свидетельствует об отсутствии сбыта предмета преступления.

Список литературы:

1. Малинин В.Б., Парфенов А.Ф. Объективная сторона преступления. – СПб: Изд-во Юридического института (Санкт-Петербург), 2004. – С. 198.
2. Деревянская Т.П., Иликбаева Е.С. Новеллы уголовного законодательства об обороте фальсифицированной медицинской продукции в период пандемии // Юрист. – 2021. – № 1. – С. 60–64.
3. Рудик М.В., Юсупов Т.А. Проблемные вопросы противодействия бесконтактному сбыту наркотических средств на территории Республики Крым // Уголовно-правовые и криминологические направления противодействия преступности. Материалы межрегиональной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. – Симферополь, 2021. – С. 231–237.
4. Деревянская Т.П. Уголовная ответственность за незаконное обращение лекарственных средств и медицинских изделий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук // Омская академия МВД РФ. – Омск, 2015. – С. 22.
5. Робак В.А. Незаконный сбыт огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств // Проблемы применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства: сборник материалов международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 118–119.
6. Котлер Ф. Основы маркетинга Краткий курс: пер с англ. - М.: Издательский дом «Вильямс», 2007. – 656 с.
7. Баркан Д.И. Управление сбытом: учеб. пособие. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2014. – 389 с.
8. Сурина А.А., Шевченко С.А. Сбыт как экономическая категория: сущность и содержание // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2021. – № 3–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sbyt-kak-ekonomicheskaya-kategoriya-suschnost-i-soderzhanie> (дата обращения: 17.07.2021);
9. Об утверждении Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 30.06.1998 № 681.

10. Румянцев А.А. О проблеме распространения на территории субъектов Уральского федерального округа наборов свободно реализуемых химических реактивов («конструкторов»), используемых наркопотребителями для изготовления наркотиков // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2014. – № 2 (15). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-probleme-rasprostraneniya-na-territorii-subektov-uralskogo-federalnogo-okruga-naborov-svobodno-realizuemih-himicheskikh-reaktivov> (дата обращения: 16.07.2021).
11. Кашкаров А.А. Взаимосвязь и взаимообусловленность элементов состава преступления // Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – 2020. – С. 168–171.

Kashkarov A. A., Kashkarov A. A. Criminal legal definition of the category of distribution of the subject of crime // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 181-186.

The publication examines the mechanisms of the relationship between the distribution of the subject of crime, as a sign that reveals the way of committing a crime with other elements of the crime, the object of the crime, the subject of the crime and the subjective side of the crime. Based on the analysis of the doctrinal provisions of the domestic theory of criminal law, the norms of the current criminal legislation and current Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in the field of counterfeiting, the circulation of narcotic drugs, their analogues and precursors, the circulation of weapons and document circulation, it has been proved that sale is possible only in subject compositions crimes. Sales can represent both paid and free activities. The sale of the subject of crime is always an active action, the activity can be differentiated depending on the degree of communication between the distributor of the subject of crime and the consumer. A generalizing conclusion is made regarding the content of the category “sale of the subject of crime”. Distribution as a criminal-legal category that characterizes the objective side of the crime also fills with content the subjective side of the crime, namely the special purpose - the sale of the subject of the crime.

Key words: distribution (sale) of the subject of crime, distribution of drugs, distribution of counterfeit money, distribution of weapons, distribution of explosives, sale of forged documents, distribution of counterfeit electronic documents, crime, corpus delicti, method of committing a crime, subjective side of the crime.

Spisok literatury:

1. Malinin V.B., Parfenov A.F. Ob'ektivnaya storona prestupleniya. – SPb: Izd-vo YUridicheskogo instituta (Sankt-Peterburg), 2004. – S. 198.
2. Derevyanskaya T.P., Ilikbaeva E.S. Novelty ugolovnogo zakonodatel'stva ob obrote fal'sificirovannoy medicinskoj produkcii v period pandemii // YUrist. – 2021. – № 1. – S. 60–64.
3. Rudik M.V., YUsupov T.A. Problemye voprosy protivodejstviya beskontaktnomu sbytu narkoticheskikh sredstv na territorii Respubliki Krym // Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie napravleniya protivodejstviya prestupnosti. Materialy mezhr regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii professorsko-prepodavatel'skogo sostava, aspirantov i studentov. – Simferopol', 2021. – S. 231–237.
4. Derevyanskaya T.P. Ugolovnaya otvetstvennost' za nezakonnoe obrashchenie lekarstvennyh sredstv i medicinskih izdelij: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk // Omskaya akademiya MVD RF. – Omsk, 2015. – S. 22.
5. Robak V.A. Nezakonnnyj sbyt ognestrel'nogo oruzhiya, boepripasov, vzyvchatyh veshchestv i vzyvnyh ustrojstv // Problemy primeneniya ugolovnogo i ugolovno-processual'nogo zakonodatel'stva: sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – 2018. – S. 118–119.
6. Kotler F. Osnovy marketinga Kratkij kurs: per s angl. - M.: Izdatel'skij dom «Vil'yame», 2007. – 656 s.
7. Barkan D.I. Upravlenie sbytom: ucheb. posobie. – SPb.: Izd-vo S.-Peterburgskogo universiteta, 2014. – 389 s.
8. Surina A.A., Shevchenko S.A. Sbyt kak ekonomicheskaya kategoriya: sushchnost' i sodержание // Ekonomika i biznes: teoriya i praktika. – 2021. – № 3–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sbyt-kak-ekonomicheskaya-kategoriya-suschnost-i-soderzhanie> (data obrashcheniya: 17.07.2021);
9. Ob utverzhenii Perechnya narkoticheskikh sredstv, psihotropnyh veshchestv i ih prekursorov, podlezhashchih kontrolyu v Rossijskoj Federacii: postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 30.06.1998 № 681.
10. Rumyanцев А.А. О проблеме распространения на территории субъектов Уральского федерального округа наборов свободно реализуемых химических реактивов («конструкторов»), используемых наркопотребителями для изготовления наркотиков // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2014. – № 2 (15). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-probleme-rasprostraneniya-na-territorii-subektov-uralskogo-federalnogo-okruga-naborov-svobodno-realizuemih-himicheskikh-reaktivov> (дата обращения: 16.07.2021).
11. Kashkarov A.A. Vzaimosvyaz' i vzaimoobuslovlennost' elementov sostava prestupleniya // Obespechenie obshchestvennoj bezopasnosti i protivodejstvie prestupnosti: zadachi, problemy i perspektivy: materialy Vse-rossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – 2020. – S. 168–171.

УДК 343

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(1)- 187-191

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПНЫХ ГРУПП, СОВЕРШАЮЩИХ КРАЖИ В КУРОРТНЫХ РЕГИОНАХ

Кузнецов А. В.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье рассматриваются вопросы, связанные с общей характеристикой преступных групп, совершающих кражи в курортных регионах. Проведен анализ статистических данных о состоянии преступности в Российской Федерации и Республике Крым за 2020 год. Изучена научная литература и приведено мнение ученых-криминалистов по исследуемой проблематике. Кражи из квартир и карманные кражи определены как типичные преступления, совершаемых преступными группами в курортном регионе. Выделена характерная для курортного региона особенность, связанная с местом жительства преступника. Отмечено, что преступления могут совершаться местными жителями или лицами, постоянно не проживающими в курортном регионе, но специально прибывшими в регион с целью совершения преступлений. Определены общие черты рассматриваемых преступных групп. Рассмотрено поведение подозреваемых лиц при задержании, способы их противодействия следствию. Выделены две разновидности преступных групп: слабо организованные и высоко организованные. Описаны свойства личности преступников, совершающих карманные кражи. Определена роль организатора при создании преступной группы с целью совершения карманных краж. Даны рекомендации и выделены обстоятельства, позволяющие сделать предположение о причастности проверяемого лица к преступной группе.

Ключевые слова: организованная преступная группа, квартирная кража, карманная кража, курортный регион, противодействие следствию, разновидности преступных групп, организатор преступной группы.

Согласно сведений МВД России, в 2020 г. организованными группами или преступными сообществами совершено 17,0 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений, причем их удельный вес в общем числе расследованных преступлений этих категорий вырос с 7,4% в 2019 г. до 7,8% в 2020 г. Иностранцами гражданами и лицами без гражданства на территории Российской Федерации совершено 34,4 тыс. преступлений, в том числе гражданами государств-участников СНГ – 30,8 тыс. преступлений, их удельный вес составил 89,6%. Больше половины всех зарегистрированных преступлений (55,3%) составляют хищения чужого имущества, совершенные путем: кражи – 751,2 тыс., мошенничества – 335,6 тыс., грабежа – 38,4 тыс., разбоя – 5,3 тыс. Почти каждая пятая кража (18,3%) была сопряжена с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище. Каждое пятьдесят восьмое (1,7%) зарегистрированное преступление – квартирная кража [1].

Для курортных регионов характерна особенность, связанная с местом жительства преступника. Преступления могут совершаться как местными жителями, так и лицами, постоянно не проживающими в курортном регионе.

В Республике Крым из общего числа оконченных в 2020 году преступлений 7,5% совершено в группе. В январе-декабре 2020 года иностранцами гражданами и лицами без гражданства совершено 1015 преступлений (по расследованным), из них 969 – гражданами государств – участников СНГ [2].

Зачастую серийные имущественные преступления в курортный сезон совершаются лицами, специально прибывшими в регион с целью совершения преступлений (так называемые «гастролеры»). Типичные «гастролеры» – это лица, совершающие квартирные или карманные кражи.

При задержании члены организованных преступных групп часто отрицают длительное знакомство друг с другом и факт совместного осуществления преступной деятельности. Как отмечает В.А. Жердев, «сопоставление некоторых обстоятельств конкретного преступления, таких как сложность подготовительных и четкость исполнения индивидуальных преступных приемов, строгая ролевая дифференциация действий виновных лиц в условиях скорости преступного события опровергает утверждения и превращает версию о длительном групповом «гастролировании» в достоверный вывод» [3].

Чаще всего члены организованных преступных групп «гастролеров» заранее выбирают тактику поведения в случае задержания сотрудниками правоохранительных органов. Заранее оговоренная легенда позволяет таким преступникам давать показания, в общих чертах, совпадающих с показаниями других задержанных членов группы.

Преодоление противодействия следствию должно основываться на наличии неопровержимых доказательств причастности членов данной группы к совершенным ими преступлениям. Часты случаи, когда задержанное лицо, выгораживая иных членов преступной группы, заявляет о совершении преступления самостоятельно, в одиночку. В ходе следствия такими лицами часто совершаются действия, направленные на создание препятствий объективному расследованию: отказ от показаний, жалобы на действия сотрудников, осуществлявших раскрытие и расследование преступления.

При задержании преступных групп «гастролеров» необходимо проверять их членов на причастность к совершению нераскрытых преступлений, совершенных в регионе, сходных по способу совершения.

Иногда преступникам из других регионов оказывают содействие местные жители, которые предоставляют информацию об объектах преступного посягательства, предоставляет транспорт, жилье, оказывает помощь в сбыте похищенного имущества, то есть выступает в роли пособника. Выявление таких преступных связей также должно осуществляться в ходе проверки задержанных лиц на причастность к совершению преступлений.

В курортных регионах местное население смешано с приезжими, туристами. Поэтому даже в небольших курортных поселках, где в курортный сезон отдыхает большое количество туристов, преступникам «гастролерам» удается не привлекать к себе внимание местных жителей.

Рассматриваемые преступные группы, как правило, не задерживаются длительно в одном населенном пункте, и с целью подыскания объектов совершения преступлений перемещаются по различным населенным пунктам всего курортного региона.

Исследованию серийных групповых краж, совершенных с незаконным проникновением в помещение (хранилище) посвящена работа В.А. Гавловского, который выделяет две разновидности преступных групп: слабо организованные и высоко организованные. «Слабо организованные группы (34,8 %), как правило, складываются на основе общего времяпрепровождения или совместной работы.

Они имеют организованную сферу преступной деятельности. Например, совершают серию краж из киосков, ларьков, небольших магазинов. Высоко организованные группы преступников (65,2 %) нередко возглавляются ранее судимыми лицами за аналогичные преступления, имеют устойчивые связи и стабильно совершают не только серийные кражи из помещений, (хранилищ), но и кражи из квартир, автотранспорта и другие корыстно-насильственные преступления» [4]. В слабо организованных группах обычно отсутствуют строгие иерархические связи. Для них характерен непродолжительный период преступной деятельности. Для высоко организованных групп, наоборот, характерны крепкие связи, четкая иерархия, дисциплинированность участников, распределение обязанностей. Период преступной деятельности в таких группах – длительный.

Криминологическому исследованию карманных краж посвящена работа А.А. Тайбакова, который отмечал: «Большинство участников карманных краж являются профессиональными преступниками» [5]. Лица, совершающие карманные кражи, владеют навыками совершения такого рода преступлений, способ совершения отработан до автоматизма. Такие кражи являются основным, а зачастую и единственным, источником средств для жизни. Приемы и методы совершения карманных краж можно отнести к своего рода профессиональным «хитростям» криминального мира. Преступники не привлекают к себе излишнего внимания, стараются «слиться» с окружающими, но зачастую выдают себя в процессе общения, используя соответствующие жаргонные выражения или невольно демонстрируя криминальные татуировки. Карманные воров обучают навыкам совершения такого рода краж подрастающее поколение преступников. Карманные кражи чаще совершаются не под воздействием спонтанно возникшего порыва, а в результате подготовительных действий в виде планирования, выбора места, тренировки. Заранее выработанный преступником алгоритм действий позволяет ему покинуть незамеченным место совершения преступления, избавиться от вещественных доказательств, сокрыть или сбыть похищенное имущество. Поддерживать на достаточном уровне навыки совершения карманных краж позволяют регулярные тренировочные действия. Карманники, как правило, не совершают кражи иными способами. При выборе жертвы такие преступники стараются идентифицировать сотрудников полиции в гражданской одежде, чтобы не быть задержанными с поличным.

Анализ судебно-следственной практики показывает, что преступники, совершающие карманные кражи, так называемые «карманники», действуют как в одиночку, так и в составе групп из двух или трех человек.

Как отмечают А.В. Богданов, И.А. Завьялов, Е.Н. Хазов, «встречаются так называемые воровские «бригады», объединяющие до 6 преступников. Наиболее устойчивые группы – это те, члены которых связаны родственными узами (брат с сестрой, жена с мужем, мать с дочерью, цыгане, глухонемые и т.п.). Особенно это ярко выражено у лиц цыганской национальности, которые, как показывает практика, иногда воруют целыми семьями» [6].

В случае создания устойчивой преступной группы для совершения карманных краж лицом, которое ранее было судимо за совершение аналогичных преступлений, как правило, привлекаются к участию лица морально не устойчивые, поддающиеся преступному влиянию: несовершеннолетние, из неблагополучных семей, лица с

психическими отклонениями. Организатор в таких группах не принимает активного участия в непосредственном исполнении кражи, а занимается вопросами выбора места, времени совершения преступления, жертвы, места хранения и каналов сбыта похищенного, распределением ролей между членами группы.

Таким образом, в случае выявления лиц, подозреваемых в совершении преступлений, можно рекомендовать акцентировать внимание на следующих обстоятельствах, позволяющих сделать предположение о причастности данных лиц к группе «гастролеров»:

1) отказ предъявить удостоверяющие личность документы или документы на автомобиль, на котором передвигаются;

2) попытки избежать проверки документов или досмотра транспортного средства (от попыток дачи взятки до оказания вооруженного сопротивления);

3) отсутствие документов, удостоверяющих личность;

4) регистрация постоянного места жительства в ином регионе;

5) выявление у задержанных документов, им не принадлежащих, или поддельных документов;

6) несоответствие внешнего вида и обстоятельств задержания лица его объяснению цели прибытия в курортный регион;

7) выявление у проверяемого лица предметов, происхождение которых вызывает сомнение (например, большого количества мобильных телефонов, другой цифровой техники).

8) выявление у проверяемого лица предметов, инструментов и приспособлений, которые могли быть использованы для совершения преступлений. Такими предметами могут быть, например, набор отмычек, перчатки (в летнее время их наличие сразу же вызывает подозрения), приспособление для разрезания сумок, используемое «карманниками» и т.д.

При наличии подобных признаков необходимо провести проверку на предмет причастности к нераскрытым преступлениям, организовать проверку по имеющимся учетам, осуществить проверку алиби подозреваемых.

Список литературы:

1. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2020 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации. ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 01.06.2021).
2. Информационно-аналитическая справка о состоянии преступности и основных результатах оперативно-служебной деятельности МВД по Республике Крым в январе-декабре 2020 года // Министерство внутренних дел по Республике Крым. URL: https://82.мвд.рф/Dejatelnost/Rezultati_dejatelnosti/2020/январь-декабрь-2020-год (дата обращения: 01.06.2021).
3. Жердев В.А. Криминалистическая характеристика краж, грабежей и разбойных нападений: методика расследования и методы раскрытия групповых преступлений: дис. ... канд. юр. наук. Саратов, 2001. – С. 109.
4. Гавловский В.А. Первоначальный этап расследования серийных групповых краж, совершенных с незаконным проникновением в помещение (хранилище): дис. ... канд. юр. наук. Краснодар, 2007. – С. 33.
5. Тайбаков А.А. Криминологическое исследование карманных краж и их предупреждение органами внутренних дел: дис. ... канд. юр. наук. М., 1991. – С. 175.
6. Богданов А.В., Завьялов И.А., Хазов Е.Н. Карманные кражи в России (современное состояние, тенденции и перспективы противодействия) // Вестник Московского университета МВД России. – № 10 / 2013. – С. 39.

Kuznetsov A.V. General characteristics of criminal groups that commit theft in resort regions // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 3. – P. 187-191.

The article deals with issues related to the general characteristics of criminal groups that commit theft in resort regions. The analysis of statistical data on the state of crime in the Russian Federation and the Republic of Crimea for 2020 is carried out. The scientific literature is studied and the opinion of forensic scientists on the studied problems is given. Apartment thefts and pickpocketing are identified as typical crimes committed by criminal groups in the resort region. A characteristic feature of the resort region associated with the place of residence of the criminal is highlighted. It is noted that crimes can be committed by local residents or persons who do not permanently reside in the resort region, but who have specially arrived in the region for the purpose of committing crimes. The general features of the criminal groups under consideration are determined. The article considers the behavior of suspects during detention, the ways of their counteraction to the investigation. There are two types of criminal groups: poorly organized and highly organized. The characteristics of the identity of criminals who commit pickpocketing are described. The role of the organizer in the creation of a criminal group for the purpose of committing pickpocketing is determined. Recommendations are given and the circumstances that allow us to make an assumption about the involvement of the person being checked in a criminal group are highlighted.

Keywords: organized criminal group, apartment theft, pickpocketing, resort region, counteraction to the investigation, types of criminal groups, organizer of a criminal group.

Spisok literaturey:

1. Sostoyaniye prestupnosti v Rossii za yanvar' – dekabr' 2020 goda // Ministerstvo vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii. FKU «Glavnyy informatsionno-analiticheskiy tsentr». URL: <https://mvd.rf/folder/101762> (data obrashcheniya: 01.06.2021).
2. Informatsionno-analiticheskaya spravka o sostoyanii prestupnosti i osnovnykh rezul'tatakh operativno-služebnoy deyatel'nosti MVD po Respublike Krym v yanvare-dekatre 2020 goda // Ministerstvo vnutrennikh del po Respublike Krym. URL: https://82.mvd.rf/Dejatelnost/Rezultati_dejatelnosti/2020/yanvar'-dekabr'-2020-god (data obrashcheniya: 01.06.2021).
3. Zherdev V.A. Kriminalisticheskaya kharakteristika krazh, grabezhey i razboynykh napadeniy: metodika rassledovaniya i metody raskrytiya gruppovykh prestupleniy: dis. ...kand. yur. nauk. Saratov, 2001. – S.109.
4. Gavlovskiy V.A. Pervonachal'nyy etap rassledovaniya seriynykh gruppovykh krazh, sovershennykh s nezakonnym proniknoveniyem v pomeshcheniye (khranilishche): dis. ... kand. yur. nauk. Krasnodar, 2007. – S.33.
5. Taybakov A.A. Kriminologicheskoye issledovaniye karmannykh krazh i ikh preduprezhdeniye organami vnutrennikh del: dis. ...kand. yur. nauk. M., 1991. – S.175.
6. Bogdanov A.V., Zav'yalov I.A., Khazov Ye.N. Karmannye krazhi v Rossii (sovremennoye sostoyaniye, tendentsii i perspektivy protivodeystviya) // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii № 10 / 2013. – S.39.

УДК 34.01

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(1)- 192-200

СВЯЗЬ ПРЕСТУПНОСТИ С ИНФЛЯЦИЕЙ, БЕЗРАБОТИЦЕЙ, СТАВКОЙ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКИМ РОСТОМ

Ольков С. Г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Цель статьи: показать связь преступности с фундаментальными макроэкономическими явлениями – инфляцией, безработицей, ставкой налогообложения и экономическим ростом.

Научные методы: методы математического анализа, теории вероятностей и математической статистики, в частности, интегральное и дифференциальное исчисление, корреляционный и регрессионный анализ, методы формальной логики.

Научные результаты, полученные автором: 1) установлен закон вида: $C = \frac{1}{6}(u^2(3a - 2bu)) + A$, связывающий уровень преступности с уровнем безработицы при меняющемся уровне инфляции (инфляция учитывается, как входящая в формулу, связывающую безработицу и инфляцию); 2) показана связь между уровнем отдельных видов притуплений и ставкой налогообложения (связь с кривой Лаффера); 3) показана связь преступности с законом Оукена, когда уменьшается, как ВВП, так и растет уровень безработицы; 4) показана связь преступности с изломами кривой потребления в модели экономического роста Роберта Солоу, когда осуществляются переходы к устойчивому уровню капиталовооруженности единицы труда по золотому правилу.

Научная новизна: заключается во вновь полученных научных результатах. Практическая значимость заключается в возможности использования полученных научных результатов в развитии макроэкономической, микроэкономической теории и криминологии.

Ключевые слова: преступность, макроэкономика, криминология, экономический рост, инфляция, безработица, налогообложение, кривая Лаффера, кривая Филлипса, закон Оукена, модель экономического роста Солоу.

Преступность – это рынок товаров преступлений, которые специфицируются в уголовных кодексах различных государств, в частности, в России исчерпывающий перечень всех товаров преступлений сведен в особенную часть Уголовного кодекса Российской Федерации, в Индии – в *Indian Penal Code* и так далее.

Закон спроса на товары преступления является нормальным [1, с. 128-142], а предложение нетипично, поскольку приобретает товар преступление именно тот, кто его и покупает [2, с. 377-387].

Общий закон спроса на товары преступления, установленный мной в 2019 г. [3, с. 264-276], показывает, что спрос на товары преступления связан положительной зависимостью с общественным напряжением, поскольку всякий индивид стремится к удовлетворению своих многочисленных потребностей в соответствии со своими функциями полезности: $C = \frac{U}{P}$, где U – уровень общественного или личного напряжения, как разность потенциалов желаемого и действительного, между тем, что у индивида (или агрегировано – у общества) есть и тем, что ему надо. Если при этом в краткосрочной перспективе принять цены товаров преступлений (P) в качестве постоянных величин (изменения в санкции статей Особенной части УК РФ вносятся довольно медленно), то спрос на товары преступления является линейной, монотонно возрастающей функцией на плоскости UOC с коэффициентом пропорци-

ональности: $\frac{1}{P}$, что в окончательном виде можно записать: $C = \frac{1}{P}U$, и это уже выводит нас на «финишную прямую» относительно связи преступности с функцией потребления товаров и услуг на товарных рынках, поскольку, если мне не изменяет память, все потребности удовлетворяются потреблением товаров и услуг.

Очевидно, что снижение уровня потребления на обычных рынках товаров и услуг будет компенсироваться через потребление инвэйдерных товаров, к которым относятся и все виды товаров преступлений. На «этой весёлой ноте» можно показать, как динамика преступности будет связана с фундаментальными макроэкономическими процессами – инфляцией, безработицей, ставкой налогообложения, изломами экономического роста и законом Оукена.

Начнём с инфляции и безработицы. Очевидно, инфляция и безработица ухудшают качественно и количественно уровень потребления физических лиц (или, что примерно то же самое – уровень удовлетворения потребностей физических лиц), а, следовательно, положительно коррелируют со спросом на инвэйдерные товары, усиливают этот спрос. Инфляция приводит к тому, что реальная покупательная способность денег снижается, а это ведёт к уменьшению способности большого количества индивидов удовлетворять свои многочисленные потребности, зачастую, и потребности первой необходимости.

Что касается безработицы, понимая её в самом широком смысле в виде отсутствия у безработного реальной заработной платы, что приводит физических лиц в состояние «отсутствие постоянного источника дохода», то здесь очевидно отсутствие у индивидов возможности легальным путем удовлетворять свои многочисленные потребности, если у этих лиц нет достаточного наследства или других индивидов, оказывающих им достаточную материальную поддержку. Совершенно не случайно в России основной контингент среди выявленных лиц, совершивших преступления, составляют лица без постоянного источника дохода [4, с. 94-103].

Таким образом, нет никаких сомнений, что, как инфляция, так и безработица, должны положительно коррелировать с уровнем преступности при прочих равных условиях, однако между инфляцией и безработицей существует обратная зависимость. То есть с ростом безработицы инфляция, вообще говоря, снижается, а с уменьшением безработицы инфляция увеличивается, что было доказано британским экономистом А.В. Филлипсом в 1958 г., в честь которого Полом Самуэльсоном и Робертом Солоу соответствующая кривая, связывающая безработицу и инфляцию, была названа кривой Филлипса. Следовательно, уровень преступности будет зависеть от уровня безработицы и инфляции, как смеси двух этих факторов.

Простоты ради, аппроксимируем связь между безработицей и инфляцией простым линейным уравнением: $\pi = a - bu$ (№1), где π уровень инфляции в удобных единицах измерения, u – уровень безработицы (человек), a , b – параметры, a – свободный член, показывающий величину инфляции при нулевом уровне безработицы; b – коэффициент пропорциональности, показывающий, насколько в абсолютном выражении изменяется, например, растет инфляция при изменении уровня безработицы на 1 человека; $b < 0$.

Теперь, учитывая формулу №1, можно записать дифференциальное уравнение, связывающее изменения уровня преступности в зависимости от изменения, как

уровня инфляции, так и уровня безработицы: $\frac{dC}{du} = \pi u$ (№2). Поскольку, как было показано выше, преступность связана положительной зависимостью, как с безработицей, так и инфляцией эту связь можно выразить через произведение безработицы и инфляции, что и сделано в уравнении №2.

Перепишем уравнение №2 с учетом уравнения №1: $\frac{dC}{du} = (a - bu)u$, и приступим к его решению, разделяя переменные, ибо имеем дело с дифференциальным уравнением первого порядка с разделяющимися переменными.

$$\frac{dC}{du} = au - bu^2$$

$dC = (au - bu^2)du$ (здесь мы просто домножили левую и правую части уравнения на du), что позволило разделить переменные.

Осталось проинтегрировать (взять неопределенный интеграл) левую и правую части уравнения, чтобы получить общее решение данного дифференциального уравнения:

$$\int dC = a \int u du - b \int u^2 du,$$

$$C = \frac{au^2}{2} - \frac{bu^3}{3} + A, \text{ где } A - \text{ произвольная постоянная интегрирования.}$$

Последнее выражение можно упростить, приведя дроби к общему знаменателю:

$$C = \frac{3au^2 - 2bu^3}{6} + A = \frac{1}{6}(3au^2 - 2bu^3) + A \quad \text{и} \quad \text{окончательно} \quad \text{получим:}$$

$$C = \frac{1}{6}(u^2(3a - 2bu)) + A \quad (\text{№3}) - \text{ это и есть общее решение дифференциального}$$

уравнения №2. То есть мы получили семейство интегральных кривых, описывающих поведение преступности в зависимости от смеси уровня инфляции и уровня безработицы. Задав начальные условия можем получить единственную кубическую кривую, связывающую уровень преступности с уровнем безработицы при данном уровне инфляции.

Объяснение преступного поведения через закон Лаффера.

Закон Лаффера так назван в честь американского экономиста Артура Лаффера. Он устанавливает квадратичную связь между ставкой налогообложения и суммой налоговых поступлений в бюджет. В общем виде уравнение Лаффера выглядит так: $y = ax^2 - bx + c$, где $a < 0$; $b < 0$, $c \geq 0$.

Мы видим, что с ростом ставки налогообложения поступления в бюджет растут, но с убывающей скоростью до точки максимума функции, то есть растут с замедлением. В точке, где производная функции равна нулю (точка максимума в данном случае) налоговые поступления максимальны, а далее наращивание ставки налогообложения приводит к снижению налоговых поступлений, что объясняется нежеланием плательщиков налога полноценно уплачивать налоги по установленной ставке. Естественно предположить, что в данном случае имеет место и уклонение плательщиков налога от полноценной их уплаты, то есть сокрытие части налогов от уплаты, а это уже приобретение инвэйдерных товаров, включая товары преступления. Например, УК РФ ст. 198. Уклонение физического лица от уплаты налогов, сборов и (или) физического лица - плательщика страховых взносов от уплаты страховых взносов. Так же здесь возможны разнообразные способы мошеннических действий, нацеленных на «оптимизацию» уплаты налогов. Вспомним при этом, что «Великий

Аль» (Альфóнсе Габриэль Капоне) был отправлен за решетку как раз за нарушение налогового законодательства в США¹.

Объяснение преступного поведения через закон Оукена.

Закон Оукена назван в честь его автора – Артура Оукена (A.Ouken), экономического советника Президента США, который в 60-е годы XX века установил отрицательную зависимость между разрывом ВВП и абсолютным приростом циклической безработицы по эмпирическим данным: $\frac{y-y^*}{y^*} = -\beta(u-u^*)$, где u – фактический уровень безработицы; u^* – естественный уровень безработицы; y^* – объём производства при полной занятости; y – фактический объём производства; β – эмпирический коэффициент ($\beta < 0$), показывающий на какую величину снижается валовой внутренний продукт при изменении на единицу измерения (1 человек) разности между фактическим и естественным уровнем безработицы.

О чём говорит закон Оукена? – О том, что с ростом безработицы снижается уровень ВВП. ВВП – это показатель уровня благосостояния общества, и от него зависит уровень потребления товаров и услуг. Чем меньше ВВП, тем меньше при прочих равных условиях потребление нормальных товаров и услуг, то есть уменьшается уровень удовлетворения общественных потребностей. С другой стороны, снижение ВВП обусловлено снижением занятости населения, увеличением уровня реальной безработицы, когда растёт число лиц, теряющих законный постоянный источник дохода. То есть налицо рост общественного напряжения, а спрос на инвэйдерные товары, как мы выяснили, прямо пропорционален росту общественного напряжения. Если в краткосрочной перспективе принять в формуле спроса на товары преступления цены на эти товары в качестве константы, то можно записать: $C = \frac{1}{P}U$, где C – количество, совершаемых преступлений в штуках, U общественное напряжение – разность между желаемым и действительным, P – цены на товары преступления в годах лишения свободы.

Связь преступности и экономического роста с кратким разбором теории экономического роста Солоу. Первым и наиболее серьёзным исследованием экономического роста была модель экономического роста, предложенная в 50-е годы XX столетия, американским экономистом Робертом Солоу, за которую в последствии (1987 г.) он был справедливо удостоен премии Шведского национального банка по экономическим наукам памяти Альфреда Нобеля. Данная экономико-математическая модель в базе связывает три переменных – выпуск, труд и капитал, а затем вводятся дополнительные переменные – рост народонаселения и технологический прогресс. Важным понятием данной теории является «золотое правило» — это уровень накопления капитала, обеспечивающий устойчивое состояние с наивысшим уровнем потребления (точнее говоря, мы здесь осуществляем выбор нормы сбережений, при которой достигается устойчивая капиталовооружённость единицы труда при максимальном потреблении, приходящемся на одного работника, что будет показано далее).

¹ В июле 1931 г. Капоне предстал перед Федеральным судом и в мае 1932 года был приговорён к 11 годам тюремного заключения в исправительном заведении Атланты за неуплату налогов в размере 388 тысяч долларов.

Политикам желательно обеспечить именно такой уровень накопления капитала, при котором достигается наивысшее потребление. Так вот, если экономика начинает развиваться с меньшей капиталовооружённостью, чем при устойчивом состоянии по золотому правилу, то приходится увеличивать норму сбережений, дабы достичь точки, соответствующей золотому правилу. При этом происходит **немедленное падение потребления** и увеличение инвестиций. Рост инвестиций через какое-то время приводит к росту капиталовооружённости, росту выпуска и росту потребления, но это происходит через определенное время, а сначала мы видим существенное падение потребления, а это фактор роста общественного напряжения, а, следовательно, и роста преступности.

Если экономика стартует с запасом капитала большим, чем она могла бы иметь по золотому правилу, то потребление увеличивается, и это не способствует росту преступности при прочих равных условиях, однако, поскольку инвестиции начинают снижаться, то снижается и выпуск, падает потребление, что также способствует росту преступности в долгосрочной перспективе.

Ниже раскрыты основные детали математической модели Роберта Солоу, полезные для понимания её связи с криминологическими процессами.

Предложение и производственная функция. В модели Солоу предложение товаров описывается с помощью производственной функции: $Y = f(K, L)$, где Y – выпуск продукции, K – капитал, L – труд; при этом производственная функция обладает постоянной отдачей от масштаба, что означает следующее: если труд и капитал умножить на величину q , то и выпуск увеличится на величину q .

Упрощая модель, Солоу приводит все переменные на количество работников, то есть умножает все переменные модели на $q = \frac{1}{L}$, получая в итоге $\frac{Y}{L} = f\left(\frac{K}{L}, 1\right)$. Таким образом, объём производства приводится на одного среднестатистического работника, и ставится в зависимость от объёма капитала, также приведённого на одного среднестатистического работника, поэтому уравнение можно переписать: $y = f(k)$, где $y = \frac{Y}{L}$ и $k = \frac{K}{L}$.

Тангенс угла наклона кривой $y = f(k)$ является собой предельный (маржинальный) продукт капитала MPK , поскольку показывает, насколько увеличивается выпуск на одного работника при увеличении капиталовооружённости единицы труда на единицу капитала. Принято, что такая производственная функция характеризуется пониженной производительностью капитала, то есть производная этой функции равная MPK уменьшается по мере увеличения капиталовооружённости труда.

Далее Солоу показывает, что продукция, произведенная одним среднестатистическим рабочим, делится на две части: 1) потребление на одного среднестатистического работника; 2) инвестиции в расчете на одного среднестатистического работника: $y = c + i$. По сути, последнее уравнение – это усеченное уравнение тождества национальных счетов, в котором отсутствуют государственные закупки и присутствуют приведенные на одного работника переменные выпуска, потребление и инвестиции.

Функция потребления здесь: $c = (1 - s)y$, где s – норма сбережения ($0 \leq s \leq 1$). То есть потребление здесь пропорционально доходу (y), а коэффициент пропорциональности равен $(1 - s)$. То есть, если игрек меняется на единицу, то потребление меняется на величину равную $(1 - s)$.

Далее берем уравнение $y = c + i$ и подставляем сюда вместо потребления (c) выражение $(1 - s)y$, получая в итоге: $y = (1 - s)y + i$, откуда удобно выразить переменную инвестиций: $i = sy$, поскольку мы выполнили следующие преобразования: 1) $y = y - sy + i$; 2) $y - y = -sy + i$; 3) $i = sy$.

В модели Солоу имеются две основные составляющие, во-первых, производственная функция; во-вторых, функция потребления. Они дают возможность понять, как накопление капитала стимулирует экономический рост, поскольку запасы капитала меняются в зависимости, во-первых, от инвестиций, увеличение которых приводит к росту капитала; во-вторых, износа капитала (амортизация), ведущего к уменьшению капитала.

Для удобства заменим в функции $i = sy$ игрек на производственную функцию $f(k)$, получив в итоге: $i = sf(k)$. Ясно, что с ростом капиталовооруженности единицы труда, растет объём производства и инвестиции, а для учета в модели амортизации используется какая-то константа ежегодного выбытия капитала, которую обозначим буквой δ .

Поскольку изменение количества капитала есть разница между инвестициями и амортизацией, постольку можем записать: $\Delta k = i - \delta k$, где Δk – это изменение запаса капитала в расчете на одного работника в год. С учетом того, что в равновесном состоянии инвестиции равны сбережениям, можно записать: $\Delta k = sf(k) - \delta k$.

Солоу показывает, что существует единственный уровень капиталовооруженности, где инвестиции равняются величине изнашивания капитала. Если этот уровень достигнут, то данное равновесное состояние будет устойчивым (не будет изменяться) во времени, так как действующие на него силы (инвестиции и выбытие) сбалансированы. На графике это выглядит как пересечение восходящей прямой δk с тангенсом угла наклона δ и кривой $sf(k)$.

Рассмотрим, как это работает на числовом примере, взяв в качестве производственной функции функцию Кобба-Дугласа: $Y = K^{0,5}L^{0,5}$.

Получим из функции $Y = K^{0,5}L^{0,5}$ функцию, приведенную на одного работника. Поскольку $y = \frac{Y}{L}$, постольку можем переписать: $y = \frac{K^{0,5}L^{0,5}}{L}$, откуда $y = \left(\frac{K}{L}\right)^{0,5} = \sqrt{\frac{K}{L}}$, но, поскольку $k = \frac{K}{L}$, постольку пишем: $y = k^{\frac{1}{2}} = \sqrt{k}$. В учебных целях положим, что $s=0,2$, а $\delta = 0,1$.

Вспоминаем, что изменение капитала: $\Delta k = sf(k) - \delta k$, и в устойчивом состоянии $\Delta k = 0$. Следовательно, можем записать для устойчивого состояния: $sf(k) - \delta k = 0$. Далее просто преобразуем уравнение: 1) $sf(k) = \delta k$; 2) $\frac{k}{f(k)} = \frac{s}{\delta}$, откуда легко найти устойчивый уровень капитала: $k = \frac{s}{\delta} \cdot f(k)$.

Для нашего примера устойчивый уровень капиталовооруженности: $\frac{k}{\sqrt{k}} = \frac{0,2}{0,1}$. Следовательно, 1) $\frac{k^1}{k^{0,5}} = \frac{0,2}{0,1} = 0,2 \cdot 10 = 2$; 2) $k^{1-0,5} = \sqrt{k} = 2$; 3) $k = 2^2 = 4$. Таким образом, устойчивая капиталовооруженность на одного работника составляет 4 единицы капитала. Она не будет меняться или, строго говоря, будет стремиться к состоянию устойчивого равновесия.

Золотое правило Солоу получается в результате сравнения возможных устойчивых состояний капиталовооруженности одного среднестатистического работника.

Покажем это на примере. Пусть по-прежнему $y = \sqrt{k}$, и нам нужно выбрать норму сбережения, соответствующую золотому правилу. Снова обращаемся к формуле $\frac{k}{f(k)} = \frac{s}{\delta}$. Пусть норма выбытия равна 0,15: $\frac{k}{\sqrt{k}} = \frac{s}{0,15}$. То есть норма сбережений (s) теперь взята переменной величиной. Решаем для нахождения устойчивого уровня капиталовооруженности: 1) $\left(\frac{k}{\sqrt{k}}\right)^2 = \left(\frac{s}{0,15}\right)^2$ (просто возвели в квадрат обе части уравнения); 2) $k = 12^2 \cdot s^2$; 3) $k = 144s^2$. Имея последнюю формулу, можно вычислить устойчивое состояние капиталовооруженности для любой нормы сбережений, но нас интересует норма сбережений для капиталовооруженности, соответствующей золотому правилу.

Теперь можем составить таблицу, и осуществить перебор устойчивых состояний, чтобы найти то, в котором уровень потребления является максимальным.

Сравнение устойчивых состояний						
Условия: $y = \sqrt{k}$; $\delta = 0,12$; $k = 144s^2$; $MPK = \frac{\alpha y}{k} = \frac{0,5y}{k}$; $c = y - \delta k$						
s	k	y	δk	c	MPK	$MPK - \delta$
0	0	0	0	0	∞	∞
0,1	1,44	1,2	0,17	1,03	0,42	0,3
0,2	5,76	2,4	0,69	1,71	0,21	0,09
0,3	12,96	3,5	1,56	1,94	0,14	0,02
0,4	23,04	4,8	2,76	2,04	0,1	-0,02
0,5	36	6	4,32	1,68	0,08	-0,04
0,6	51,84	7,2	6,2	1	0,07	-0,05
0,7	71	8,4	8,52	-0,12	0,06	-0,06
0,8	92	9,6	11	-1,4	0,05	-0,07
0,9	117	10,8	14	-3,2	0,05	-0,07
1	144	12	17,28	-5,28	0,04	-0,08

Из таблицы видно, что устойчивый уровень капиталовооруженности, обеспечивающий максимальное потребление равен 23 единицам капитала на одного работника. При этом уровне достигается максимальное потребление равное 2,04 на одного работника. Следовательно, норма сбережения, соответствующая золотому правилу, для нашего примера равна 0,4.

С позиции криминологической теории нас как раз и интересуют переходы к золотой точке, связанные с падением уровня потребления народонаселения, а также состояния экономической среды в данном государстве, в которых может быть и от-

рицательный экономический рост, повышение уровня бедности, и степени неравенства в распределении доходов народонаселения [5, С. 73-78].

Согласно модели Солоу, стремление государства (политиков) к обеспечению устойчивого уровня капиталовооружённости по золотому правилу с максимальным уровнем потребления вполне естественно, но проблематично, если экономика начинает стартовать при норме сбережений ниже устойчивого уровня капиталовооружённости труда, соответствующего золотому правилу, ибо это сразу приведет к падению текущего уровня потребления в обществе на достаточно продолжительный период времени, что чревато потрясениями, включая рост преступности. Именно поэтому политики во многих государствах мира вынуждены выбирать между своей популярностью, и будущим прогрессом. Их избиратели хотят больше потреблять здесь и сейчас, а снижение уровня жизни ведет к непопулярности политиков.

Выводы. Во-первых, установлен закон вида: $C = \frac{1}{6}(u^2(3a - 2bu)) + A$, связывающий уровень преступности с уровнем безработицы при меняющемся уровне инфляции; во-вторых, показана связь между уровнем отдельных видов притуплений и ставкой налогообложения (связь с кривой Лаффера); в-третьих, показана связь преступности с законом Оукена, когда уменьшается, как ВВП, так и растет уровень безработицы; в-четвертых, показана связь преступности с изломами кривой потребления в модели экономического роста Роберта Солоу, когда осуществляются переходы к устойчивому уровню капиталовооружённости единицы труда по золотому правилу.

Список литературы:

1. Ольков, С. Г. О разъяснении природы уголовно-правовых отношений / С. Г. Ольков. – Текст : непосредственный // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2019. – № 2. – С. 128-142.
2. Ольков С.Г. Инвэйдерные товары – криминологический, микро- и макроэкономический подход/ С. Г. Ольков. – Текст : непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 377-387.
3. Ольков С.Г. Установление фундаментальных физических законов спроса и предложения товара «преступление», цены преступлений, напряжения и мощности в социальных системах/ С. Г. Ольков. – Текст : непосредственный // Вестник казанского юридического института МВД России, 2019, №3. С. 264-276.
4. Ольков, С. Г. Лица без постоянного источника доходов как фактор раскрытых краж и общей преступности в России (2003-2014 годы) / С. Г. Ольков. – Текст : непосредственный // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2016. – № 4 (27). – С. 94-103.
5. Ольков С.Г. О пользе и вреде неравенства (криминологическое исследование)/ С. Г. Ольков. – Текст : непосредственный // Государство и право, 2004, №8. С. 73-78.

Ol'kov S. G. Linking crime to inflation, unemployment, tax rates, and economic growth // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 192-200.

The purpose of the article: show the connection between crime and fundamental macroeconomic phenomena - inflation, unemployment, tax rates and economic growth.

Scientific methods: methods of mathematical analysis and probability theory, in particular, integral and differential calculus, correlation and regression analysis, methods of formal logic.

The scientific results obtained by the author: 1) a law of the form is established: $C = \frac{1}{6}(u^2(3a - 2bu)) + A$, linking the crime rate with the unemployment rate at a changing inflation rate (inflation is taken into account as part of the formula linking unemployment and inflation); 2) shows the relationship between the level of certain types of blunting and the tax rate (connection with the Laffer curve); 3) the connection between crime and Okun's law is shown, when both the GDP decreases and the unemployment

rate grows; 4) shows the relationship between crime and the kinks of the consumption curve in the economic growth model of Robert Solow, when transitions to a stable level of capital-labor ratio of a unit of labor are made according to the golden rule.

Scientific novelty: lies in newly obtained scientific results. The practical significance lies in the possibility of using the obtained scientific results in the development of macroeconomic, microeconomic theory and criminology.

Key words crime, macroeconomics, criminology, economic growth, inflation, unemployment, taxation, Laffer curve, Phillips curve, Okun's law, Solow economic growth model.

Spisok literatury:

1. Ol'kov, S. G. O raz'yasnenii prirody ugovovno-pravovyh otnoshenij / S. G. Ol'kov. – Tekst : neposredstvennyj // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2019. – № 2. – S. 128-142.
2. Ol'kov S.G. Invejdernye tovary – kriminologicheskij, mikro- i makroekonomicheskij podhod/ S. G. Ol'kov. – Tekst : neposredstvennyj // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo YUridicheskie nauki. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – S. 377-387.
3. Ol'kov S.G. Ustanovlenie fundamental'nyh fizicheskikh zakonov sprosa i predlozheniya tovara «prestuplenie», ceny prestuplenij, napryazheniya i moshchnosti v social'nyh sistemah/ S. G. Ol'kov. – Tekst : neposredstvennyj // Vestnik kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii, 2019, №3. S. 264-276.
4. Ol'kov, S. G. Lica bez postoyannogo istochnika dohodov kak faktor raskrytyh krazh i obshchej prestupnosti v Rossii (2003-2014 gody) / S. G. Ol'kov. – Tekst : neposredstvennyj // Biblioteka kriminalista. Nauchnyj zhurnal. – 2016. – № 4 (27). – S. 94-103.
5. Ol'kov S.G. O pol'ze i vrede neravenstva (kriminologicheskoe issledovanie)/ S. G. Ol'kov. – Tekst : neposredstvennyj // Gosudarstvo i pravo, 2004, №8. S. 73-78.

УДК 343

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(1)- 201-211

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРАНКА

Поливанов А. В.

Институт государства и права Тюменского государственного университета

В статье автором рассматривается новое девиантное поведение под названием пранк, которое своими действиями наносит существенный морально-нравственный и правовой вред личности обществу и государству. Раскрыты и обоснованы криминологические методы, направленные на предупреждение пранка. Предложены и обоснованы совершенствования федеральных законов в сфере информационных технологий и о защите информации.

Заявленная тема исследования является новой, ранее никем не исследовалась, в связи, с чем отсутствует научная литература.

Ключевые слова: Пранк. Пранкер. Предупреждение пранка. профилактика пранка. Субъекты предупреждения пранка. Защита информации.

С началом 21 века наше общество претерпевает появление новых форм девиантного поведения, и способствовало все этому появлению телекоммуникационной сети «Интернет».

Интернет позволил обществу взаимодействовать между собой в независимости о места нахождения. Также интернет позволил обмениваться видео сообщениями и загружать их на видеохостинги.

На видеохостингах присутствует различный социальный контент, и для получения славы и популярности, а также финансового заработка видеоблогеры выбирают тематику, которая под видом шутки, розыгрыша содержит в себе неуважительные, а зачастую аморальные и в какой-то степени общественно опасные и противоправные действия, которые демонстрируются в обществе при создании видеоролика. Такой контент в Интернете называется пранком.

Пранк с английского (prank), переводится как шутка, розыгрыш. Лица, практикующие пранка в обществе, именуются пранкерами.

Предупреждение пранка – это система государственных, общественных и иных мер, направленных на создание социальных условий, исключающих возможность совершения общественно опасных действий пранка, выявление и устранение (нейтрализация) существующих причин и условий совершения пранка, а также превентивное воздействие на лиц, способных совершить пранк. Общесоциальное предупреждение пранка является прерогативой, главным образом, неспециализированных субъектов (общественные и иные самостоятельные формирования, политические партии, спортивные организации и др.).

Профилактика пранка – совокупность специальных мер, направленных на выявление причин и условий совершения пранка, принятие мер к их нейтрализации и устранению (общая профилактика), а также на выявление лиц, практикующих пранк, постановка их на профилактический учет и проведение в рамках этих учетов необходимой индивидуально-профилактической работы.

Деятельность по предупреждению преступлений представляет собой управленческий процесс, состоящий из определенных функций [1, с. 77-84]. Однако преступность, в отличие от пранка, полностью ликвидировать нельзя, ее можно удерживать только на определенном цивилизованном уровне. Автор считает, что пранк, относительно преступности, не является массовым явлением и не имеет многообразных причин своего проявления, что в случае выбора правильных мер предупреждения пранка, позволит полностью искоренить его отрицательную девиацию.

Предупреждение. Воздействие на причины пранка и условия, способствующие ей – это важный фактор борьбы с пранком, поскольку в этом случае оказывается воздействие на причины и условия пранка, то есть на факторы, порождающие совершение пранка. В связи, с чем это наиболее гуманный способ борьбы с пранком, поскольку в этом случае не предусматривается уголовно-правовое воздействие на лиц, которые практикуют пранк.

В криминологической литературе в качестве объекта предупреждения называют: личность профилактируемого [2, с. 4], отклоняющееся поведение [6, с. 6], негативные социальные процессы, в общем, любые криминогенные явления [5, с. 204].

Этапы предупреждения пранка:

- раннее предупреждение: воздействие на внешние условия, которые могут привести к поведению пранка, тем самым оздоравливает среду до того момента пока пранкер не совершил противоправных деяний.

- непосредственное предупреждение: в случае, если пранкер уже совершает социальные поступки, административные правонарушения, т.е. находится на грани между административным правонарушением и уголовно наказуемым деянием. Например, случай 13 февраля 2020 года полиция задержала челябинцев, устроивших «убийство» зараженного коронавирусом. Пранк сняли на видео. Пранкеры сняли на видео сцену, как они в защитных костюмах бегут за больным, а потом стреляют в него. Полицейские установили личность авторов видео, размещенного в сети Интернет. В ролике показано, как в городском парке люди в защитных костюмах, масках и респираторах догоняют убегающего от них мужчину. При этом убегающий хватал за одежду прохожих. Затем молодые люди «стреляют» в мужчину и уносят его.

Предупреждение пранка имеет большое морально-политическое значение. Результаты в этой области могут привести к оздоровлению социальной нравственности, укреплению одобряемых обществом отношений во многих социальных сферах жизни.

Предупреждение пранка как антисоциального явления и предупреждение преступности, являются общими по значению, однако, абсолютно разными в понимании.

Предупреждение преступности позволяет установить вид и общественные отношения, на которые посыпается общественно опасное деяние, тем самым субъект, занимающийся предупреждением преступности, уже понимает возможные границы развития какого-либо преступления, что позволяет заранее получить знания, которые лягут в основу предупреждения преступления.

Применительно к пранку, как антисоциальному явлению, субъект, осуществляющий предупредительную деятельность, не может дать точные меры предупреждения, которые положительно лягут в основу предупреждения пранка. Немаловажно

отметить и то, что пока пранк, как социальное явление, не является преступлением, на стадии его криминологического изучения автор анализирует все возможные действия пранка, которые могут быть направлены на различные сферы общественных отношений. При этом, задействовав максимальную численность возможных потенциальных субъектов, которые могут быть задействованы в его предупреждении.

Чем выше степень соответствия субъекта объекту, тем эффективнее осуществляется управление той или иной системой [3, с. 158]

При разработке криминологических мер по предупреждению пранка за основу могут быть взяты меры по предупреждению преступности.

Таким образом, к теории предупреждения пранка можно отнести:

- установление субъектов предупреждения пранка.
- выявление и нейтрализацию причин пранка и условий, ему способствующих;
- факторы, влияющие на формирование антиобщественных взглядов у определенной категории лиц, склонных к совершению пранка, определение формы контроля за их поведением.

Субъектами предупредительной деятельности пранка могут выступать:

1) **Правоохранительные органы.** Огромная роль в предупреждении пранка принадлежит полиции. Одним из главных направлений деятельности полиции в соответствии с ФЗ «О полиции» являются: 1) Защита личности, общества, государства от противоправных посягательств и основным подразделением предупреждения пранка могут выступать участковые уполномоченные, подразделение патрульно-постовой службы, государственная инспекция безопасности дорожного движения, подразделения по делам несовершеннолетних.

Участковые инспекторы полиции: входят в систему профилактики антиобщественных деяний, которые в свою очередь не являются преступными – это злоупотребление спиртными напитками, бродяжничество, убегание из дома и т.п. к этому же можно отнести и предупреждение пранка как антисоциального явления. В нормативных документах подчеркивается, что основные усилия участковых инспекторов должны быть направлены на индивидуально-профилактическую работу с лицами, склонными к правонарушениям, на укрепление связей с населением.

В связи с чем предлагается на законодательном уровне в нормативно - правовых актах, регламентирующих деятельность участковых уполномоченных полиции отразить положения о проведении комплекса мероприятий, направленных на предупреждение пранка, отразить основные меры предупреждения:

1) Проведение профилактических бесед в школах, учреждениях дополнительного образования, учреждениях средне-специального образования.

2) Обеспечение наблюдения за поведением лиц, практикующих пранк, в целях принятия своевременных превентивных мер – это может являться вызов в отдел полиции для дачи объяснения; проведение профилактической беседы; предупреждение о недопущении действий пранка, которые могут повлечь за собой общественно – опасные последствия; реализация мер, направленных на привлечение лиц, совершивших общественно – опасный пранк к уголовной ответственности.

3) Участие в социальных акциях, направленных на правовую пропаганду среди населения по недопущению деятельности пранка.

Патрульно-постовая служба: помимо предупреждения преступлений на постах и маршрутах патрулирования осуществляет патрулирование маршрута с наиболее

устойчивым антисоциальным поведением, которое может способствовать совершению пранка в общественных местах – это парки, скверы, набережные, площади, бульвары и иные общественные места массового скопления людей.

Сотрудники ГИБДД: поддерживают безопасный режим дорожного движения, выявляют причины и условия, способствующие совершению дорожно-транспортных происшествий, нарушения дорожного движения и иных противоправных действий в сфере дорожного движения.

Как известно, имеются ряд социальных примеров, где действия пранка происходили в пределах компетенции ГИБДД.

Так в Рязани 13 марта 2019 г., на остановке общественного транспорта на площади Победы, неизвестные били и насильно поместили в автомобиль ВАЗ-2110 мужчину, после чего автомобиль скрылся. В ходе реализации мероприятия план «Перехват» сотрудниками Дорожно-патрульной службы ГИБДД был обнаружен автомобиль, в салоне автомобиля были четверо жителей Рязанцев от 19 до 27 лет. В ходе беседы с сотрудниками водитель автомобиля пояснил, что никакого похищения не было, а все произошедшее на площади Победы – розыгрыш – «пранк».

Другой пример: «Драка на проезжей части в Великих Луках оказалась пранком» – Драка трех мужчин на проезжей части в Великих луках, произошедшая 11.01.2021, оказалась розыгрышем. Как сообщили в пресс-службе УМВД России по Псковской области, сотрудники полиции установили автора видеоролика, размещенного ранее в социальных сетях, который был ранее выложен в социальные сети. Мужчина пояснил, что таким образом он с друзьями решил пошутить¹. В ходе розыгрыша на проезжей части была образована пробка, которая затрудняла проезд участникам дорожного движения.

Подразделения по делам несовершеннолетних: реализуют свою предупредительную деятельность с учетом требований ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних. В соответствии со ст.21 закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» подразделения по делам несовершеннолетних проводят индивидуальную профилактическую работу с несовершеннолетними:

- употребляющими наркотические средства или психотропные вещества;
 - совершившими правонарушения, которые повлекли за собой применение мер административного воздействия;
 - совершившими правонарушения до достижения возраста, с которого наступает административная ответственность;
 - освобождаемыми от уголовной ответственности по основаниям, указанным в законе;
 - не подлежащими уголовной ответственности в связи с недостижением возраста, с которого наступает уголовная ответственность, или вследствие отставания в психическом развитии, не связанным с психическим расстройством;
 - обвиняемыми или подозреваемыми в совершении преступлений, в отношении которых избраны меры пресечения, не связанные с заключением под стражу;
-

- условно-досрочно освобожденными от отбывания наказания, освобожденными от наказания вследствие акта амнистии или в связи с помилованием;

- получившими отсрочку отбывания наказания или отсрочку исполнения приговора;

- освобожденными из учреждений уголовно-исполнительной системы, вернувшимися из специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа, если они в период отбывания в указанных учреждениях допускали нарушения режима, совершали противоправные деяния и (или) после освобождения (выпуска) находятся в социально - опасном положении и (или) нуждаются в социальной помощи и (или) реабилитации;

- осужденными за совершение преступлений небольшой или средней тяжести и освобожденными судом от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия;

- осужденными условно, осужденными к обязательным работам или иным мерам наказания, не связанным с лишением свободы;

- другими несовершеннолетними при необходимости предупреждения совершения ими правонарушений и с согласия начальника органа внутренних дел или его заместителя.

По мнению автора, в этот список необходимо внести дополнительный пункт: «Осуществляющих отклоняющее поведение от общепризнанных норм морали или антиобщественных действий», именно эта формулировка позволит обратить дополнительное внимание правоохранительных органов, что позволит усилить дополнительный контроль пранка. Автор отдает отчет, что административный ресурс работников ПДН МВД РФ не безграничен. Однако данное дополнение в указанный выше закон по ранней профилактической работе пранка, что позволит не допустить в будущем совершению ряда преступлений на основе пранка, предусмотренных особой частью УК РФ.

2) *Прокуратура*: работа которой направлена на снижение антиобщественных действий среди населения, в которые входит осуществление прокурорского надзора; участие в правотворческой деятельности; участие в правовой пропаганде. Особо важное значение имеет прокурорский надзор в сфере ранней профилактики преступлений и правонарушений.

В образовательных организациях практически не ведется работа по выявлению и учету несовершеннолетних, совершивших преступления, правонарушения и иные антиобщественные действия, а также вовлеченных в группы криминальной направленности в сети Интернет. Оставляет желать лучшего превентивная работа по противодействию распространения среди несовершеннолетних идеологий деструктивных движений. Не в последнюю очередь это обусловлено нежеланием образовательных учреждений снижать свой рейтинг, поскольку увеличение числа обучающихся, состоящих на профилактическом учете, негативно сказывается на общей оценке образовательной деятельности, которая осуществляется в соответствии с утвержденными приказом Минобрнауки России от 22.09.2017 №955 показателями мониторинга системы образования.

Руководителям отделов прокурорского надзора предстоит надлежащим образом осуществлять контроль за реализацией законов по профилактике правонарушений

несовершеннолетними, но и акцентировать свою деятельность на профилактику пранка, как девиантного поведения.

Автор считает, что правоохранительным органам необходимо взаимодействовать с общественными организациями, целями и задачами которых является профилактика преступлений, правонарушений и иных антиобщественных деяний. Примером данного взаимодействия может являться Общероссийская общественная организация «Российская криминологическая ассоциация». Региональные отделения Российской криминологической ассоциации заключают соглашения о сотрудничестве, в которых основной уклон делается на уголовно-правое просвещение, профилактику преступлений и антиобщественных деяний. Примером этого может являться Соглашение о сотрудничестве № 2 от 07 апреля между Западно-Сибирским региональным отделением «Российская криминологическая ассоциация» и Федеральным государственным казенным военным образовательным учреждением высшего профессионального образования «Тюменское высшее военно-инженерное училище имени Маршала инженерных войск А.И. Прошлякова» Министерства обороны Российской Федерации.

3) *Предприниматели, администрации предприятий*: отвечают за поведение граждан, работающих на данных предприятиях. Существует множество руководителей субъектов малого, среднего и крупного предпринимательства, которые не принимают каких-либо мер в борьбе с аморальным поведением своих сотрудников, как во время работы, так и вне рабочее время.

Предприниматели, администрации предприятий и учреждений должны принимать самое активное участие в предотвращении антиобщественных деяний. Одной из причин их неэффективности в вопросе предупреждения является тот факт, что обязанность предупреждения девиантных поведений недостаточно четко прописана в нормативных документах.

Автор считает, что руководство предприятий не обязано следить за поведением своих работников, не только на работе, но и вне рабочее время, однако оно должно оказывать минимальное содействие в информировании деятельности пранка и его возможной правовой ответственности.

На законодательном уровне обязать исполнительных директоров предприятий, юридических лиц доводить до персонала (лиц до 35 лет) правовые последствия действий пранка.

5) *Учебные заведения*: Школы, центры дополнительного образования, колледжи, институты, военно-учебные заведения и т.д., являясь одной из социальных сфер формирования личности, могут выполнять существенную роль по предупреждению пранка. Данная роль ложится непосредственно на преподавательский состав, который может доносить до учащихся социально значимую информацию о пранке и его возможных правовых последствий.

В образовательных учреждениях практически не ведется работа по выявлению и учету несовершеннолетних, совершивших преступления, правонарушения и иные антиобщественные действия, а также вовлеченных в группы криминальной направленности в сети Интернет. Профилактическая работа в учебных заведениях может быть эффективной в плане предупреждения пранка, она является одной из форм профилактического воздействия таких как правовое просвещение и правовое информирование. В профилактических беседах за основу должны быть положены статьи 17

ФЗ от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации».

В рамках правового просвещения и правового информирования учебное заведение доводит до учащихся информацию об антисоциальной деятельности пранка, которая может нанести вред общественным отношениями находящиеся под охраной Уголовного кодекса Российской Федерации.

б) *Религиозные учреждения.* В советское время в борьбе с преступностью они были незаметны, но сейчас играют немаловажную роль, особенно в части профилактики противоправного и отклоняющегося поведения. В религиозных учреждениях нужно проводить беседы направленные на предотвращение пранка среди прихожан, помимо этого привлекать религиозных деятелей к работе с несовершеннолетними.

7) *Общественные организации.* Участие общественных организаций в предупреждении пранка также имеет высокое социально-важное значение, функции компетенции которых в теории разделяются на три группы:

- массовые общественные организации, действующие на основе Устава и положений;
- общественность, участвующая в деятельности государственных, представительских и правоохранительных органов;
- организации, отдельные представители местной общественной самодеятельности (общественные объединения правоохранительной направленности, добровольные народные дружины и т.д.)

Первая группа общественных организаций, в соответствии с Уставом организации, может осуществлять предупреждение пранка во всех социальных слоях населения. Примером может являться Общероссийская общественная организация «Российская криминологическая ассоциация», имеющая на территории Российской Федерации свои региональные отделения в лице председателей. В соответствии с Уставом, организация проводит профилактические мероприятия, направленные на предотвращение и недопущение проявления девиантного поведения. Примером может являться Соглашение о сотрудничестве № 2 от 07 апреля между Западно-Сибирским региональным отделением «Российская криминологическая ассоциация» и Федеральным государственным казенным военным образовательным учреждением высшего профессионального образования «Тюменское высшее военное инженерное училище имени Маршала инженерных войск А.И. Прошлякова» Министерства обороны Российской Федерации.

Предупредительная деятельность общественных организаций строится в соответствии с их задачами и компетенцией. Применительно к теме исследования она может включать проведение следующих мероприятий:

- обсуждение вопросов предупреждения пранка на текущий момент и в ближайшей перспективе;
- реализация мер общественного воздействия в отношении лиц, практикующих пранк, с целью не допустить развития паразитизма личности и обеспечить своевременную координацию ее поведения;
- проведение индивидуальных и групповых занятий в форме бесед, лекций, осуществление социального контроля за поведением лиц, склонных к практике пранка, в средних, средне-специальных, высших учебных заведениях, учреждениях допол-

нительного образования, коллективах, государственных и негосударственных учреждениях, а также в молодежных объединениях и иных социальных группах, основанных на ответвленных от общепризнанных норм поведения.

Семья. Семейное воспитание может являться объектом массированного профилактического воздействия на предупреждение пранка. Семья является важной средой формирования личности и основным институтом воспитания, отвечающим, в том числе за социально-нравственное поведение личности в обществе. Поведение пранка у лица может формироваться на фоне развития противоречий и конфликтов внутри семьи.

Академик В.Н. Кудрявцев пишет: «Уродливо сформировавшаяся личность еще не означает, что человек непременно решит совершить правонарушение; далее, даже решившись на это, он может и не реализовать свои намерения. Правонарушение может не произойти и по причинам, не зависящим от субъекта» [4, с. 91-92].

Отдельной тревожной социальной категорией являются несовершеннолетние, которые на определенном этапе своего развития очень восприимчивы, к внешней среде.

Влияние средств массовой информации и иных средств массовой коммуникации (социальные сети ВКонтакте, Инстаграмм, Тик-ток и т.д.), через которые доносится социальная идея, являющаяся по своему содержанию отклоняющейся, приобретает особое значение в условиях гиперинформационного общества, в связи с чем должно быть отдельно уделено внимание анализу эффективности правового обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних.

В соответствии с «Концепцией информационной безопасности детей», процесс социализации современного поколения детей и подростков все активнее дополняется средствами массовой информации и массовыми коммуникациями, особенно сетью Интернет, которые являются отдельными социальными институтами образования, просвещения.

Пранк через Интернет оказывает негативное влияние на сознание и поведение несовершеннолетних. Повышенная опасность распространения информации пранка в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе посредством распространения аудио - видеофайлов, передачи текстовой информации и онлайн-общения в тематических группах и сообществах, обусловлена массовым характером и высокой скоростью информационного обмена.

Федеральный закон от 29.12.2010 г. № 436 – ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (далее – закон № 436-ФЗ) регламентирует правила безопасного для детей оборота информации при распространении СМИ, печатной и аудио визуальной продукции на любых видах носителей (включая электронные), информации, распространяемой посредством зрелищных мероприятий, сетей Интернет и мобильной связи. Им установлены правовые основы экспертизы, возрастной классификации и маркировки информационной продукции, запрещенной и ограниченной для распространения среди детей, государственного контроля в сфере информационной безопасности детей, юридической ответственности за нарушение законодательства в этой сфере.

В соответствии с ч. 2 ст. 5. К информации, запрещенной для распространения среди детей, относится информация, побуждающая детей к совершению действий, представляющих угрозу их жизни и (или) здоровью, в том числе к причинению вре-

да своему здоровью, самоубийству, либо жизни и (или) здоровью иных лиц, либо направленная на склонение или иное вовлечение детей в совершение таких действий; способная вызвать у детей желание употребить наркотические средства, психотропные и (или) одурманивающие вещества, табачные изделия, никотиносодержащую продукцию, алкогольную и спиртосодержащую продукцию, принять участие в азартных играх, заниматься проституцией, бродяжничеством или попрошайничеством; обосновывающая или оправдывающая допустимость насилия и (или) жестокости либо побуждающая осуществлять насильственные действия по отношению к людям или животным, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Федеральным законом; содержащая изображение или описание сексуального насилия; отрицающая семейные ценности, пропагандирующая нетрадиционные сексуальные отношения и формирующая неуважение к родителям и (или) другим членам семьи; оправдывающая противоправное поведение; содержащая нецензурную брань; содержащая информацию порнографического характера; о несовершеннолетнем, пострадавшем в результате противоправных действий (бездействия), включая фамилии, имена, отчества, фото и видеоизображения такого несовершеннолетнего, его родителей и иных законных представителей, дату рождения такого несовершеннолетнего, аудиозапись его голоса, место его жительства или место временного пребывания, место его учебы или работы иную информацию позволяющую прямо или косвенно установить личность такого несовершеннолетнего.

Федеральным законом от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» определены дополнительные правовые гарантии защиты детей от криминогенной информации, распространяемой посредством информационно-телекоммуникационных сетей: создан организационно-правовой механизм принудительной блокировки электронных ресурсов, содержащих информацию, распространение которой запрещено на территории Российской Федерации; введен Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет, содержащие такую информацию, включая информацию, направленную на склонение или иное вовлечение несовершеннолетних в совершение противоправных действий, представляющих угрозу для их жизни и здоровья либо для жизни и здоровья иных лиц.

В соответствии с данным Федеральным законом обладателем информации может являться в не зависимости от возраста любое физическое лицо.

Автор считает, что данные Федеральные законы положительно отразятся, на предупреждении пранка в информационном пространстве. Нельзя допускать снижение установленных правовых гарантий защиты населения в первую очередь детей от информации пранка, которая может породить последователей девиантного поведения и причинить существенный вред социально-нравственным нормам поведения в обществе.

Однако автор разделяет позицию, Ережипалиева Д.И. и Пристанской О.В. которые говорят о попытке внесения за последние годы законопроектов, направленных на разлад положений закона №436-ФЗ, в том числе отмену организационно-правовых механизмов обеспечения информационной безопасности детей. Примером может являться принятый в первом чтении Государственной Думой 5 декабря 2019 г. в первом чтении проект федерального закона № 717228-7 «О внесении изменения в ст. 30 Закона Российской Федерации «Основы законодательства российской Фе-

дерации о культуре» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием законодательных механизмов, регулирующих доступ детей к культурным ценностям и культурным благам». Предлагается полностью вывести из-под действия закона № 436-ФЗ огромный массив деструктивного поведения, в который также входит пранк.

Законопроект, предусматривает отмену маркировки информационной продукции знаками «0+», «6+», «12+», «16+» (а в отношении отдельных ее видов и «18»), тем самым действия пранка, которые однозначно не отражены в Федеральном законе, могут негативно сказаться на сознании и морально-социальной составляющей детей. Так как будет натуралистически доступна информация о жестокости, насилии, хулиганских действиях, вандализме и иных действиях, совершенных по мотиву пранка.

Автор считает, что информационная безопасность населения, которая содержит комплекс правовых и технических гарантий защиты населения, при соответствующем дополнении позволит надлежащим образом максимально сократить влияния пранка в сети Интернет среди несовершеннолетних.

Однако представленный федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 года «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и № 149-ФЗ от 27.07.2006 года «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», не соответствует нынешним криминологическим критериям, направленным на защиту детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, это обусловлено следующими причинами:

- Имеется неясность дискурсивного аппарата, например, отсутствие в федеральных законах криминологических значимых понятий таких как «информация, провоцирующая детей на антиобщественные действия». Как уже ранее говорилось, пранк имеет свои условия и причины, без которых он не образует себя как девиантное поведение. По мнению автора, здесь может являться информация об оправдании заработка путем нестандартного видеоконтента.

- Имеется неясность понятия «Пропаганда насилия и жесткости».

- Нечеткостью законодательной регламентации полномочий и порядка взаимодействия профильных государственных органов исполнительной власти в сфере защиты населения от информации пранка.

Автор предлагает дополнить указанные выше Федеральные законы следующими понятиями: «информация о противоправных действиях, основанных на шутке, розыгрыше»; «информация об антиобщественных действиях, основанные на шутке, розыгрыше», данная информация должна быть ограничена в обороте информационной продукции.

Реализация указанных выше предложений позволит удержать пранк на том цивилизованном уровне, который не позволит в дальнейшем развить деструктивное поведение у членов общества, вызванное действиями пранка.

Список литературы:

1. Афанасьев В.Г. Человек в управлении обществом. М.: Политиздат, 1977. С. 77-84.
2. Алексеев А.И. Индивидуальная профилактика рецидива преступлений. М.: Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1975. С. 4.
3. Афанасьев В.Г. Научное управление обществом. М.: Политиздат, 1973. С. 158.
4. Кудрявцев В.Н. Причины правонарушений. М., 1976. С. 91-92.

5. Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Общая часть: Учеб. пособие / Краснояр. высш. шк. МВД России. Красноярск, 1997. С. 204.
6. Яковлев А.М. Индивидуальная профилактика преступного поведения: Учеб. пособие. Горький: Изд-во Горьк. высш. шк. МВД СССР, 1977. С. 6.

A.V. Polivanov. Prank warning // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 201-211.

In the article, the author considers a new deviant behavior called prank, which by its actions causes significant moral and legal harm to the individual, society and the state. Criminological methods aimed at preventing prank are disclosed and justified. The improvements of federal laws in the field of information technologies and on information protection are proposed and justified.

The stated research topic is new, it has not been studied by anyone before, and therefore there is no scientific literature.

Keywords: Prank. Pranker. Prank warning. Prevention of prank. Subjects of the prank warning. Information protection.

Spisok literatury:

1. Afanas'ev V.G. Chelovek v upravlenii obshchestvom. M.: Politizdat, 1977. S. 77-84.
2. Alekseev A.I. Individual'naya profilaktika recidiva prestuplenij. M.: Izd-vo VNII MVD SSSR, 1975. S. 4.
3. Afanas'ev V.G. Nauchnoe upravlenie obshchestvom. M.: Politizdat, 1973. S. 158.
4. Kudryavcev V.N. Prichiny pravonarushenij. M., 1976. S. 91-92.
5. Prokumentov L.M., Shesler A.V. Kriminologiya. Obshchaya chast': Ucheb. posobie / Krasnoyar. vyssh. shk. MVD Rossii. Krasnoyarsk, 1997. S. 204.
6. Yakovlev A.M. Individual'naya profilaktika prestupnogo povedeniya: Ucheb. posobie. Gor'kij: Izd-vo Gor'k. vyssh. shk. MVD SSSR, 1977. S. 6.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. Ч. 1. – С. 212-216.

УДК 341.343

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(1)- 212-216

ПОНЯТИЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ОРУЖИЯ И КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Робак В. А.

Крымский юридический институт (филиал) университета прокуратуры Российской Федерации

Работа посвящена анализу понятия «незаконный оборот оружия». Исследуются мнения различных авторов, а также дается авторское толкование указанного понятия. В статье приводятся мнения различных авторов. Относительно классификации преступлений, в сфере незаконного оборота оружия, а также указывается авторская позиция. под незаконным оборотом оружия необходимо понимать нарушение установленных уголовным законодательством правил обращения с оружием, как запрещенным, так и разрешенным к обороту. Незаконный оборот оружия составляют преступления, предусмотренные ст. 222, 222.1, 223, 223.1, 224, 225, 226, 226.1 (в части контрабанды взрывчатых веществ, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники), 348, 349 и 355 УК РФ.

Ключевые слова: незаконный оборот оружия, огнестрельное оружие, взрывчатые вещества, взрывные устройства, оружие массового поражения.

Как известно, структуру уголовного права образуют органично связанные между собой институты, одна часть которых относится к Общей, другая – к Особой части. Их правовая природа и логико-юридические особенности во многом определяются той сферой уголовно-правовых отношений, которые им надлежит регулировать в связи с решением общих задач, поставленных перед уголовным правом. Исходя из этого, выяснение места того или иного нормативного образования, института, нормы права, в том числе норм, которые предусматривают ответственность за преступления в сфере незаконного оборота оружия, в системе других норм, институтов (субинститутов) и других нормативных образований имеет очень большое значение.

В соответствии со ст. 1 ФЗ «Об оружии» под оборотом оружия понимается производство оружия, торговля оружием, продажа, передача, приобретение, коллекционирование, экспонирование, учет, хранение, ношение, перевозка, транспортирование, использование, изъятие, уничтожение, ввоз оружия в Российскую Федерацию и вывоз его из Российской Федерации. Данное понятие регламентирует установленный законодательством оборот оружия.

Вместе с тем большинство авторов, чьи исследования посвящены незаконному обороту оружия, это понятие не анализируют, поскольку, по их мнению, оно является общеизвестным [1, 2].

В то же время среди авторов, которые исследовали понятие незаконного оборота оружия, отсутствует единство мнений.

Так, С. А. Григорянц считает, что незаконный оборот оружия – это криминальное движение предметов незаконного оборота оружия в совокупности с отклонениями в сфере законного оборота оружия [2, с. 37].

Ряд авторов придерживаются аналогичной позиции: незаконный оборот оружия заключается в движении объектов оборота данных предметов в совокупности с отклонениями в сфере законного оборота данных предметов (предметы полностью изъяты из оборота, оборот совершается лицом, которое не имеет лицензии на обращение с соответствующими предметами, или лицензия которому выдана на другой предмет) [3, с. 94].

По мнению других ученых, незаконный оборот оружия представляет собой, с одной стороны, конкретные преступления (хищение, незаконные изготовление, приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка, ношение и др.), с другой стороны, источник иных, не относящихся к уголовным, посягательств на общественную безопасность деяний криминального характера (убийство, грабеж, разбой, вымогательство и др.) [4, с. 11].

В. В. Башилов под незаконным оборотом оружия понимает действия, предусмотренные ст. 222, 223, 226 УК РФ [5, с. 10].

С. А. Невский определяет данное понятие «как обусловленный конкретными социальными условиями процесс поступления, распространения применения и использования оружия в обществе, происходящий с нарушением установленных законодательством правил обращения с оружием и проявляющийся в совершении действий, запрещенных законом» [6, с. 211].

Ю. В. Загайнова уточняет его позицию: «Под незаконным оборотом оружия следует понимать обусловленный конкретными социальными условиями процесс применения, использования и распространения оружия в обществе, происходящий с нарушением установленных законодательством правил обращения с оружием и другими предметами, описанными в ст. 222 УК РФ и проявляющийся в совершении действий, запрещенных законом» [7, с. 41].

Д. А. Корецкий и Э. В. Солоницкая полагают, что незаконный оборот оружия – это производство и процесс дальнейшего движения оружия к потребителю, а также его использование и уничтожение, осуществляемые с нарушением закона [8, с. 92].

Кроме того, необходимо отметить, что в науке уголовного права отсутствует единство мнений среди ученых относительно того, какие преступления, предусмотренные статьями Особенной части УК РФ, относятся к незаконному обороту оружия.

В частности, одни авторы к преступлениям данной категории относят те, которые предусмотрены чч. 2–4 ст. 188, ст. 222–226, ст. 355 УК РФ [9, с. 167], другие – ст. 218, 222, 223, 225, 226 УК РФ [10, с. 126], третьи – ч. 2–4 ст. 188, ст. 222, ст. 223, ст. 226 УК РФ, а также преступления, способствующие их совершению, – ст. 224, 225 УК РФ [11, с. 138].

Однако большинство авторов к преступлениям, связанным с незаконным оборотом оружия, относят деяния, предусмотренные ст. 222–226 УК РФ [12, с. 39].

По мнению О. Л. Багровой, «исходя из логики законодателя, незаконность оборота оружия может быть двух видов: 1) нарушение запрета и 2) невыполнение обязанностей. В первом случае законодатель использует термин «незаконный» (в отношении оборота, приобретения, хранения и т. д.), во втором – нарушение правил

обращения, ненадлежащее исполнение обязанностей (небрежное хранение») [13, с. 8].

В. Е. Зварыгин отмечает, что «преступления в сфере незаконного оборота оружия можно разделить в зависимости от права лица на владение такими предметами. Отсутствие права на оружие автоматически делает незаконными и все последующие действия с ним. Однако, если лицо имеет на него право, это не делает законными все последующие действия с оружием» [14, с. 8].

Мы считаем, что наиболее полно и верно классифицировал преступления в сфере незаконного оборота оружия А. А. Задоян. По его мнению, исходя из объекта посягательства деяния, составляющие незаконный оборот оружия, можно разделить на следующие группы:

- преступления, непосредственным объектом которых является общественная безопасность (ст. 222, 223, 224, 225, 226, 226.1 УК РФ).
- преступления против военной службы (ст. 348, 349 УК РФ).
- разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения (ст. 355 УК РФ) [15, с. 1167].

На основании вышеуказанного, по нашему мнению, под незаконным оборотом оружия необходимо понимать нарушение установленных уголовным законодательством правил обращения с оружием, как запрещенным, так и разрешенным к обороту. Незаконный оборот оружия составляют преступления, предусмотренные ст. 222, 222.1, 223, 223.1, 224, 225, 226, 226.1 (в части контрабанды взрывчатых веществ, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники), 348, 349 и 355 УК РФ.

Список литературы:

1. Вотченко И. А. Криминологическая и уголовно-правовая характеристики незаконного обращения с огнестрельным оружием : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. на соискание учен. степени канд. юрид. наук / Вотченко Ирина Артуровна ; Высш. юрид. заоч. шк. МВД России. – Москва, 1993. – 186 с.
2. Скоропупов Ю. И. Уголовно-правовые и криминологические вопросы борьбы с незаконными приобретением, передачей, сбытом, хранением, перевозкой или ношением оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. на соискание учен. степени канд. юрид. наук / Скоропупов Юрий Иванович ; Акад. права и упр. Минюста России. – Рязань, 2003. – 190 с.
3. Григорянц С. А. Незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств как объект криминологического исследования : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. на соискание учен. степени канд. юрид. наук / Григорянц Сергей Анушаванович ; Рост. юрид. ин-т МВД России. – Ростов-на-Дону, 2011. – 203 с.
4. Ситковский А. Л. Преступления, совершаемые с применением огнестрельного оружия и взрывчатых веществ. Их влияние на криминогенную обстановку в стране / А. Л. Ситковский, Б. И. Разинков, А. П. Хмель // Вестник МВД России. – 1998. – № 2-3. – С. 93–99.
5. Власов В. П. Криминологическая характеристика и предупреждение незаконного оборота оружия : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. на соискание учен. степени канд. юрид. наук / Власов Владимир Петрович ; Юрид. ин-т МВД России. – Москва, 2001. – 172 с.
6. Башилов В. В. Борьба с организованными формами преступного оборота огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: уголовно-правовой и криминологический аспекты : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-

- исполнительное право» : дис. на соискание учен. степени канд. юрид. наук / Башилов Валерий Васильевич ; Моск. ин-т МВД России. – Москва, 2000. – 207 с.
7. Невский С. А. Противодействие незаконному обороту оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ (история, криминология и уголовно-правовые аспекты) / С. А. Невский. – Москва : Юрлитинформ, 2008. – 311 с.
8. Загайнова Ю. В. К вопросу о понятии незаконного оборота оружия / Ю. В. Загайнова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2012. – № 3(62). – С. 36–41.
9. Корецкий Д. А. Оружие его незаконный оборот: криминологическая характеристика и предупреждение : учеб. пособие / Д. А. Корецкий, Э. В. Солоницкая. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2006. – 258 с.
10. Савкин А. В. Контроль за оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств в Вооруженных Силах Российской Федерации / А. В. Савкин, Е. М. Лазарев // Преступность в изменяющемся мире и проблемы оптимизации борьбы с ней. – Москва, 2006. – С. 166–173.
11. Гречко Е. П. К вопросу о правовых нормах, квалифицирующих преступления, связанные с незаконным оборотом оружия, и других предметов, представляющих повышенную опасность / Е. П. Гречко, П. П. Смоляков // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2007. – № 1. – С. 126–127.
12. Криминология : учеб. для вузов / под ред. В. Д. Малкова – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юстицинформ, 2006. – 528 с.
13. Кравцов А. И. Незаконный оборот огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств как криминогенный фактор насильственной преступности / А. И. Кравцов // Российский следователь. – 2006. – № 12. – С. 39–42.
14. Багрова О. Л. Уголовная ответственность за хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. на соискание учен. степени канд. юрид. наук / Багрова Ольга Леонидовна ; Моск. ун-т МВД России. – Москва, 2004. – 164 с.
15. Зварыгин В. Е. Незаконный оборот огнестрельного оружия: уголовно-правовой и криминологический аспекты : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. на соискание учен. степени канд. юрид. наук / Зварыгин Валерий Евгеньевич ; Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 2002. – 282 с.
16. Задоян А. А. Понятие оружия и его виды / А. А. Задоян // Lex Russia (Научные труды МГЮА). – 2011. – № 6. – С. 1155–1173.

Robak V. A. The concept of illegal arms trafficking and classification of crimes // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 212-216.

The work is devoted to the analysis of the concept of "illegal arms trafficking". The opinions of various authors are studied, as well as the author's interpretation of this concept is given. The article presents the opinions of various authors. Regarding the classification of crimes in the field of illegal arms trafficking, the author's position is also indicated. illegal arms trafficking should be understood as a violation of the rules for handling weapons, both prohibited and permitted for circulation, established by criminal legislation. Illegal arms trafficking is a crime under art. 222, 222.1, 223, 223.1, 224, 225, 226, 226.1 (regarding the smuggling of explosives, firearms or their main parts, explosive devices, ammunition, weapons of mass destruction, their means of delivery, other weapons, other military equipment, as well as materials and equipment that can be used in the creation of weapons of mass destruction, their means of delivery, other weapons, other military equipment), 348, 349 and 355 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: illegal arms trafficking, firearms, explosives, explosive devices, weapons of mass destruction.

Spisok literatury:

1. Votchenko I. A. Kriminologicheskaya i ugovolno-pravovaya harakteristiki nezakonno obrashcheniya s ognestrel'nym oruzhiem : special'nost' 12.00.08 «Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ugovolno-ispolnitel'noe pravo» : dis. na soiskanie uchen. stepeni kand. jurid. nauk / Votchenko Irina Arturovna ; Vyssh. jurid. zaoch. shk. MVD Rossii. – Moskva, 1993. – 186 s.
2. Skoropupov YU. I. Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie voprosy bor'by s nezakonnyimi priobreteniem, peredachej, sbytom, hraneniem, perevozkoj ili nosheniem oruzhiya, ego osnovnyh chastej, boepripasov, vzryvchatyh veshchestv i vzryvnyh ustrojstv : special'nost' 12.00.08 «Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ugovolno-ispolnitel'noe pravo» : dis. na soiskanie uchen. stepeni kand. jurid. nauk / Skoropupov YUrij Ivanovich ; Akad. prava i upr. Minyusta Rossii. – Ryazan', 2003. – 190 s.
3. Grigoryanc S. A. Nezakonnyj oborot oruzhiya, boepripasov, vzryvchatyh veshchestv i vzryvnyh ustrojstv kak ob'ekt kriminologicheskogo issledovaniya : special'nost' 12.00.08 «Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ugovolno-ispolnitel'noe pravo» : dis. na soiskanie uchen. stepeni kand. jurid. nauk / Grigoryanc Sergej Anushavanovich ; Rost. jurid. in-t MVD Rossii. – Rostov-na-Donu, 2011. – 203 s.

4. Sitkovskij A. L. Prestupleniya, sovershaemye s primeneniem ognestrel'nogo oruzhiya i vzryvchatyh veshchestv. Ih vliyaniye na kriminogennuyu obstanovku v strane / A. L. Sitkovskij, B. I. Razinkov, A. P. Hmel' // Vestnik MVD Rossii. – 1998. – № 2-3. – S. 93–99.
5. Vlasov V. P. Kriminologicheskaya harakteristika i preduprezhdenie nezakonnogo oborota oruzhiya : special'nost' 12.00.08 «Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ugovolno-ispolnitel'noe pravo» : dis. na soiskanie uchen. stepeni kand. jurid. nauk / Vlasov Vladimir Petrovich ; YUrid. in-t MVD Rossii. – Moskva, 2001. – 172 s.
6. Bashilov V. V. Bor'ba s organizovannymi formami prestupnogo oborota ognestrel'nogo oruzhiya, ego osnovnyh chastej, boepripasov, vzryvchatyh veshchestv i vzryvnyh ustrojstv: ugovolno-pravovoj i kriminologicheskij aspekty : special'nost' 12.00.08 «Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ugovolno-ispolnitel'noe pravo» : dis. na soiskanie uchen. stepeni kand. jurid. nauk / Bashilov Valerij Vasil'evich ; Mosk. in-t MVD Rossii. – Moskva, 2000. – 207 s.
7. Nevskij S. A. Protivodejstvie nezakonnomu oborotu oruzhiya, boepripasov i vzryvchatyh veshchestv (istoriya, kriminologiya i ugovolno-pravovye aspekty) / S. A. Nevskij. – Moskva : YUrlitinform, 2008. – 311 s.
8. Zagajnova YU. V. K voprosu o ponyatii nezakonnogo oborota oruzhiya / YU. V. Zagajnova // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. – 2012. – № 3(62). – S. 36–41.
9. Koreckij D. A. Oruzhie ego nezakonnij oborot: kriminologicheskaya harakteristika i preduprezhdenie : ucheb. posobie / D. A. Koreckij, E. V. Solonickaya. – Sankt-Peterburg : YUrid. centr Press, 2006. – 258 s.
10. Savkin A. V. Kontrol' za oborotom oruzhiya, boepripasov, vzryvchatyh veshchestv i vzryvnyh ustrojstv v Vooruzhennyh Silah Rossijskoj Federacii / A. V. Savkin, E. M. Lazarev // Prestupnost' v izmenyayushchemsya mire i problemy optimizacii bor'by s nej. – Moskva, 2006. – S. 166–173.
11. Grechko E. P. K voprosu o pravovyh normah, kvalificiruyushchih prestupleniya, svyazannye s nezakonnym oborotom oruzhiya, i drugih predmetov, predstavlyayushchih povyshennuyu opasnost' / E. P. Grechko, P. P. Smol'yakov // «CHernye dyry» v rossijskom zakonodatel'stve. – 2007. – № 1. – S. 126–127.
12. Kriminologiya : ucheb. dlya vuzov / pod red. V. D. Malkova – 2-e izd., pererab. i dop. – Moskva : YUsticinform, 2006. – 528 s.
13. Kravcov A. I. Nezakonnij oborot ognestrel'nogo oruzhiya, boepripasov, vzryvchatyh veshchestv i vzryvnyh ustrojstv kak kriminogennyj faktor nasil'stvennoj prestupnosti / A. I. Kravcov // Rossijskij sledovatel'. – 2006. – № 12. – S. 39–42.
14. Bagrova O. L. Ugolovnaya otvetstvennost' za hishchenie libo vymogatel'stvo oruzhiya, boepripasov, vzryvchatyh veshchestv i vzryvnyh ustrojstv : special'nost' 12.00.08 «Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ugovolno-ispolnitel'noe pravo» : dis. na soiskanie uchen. stepeni kand. jurid. nauk / Bagrova Ol'ga Leonidovna ; Mosk. un-t MVD Rossii. – Moskva, 2004. – 164 s.
15. Zvarygin V. E. Nezakonnij oborot ognestrel'nogo oruzhiya: ugovolno-pravovoj i kriminologicheskij aspekty : special'nost' 12.00.08 «Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ugovolno-ispolnitel'noe pravo» : dis. na soiskanie uchen. stepeni kand. jurid. nauk / Zvarygin Valerij Evgen'evich ; Udmurt. gos. un-t. – Izhevsk, 2002. – 282 s.
16. Zadoyan A. A. Ponyatie oruzhiya i ego vidy / A. A. Zadoyan // Lex Russia (Nauchnye trudy MGYUA). – 2011. – № 6. – S. 1155–1173.

УДК 343.97

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(1)- 217-222

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРОФИЛАКТИКИ
ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ ТРАНСПОРТА**

Семенцова И. А., Федорова Е. А.

Акцентируя внимание на важности транспортной отрасли, авторами рассматриваются вопросы профилактики преступлений в сфере транспорта. С учетом современного состояния транспортных правоотношений формулируется вывод о необходимости формирования устойчивой системы транспортной безопасности. Как одно из главных направлений деятельности по борьбе с транспортной преступностью в статье системно анализируются меры, направленные на ее профилактику. Определяются объекты, субъекты, приоритетные направления профилактического воздействия.

Ключевые слова: Транспортная преступность, профилактика преступлений, преступления на транспорте, безопасность эксплуатации транспортных средств.

Транспорт – важнейшая сфера общественного производства, связующее звено между производителями и потребителями товаров и услуг, без которого немислим рынок и рыночные отношения. Значимость железнодорожного, водного, воздушного, автотранспорта в перевозке (в том числе международной) грузов и пассажиров трудно переоценить.

Преступность в сфере перевозок, а также в сфере эксплуатации (движения) транспорта, на объектах транспортной инфраструктуры – явление сложное и многогранное, обусловленное особенностями различных видов транспорта. Отсюда: – необходимо наличие разносторонних направлений и средств ее предупреждения.

Рассуждая на тему профилактики преступлений, совершенных на транспорте, изначально, не углубляясь в обоснование, определимся с терминологией и, прежде всего, нашим видением понятий «транспортных преступлений» и «преступлений, совершенных на транспорте».

На законодательном уровне данные термины не определены, в теории уголовного права к настоящему времени не выработано его общепризнанной дефиниции, феномен транспортной преступности рассматривается, как правило, в узконаправленных исследованиях, привязанных к определенному виду транспорта.

Под транспортным преступлением предлагаем понимать виновно совершенное деяние, нарушающее требование безаварийного функционирования транспорта как единого технологического комплекса либо создающее угрозу его функционирования. В научной литературе выделяют три типа угроз обусловленных: а) техническим состоянием транспортного средства, б) нарушениями эксплуатации и движения, в) вмешательствами извне.

Под преступлением, совершенном на транспорте, соответственно, будем понимать виновное деяние, совершенное на воздушном, морском, внутреннем водном, железнодорожном, автототранспорте и метрополитене. При этом, понятие «транспорт», не идентично понятию «транспортное средство». Транспорт включает и объекты с соответствующей инфраструктурой (вокзалы, станции, аэропорты, мор-

ские и речные порты, причалы, пристани), а также само транспортное средство. Таким образом, совершенные на транспорте преступления, это общеуголовные наказуемые деяния, характеризующиеся местом их совершения (транспортное средство, как правило, общего пользования или предназначенное для перевозки грузов и объекты транспортной инфраструктуры). Транспортные же преступления характеризуются общим объектом посягательства – безопасностью функционирования, эксплуатации и движения транспорта. Для таких деяний наиболее также характерен специальный субъект их совершения – ответственное за данное направление лицо.

Кроме того действия, создающие угрозу безопасности, могут совершаться не только на (в) транспортном средстве. К таким примерам можно отнести: повреждение их хулиганских побуждений стекол поездов, электричек, автобусов; сознание препятствий летательным объектам (ослепление лазерной указкой пилотов, применение салютных систем с большой высотой поражения); создание иных препятствий на пути движения наземного транспорта.

Под транспортной преступностью для целей настоящей статьи будем понимать совокупность преступлений, совершенных на транспорте и создающих реальную угрозу его безопасного функционирования и эксплуатации. Не будут включаться в данную группу преступления, совершенные при участии автотранспортного средства индивидуального пользования в качестве орудия совершения преступления, например, при контрабанде товаров, перемещаемых через государственную границу на личном автотранспорте.

Одним из главных направлений деятельности по борьбе с транспортной преступностью, как умышленной так неосторожной, является ее предупреждение. Спецификой такого предупреждения является то, что оно всегда направлено на выявление, послабление или ликвидацию причин и условий, порождающих преступность, выступая своего рода показателем эффективности криминологических исследований [1, с. 68].

Профилактика преступлений представляет собой сложный и многогранный процесс, для осуществления которого государственные органы должны объединить свои усилия и, широко используя пропаганду и агитацию, вызвать в массах сознательное отношение и стремление к борьбе с различными преступлениями. Кроме того, профилактика является одной из сфер социального управления, воздействующей на причины и условия и на саму преступность с целью предотвращения ее самодетерминации.

Профилактические меры осуществляются различными государственными и общественными институтами и в совокупности должны представлять систему предупреждения преступлений, которая проявляет себя через конкретные формы деятельности. Системный подход к предупреждению транспортных преступлений, предполагает в частности, комплексность осуществляемых мероприятий, взаимодействие субъектов профилактики, которые можно достичь только путем планирования профилактической деятельности, правовых и организационных мер по ее координации; глубокое понимание механизмов взаимодействия различных звеньев предупредительной деятельности.

Системность предупреждения транспортной преступности подразумевает видение предупреждения как особой области социального управления, комплексность мероприятий, эффективное взаимодействие субъектов профилактики, которые до-

стигаются посредством планирования профилактической деятельности, правовых и организационных мер по ее координации.

Борьба с транспортной преступностью многоаспектна; она осуществляется по различным направлениям и включает в себя выявление, предупреждение, пресечение, расследование и раскрытие преступлений, связанных с транспортом. Специфика системы обеспечения транспортной безопасности выражается в том, что она в основном ориентирована не на выявление, расследование и раскрытие уже совершенных транспортных преступлений и даже не на их пресечение, а именно на недопущение совершения преступлений. Иными словами, противодействие криминальным угрозам транспортной безопасности в значительной мере носит превентивный характер.

Предупреждение транспортной преступности в рамках обеспечения транспортной безопасности осуществляется с учетом криминологических закономерностей данной разновидности криминальной активности, в том числе на основе криминологических характеристик отдельных видов преступлений, связанных с транспортом.

Объектом предупредительного воздействия здесь выступают те негативные явления и процессы, которые и порождают данный вид преступности, отдельные лица, склонные к совершению преступлений, либо уже их совершившие, а также субъекты, которым может быть причинен ущерб подобными противоправными действиями.

Приоритетными для предопределения транспортной преступности всегда были и остаются вопросы обеспечения бесперебойного функционирования транспортной инфраструктуры, защиты прав работников транспортных предприятий и пассажиров.

Предупреждение транспортных преступлений – сложный, но управляемый социальный процесс, требующий реализации комплекса экономических, технических, правовых, культурно-воспитательных, психологических и иных мер, являющихся составной частью общей системы социальной профилактики правонарушений. Эта система включает меры общего, специально-криминологического и технического характера, а также индивидуальная и виктимологическая профилактика.

Общие меры предупреждения представлены приемами и способами воздействия на исследуемый вид преступлений посредством осуществления мероприятий общесоциального характера. К таковым можно отнести следующие меры социально-экономической направленности:

обеспечение оптимальных условий труда работникам транспортных предприятий и организаций, заключающееся в охране труда, создании и сохранении рабочих мест, ликвидации режима сокращенного рабочего дня и административного отпуска без сохранения заработной платы;

ориентирование государственных и муниципальных органов на модернизацию всех видов транспортных средств, предназначенных для перевозки пассажиров и грузов, подвижного состава железнодорожного транспорта;

повышение уровня правосознания среди участников перевозочного процесса;

формирование и развитие знаний, умений, компетенций, моральных качеств у молодежи, обучающейся в специализированных образовательных организациях, а также в коллективах транспортных предприятий и организаций [2, с. 21].

Наряду с общим предупреждением рассматриваемых преступлений следует отметить и меры специального предупреждения, то есть направленные на недопущение и устранение криминогенных факторов, способствующих, например, хищению грузов либо снижению травматизма на объектах транспортной инфраструктуры. К специальным мерам также необходимо отнести обеспечение должной охраны материальных ценностей в грузовых парках, парках отстоя, портах, складах временного хранения; обеспечение безопасности работников транспорта, прав и законных интересов собственников грузов; повышение эффективности оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел на транспорте, направленных на установление лиц, подготавливающих к совершению, например, хищения грузов или иных преступлений в сфере перевозок и безопасности транспорта, с целью принятия необходимых мер для их склонения от отказа преступной деятельности; внесение в соответствии с ч. 2 ст. 158 УПК РФ в государственные органы, общественные организации, должностным лицам представлений об устранении выявленных в ходе расследования причин и условий, способствующих совершению преступлений на объектах транспорта и др.

Важную роль в предупреждении и пресечении нарушений обязательных требований в области безопасности движения и эксплуатации транспорта юридическими и должностными лицами, индивидуальными предпринимателями играет такая мера административного принуждения, как предписание. Предписание выдается в процессе осуществления федерального надзора в случае выявления при проведении проверки нарушений юридическим лицом, индивидуальным предпринимателем обязательных требований.

В юридической литературе высказываются различные суждения относительно целей общего и специального предупреждения транспортных преступлений. Одни авторы считают, что наказание за данные преступления должно быть направлено в первую очередь на эффективное предотвращение повторных случаев подобных преступлений, отдавая тем самым приоритет частной превенции. Другие, напротив, полагают, что применительно к транспортным преступлениям задачи наказания определяются, прежде всего, целями общего предупреждения преступлений.

Также высказывается мнение, что для предупреждения преступлений характерен принцип устрашения «чем строже предусмотренное наказание, тем выше его общепредупредительная роль» и что пересмотр санкций в сторону смягчения наказания означает снижение общей роли предупреждения преступлений. При этом необходимо повышать уровень профессиональной подготовки транспортных дознавателей, следователей и прокуроров, а также постоянно совершенствовать, надзорную практику, практику расследования и судебного рассмотрения уголовных дел по транспортным преступлениям [3, с. 26].

Еще раз подчеркнем, что преступность на транспорте имеет ярко выраженную специфику, обусловленную особенностями самого различных видов транспорта. Часть бывает, что преступления, совершаются на транспортном средстве, в период, когда оно (средство) находится в значительной удаленности от места нахождения правоохранительного органа, что, в свою очередь, затрудняет их выявление, раскрытие и предупреждение. К примеру, наиболее часто в сфере эксплуатации железнодорожного транспорта регистрируются сообщения о преступлениях, связанных с хищением деталей с электровозов, совершенных в условиях неочевидности. При

этом зачастую достоверно неизвестно место и время совершения преступления, в результате чего между органами внутренних дел возникают спорные вопросы о месте проведения доследственной проверки, что зачастую приводит к необоснованному направлению сообщения о преступлении по подследственности и затягиванию окончательного принятия процессуального решения по материалу [4].

Помимо этого, представляется, что повышению эффективности профилактики и борьбы с транспортной преступностью будет способствовать виктимологическая профилактика – меры, направленные на потерпевшего, его поведение в допреступных и преступных ситуациях. Несмотря на то, что в действующем российском законодательстве виктимологическая профилактика как особый вид профилактики правонарушений не закреплена, ее потенциал как самостоятельного предупредительного направления разрабатывается, обосновывается и доказывается на уровне криминологических и иных исследований. Необходимо учитывать современные виктимологические исследования дорожно-транспортных жертв, особенности виктимизации в сфере дорожного движения. Важным обстоятельством выступает дальнейшая разработка, и реализация профилактических мер в отношении разных видов участников дорожного движения и виктимогенных факторов, их законодательное обеспечение в современных условиях.

В виктимологической профилактике виктимного поведения скрыты резервы успешной деятельности по уменьшению дорожно-транспортного травматизма. Будучи экономичным методом воздействия на дорожно-транспортную преступность, виктимологическая профилактика должна стать перспективным направлением всей многоплановой работы с реальными и потенциальными потерпевшими, антивиктимизационной деятельности, связанно с совершенствованием состояния транспортных средств и дорожных условий [5, с. 246].

В группу профилактических мероприятий технического характера можно отнести, например, установку субъектами профилактики современных цифровых видеокамер с непрерывной записью и (или) онлайн- трансляцией процессов погрузки/выгрузки, эксплуатации транспортных средств.

Говоря о профилактике преступлений, совершенных на транспорте, Ивушкина О.В. подчеркивает, что эффективность данной деятельности зависит от налаженного взаимодействия сотрудников транспортной полиции с территориальными ОВД, администрацией железнодорожных предприятий и спецподразделениями ведомственной охраны на железнодорожном транспорте по вопросам предупреждения преступности [6].

Кроме того, важна направленная оперативно-розыскная и уголовно-процессуальная деятельность сотрудников правоохранительных органов, направленная на раскрытие и качественное расследование преступлений, в первую очередь тяжких и особо тяжких, совершенных в составе организованных преступных групп, преступлений прошлых лет. Необходимо повысить эффективность работы по предупреждению транспортных преступлений с использованием имеющихся в регионах дислокации ресурсов государственной системы профилактики, усиление профилактической деятельности по предотвращению совершения преступлений в общественных местах, а также совершенных несовершеннолетними.

Также следует отметить, что одним из важнейших направлений по предупреждению транспортных преступлений является проведение воспитательной работы на

общегосударственном уровне. От уровня правосознания и дисциплинированности субъектов транспортной инфраструктуры в первую очередь и зависит эффективность всего комплекса мероприятий по предупреждению транспортных преступлений. Поэтому решающая роль в предупреждении транспортных преступлений принадлежит воспитанию всех субъектов связанных с безопасностью движения и эксплуатации транспорта в духе уважения закона.

Список литературы

1. Козаченко, К. В. Криминология : учебник и практикум для бакалавриата и специалитета / И. Я. Козаченко, К. В. Корсаков. – М. : Издательство Юрайт, 2019. – 277 с. – Текст : непосредственный.
2. Ивушкина, О. В. Кражи грузов из подвижного состава железнодорожного транспорта : характеристика и предупреждение : региональный аспект : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.08 / Ивушкина Ольга Викторовна; ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет». – Красноярск. – 2018. – 28 с. – Текст : непосредственный.
3. Кравец, И. П. Общие и специальные меры предупреждения транспортных преступлений / И. П. Кравец. – Текст : непосредственный. // Научные проблемы водного транспорта. — 2014. – № 41. – С. 25-27.
4. Бабенко, С. В. Особенности прокурорского надзора за расследованием преступлений на железнодорожном транспорте / С. В. Бабенко. – Текст : непосредственный. // Российская юстиция. – 2021. – № 1. – С. 40 - 43.
5. Корягина, С. А. Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств / С. А. Корягина. – Текст : непосредственный. // Молодой ученый. – 2020. – № 23 (313). – С. 246.
6. Ивушкина, О. В. Криминологический анализ состояния преступности на объектах обслуживания Восточно-Сибирской железной дороги / О. В. Ивушкина – Текст : непосредственный // Российский следователь. – 2020. – № 6. – С. 45-49.

Sementsova I. A., Fedorova E. A. Criminological aspects of ensuring transport security and crime prevention in the field of transport // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 217-222.

Focusing on the importance of the transport industry, the authors consider the issues of crime prevention in the field of transport. Taking into account the current state of transport legal relations, the conclusion is formulated about the need to form a stable transport security system. As one of their main activities in the fight against transport crime, the article systematically analyzes measures aimed at its prevention. Objects, subjects, priority directions of preventive impact are determined.

Key words: Transport crime, crime prevention, crimes on transport, safety of vehicle operation.

Spisok literatury

1. Kozachenko, K. V. Kriminologiya : uchebnik i praktikum dlya bakalavriata i specialiteta / I. YA. Kozachenko, K. V. Korsakov. – M. : Izdatel'stvo YUrajt, 2019. – 277 s. – Tekst : neposredstvennyj.
2. Ivushkina, O. V. Krazhi грузов из подвижного состава железнодорожного транспорта : характеристика и предупреждение : региональный аспект : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.08 / Ivushkina Ol'ga Viktorovna; FGAOU VO «Sibirskij federal'nyj universitet». – Krasnoyarsk. – 2018. – 28 s. – Tekst : neposredstvennyj.
3. Kravec, I. P. Obshchie i special'nye mery preduprezhdeniya transportnyh prestuplenij / I. P. Kravec. – Tekst : neposredstvennyj. // Nauchnye problemy vodnogo transporta. — 2014. – № 41. – S. 25-27.
4. Babenko, S. V. Osobennosti prokurorskogo nadzora za rassledovaniem prestuplenij na zheleznodorozhnom transporte / S. V. Babenko. – Tekst : neposredstvennyj. // Rossijskaya yusticiya. — 2021. – № 1. – S. 40 - 43.
5. Koryagina, S. A. Narushenie pravil dorozhnogo dvizheniya i ekspluatatsii transportnyh sredstv / S. A. Koryagina. – Tekst : neposredstvennyj. // Molodoj uchenyj. – 2020. – № 23 (313). – S. 246.
6. Ivushkina, O. V. Kriminologicheskij analiz sostoyaniya prestupnosti na ob'ektah obsluzhivaniya Vostochno-Sibirskoj zheleznoj dorogi / O. V. Ivushkina – Tekst : neposredstvennyj // Rossijskij sledovatel'. – 2020. – № 6. – S. 45-49.

УДК 343.33

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(1)- 223-227

ДЕТЕРМИНАНТЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА СОЗДАНИЕ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Ермакова О. В.

Барнаульский юридически институт МВД России

В представленной статье автором анализируются детерминанты, влияющие на создание конкретного состава преступления. В частности, автором доказывается, что на отбор обязательных признаков состава преступления, а также на вид конструкции влияет система детерминант, представляющая собой совокупность оснований и условий. Представленные детерминанты, примененные к составам, закрепленным в Особенной части УК РФ позволяют решить вопрос относительно обоснованности используемой конструкции. Отдельное внимание уделяется взаимосвязи различных признаков состава преступления, которую необходимо учитывать при создании законодательной конструкции.

Ключевые слова: состав преступления, создание состава преступления, основания и условия, влияющие на конструкцию состава преступления.

Одним из вопросов, касающихся создания состава преступления, не получившим достаточной разработки в уголовном праве, является проблема отбора обязательных признаков и вида конструкции состава.

Хотя, анализ действующего уголовного закона вызывает вопросы – почему различается количественная составляющая признаков составов преступлений, при этом в одних случаях деяние имеет простую форму одного действия, а в других описывается их совокупность.

Отсутствие четкого объяснения отбора обязательных признаков состава преступления приводит к тому, что невозможно оценить верность решения законодателя, спрогнозировать проблемы, которые может вызвать конструкция конкретного состава преступления.

Заявленная тема является несомненно актуальной, поскольку позволит создать юридически обоснованный уголовный закон. Кроме того, предложенный ракурс рассмотрения вопросов обладает несомненной научной новизной в связи с отсутствием исследований подобного рода. Большинство современных научных исследований направлены исключительно на выявление проблем правоприменения и критику законодательной регламентации того или иного состава преступления.

Отбор признаков состава преступления происходит после принятия решения о криминализации деяния при создании соответствующей модели. На этом же этапе решается юридическое оформление избранных признаков.

При этом, следует отметить, что детерминанты, оказывающие влияние на создание состава преступления, представляют собой определенную систему, подлежащую применению только при применении всего множества факторов.

Л.Л. Кругликов указывает, что признаком состава следовало бы считать лишь такой признак преступления, который соответствует совокупности следующих требований: а) он вместе с другими признаками определяет общественную опасность,

противоправность, виновность и наказуемость деяния; б) выражает его отличие от других преступлений и правонарушений; в) прямо указан в законе или однозначно вытекает из него при толковании; г) не является производным от других признаков; д) присущ всем преступлениям данного вида [1, с. 68-69].

А.В. Иванчин называет такой фактор конструирования, как общественную опасность [2, с. 53-57].

Полагаем при создании конструкции состава преступления необходимо принимать во внимание определенную совокупность детерминант, которые отличаются по своей важности для процесса создания состава и выполняют индивидуальную функцию.

Главные детерминанты именуется основаниями. Именно ориентируясь на них, законодатель должен сделать определенный вывод. Второстепенные детерминанты, играющие вспомогательную роль при создании состава преступления, необходимо признавать условиями.

Учитывая, что конструирование модели состава преступления осуществляется в процессе криминализации, следует рассмотреть вопрос о применении в качестве детерминант оснований криминализации.

Например, Л.М. Прокументов указывает на такое условие, как развитие научно-технического прогресса [3, с. 46], с очевидностью влияющее на криминализацию и абсолютно не оказывающее воздействия на выбор признаков.

Исходя из этого, однозначного совпадения между факторами, оказывающими влияние на криминализацию и создание состава преступления, не имеется.

В первую очередь на выбор признаков состава преступления оказывают влияние охраняемые общественные отношения. Например, нарушить отношения, охраняющие жизнь человека можно только путем причинения смерти; воздействовать на отношения собственности допустимо лишь при изъятии имущества, его уничтожении, повреждении и т.д.

Таким образом, специфические особенности охраняемых общественных отношений дают полное представление о том действии (бездействии), осуществление которого может их нарушить, о возможных последствиях, о форме вины, с которой должно происходить посягательство.

Кроме того, на конструкцию состава преступления оказывает возможность отражения общественной опасности в отдельно взятом признаке. По нашему мнению, признаки общего субъекта преступления не влияют на общественную опасность, именно поэтому не отражаются в конкретном составе преступления. Иное дело при наличии специального субъекта, которому присущи особые, дополнительные признаки.

Вместе с тем, ряд объективных и субъективных признаков влияют на общественную опасность не всегда. Так, предмет преступления, по поводу которого происходит посягательство, может сам по себе выступать источником повышенной опасности (например, оружие, боеприпасы). В этом случае, предмет отражает общественную опасность преступления и должен в обязательном порядке вводиться в конструкцию состава преступления. С другой стороны, предмет может и быть нейтральным по отношению к измерению общественной опасности преступления. Именно такая ситуация имеет место в разбое, при совершении которого вообще не важно, произошло ли изъятие имущества (а также его размер) или же нет.

Помимо отражения в признаке критерия общественной опасности, основанием отбора обязательных признаков состава преступления выступает типичность того или иного признака, т.е. насколько он свойственен данному деянию.

Типичность нельзя рассматривать только через призму распространенности определенного признака в реально существующих общественно опасных деяниях. Данное понятие означает характерность признака деянию, отражение им существенной характеристики последнего.

В этой части, следует признать типичными для убийства последствия в виде наступления смерти. Вместе с тем не типично – совершение преступления в определенном месте или в отдельный период времени, именно поэтому последствия включаются в конструкцию состава преступления, предусмотренного ст. 105 УК РФ, а время и место – нет.

Совокупное сочетание таких оснований, как учет охраняемых общественных отношений, отражение в признаке общественной опасности и типичности приводит к социальной потребности создания именно такой конструкции состава преступления.

В этой части следует указать на необоснованность конструкции разбоя, имеющего усеченный состав. Так, анализ 50 приговоров, вынесенных судами субъектов РФ по ст. 162 УК РФ показывает, что в 47 фактах имеет место причинение имущественного ущерба, т.е. последствия — это типичный признак разбоя, который к тому же отражает общественную опасность преступления, проявляясь в различных размерах.

Помимо оснований, на создание состава преступления влияние оказывают многочисленные условия. Среди которых следует указать:

1. Политическая, экономическая, социальная обстановка, имеющая место в государстве.

Так, Ю.А. Демидов обоснованно отметил, что во всем уголовном законодательстве выражается политика государства [4, с. 98]. В качестве примера подобного утверждения можно привести повышение внимания государства к противодействию преступлениям террористической, коррупционной направленности, в результате чего в уголовный закон были введены блоки данных деяний и во всех конструкциях использован формальный или усеченный составы, предполагающие наступление момента окончания преступления на начальных этапах, не связанных с наступлением преступного результата.

2. Допустимость и возможность введения признака в конструкцию состава преступления. Это условие будет соблюдено в том случае, когда конструкция не вызывает вопросов толкования и не создает проблем в правоприменительной деятельности.

В этой части следует указать на особые сложности при признании факультативных признаков субъективной стороны (мотива, цели) в качестве обязательных, поскольку их установление всегда сопряжено с особыми психическими процессами. Именно поэтому законодателю необходимо с осторожностью включать данные признаки в конструкцию.

3. Современное состояние и направление уголовной политики.

Например, в научной литературе отмечается тенденция, корни которой как раз восходят к современной уголовной политике, заключающаяся в моделировании неосторожных преступлений в виде составов опасности [5, с. 134]. По нашему мне-

нию, взятый курс должен быть продолжен, поскольку использование составов опасности при неосторожном причинении вреда во многих областях социальной жизни, позволит предотвратить наступление вредных последствий.

4. Учет Конституции РФ, а также норм и принципов международного права. Данное положение напрямую исходит из ч.2 ст. 1 УК РФ определяющей, что кодекс должен основываться на основном законе нашего государства и международно-правовых нормах.

5. Соответствие Общей части УК РФ, а именно задачам и принципам уголовного законодательства.

6. Совокупный учет норм различных отраслей права – предполагает согласование с предписаниями, относящимися к предмету других отраслей права.

В качестве примера такого требования можно привести обязательное включение преступных последствий в конструкцию состава преступления, если деяние запрещается не только уголовным, но и иным законодательством (административным, гражданским и т.д.), поскольку именно этот признак будет выступать критерием разграничения [6, с. 94].

Так уголовно наказуемо хищение в целях отграничения от административного правонарушения-мелкого хищения должно содержать указание на последствия определенного вида и размера. Однако в примечании к ст. 158 УК РФ закрепляется только вид последствий в виде имущественного ущерба, т.е. фактически грань между преступлением и правонарушением в уголовном законе отсутствует.

7. Учет диалектической взаимосвязи элементов состава преступления между собой при отборе обязательных признаков и вида конструкции оконченного преступления.

Элементы состава преступления взаимозависимы, вследствие чего наблюдается их диалектическое единство. Проявление данного свойства элементов состава, в наибольшем виде проявляется посредством анализа объекта преступления, который способен нарушаться только определенными действиями, а вред ему воплощается в конкретных последствиях.

Для уяснения преступного последствия необходимо проанализировать структуру объекта преступления и входящие в нее элементы. Например, в преступлениях против собственности, негативные изменения происходят в таком элементе общественных отношений, как материальные вещи, соответственно причинение материального вреда будет являться последствием совершения данных преступлений.

Деяние может влиять и на наличие специального субъекта преступления. К примеру, деяние, выраженное в половом сношении, т.е. естественном половой акте мужчины над женщиной, предполагает включение в конструкцию состава специального субъекта – мужчины; бездействие в большинстве случаев требует указания на лицо, обязанное осуществлять определенные действия и т.д.

Приведенный перечень условий, влияющих на создание конструкции состава преступления, может быть продолжен и иными, поэтому имеет открытый характер.

Проведенное исследование показывает необходимость учета совокупности факторов, оказывающих на создание состава преступления различное влияние. Только подобный комплексный подход позволит создать обоснованные конструкции конкретных составов преступлений и избежать проблем в правоприменительной деятельности.

Список литературы:

1. Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. – Спб.: Юридический центр «Пресс», 2005. – 344 с.
2. Иванчин А.В. Факторы, учитываемые в процессе конструирования состава преступления // Вестник Ярославского государственного университета им. Г.П. Демидова. Серия Гуманитарные науки. – 2014. – №2. – С. 53-57.
3. Прокументов Л.М. Криминализация и декриминализация деяний. – Томск: Изд-во Томского университета, 2012. – 142 с.
4. Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. – М.: Юридическая литература, 1975. – 184 с.
5. Бавсун М.В., Векленко С.В. Проблемы виновного вменения за преступления, совершаемые по неосторожности // Правоведение. – 2004. – №5. – С. 134.
6. Ермакова, О.В. Основания и условия, влияющие на конструкцию состава преступления: монография. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2020. – 128 с.

Yarmakova O. V. Determinants, affecting the creation of the composition of the crime // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2021. – T. 7 (73). № 3. – P. 223-227.
In the presented article, the author analyzes the determinants that influence the creation of a specific corpus delicti. In particular, the author proves that the selection of mandatory signs of corpus delicti, as well as the type of construction, is influenced by the system of determinants, which is a set of grounds and conditions. The presented determinants, applied to the compositions enshrined in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, make it possible to resolve the issue of the validity of the design used. Special attention is paid to the interdependence of various signs of corpus delicti, which must be taken into account when creating a legislative structure.

Keywords: corpus delicti, creation of corpus delicti, grounds and conditions affecting the design of corpus delicti.

Spisok literaturey:

1. Kruglikov L.L., Spiridonova O.E. YUridicheskie konstrukcii i simvoly v ugovnom prave. – Spb.: YUridicheskij centr «Press», 2005. – 344 s.
2. Ivanchin A.V. Faktory, uchityvaemye v processe konstruirovaniya sostava prestupleniya // Vestnik YArslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. G.P. Demidova. Seriya Gumanitarnye nauki. – 2014. – №2. – S. 53-57.
3. Prozumentov L.M. Kriminalizaciya i dekriminalizaciya deyanij. – Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 2012. – 142 s.
4. Demidov YU.A. Social'naya cennost' i ocenka v ugovnom prave. – M.: YUridicheskaya literatura, 1975. – 184 s.
5. Bavsun M.V., Veklenko S.V. Problemy vinovnogo vmeneniya za prestupleniya, sovershaemye po neostorozhnosti // Pravovedenie. – 2004. – №5. – S. 134.
6. Ermakova, O.V. Osnovaniya i usloviya, vliyayushchie na konstrukciyu sostava prestupleniya: monografiya. – Barnaul : Barnaul'skij yuridicheskij institut MVD Rossii, 2020. – 128 s.

**УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС; КРИМИНАЛИСТИКА; СУДЕБНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ,
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

УДК 343.98

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(1)- 228-234

**ОСОБЕННОСТИ ТИПИЗАЦИИ СЛЕДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ
С НЕЗАКОННЫМ ПОИСКОМ И(ИЛИ) ИЗЪЯТИЕМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ПРЕДМЕТОВ ИЗ МЕСТ ЗАЛЕГАНИЯ (СТ. 243.2 УК РФ)**

Баграмян С. Л.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Бесспорным остаётся утверждение, что при совершении любого преступления преступник, своими действиями, вносит изменения в окружающую обстановку. Объектами изучения криминалистики как науки выступают те изменения, которые непосредственно связаны с механизмом совершения деликта и характеризуют вещную обстановку на месте преступления сложившуюся непосредственно после его совершения. Такие изменения, определяемые в криминалистике как «следы преступления», являются основным источником информации, позволяющем субъекту расследования получить максимально объективные данные характеризующие обстоятельства совершения преступления. Исследование образовавшихся на месте происшествия совокупности материальных следов преступления, именуемых в криминалистической науке «следовой картиной», способствует не только решению идентификационных и диагностических задач, но и построению типичных версий относительно механизма совершения преступления. Именно поэтому объективное, своевременное, научно обоснованное и тщательное изучение следовой картины места происшествия, является фактором способствующим эффективной организации и планированию расследования преступлений.

В статье предпринята попытка типизации следовой картины на месте преступления, связанного с незаконным поиском и(или) изъятием археологических предметов из мест залегания (ст. 243.2 УК РФ). Автор, основываясь на научных трудах и исследованиях в указанной области, характеризует наиболее часто встречающиеся по преступлениям рассматриваемой категории следы на месте происшествия, а также обстоятельства совершения преступления, которые возможно установить при их исследовании. Также, в статье приводится виденье автора о взаимосвязи следовой картины и алгоритма действий следователя на первоначальном этапе расследования.

Ключевые слова: след, следовая картина, орудие преступления, место происшествия, осмотр места происшествия, расследование, археологические предметы.

Известно, что следовая картина преступления отражает особенности способа его совершения, а также признаки других элементов структуры преступной деятельности [3, с. 28]. Полный и подробный анализ следовой картины, позволяет создать основу для наиболее эффективного распознавания характерного способа совершения расследуемого преступления даже по отдельным признакам [4, с. 45–46].

Один из основоположников криминалистической науки, И.Ф. Крылов, замечал: обстановку преступления можно рассматривать как систему, совокупность различных следов, объединенных между собой теми или иными формами связи [5, с. 62].

Рассматривая современные представления о криминалистическом следоведении, видный криминалист Е.П. Ищенко, пишет: будучи источниками информации о расследуемом событии, следы помогают разобраться в его сути, установить отдельные обсто-

ательства произошедшего, степень вины и ответственности каждого из причастных к нему лиц, другие важные фактические данные [6, с. 73].

Практика расследования преступлений, предусмотренных нормами ст. 243.2 УК РФ, показывает, что уже с момента непосредственного обнаружения данного преступления, перед субъектом расследования стоит ряд задач. К ним можно отнести: установление надлежащего характера предмета (объекта), на который посягал подозреваемый (подозреваемые); подтверждение фактического характера противоправных действий (использования для поиска запрещенных законом предметов); реконструкция механизма совершения преступления; подтверждение противоправного умысла в деянии совершивших его лиц; определение степени участия в противоправных действиях каждого из подозреваемых, задержанных представителями органа дознания, и ряд других.

Решению этих задач может помочь криминалистический анализ следовой картины на месте происшествия, который, как показывает практика, дознаватель (следователь) в ряде случаев осуществляет сразу же по прибытию на место, в том числе и в составе следственно-оперативной группы.

Задержание на месте происшествия подозреваемого до приезда следственной оперативной группы, позволяет субъекту расследования более эффективно построить работу по обнаружению, закреплению и изъятию следов преступления, руководствуясь сведениями о типичной следовой картине этого преступления. Отметим, что преступление, предусмотренное ст. 243.2 УК РФ чаще всего (около 70%) выявляется т.н. «активным путем», когда представители органа дознания проводят специальные оперативно-профилактические операции на территории, где предположительно, или согласно документам органов охраны культурного наследия, располагаются объекты культурного наследия, сокрытые в земле или воде. Менее часто, (25%) такие преступления обнаруживаются гражданами, сообщаящими об этом участковому уполномоченному полиции, который задерживает лицо (группу лиц), осуществляющих незаконный поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания. Иногда (порядка 5 % случаев), данное преступление обнаруживается представителем государственного (муниципального) органа по охране объектов культурного наследия.

Понимая следовую картину на месте происшествия как совокупность относящихся к деянию предметов, и следов происшествия, а также связей и зависимостей этих предметов и следов с личностью преступника и способом совершения преступления, можно предложить наиболее общую типичную следовую картину места происшествия по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 243.2 УК РФ. С нашей точки зрения, она будет состоять из трех групп предметов и следов.

1. Предметы, непосредственно относящиеся к реализации способа совершения преступления (незаконному поиску (изъятию)) – орудия преступления и связанные с ними объекты (вещества).

Наиболее часто (около 55% случаев), на месте происшествия обнаруживают устройства, как специально предназначенные, так и приспособленные для поиска металлических предметов в разной среде: металлодетекторы и георадары (радиолокаторы), промышленные магниты, магнитные щупы.

На этих устройствах находят имеющие идентификационное значение частицы грунта, почву с места незаконного поиска (изъятия) археологических предметов, донный ил, личинки насекомых.

Кроме этого, на поверхности металлодетекторов можно встретить объекты биологического происхождения, такие, как: кровь, потожировые выделения в следах пальцев рук. Обнаружение названных следов позволяет связать орудие преступления с конкретным задержанным по подозрению в его совершении лицом, доказать совершение им незаконного поиска (изъятия).

Менее часто (по 25% проанализированных уголовных дел и материалов предварительной проверки), на месте происшествия обнаруживаются предметы бытового назначения (лопата, кирка, лом, топор, канатная веревка), применяемые для извлечения из культурного слоя изделий из металла, удаления частей монументального сооружения, подъема археологических предметов. Они содержат на своей поверхности следы-наслоения почвы, грунта с места, где были осуществлены незаконные раскопки, извлекались элементы культурного слоя, предметы культурного наследия.

Практика расследования данных преступлений, показывает, что удаленную с места раскопа почву, изъятые элементы культурного слоя (части исторических сооружений, плиты монументов, кости погребенных и проч.) на приспособленной для этого тележке, автоприцепе, прицепе трактора, отвозятся в специально определенное место (лесопосадку, овраг, балку, водоем). Там они закапываются, укрываются с использованием элементов естественной среды (листья, поваленные деревья, углубления в почве и т.д.).

Довольно часто, на участках земель, где находятся объекты культурного наследия и к которым прилегают земли сельскохозяйственного назначения, обнаруживаются следы применения строительно-хозяйственных механизмов (тракторов, бульдозеров, грейдеров, экскаваторов). С их помощью преступники удаляют верхний слой почвы, разрушают части культурного слоя, чтобы поиск археологических ценностей был более комфортен.

Использование названных строительно-хозяйственных механизмов в отдельных случаях, свидетельствует о совершении преступления вполне определенной категорией лиц (например, строительные машины и механизмы, обнаруженные на месте поиска (извлечения), указывают на лиц, причастных к раскопкам: строителей, сотрудников жилищно-коммунальных организаций, осуществляющих строительные или монтажные работы, в чьем распоряжении находилась данная техника).

На осколках разрушенного монумента иногда можно обнаружить следы-отображения, образованные контактным взаимодействием орудия преступления с разрушаемым предметом (объектом), воспроизводящие характер рабочей части этого орудия, что, безусловно, имеет определенный потенциал с точки зрения трасологического исследования.

2. Предметы (объекты), незаконно извлеченные из мест залегания и сопутствующие им следы.

Практика показывает, что лица, совершающие данное преступление мало интересуются основным содержимым культурного слоя: керамикой; изделиями из глины, камня; костями погребенных людей, животных; бытовыми предметами, утварью.

Их интерес направлен на предметы из металла, преимущественно драгоценного. Учитывается также значимость предмета в определенной культуре, определяющая его возможную высокую стоимость.

Поэтому предметы, не представляющие для них ценности, но являющиеся уникальными для истории и археологии, порой просто разрушаются, или исключаются из культурного слоя: повреждаются или выбрасываются. Нередко, в связи с данными предметами, на прилегающей к раскопу местности обнаруживаются следы обуви. Это обуславливается отсутствием асфальтированных дорожек в месте, где располагается объект культурного наследия.

Субъект расследования на месте происшествия, связанном с изъятием предметов из мест их залегания может обнаружить как целые предметы исторического наследия, так и их части.

Практика показывает, что такие предметы (их части), могут указывать на непосредственное место раскопки объекта культурного наследия, что имеет некоторое диагностическое значение: по их расположению на месте совершения преступления можно установить, как и, приблизительно, с помощью чего осуществлялось физическое воздействие на объект; размер орудия, судить о физической силе подозреваемого, а в совокупности, например, со следами обуви: правша или левша работал повредившим объект культурного наследия инструментом.

3. Предметы и следы, относящиеся к личности преступника.

Обнаружение, фиксация и изъятие этих следов, анализ их расположения в общей картине места происшествия, способно дать ответы на некоторые вопросы о личности подозреваемых, о непосредственных действиях в отношении объекта культурного наследия в момент его повреждения, а также возможных местах их пребывания до совершения преступления.

Отдельные сведения диагностического характера могут дать и осколки (части) разрушенного монумента (дольмена, мегалита, могильного камня, гробницы). Так, по месту «входа» раскопа в культурный слой объекта, можно строить предположение о наличии специальных знаний у подозреваемого в области истории, археологии. Позднее, можно собрать сведения, подтверждающие умысел незаконного поиска и (или) изъятия, касающиеся предварительного посещения им библиотек, архивов, музеев и других учреждений, где была приобретена информация о месте нахождения объекта культурного наследия, его значимости и возможном наличии ценностей.

Данные сведения выступают в виде прямых улик преступного поведения.

Нередко, на месте совершения преступления остаются предметы одежды, бытовые предметы. Они встречаются, в случаях, когда место происшествия удалено от населенных пунктов, расположено в малолюдной местности. «Черные копатели», без опаски устраивают лагерь и, занимаясь раскапыванием скрытого в земле объекта культурного наследия, пребывают в нем несколько дней. Ставят палатки, готовят еду, стирают вещи.

В ходе осмотров мест происшествия по рассматриваемому виду преступлений, достаточно часто (5%) на уплотненном обувью глинистом грунте обнаруживаются объемные следы ладоней и пальцев рук. В ходе осмотров мест происшествия, следы пальцев рук нередко изымаются и с гладкой шлифованной поверхности предметов культурного наследия, орудий преступления и строительной техники, устройств, использовавшихся для поиска металлических предметов в культурном слое.

По механизму следообразования их можно отнести к поверхностным, малозаметным или невидимым потожировым (зачастую с включением иных веществ – ча-

стиц грунта, осколков предметов из глины из объекта культурного наследия и т.п.) следам-наслоениям.

На основании изложенного, допустимо предполагать, что понимать следовую картину данного вида преступлений целесообразно как сформированную в результате взаимодействия материальных элементов расследуемого события целостную систему источников уголовно-релевантной информации, отражающую обстоятельства и механизм совершения преступления и используемую для установления существенных обстоятельств дела. По мнению многих учёных, результаты осмотра места, где обнаружены следы преступления, уже предрешают успешное расследование уголовного дела и следственные материалы, полученные иными способами, только дополняются [7, с. 270].

В связи с этим, исследование следов, является важной и необходимой основой при планировании на первоначальном этапе расследования преступлений данной категории. Ведь от анализа отдельных следов в их совокупности и с учетом обстановки события, дает возможность разработать более обоснованные версии о совершении преступлений.

Так же следует выделить, что на эффективность проводимых на данном этапе расследования мероприятий, в известной степени оказывают влияние совокупность сложившихся условий на месте совершения или обнаружения следов преступления, объём и «качество» информации, имеющей отношение к расследуемому событию, интенсивность, взаимосвязанность и время проводимых мероприятий. Криминалистическая составляющая этих условий, динамика их изменений и взаимодействие, находит отражение в определении «следственная ситуация», которая в определённой степени отражает объём и характер работы, проведённой субъектами расследования к определённому моменту времени. В криминалистической литературе сложившаяся на первоначальном этапе расследования «следственная ситуация», рассматривается как одно из основополагающих условий, определяющих успешную деятельность следователя (дознателя) по расследованию преступления [8, с.72-73]. Анализ сложившейся практики по расследованию незаконного поиска и (или) изъятия археологических предметов из мест залегания, показывает, что вид и направление проводимых следственных действий, а также оперативно – розыскных мероприятий, планирование расследования, во многом зависят от следственной ситуации, сложившейся именно на первоначальном этапе расследования. Следственную ситуацию рассматривают как динамическую, сложную систему, состоящую из взаимодействующих обстоятельств и условий, включающих в себя объективные (объективный компонент) и субъективные (субъективный компонент) составляющие.

Обобщая сказанное, следует отметить, следственная ситуация, складывающаяся при расследовании преступлений определённого вида, имеющая повторяющиеся и типичные с криминалистической позиции отображения механизма совершения преступления, в виде материальных и идеальных следов, определяются как «типичная следственная ситуация». Её учёт и анализ субъектами расследования, способствует эффективному определению направленности следственных действий и иных проводимых мероприятий, а также разработке общего алгоритма расследования конкретного преступления.

Общий алгоритм расследования преступлений, связанных с незаконным поиском и (или) изъятием археологических предметов из мест залегания (ст. 243.2 УК РФ) можно представить следующим образом: 1) оценка, сложившейся следственной ситуации по конкретному преступлению, на основе типичных следственных ситуаций; 2) выдвижение общих и частных версий по основным обстоятельствам расследуемого события; 3) определение первоначальных целей и задач расследования с учётом выработанных версий; 4) планирование расследования и реализация первоначальных тактических задач, в ходе проведения отдельных следственных действий и оперативно – розыскных мероприятий [9, с. 28–39].

Список литературы:

1. Крылов И.Ф. Криминалистическое учение о следах: монография. Изд-во Ленинградского университета. Ленинград, 1976. – 197 с.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Доступ из справочной правовой системы «Гарант»: <http://garant.ru> (дата посещения: 26.05.2021).
3. Модели и алгоритмы криминалистического исследования: учебное пособие / Под ред. В.Я. Колдина. М., 1989. – 184 с.
4. Яблоков Н.П. Криминалистическая методика расследования: история, современное состояние и проблемы: монография. – Изд-во НОРМА, М., 2016. – 192 с.
5. Крылов И.Ф. Криминалистическое учение о следах: монография. Изд-во Ленинградского университета. Ленинград, 1976. – 197 с.
6. Ищенко Е.П. Криминалистика: курс лекций. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: КОНТРАКТ, 2008. – 416 с.
7. Ищенко Е.П., Егоров Н.Н. Криминалистика для следователей и дознавателей: науч.-практическое пособие. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Инфра-М, 2016. – 699 с.
8. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования: учебник / Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Бородулин А.И., Григорьев В.Н., и др.; Под ред.: Аверьянова Т.В., Белкин Р.С. – М.: Новый Юрист, 1997. – 400 с.
9. Шаталов А.С. Понятия криминалистической алгоритмизации и программирования расследования преступлений. – Государство и право. – № 8. – 2000. – 678 с.

Baghramyan S.L. Peculiarities of typization of tracks of crimes related to illegal search and (or) removal of archaeological objects from locations (Article 243.2 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 3. – P. 228-234.

The assertion remains indisputable that when committing any crime, the criminal, by his actions, makes changes in the environment. The objects of the study of forensic science as a science are those changes that are directly related to the mechanism of committing a tort and characterize the real situation at the scene of a crime that developed immediately after it was committed. Such changes, defined in forensic science as "traces of a crime", are the main source of information that allows the subject of an investigation to obtain the most objective data characterizing the circumstances of the crime. The study of the aggregate of material traces of a crime formed at the scene of the incident, referred to in the forensic science as the "trace picture", contributes not only to the solution of identification and diagnostic problems, but also to the construction of typical versions regarding the mechanism of the crime. That is why an objective, timely, scientifically grounded and thorough study of the trace picture of the scene of the incident is a factor contributing to the effective organization and planning of the investigation of crimes.

The article attempts to typify the trace pattern at the crime scene associated with the illegal search and (or) withdrawal of archaeological objects from the places of occurrence (Article 243.2 of the Criminal Code of the Russian Federation). The author, based on scientific works and research in this area, characterizes the most common traces of crimes in this category at the scene of the incident, as well as the circumstances of the crime that can be established during their study. Also, the article provides the author's vision of the relationship between the trace picture and the algorithm of the investigator's actions at the initial stage of the investigation.

Key words: trace, trace picture, instrument of crime, scene of the incident, inspection of the scene, investigation, archaeological objects.

Spisok literaturyi:

1. Krylov I.F. Kriminalisticheskoe uchenie o sledah: monografiya. Izd-vo Leningradskogo universiteta. Leningrad, 1976. – 197 s.
2. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ // Dostup iz spravocnoy pravovoj sistemy «Garant»: <http://garant.ru> (data poseshcheniya: 26.05.2021).
3. Modeli i algoritmy kriminalisticheskogo issledovaniya: uchebnoe posobie / Pod red. V.YA. Koldina. M., 1989. – 184 s.
4. Yablokov N.P. Kriminalisticheskaya metodika rassledovaniya: istoriya, sovremennoe sostoyanie i problemy: monografiya. – Izd-vo NORMA, M., 2016. – 192 s.
5. Krylov I.F. Kriminalisticheskoe uchenie o sledah: monografiya. Izd-vo Leningradskogo universiteta. Leningrad, 1976. – 197 s.
6. Ishchenko E.P. Kriminalistika: kurs lekcij. – M.: AST: AST MOSKVA: KONTRAKT, 2008. – 416 s.
7. Ishchenko E.P., Egorov N.N. Kriminalistika dlya sledovatelej i doznavatelej: nauch.-prakticheskoe posobie. – 2-e izd., dop. i pererab. – M.: Infra-M, 2016. – 699 s.
8. Kriminalisticheskoe obespechenie deyatel'nosti kriminal'noj milicii i organov predvaritel'nogo rassledovaniya: uchebnyk / Aver'yanova T.V., Belkin R.S., Borodulin A.I., Grigor'ev V.N., i dr.; Pod red.: Aver'yanova T.V., Belkin R.S. – M.: Novyj YUrist, 1997. – 400 s.
9. Shatalov A.S. Ponyatiya kriminalisticheskoy algoritmizacii i programirovaniya rassledovaniya prestuplenij. – Gosudarstvo i pravo. – № 8. – 2000. – 678 s..

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. Ч. 1. – С. 235-240.

УДК 343.13

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(1)- 235-240

**К ВОПРОСУ ОБ УСТРАНЕНИИ ПРОБЕЛОВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ,
СВЯЗАННЫХ С ДОПУСКОМ ЛИЦ К ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЕ В
СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ**

Баранов С. Н., Струнский А. Д., Орлов Ф. А.

В статье рассматривается действующее законодательство в сфере допуска участников судебного процесса к государственной тайне. Также анализируются правовые позиции Конституционного суда Российской Федерации, связанные с толкованием Закона Российской Федерации «О государственной тайне» и соблюдением в судебном процессе права лиц, участвующих деле, на квалифицированную юридическую помощь. Выявлены пробелы в законодательстве, которые приводят к возникновению административных барьеров при ознакомлении вышеуказанных лиц с материалами, содержащими сведения, составляющие государственную тайну. Предложены конкретные рекомендации по внесению поправок действующее законодательство в сфере охраны государственной тайны с целью реализации конституционных прав человека на квалифицированную юридическую помощь и справедливое судебное разбирательство.

Ключевые слова: Конституционный Суд Российской Федерации, правотолкование, пробел в законодательстве, государственная тайна, право на защиту, юридическая помощь, правоприменительная практика

Неотъемлемой частью демократического общества является соблюдение общепризнанных прав и свобод человека, в том числе права на получение квалифицированной юридической помощи. В данной работе мы хотим предложить эффективный способ устранения пробелов в законодательстве, проанализировав судебную практику по вопросам соблюдения права на квалифицированную юридическую помощь в ее хронологической последовательности, через призму толкования положений Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» (далее – Закон Российской Федерации «О государственной тайне») Конституционным Судом Российской Федерации (далее – Конституционный Суд).

Основными задачами настоящей работы являются поиск, анализ и систематизация судебной практики Конституционного Суда по узконаправленной категории дел, связанной с признанием не соответствующими Конституции РФ (далее – Конституция) положений Закона РФ «О государственной тайне», допускающих возможность отстранения адвоката (представителя) от участия в деле, а также послуживших основанием для отказа в ознакомлении с материалами дела лицам, чьи права и свободы непосредственно затрагиваются. Следует отметить, что указанная тематика лишь косвенно рассматривалась в труде В. В. Добрынской, Э. Ю. Бадалянц, Е. А. Бевзюк [8], какие-либо иные исследования в данной области, насколько нам известно, не проводились.

Актуальность данной работы заключается в формировании предложений по устранению правовых пробелов в национальном законодательстве. Полагаем, что приведенных нами судебных решений Конституционного Суда в их хронологической последовательности будет вполне достаточно для раскрытия сути описанной проблемы и поиска эффективных способов ее решения.

Считаем целесообразным начать раскрытие содержания с упоминания положений международных правовых актов, а именно статьи 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., которая носит название «Право на эффективное средство правовой защиты». Данная статья предусматривает, что каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве [1]. Следует отметить, что Европейский суд по правам человека неоднократно применял и толковал смысл указанной статьи¹.

Положение ст. 13 Конвенции косвенно нашло свое отражение в законодательстве многих государств, в том числе в основном законе нашего государства – Конституции. Так, ст. 46 Конституции установлено, что судебная защита прав и свобод гарантируется каждому, а ст. 48 Конституции каждому гарантировано право на получение квалифицированной юридической помощи и право пользоваться услугами адвоката [2].

Несмотря на то, что, помимо норм деклараций, Конституция содержит нормы прямого действия, то есть нормы, оказывающие непосредственное влияние на общественные отношения ими регулируемые, независимо от наличия или отсутствия конкретизирующих нормативных правовых актов, в правоприменительной практике все-же нередко возникают случаи, когда указанные права не соблюдаются.

На территории Российской Федерации в первых «резонансных» уголовных делах органами предварительного расследования были созданы административные барьеры для вступления в судебный процесс адвоката, которые были мотивированы отсутствием у последних допуска к сведениям, содержащим государственную тайну.

Рассмотрев соответствующие индивидуальные жалобы граждан, Конституционный Суд в своем Постановлении от 27 марта 1996 г. «По делу о проверке конституционности статей 1 и 21 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. «О государственной тайне» в связи с жалобами граждан В. М. Гурджиянца, В. Н. Синцова, В. Н. Бугрова и А. К. Никитина» пришел к выводу о том, что распространение положений ст. 21 Закона Российской РФ «О государственной тайне» на адвокатов, участвующих в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, и отстранение их от участия в деле в связи с отсутствием допуска к государственной тайне не соответствует ст. 48 и 123 Конституции [3].

В ходе правотолкования Конституционный Суд определил, что, исходя из буквального смысла ст. 21 Закона РФ «О государственной тайне», устанавливаемый ею порядок носит характер общего правила, не исключающего возможности использования иных способов доступа к государственным секретам и защиты государственной тайны, само существование которых обусловлено особенностями правового статуса отдельных категорий лиц. Сохранность гостайны в таких случаях гарантируется путем использования соответствующих механизмов ответственности.

Отчасти описанная проблема необходимости конституционного правотолкования возникла по причине отсутствия специального правового регулирования данного вопроса, а сам УПК РСФСР 1960 г., действовавший вплоть до 31 декабря 2002

¹ См., например: Постановление Европейского Суда по правам человека от 30 апреля 2019 г. по делу Каблис против Российской Федерации Жалоба №. 48310/16 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. – 2019. – № 8. – СПС Консультант плюс.

года, не содержал требований о какой-либо предварительной проверке адвоката и особом разрешении на участие в такого рода делах [4]. Подобное отсутствие формально согласовалось с положениями Конституции, однако, по-видимому, создавало определенные трудности для правоприменителей, которые, очевидно, считали, что положения ст. 21 Закона РФ «О государственной тайне» являются *lex specialis*.

В том же постановлении 1996 г. КС указал, что Федеральному Собранию РФ надлежит внести необходимые уточнения в действующее законодательство [3]. Поправки были внесены ФЗ от 6 октября 1997 г. № 131-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О государственной тайне», которым Закон Российской Федерации «О государственной тайне» был дополнен статьей 21.1, предусматривающей особый порядок допуска к государственной тайне [5].

В соответствии с вышеуказанной статьей члены Совета Федерации, депутаты Государственной Думы, судьи на период исполнения ими своих полномочий, а также адвокаты, участвующие в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по делам, связанным со сведениями, составляющими государственную тайну, допускаются к сведениям, составляющим государственную тайну, без проведения проверочных мероприятий, предусмотренных ст. 21 Закон РФ «О государственной тайне». Указанные лица предупреждаются о неразглашении государственной тайны, ставшей им известной в связи с исполнением ими своих полномочий, и о привлечении их к ответственности в случае ее разглашения, о чем у них берется соответствующая расписка [6].

В 2001 г. был принят УПК РФ, в соответствии со ст. 49 которого установлено, что в случае, если защитник участвует в производстве по уголовному делу, в материалах которого содержатся сведения, составляющие государственную тайну, и не имеет соответствующего допуска к указанным сведениям, он обязан дать подписку об их неразглашении, принимать меры по недопущению ознакомления с ними иных лиц, а также соблюдать требования законодательства РФ о государственной тайне при подготовке и передаче процессуальных документов, заявлений и иных документов, содержащих такие сведения [7].

Справедливо заметить, что аналогичные проблемы, связанные с отстранением представителя, возникали не только в уголовном судопроизводстве, более того возникали они уже после того, как Конституционный Суд дал соответствующие разъяснения (в 1996 г.) и в действующее законодательство были внесены соответствующие уточнения (в 1997 и 2001 гг.). Указанное подтверждается в том числе:

1. Определением КС от 10 ноября 2002 г. № 314-О «По жалобе гражданина Романова Юрия Петровича на нарушение его конституционных прав статьями 21 и 21.1 Закона Российской Федерации «О государственной тайне», в соответствии с которым в качестве основания для отстранения адвоката, являющегося представителем истца, от участия в рассмотрении дела судом общей юрисдикции в процедуре гражданского судопроизводства судами, другими органами и должностными лицами не может применяться факт отсутствия у него допуска к государственной тайне.

2. Определением Конституционного Суда от 10 ноября 2002 г. № 293-О «По жалобе открытого акционерного общества «Омский каучук» на нарушение конституционных прав и свобод статьей 21 Закона Российской Федерации «О государственной тайне», в соответствии с которым ст. 21 не может применяться судами, другими органами и должностными лицами в качестве основания для отстранения предста-

вителя ответчика от участия в рассмотрении дела арбитражным судом в связи с отсутствием у него допуска к государственной тайне [8].

В последующий период даже Правительство РФ предприняло меры к урегулированию возникшей ситуации в своем Постановлении от 6 февраля 2010 г. № 63 «Об утверждении Инструкции о порядке допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне», установив порядок оформления государственной тайны адвокатам.

Исходя из текста названной Инструкции, следует, что при оформлении допуска к государственной тайне адвокатам, участвующим в качестве защитников в судопроизводстве по уголовным делам, связанным со сведениями, составляющими государственную тайну, карточка не заводится и номер допуска к государственной тайне не присваивается. Решение о допуске адвоката к государственной тайне оформляется записью в материалах соответствующего дела, которая заверяется подписью должностного лица, наделенного соответствующими полномочиями, и печатью организации. Расписка адвоката приобщается к материалам данного дела. После оформления допуска к государственной тайне в органы безопасности по месту регистрации адвоката и по месту оформления указанного допуска направляется учетная карточка на допуск к государственной тайне, на обороте которой указываются дата оформления допуска к государственной тайне, организация, в которой оформлен допуск к государственной тайне, должностное лицо, которое приняло решение о допуске к государственной тайне, а также номер дела, к которому адвокат получил доступ [9].

Примечательно, что в период с 2017 г. частные лица повторно пытались оспорить конституционность ст. 21 и 21.1 Закона РФ «О государственной тайне», поскольку считали, что положения названных статей неполно определяют круг лиц, которым может быть разрешен допуск к материалам, составляющим государственную тайну, ввиду чего положения названных статей нарушают их право на самозащиту в суде и препятствуют их ознакомлению с материалами (применительно к ситуации – материалам уголовного дела) [10]. Идеологическую точку в разрешении вопроса об ознакомлении лица, не имеющего допуска к государственной тайне и защищающего свои права и свободы без участия адвоката опять поставил КС, приняв Постановление от 23 ноября 2017 № 32-П «По делу о проверке конституционности статей 21 и 21.1 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» в связи с жалобой гражданина Е.Ю. Горовенко», которое нашло свое отражение в решении КС от 13 февраля 2018 г. «Об утверждении Обзора практики Конституционного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2017 года».

Позиция Конституционного Суда свелась к тому, что вышеназванные статьи были признаны соответствующими Конституции, однако им также отмечено, что уполномоченные должностные лица обязаны предпринимать все относящиеся к их компетенции меры, с тем чтобы в материалах проверки сообщения о преступлении содержались лишь те сведения, которые необходимы для принятия соответствующего процессуального решения, и тем самым исключались бы коллизии между требованиями защиты государственной тайны и гарантиями права лица на ознакомление с непосредственно затрагивающими его права и свободы документами и материалами.

КС повторно пришел к мнению о том, что в случае приобщения к материалам проверки сообщения о преступлении документов и материалов, содержащих сведения в области оперативно-розыскной деятельности, имеющие гриф секретности, сохранность государственной тайны при ознакомлении лица, чьи права и свободы непосредственно затрагиваются, может быть обеспечена путем использования предусмотренных законом механизмов, включая предупреждение о неразглашении гостайны. В резолютивной части этого Постановления указано, что выявленный конституционно-правовой смысл статей 21 и 21.1 Закона РФ «О государственной тайне» является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике [11].

Обзорный правовой анализ показывает, что принятие вышеупомянутых определений и постановлений КС наряду с внесением уточняющих изменений в Закон РФ «О государственной тайне» и принятием УПК РФ, к сожалению, не смогли сформировать однозначное мнение у правоприменителей относительно содержания закрепленных в законодательстве правовых норм, поскольку лишь частично устранили имеющийся в законодательстве пробел.

В качестве субъективных факторов, способствовавших возникновению описываемой проблемы можно отнести незнание правоприменителями содержания основополагающих прав человека, прописанных в Конвенции и Конституции, а также в Законе РФ «О государственной тайне» в призме его конституционно-правового толкования. Из вышеизложенного следует заключение о том, что для устранения образовавшейся правовой неопределенности в виде пробела в законодательстве необходимо внесение изменения в Закон РФ «О государственной тайне», не позволяющего двояко толковать его положения и в полной мере отражающее позицию КС.

Считаем целесообразным изложить абзац 1 ч. 1 ст. 21.1 Закона РФ «О государственной тайне» в следующей редакции: «Члены Совета Федерации, депутаты Государственной Думы, присяжные заседатели и судьи на период исполнения ими своих полномочий, иные лица, участвующие в судопроизводстве, права и свободы которых непосредственно затрагиваются, а также адвокаты (законные представители), участвующие в качестве защитников в судопроизводстве по делам, связанным со сведениями, составляющими государственную тайну, допускаются к сведениям, составляющим государственную тайну, без проведения проверочных мероприятий, предусмотренных статьей 21 настоящего Закона». Предлагаемое изменение позволит устранить правовой пробел, обнаруженный в ходе анализа практики КС, и привести положения Закона РФ «О государственной тайне» в соответствие нормам, закрепленным в процессуальном законодательстве РФ и Конституции.

Список литературы:

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод : текст с изменениями на 13 мая 2004 года : заключена в г. Риме. – СПС Консультант плюс.
2. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. – СПС Консультант плюс.
3. По делу о проверке конституционности статей 1 и 21 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 года «О государственной тайне» в связи с жалобами граждан В. М. Гурджиянца, В. Н. Синцова, В. Н. Бугрова и А. К. Никитина : Постановление Конституционного Суда РФ № 8-П от 27 марта 1996 года. – СПС Консультант плюс.
4. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : утвержден ВС РСФСР 27 октября 1960 года : с изменениями на 29 декабря 2001 года. – СПС Консультант плюс.

5. О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О государственной тайне» : Федеральный закон № 131-ФЗ от 6 октября 1997 года. – СПС Консультант плюс.
6. О государственной тайне : Закон Российской Федерации № 5485-1 от 21 июля 1993 года. – СПС Консультант плюс.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: принят Государственной думой 22 ноября 2001 года : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года : с изм. на 24 марта 2021 года. – СПС Консультант плюс.
8. Добрынская (Спиридонова) В. В. Комментарий к Закону РФ от 21 июля 1993 года № 5485-1 «О государственной тайне» (постатейный) : подготовлен для системы КонсультантПлюс / В. В. Добрынская (Спиридонова), Э. Ю. Бадал'янц, Е. А. Бевзюк. – СПС Консультант плюс.
9. Об утверждении Инструкции о порядке допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне : Постановление Правительства РФ № 63 от 6 февраля 2010. – СПС Консультант плюс.
10. По делу о проверке конституционности статей 21 и 21.1 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» в связи с жалобой гражданина Е. Ю. Горовенко : Постановление Конституционного Суда РФ № 32-П от 23 ноября 2017 года. – СПС Консультант плюс.
11. Об утверждении Обзора практики Конституционного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2017 года : Решение Конституционного Суда РФ от 13.02.2018. – СПС Консультант плюс.

Baranov S. N., Strunskiy A. D., Orlov F. A. Concerning the Issue of Eliminating Gaps in the Legislation Related to the Admission of Persons to the State Secret in the Legal Process // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Juridical Science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 235-240.

Current legislation in the field of admission of litigation participants to state secret is discussed in the article. The legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation related to the interpretation of the Law of the Russian Federation «On State Secret», as well as the observance of the right of persons participating in the case to qualified legal assistance in court proceedings are also analyzed. The gaps in the legislation that lead to the emergence of administrative barriers that prevent the persons participating in the case from getting acquainted with materials containing state secrets are identified in the article. Specific recommendations for amending the current legislation in the field of protecting state secret in order to fulfill constitutional human rights as to qualified legal assistance and a fair trial are proposed by the authors.

Keywords: Constitutional Court of the Russian Federation, legal interpretation, gap in legislation, state secret, right to protection, legal assistance, law enforcement practice.

Spisok literatury:

1. Konvencija o zashhite prav cheloveka i osnovnyh svobod : tekst s izmenenijami na 13 maja 2004 goda : zakljuchena v g. Rime. – SPS Konsul'tant pljus.
2. Konstitucija Rossijskoj Federacii : prinjata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabnja 1993 goda s izmenenijami, odobrennymi v hode obshherossijskogo golosovanija 1 ijulja 2020 goda. – SPS Konsul'tant pljus.
3. Po delu o proverke konstitucionnosti statej 1 i 21 Zakona Rossijskoj Federacii ot 21 ijulja 1993 goda «O gosudarstvennoj tajne» v svjazi s zhalobami grazhdan V. M. Gurdzhijanca, V. N. Sincova, V. N. Bugrova i A. K. Nikitina : Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF № 8-P ot 27 marta 1996 goda. – SPS Konsul'tant pljus.
4. Ugolovno-processual'nyj kodeks RSFSR : utverzhen VS RSFSR 27 oktjabnja 1960 goda : s izmenenijami na 29 dekabnja 2001 goda. – SPS Konsul'tant pljus.
5. O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Zakon Rossijskoj Federacii «O gosudarstvennoj tajne» : Federal'nyj zakon № 131-FZ ot 6 oktjabnja 1997 goda. – SPS Konsul'tant pljus.
6. O gosudarstvennoj tajne : Zakon Rossijskoj Federacii № 5485-1 ot 21 ijulja 1993 goda. – SPS Konsul'tant pljus.
7. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii : prinjat Gosudarstvennoj dumoj 22 nojabnja 2001 goda : odobren Sovetom Federacii 5 dekabnja 2001 goda : s izm. na 24 marta 2021 goda. – SPS Konsul'tant pljus.
8. Dobrynskaja (Spiridonova) V. V. Kommentarij k Zakonu RF ot 21 ijulja 1993 goda № 5485-1 «O gosudarstvennoj tajne» (postatejnyj) : podgotovlen dlja sistemy Konsul'tantPljus / V. V. Dobrynskaja (Spiridonova), Je. Ju. Badal'janc, E. A. Bevzjuk. – SPS Konsul'tant pljus.
9. Ob utverzhenii Instrukcii o porjadke dopuska dolzhnostnyh lic i grazhdan Rossijskoj Federacii k gosudarstvennoj tajne : Postanovlenie Pravitel'stva RF № 63 ot 6 fevralja 2010. – SPS Konsul'tant pljus.
10. Po delu o proverke konstitucionnosti statej 21 i 21.1 Zakona Rossijskoj Federacii «O gosudarstvennoj tajne» v svjazi s zhaloboj grazhdanina E. Ju. Gоровенко : Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF № 32-P ot 23 nojabnja 2017 goda. – SPS Konsul'tant pljus.
11. Ob utverzhenii Obzora praktiki Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii za chetvertyj kvartal 2017 goda : Reshenie Konstitucionnogo Suda RF ot 13.02.2018. – SPS Konsul'tant pljus.

УДК 343.9

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(1)- 241-251

АНАЛИЗ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ

Деревянская Т. П.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Рецидивная преступность, как и преступность вообще, обусловлена наличием в любом обществе определенных социальных противоречий и зависит от тех политических, экономических и социальных преобразований, которые характерны для данного этапа его развития. Кроме этого Республика Крым имеет отличительные характеристики, к которым в первую очередь относят политико-географическое положение, высокую интенсивность миграционных и транзитных процессов, курортный статус. Эти особенности оказывают существенное влияние на основные показатели преступности в Республике Крым, которые имеют выраженный региональный характер. Эффективность обеспечения безопасности населения от преступных посягательств во многом зависит от учета таких особенностей. В статье анализируются региональная специфика рецидивной преступности в Республике Крым, состояние, уровень, динамика и структура рецидивной преступности, рассмотрены ожидаемые тенденции изменения криминогенной ситуации в ближайшей перспективе. Анализ вышеуказанных данных позволяет сделать вывод о том, рецидивная преступность в Республике Крым имеет выраженные особенности, выявляется устойчивый рост рецидивных преступлений.

Ключевые слова: рецидив, рецидивная преступность, криминологическая характеристика, повторно совершенные преступления, состояние преступности.

Прежде чем приступить к непосредственной характеристике рецидивной преступности в Республике Крым, считаем важным обратить внимание на общероссийскую закономерность, связанную с рассматриваемой криминологической категорией. На протяжении всего рассматриваемого периода наблюдается хоть и незначительное, но снижение количества выявленных лиц, ранее совершивших преступления, однако при этом наблюдается стабильный рост их удельного веса (от 54 % в 2016 г. до 57,7 % в 2020 г.). Наглядно данные продемонстрированы в таблице и отображены в виде диаграммы (табл. 1, рис.1) [1].

Таблица №1. Динамика количества выявленных лиц, ранее совершавших преступления в Российской Федерации в 2016 – 2020 г.

	2016	2017	2018	2019	2020
Всего	548382	541541	525475	504416	492107
Темпы прироста к АППГ (в %)	-1,5	-1,2	-3,0	-4,0	-2,4
Удельный вес (в %)	54	56	56,4	57	57,7

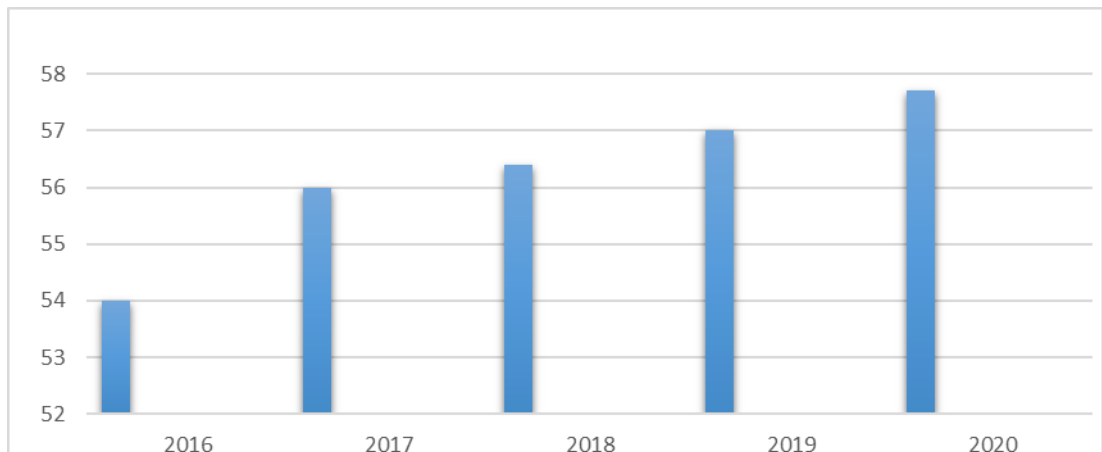

Рис. 1. Уровень рецидива в Российской Федерации в 2016 – 2020 гг. (в процентах).

Состояние, уровень и динамика рецидивной преступности в Республике Крым отражены на рис. 2, 3, 4.

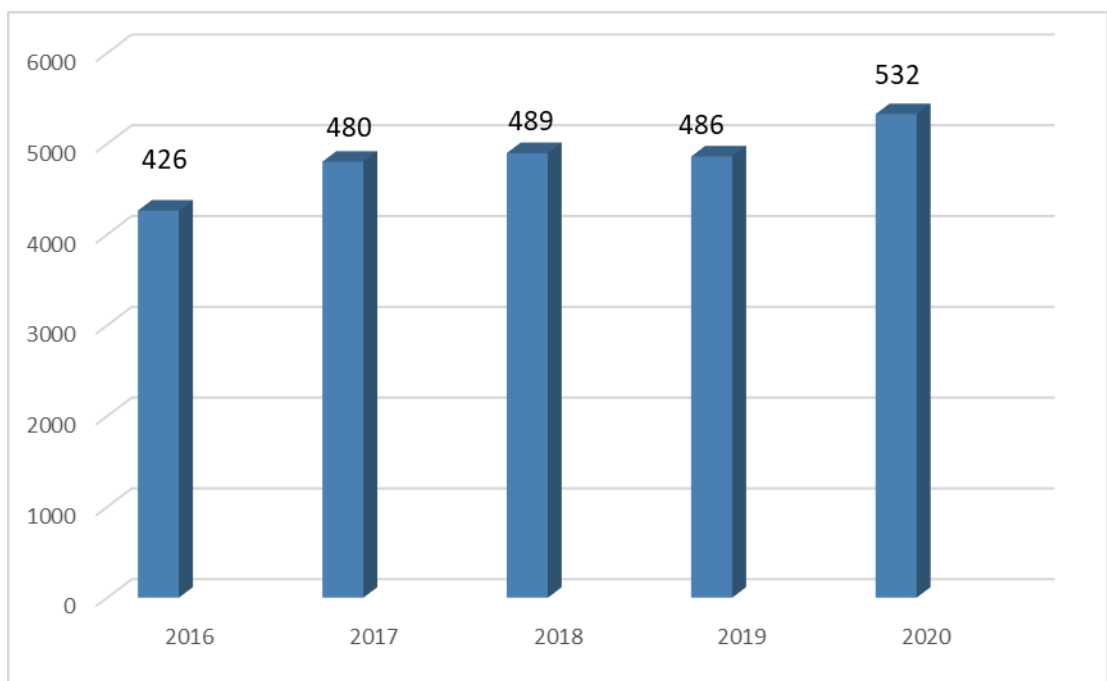

Рис. 2. Количество выявленных лиц, ранее совершавших преступления, в Республике Крым в 2016-2020 гг.

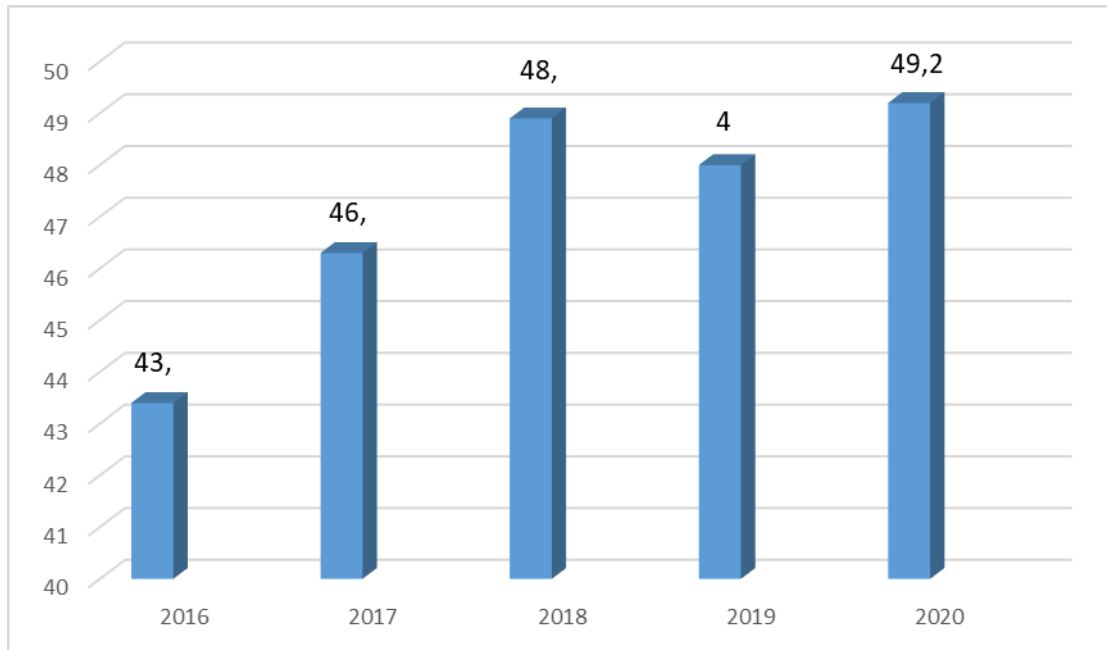

Рис. 3. Удельный вес выявленных лиц, ранее совершавших преступления, в Республике Крым в 2016-2020 гг. (в %).

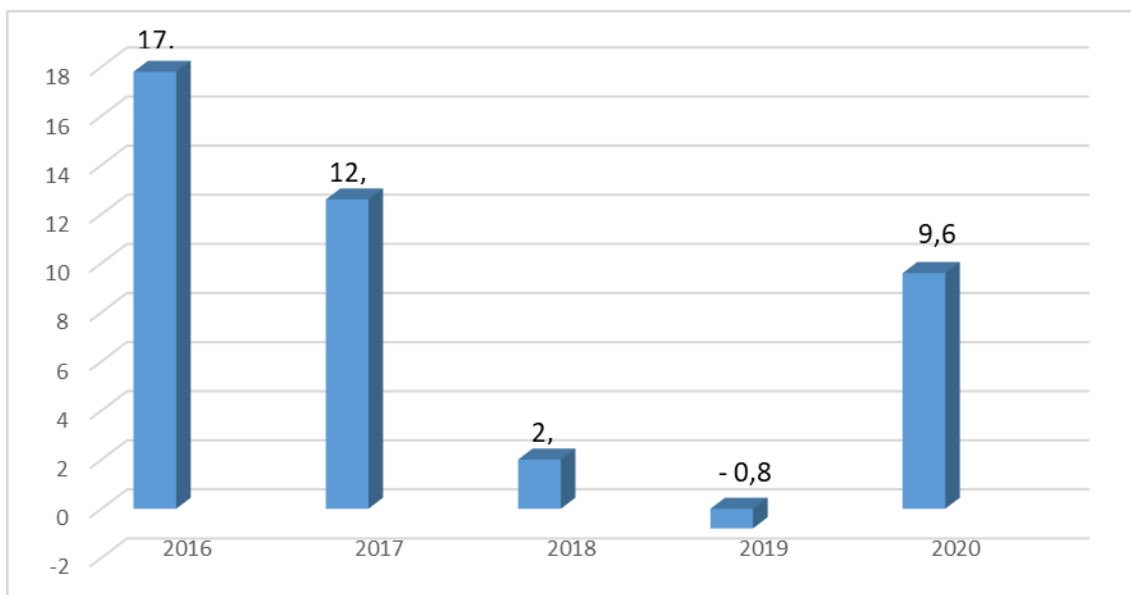

Рис. 4. Динамика выявленных лиц, ранее совершавших преступления, в Республике Крым в 2016-2020 гг. (в %).

Анализ характеристик рецидивной преступности в Республике Крым свидетельствует о том, выявляется устойчивый рост рецидивных преступлений, так уровень прироста с 2016 по 2020 г. составил 1062 преступления. Наибольшее количество лиц, ранее

совершавших преступления, выявлено в 2020 . (5326), наименьшее в 2016 г. (4264). Однако, наибольший уровень роста напротив наблюдается в 2016 г. и составляет 17,8 %. Уровень роста выявленных лиц, ранее совершавших преступления, за 2020 год – 9,6% [1].

В 2017, 2018 и 2019 г. показатели состояния рецидивной преступности преимущественно совпадают. В этот период было выявлено 4802, 4898 и 4860 лиц, ранее совершавших преступления, соответственно. При этом показатели роста значительно различаются в 2017 г. выявлено лиц, ранее совершавших преступление на 12,6 % больше чем за аналогичный период прошлого года. В 2018 году рост составил всего 2%, а в 2019 г. произошло незначительное снижение на 0,8 % [1].

Интересными являются показатели удельного веса за 2016-2020 гг. Так, если количество выявленных лиц, ранее совершавших преступления в 2016-2017 было практически равным, то относительное совпадение удельного веса наблюдается только в 2018 и 2019 гг. (48,9 и 48 % соответственно). В 2017 году удельный вес выявленных лиц, ранее совершивших преступления, составил 46,3% [1].

Следует отметить, что ситуация с рецидивной преступностью в Республике Крым имеет выраженные особенности, отличающие ее от таковой как по Российской Федерации в целом, так и по Южному федеральному округу в частности (рис. 5 и 6).

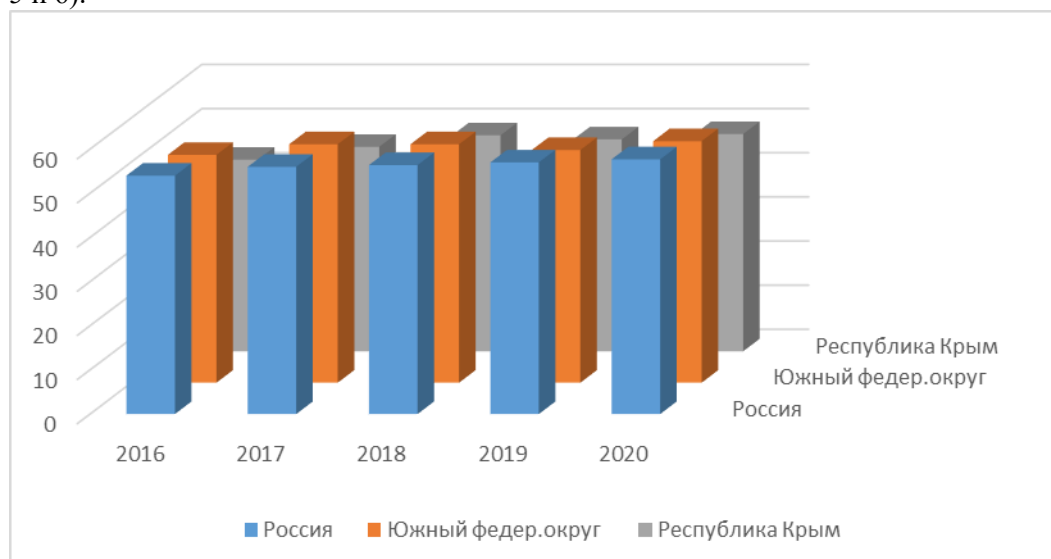

Рис. 5. Удельный вес лиц, ранее совершавших преступления, от общего числа выявленных в России, Южном федеральном округе и Республике в 2016–2020 гг. (в процентах).

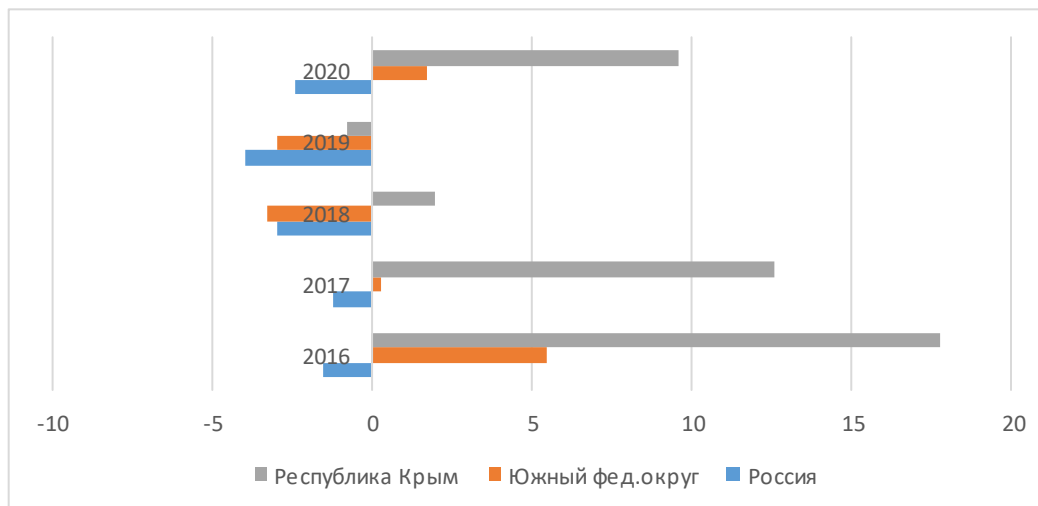

Рис. 6. Динамика выявленных лиц, ранее совершавших преступления, в России, Южном федеральном округе и Республике Крым в 2016–2020 гг. (в процентах).

Анализ вышеуказанных статистических данных позволяет сделать следующие выводы. В 2016–2020 гг. уровень рецидива в Республике Крым значительно отличается как от среднероссийских, так и от показателей на уровне Южного федерального округа. Удельный вес лиц, ранее совершивших преступления, в Республике Крым стабильно на более низком уровне удельного веса по России и Южному федеральному округу. Так если на общероссийском и региональном уровне удельный вес лиц, ранее совершавших преступления, превышает половину от всех выявленных лиц, то в Республике Крым этот показатель в среднем составляет 45%. Наибольшая разница наблюдается в 2016 году и составляет 10,7%, в 2017 – 9,7 %, 2018 – 7,5%, 2019 – 9%, 2020 – 8,5%. При этом динамика имеет крайне противоположные тенденции. В целом отрицательная общероссийская тенденция значительно отличается от рассматриваемого региона. В Республике Крым наблюдается положительная динамика рецидива, исключение составляет только 2019 год, когда показатель выявленных лиц, ранее совершавших преступления, не значительно снизился (-0,8%). Наибольший уровень роста отмечается в 2016 году и составляет 17,8% [1].

Отличительной особенностью рецидива в Республике Крым является и то, что рассматриваемый регион стабильно находится в числе «лидеров» по наименьшему удельному весу преступлений (от числа расследованных), совершенных лицами, ранее совершавшими преступления. В частности, до 2019 г. уровень рецидива в Республике Крым являлся вторым из самых низких в Южном федеральном округе (после г. Севастополь). В 2020 году ситуация не сильно изменилась Республика Крым стала третьей по данному показателю, уступив место г. Севастополю и Республике Адыгея.

Визуальная сравнительная характеристика уровня рецидива в Южном федеральном округе отображена в таблице №2.

Таблица №2. Удельный вес выявленных лиц, ранее совершавших преступления, в Южном федеральном округе в 2016 – 2020 г.

	2016		2017		2018		2019		2020	
	Удельный вес (в %)	Место	Удельный вес (в %)	Место	Удельный вес (в %)	Место	Удельный вес (в %)	Место	Удельный вес (в %)	Место
Краснодарский край	51,3	4	53,7	5	51,4	3	50,6	3	52,6	4
Астраханская область	53,2	6	55,6	7	58,1	6	58,9	7	61,0	7
Волгоградская область	53,5	7	56,3	8	56,6	4	56,2	6	58,8	6
Ростовская область	54,0	8	57,2	6	57,2	5	52,9	4	55,8	5
Республика Адыгея	50,7	3	52,7	3	51,4	3	53,3	5	48,2	2
Республика Калмыкия	52,0	5	52,9	4	58,8	7	59,3	8	63,1	8
Республика Крым	43,4	2	46,3	2	48,9	2	48,0	2	49,2	3
г. Севастополь	43,1	1	38,6	1	39,3	1	42,7	1	45,1	1

Особенности рецидивной преступности в рассматриваемом регионе обусловлены тем, что Республика Крым является уникальным государственным образованием. Уникальность данного территориального образования определяется его специфическим географическим и геополитическим положением, сложными демографическими характеристиками (многонациональность, этническое и конфессиональное разнообразие и пр.) состава населения, а также имеющими место сегодня сложными геополитическими и социально-экономическими процессами.

Однако рассматривая такой региональный фактор, как наличие природных комплексов и их компонентов, следует учитывать, прежде всего, то, что климат в РК, а также его природно-климатические особенности определяют специфику экономики полуострова и связанную с ней масштабную миграцию населения.

Крым, учитывая его географическое положение, климат и имеющийся курортно-рекреационный потенциал, всегда являлся курортным регионом. При этом в силу объективных, прежде всего, природно-климатических, факторов туристский и рекреационный бизнес в Крыму стабильно имеет четко выраженный сезонный характер [2, с. 3].

Сезонность туристского и рекреационного бизнеса обуславливают сезонность миграционных потоков, а также связанных с ними криминогенных процессов. В таких зонах встречается меньше лиц с криминальным прошлым. В некоторой степени играет свою роль и фактор латентного рецидива, заключающийся в том, что миграционная составляющая в криминогенном плане вызывает определенные затруднения в деятельности правоохранительных органов по изобличению и выявлению преступников по фактически «рецидивным преступлениям», когда они приезжают в Республику Крым, совершают здесь преступление, а затем выезжают в другую местность. Следует также учитывать существенный вклад в особенности реци-

дивной преступности Республики Крым профессиональных преступников, так называемых, «гастролеров», мигрирующих по территории страны и ближнего зарубежья с целью осуществления преступной деятельности [3, с. 7].

Таким образом, сезонная трудовая (преимущественно нелегальная) миграция, а также сезонная туристская миграция в Республике Крым обуславливают сезонную миграцию криминального элемента, а также сезонные колебания уровня регистрируемой на территории полуострова преступности и обуславливают, что рассматриваемый регион стабильно находится в числе «лидеров» по наименьшему удельному весу преступлений (от числа расследованных), совершенных лицами, ранее совершавшими преступления [4, с. 6].

Структура преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления, имеет свою специфику и отличается от общей структуры преступности. Рассмотрим ее по двум основным направлениям:

- 1) удельный вес уголовно наказуемых деяний, совершенных «рецидивными преступниками» в структуре особо тяжких, тяжких преступлений, а также по лицам;
- 2) внутренняя структура рецидивной преступности.

Рассматривая первое направление, прежде всего следует обратить внимание на то, что в среднем 55 % и 42 % особо тяжких преступлений в Республике Крым совершается лицами, ранее совершавшими преступления (подробные данные представлены в таблице 3). При этом доля рецидива среди тяжких и особо тяжких преступлений отличается стабильностью, наибольший удельный вес преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления, среди всех предварительно расследованных тяжких и особо тяжких преступлений в 2019 году – 57,1 и 50,7 % соответственно, наименьший в 2016 году – 54,4 % и 31,7 % соответственно [1].

Таблица №3. Количество предварительно расследованных тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления, в Республике Крым в 2016 – 2020 г.

		2016	2017	2018	2019	2020
особо тяжких	всего	219	180	198	242	216
	удельный вес в %	31,7	41,7	42,3	50,7	46,2
тяжких	всего	1027	986	964	908	948
	удельный вес в %	54,4	54,9	56,3	57,1	55,6

Наибольшая доля женщин и несовершеннолетних граждан совершили преступления впервые, так среди всех женщин, совершавших преступления, доля ранее совершавших составляет в среднем 27 %, а доля несовершеннолетних, ранее совершивших преступления, среди всех несовершеннолетних лиц, совершивших преступления, около 21 % (подробные данные представлены в таблице 4).

Рассматривая удельный вес рецидива в структуре женской преступности и преступности несовершеннолетних, нельзя не отметить тот факт, что удельный вес лиц, ранее совершавших преступления, среди женщин практически не изменился за рассматриваемый период времени, так наибольшая доля лиц, ранее совершавших преступления, среди женщин в 2018 году и составляет 28,8%, а наименьшая в 2019 году – 26,0 %. Относительно стабильными характеристиками обладает и удельный вес

рецидива несовершеннолетних наибольшая доля лиц, ранее совершавших преступления, среди несовершеннолетних в 2018 году и составляет 24,3 %, а наименьшая в 2019 году – 17,7 % [1].

Таблица №4 . Удельный вес женщин и несовершеннолетних, ранее совершавших преступления, в Республике Крым в 2016 – 2020 г.

		2016	2017	2018	2019	2020
женщин	всего	340	356	410	379	435
	удельный вес в %	26,7	27,2	28,8	26,0	27,5
несовершеннолетних	всего	99	74	84	56	78
	удельный вес в %	22,0	18,4	24,3	17,4	23,2

Внутренняя структура рецидивной преступности в значительной степени отличается от указанных выше закономерностей. Так если среди всех предварительно расследованных особо тяжких и тяжких преступлений рецидив значителен и составляет 42 % и 55 % соответственно, то удельный вес особо тяжких преступлений среди повторных составляет в среднем 3,3 %. При этом наибольший удельный вес особо тяжких в 2019 г. – 3,9 %, наименьший в 2018 и 2020 гг. – 3,2 %. Доля тяжких преступлений среди повторных составляет в среднем 15,6 %. Наибольший удельный вес тяжких в 2016 г. – 17,5 %, наименьший в 2020 г. – 14,2 %. Более подробные данные по годам исследования приведены в табл. 5 [1].

Рассматривая, подробно структуру рецидива в зависимости от категории преступления в 2020 году, отметим, что практически половину повторно совершенных преступлений составляют преступления небольшой тяжести, больше четверти составляют преступления средней тяжести, а на долю тяжких и особо тяжких преступлений приходится 17 % всех повторно совершенных преступлений (рис.7).

Таблица №5. Структура рецидивной преступности в Республике Крым по категориям преступлений в 2016–2020 гг. (в процентах).

Категория преступлений	2016	2017	2018	2019	2020
Особо тяжкие	3,75	2,9	3,2	3,9	3,2
Тяжкие	17,5	16,0	15,7	14,9	14,2

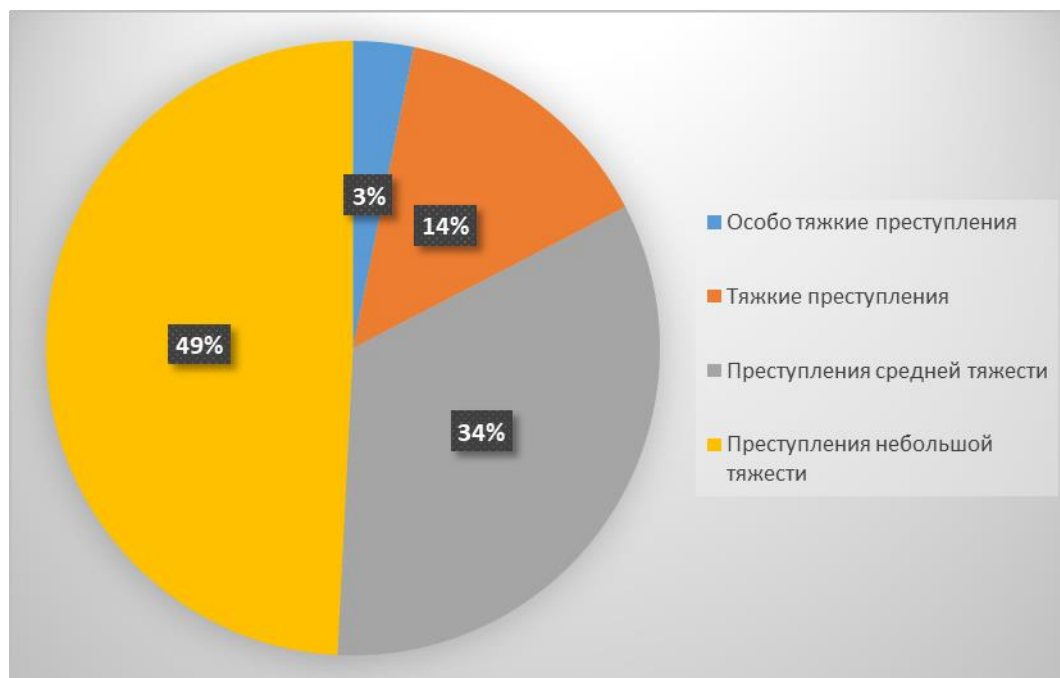

Рис 7. Структура рецидивной преступности в Республике Крым по категориям преступлений в 2020 г. (в процентах).

Среди лиц, ранее совершавших преступления, более половины лиц являются ранее судимыми за преступления, доля лиц, ранее совершивших преступления, признанных рецидивом, составляет в среднем 24 %, признанных опасным рецидивом – 1,6 %, удельный вес особо опасного рецидива достаточно низкий и составляет 0,4 %. Более подробные данные по годам исследования приведены в табл. 6 [1].

Таблица №6. Структура рецидивной преступности в Республике Крым в 2016–2020 гг. (в процентах).

	2016	2017	2018	2019	2020
ранее судимых за преступления	65,4	60,8	54,6	55,2	52,7
рецидив	26,7	27,4	23,8	21,5	21,4
опасный рецидив	1,3	1,7	1,5	2,1	1,7
особо опасный рецидив	0,4	0,3	0,6	0,6	0,3

Наибольшая доля рецидивистов приходится на мужчин и совершеннолетних граждан, так среди лиц, повторно совершивших преступления удельный вес женщин стабильно низкий и за период 5 лет в среднем составляет 7,9 %, наибольший удельный вес наблюдается в 2018 году – 8,4 %, наименьший в 2017 году – 7,4 %. Доля несовершеннолетних среди рецидивистов также низкая, за рассматриваемый период средний удельный вес несовершеннолетних среди лиц, ранее совершавших преступления, составляет 1,6 %. При этом наибольшая доля таких лиц приходится на 2016 г. (2,3%), наименьшая на 2019 г. (1,2%). Более подробные данные по годам исследования приведены в табл. 7 [1].

Таблица №7. Структура рецидивной преступности в Республике Крым в 2016–2020 гг. (в процентах).

	2016	2017	2018	2019	2020
женщин	7,9	7,4	8,4	7,8	8,2
несовершеннолетних	2,3	1,5	1,7	1,2	1,5

Рассматривая структурно-динамические показатели рецидивной преступности, следует отметить, что она является достаточно стабильной. Так, удельный вес особо тяжких преступлений, преступлений, признанных особо опасным рецидивом, а также доля женщин и несовершеннолетних не имеет выраженных изменений во времени. Отмечается сокращение совершения лицами, ранее совершавшими преступления, тяжких уголовно наказуемых посягательств, лиц, ранее судимых за преступления, а также лиц, ранее совершивших преступления, признанных рецидивом. При этом отмечен незначительный рост лиц, ранее совершивших преступления, признанных опасным рецидивом (с 1,3 до 1,7 %) [1].

Несмотря на то, что в состоянии рецидивной преступности на территории Республики Крым имеются выраженные отличительные характеристики, результаты опроса экспертов показывают, что причины и условия, детерминирующие повторное совершение уголовно наказуемых деяний, не имеют выраженных отличий от проблем, характерных для Российской Федерации в целом. Это ошибки правоприменения при назначении наказаний, изъяны в деятельности пенитенциарной системы, упущения в области профилактики в отношении соответствующей категории лиц, трудности реабилитации, ресоциализации и адаптации осужденных после отбывания наказания, а также ряд других, которые достаточно подробно изучены и описаны в специальной литературе.

Список литературы:

1. Статистические данные Главного информационно-аналитического центра МВД России (Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https://mvd.ru/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen).
2. Закаляпина Л.А. Предупреждение преступности в городах-курортах России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2014. – 32 с.
3. Сторубленкова Е.Г. Изучение статистической зависимости преступности от криминогенных факторов: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – 28 с.
4. Вьюнов Ю.И. Влияние миграционных процессов на преступность в Южном федеральном округе: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001. – 31 с.
5. Юшина Ю.В. Проблемные вопросы толкования некоторых терминов и понятий объективной стороны преступлений против общественной безопасности // Таврический научный обозреватель. – 2016. – № 7 (12). – С. 30–33.

Derevianskaia T.P. Analysis of the criminological characteristics of recidivism in the Republic of Crimea // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 241-251.

Recidivism, like crime in general, is caused by the presence of certain social contradictions in any society and depends on the political, economic and social transformations that are characteristic of this stage of its development. In addition, the Republic of Crimea has distinctive characteristics, which primarily include its political and geographical location, high intensity of migration and transit processes, and resort status. These features have a significant impact on the main indicators of crime in the Republic of Crimea, which have a pronounced regional character. The effectiveness of ensuring the safety of the population from criminal attacks largely depends on taking into account such features. The article analyzes the regional specifics of recidivism in the Republic of Crimea, the state, level, dynamics and structure of recidivism, and considers the expected trends in the criminogenic situation in the near future. The analysis of the above data allows us to con-

clude that recidivism in the Republic of Crimea has pronounced features, a steady increase in recidivism is revealed.

Keywords: recidivism, recidivism, criminological characteristics, re-committed crimes, the state of crime.

Spisok literatury:

1. Statisticheskie dannye Glavnogo informacionno-analiticheskogo centra MVD Rossii (Oficial'nyj sajt Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. URL: https://mvd.ru/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen).
2. Zakalyapina L.A. Preduprezhdenie prestupnosti v gorodah-kurortah Rossii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. – M., 2014. – 32 s.
3. Storublenkova E.G. Izuchenie statisticheskoj zavisimosti prestupnosti ot kriminogennyh faktorov: dis. ... kand. jurid. nauk. – M., 2006. – 28 s.
4. V'yunov YU.I. Vliyanie migracionnyh processov na prestupnost' v YUzhnom federal'nom okruge: dis. ... kand. jurid. nauk. – M., 2001. – 31 s.
5. YUshina YU.V. Problemye voprosy tolkovaniya nekotoryh terminov i ponyatij ob"ektivnoj storony prestuplenij protiv obshchestvennoj bezopasnosti // Tavricheskij nauchnyj obozrevatel'. – 2016. – № 7 (12). – S. 30–33.

УДК 343.54

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(1)- 252-257

ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЗЛОСТНОЕ УКЛОНЕНИЕ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЙ, НЕ СВЯЗАННЫХ С ЛИШЕНИЕМ СВОБОДЫ

Донская О. Г., Поляков Н. Н.

ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье рассматривается проблема реализации ответственности за уклонение от исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы. Авторами статьи отмечается, что в настоящее время отсутствует реально действенный механизм реализации ответственности за уклонение от отбывания наказания, не связанного с лишением свободы. Единственной существующей формой реализации уголовно-исполнительной ответственности за злостное уклонение от отбывания наказания, не связанного с лишением свободы, является замена наказания, назначенного приговором суда, на более строгое.

Делается вывод о том, что понятие злостного уклонения от наказания того или иного из рассматриваемых видов должно содержаться и в статьях УК РФ, регулирующих данные виды наказаний. Вносятся предложения о дополнении УК РФ соответствующими нормами.

Ключевые слова: уголовное законодательство, уголовно-исполнительное законодательство, злостное уклонения, отбывание наказания, наказание, не связанное с лишением свободы, замена наказания.

Современному уголовному законодательству Российской Федерации характерна направленность на гуманизацию уголовного наказания, которая в полной мере согласуется с основными международно-правовыми актами в области назначения и исполнения наказания.

Одним из выражений гуманизации современного уголовного и уголовно-исполнительного законодательства России, является расширение сферы применения наказаний, не связанных с лишением свободы, которое неизбежно привело к возникновению значительного количества случаев уклонения от их отбывания.

Ст. 44 УК РФ содержит ряд наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, которые содержатся в законодательстве с момента принятия уголовного закона (за исключением принудительных работ). Несмотря на то, что большая часть уголовных наказаний исторически обусловлены и не новы для российского законодателя и правоприменителя, однако, на сегодняшний день весьма актуальной является проблема выработки действенного механизма реализации ответственности за уклонение от отбывания наказания, не связанного с лишением свободы. Среди причин отсутствия действенного механизма привлечения к ответственности уклоняющихся от отбывания наказания можно назвать: неэффективность наказаний, недостаточная укомплектованность органов уголовно-исполнительной системы, а также недостатки законодательного регулирования исполнения альтернативных видов наказания.

Следует констатировать, что единственной существующей формой реализации уголовно-исполнительной ответственности за злостное уклонение от отбывания

наказания, не связанного с лишением свободы, является замена наказания, назначенного приговором суда, на более строгое.

Определяя место каждого из видов наказания, законодатель выстроил их по принципу от менее строгого к наиболее строгому. Так, открывает лестницу наказаний, не связанных с лишением свободы, штраф, который, согласно ч. 1 ст. 46 УК РФ представляет собой «денежное взыскание, назначаемое в пределах, предусмотренных настоящим Кодексом» [1], которое по логике и по своему карательному воздействию является наиболее мягким. Однако, не смотря на наименьший репрессивный заряд, на практике не редкость неуплата или не взыскание штрафа. По статистике добровольно оплачивается только каждый третий штраф, а принудительно взыскиваются не более трети оставшихся [2]. И такая ситуация порождает возникновение целого ряда проблем криминологического и уголовно-правового характера, в том числе не достижение основных целей уголовного наказания. Соответственно, реальность понесения уголовного наказания, назначенного судом, является ядром уголовного права, без которого теряет смысл вся уголовно-правовая система государства. Соответственно наличие адекватной системы ответственности за уклонение от отбывания уголовного наказания, является одним из важнейших составляющих карательной системы государства.

Согласно нормам уголовного закона, в случае злостного уклонения от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного наказания, он заменяется в пределах санкции, предусмотренной соответствующей статьей Особенной части УК (ч. 5 ст. 46 УК РФ).

По мнению В.М. Степашина, «реальная угроза замены штрафа более суровым наказанием, в том числе лишением свободы, призвана стать существенным стимулом для надлежащего исполнения этого наказания осужденными» [4, с. 67].

Однако есть и противники данного положения. Так, А.В. Бриллиантов отмечает, что «в данном случае речь может идти только о непродолжительных сроках лишения свободы, которые, как показали многие исследования, крайне неэффективны. Кроме того, лица, в отношении которых будет произведена такая замена, приобретут определенный «тюремный» опыт, который нельзя считать полезным для общества и государства» [5, с. 354].

Конечно, приведенные аргументы неоспоримы, но в результате сравнения реальной репрессивности штрафа с такими «заменяющими» наказаниями, как обязательные работы, исправительные работы и лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, большинством исследователей делается вывод о том, что они менее репрессивны. Таким образом, в большинстве случаев единственным стимулом, действительно способным обеспечить выплату штрафа, является только угроза применения реального лишения свободы.

Более того, по нашему мнению, закрепление понятия злостного уклонения от уплаты штрафа в нормах уголовно-исполнительного кодекса не вполне логично. Часть 1 ст. 32 УИК определяет, что «Злостно уклоняющимся от уплаты штрафа признается осужденный, не уплативший штраф либо часть штрафа в установленный частями первой и третьей статьи 31 настоящего Кодекса срок» [3], т.е. в течении 30 дней со дня вступления в законную силу приговора суда.

Представляется, что понятие злостного уклонения от уплаты штрафа относится к категории уголовно-правовых, в связи с чем, по нашему мнению, его следует поме-

стать в ч. 5 ст. 46 УК РФ, изложив ее следующим образом: «Злостно уклоняющимся от уплаты штрафа признается осужденный, который, имея объективную возможность уплаты, умышленно не уплатил штраф или его часть в срок, установленный уголовно-исполнительным законодательством, признается».

Ст. 49 УК РФ в качестве следующего уголовного наказания, не связанного с лишением свободы, предусматривает обязательные работы. При этом, действующим законодательством предусматривается ответственность для осужденных к обязательным работам за злостное уклонение от его отбывания.

Так ч. 1 ст. 30 УИК РФ определяет следующее: «Злостно уклоняющимся от отбывания обязательных работ признается осужденный:

а) более двух раз в течение месяца не вышедший на обязательные работы без уважительных причин;

б) более двух раз в течение месяца нарушивший трудовую дисциплину;

в) скрывшийся в целях уклонения от отбывания наказания» [3].

При этом, невыходом более двух раз в течении месяца без уважительной причины на обязательные работы следует понимать, как неприбытие на место обязательных работ три или более раз в течение месяца, исчисляемого со дня начала отбывания наказания или со дня первого невыхода на обязательные работы. Уважительными причинами являются болезнь осужденного, а также другие обстоятельства, которые с учетом конкретных фактов признаются уголовно-исполнительной инспекцией оправдывающими неявку осужденного для выполнения обязательных работ. Нарушителем трудовой дисциплины признается лицо, находящееся на рабочем месте в нетрезвом состоянии, в состоянии наркотического или токсического опьянения; невыполняющее порученную работу; несвоевременно прибывшее или ушедшее с обязательных работ и т.д. Скрывшимся от отбывания наказания в виде обязательных работ признается осужденный, который именно с этой целью сменил место жительства или иным образом уклоняется от контроля и привлечения его к отбыванию наказания.

Часть 2 ст. 30 УИК РФ закрепляет, что «Злостно уклоняющийся от отбывания наказания осужденный, местонахождение которого неизвестно, объявляется в розыск и может быть задержан на срок до 48 часов. Данный срок может быть продлен судом до 30 суток» [3].

В связи с тем, что понятие злостного уклонения от отбывания обязательных работ является категорией уголовно-правовой и влечет именно уголовно-правовые последствия, на наш взгляд, необходимо закрепить его в уголовном законе. Указанную норму можно сформулировать следующим образом, поместив ее в ч. 3 ст. 49 УК РФ: «Злостно уклоняющимся от обязательных работ признается осужденный: а) более двух раз не вышедший на обязательные работы без уважительных причин; б) более двух раз нарушивший трудовую дисциплину; в) скрывшийся в целях уклонения от наказания».

Согласно ч. 3 ст. 49 УК РФ, «в случае злостного уклонения осужденного от отбывания обязательных работ они заменяются принудительными работами или лишением свободы» [1]. При этом закон не устанавливает размера более строгого наказания. Представляется, что суд должен установить этот срок с учетом конкретных обстоятельств, характера и степени злостности уклонения, смягчающих и отягчающих обстоятельств дела, личности осужденного, а затем вычесть из установлен-

ных сроков отбытие принудительных работ или лишения свободы - фактически отбытое осужденным время обязательных работ.

Согласно ч. 3 ст. 46 УИК РФ «Злостно уклоняющимся от отбывания исправительных работ признается осужденный, допустивший повторное нарушение порядка и условий отбывания наказания после объявления ему предупреждения в письменной форме за любое из указанных в части первой настоящей статьи нарушений, а также скрывшийся с места жительства осужденный, местонахождение которого неизвестно» [3].

На наш взгляд, более целесообразно закрепить понятие злостного уклонения от отбывания исправительных работ в нормах УК РФ, поскольку в ч. 4 ст. 50 УК РФ содержатся уголовно-правовые последствия применяемых судом к осужденному в случае злостного уклонения от отбывания наказания. С учетом сложившейся практики признания уклонения от отбывания исправительных работ злостным, указанную норму можно сформулировать следующим образом: «Злостно уклоняющимся от отбывания исправительных работ признается осужденный, совершивший повторное нарушение порядка и условий отбывания наказания после объявления предупреждения в письменной форме, а также скрывшийся с места жительства с целью уклонения от наказания, местонахождение которого неизвестно».

В отношении осужденных, злостно уклоняющихся от отбывания исправительных работ, уголовно-исполнительная инспекция направляет в суд представление о замене исправительных работ другим видом наказания в соответствии с ч. 4 ст. 50 УК РФ, т.е. принудительными работами или лишением свободы.

Согласно ч. 4 ст. 58 УИК РФ «Злостно уклоняющимся от отбывания наказания в виде ограничения свободы признается:

- а) осужденный, допустивший нарушение порядка и условий отбывания наказания в течение одного года после применения к нему взыскания в виде официального предупреждения о недопустимости нарушения установленных судом ограничений;
- б) осужденный, отказавшийся от использования в отношении его технических средств надзора и контроля;
- в) скрывшийся с места жительства осужденный, место нахождения которого не установлено в течение более 30 дней;
- г) осужденный, не прибывший в уголовно-исполнительную инспекцию по месту жительства в соответствии с предписанием» [3].

На наш взгляд, представляется целесообразным закрепить понятие злостного уклонения от отбывания ограничения свободы в ст. 53 УК РФ, которая регулирует данный вид наказания, поскольку в данном случае к осужденному применяются меры уголовно-правового характера, а не уголовно-исполнительного. Указанную норму можно сформулировать по аналогии с закрепленной в ч. 3 ст. 58 УИК РФ, придав ей уголовно-правовой характер.

Следует отметить, что действующий УК РФ предусматривает также наказания, не связанные с изоляцией осужденного от общества, в случае уклонения или злостного уклонения осужденных, от которых меры уголовно-правового характера не предусмотрены вообще.

Так, ст. 47 УК РФ предусматривает наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Исполнение этого наказания возложено на уголовно-исполнительную инспекцию (ст. 33

УИК РФ), которая следит за соблюдением осужденными запрета, предусмотренного приговором суда.

Однако, в законодательстве отсутствуют упоминания о каких-либо уголовно-правовых последствиях в случае злостного уклонения осужденных от лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, что, по нашему мнению, является безусловным пробелом.

Мы считаем необходимым закрепить понятие злостного уклонения от рассматриваемого наказания. Для этого представляется необходимым дополнить статью 47 УК РФ частью 5 следующего содержания: «Злостно уклоняющимся от отбывания наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью признается осужденный, повторно не выполнивший требования уголовно-исполнительной инспекции об исполнении данного приговора или скрывшийся с места жительства с целью уклонения от наказания».

Таким образом, единственной формой ответственности за злостное уклонение от отбывания наказания, не связанного с лишением свободы, предусмотренной действующим законодательством, в настоящее время является замена назначенного судом наказания на более строгое. Данная мера призвана стимулировать сознательное исполнение обязанностей, возложенных на осужденного приговором суда, и является определенной гарантией исполнения наказания. Такая замена одного наказания на другое связана с усилением карательного и воспитательного воздействия на осужденного и, как следствие, является элементом прогрессивной системы исполнения наказаний.

Понятие злостного уклонения от наказания того или иного из рассматриваемых видов в настоящее время содержится в нормах уголовно-исполнительного законодательства, что не представляется полностью оправданным. Последствия злостного уклонения от наказания предусмотрены не уголовно-исполнительным, а уголовным законодательством и являются уголовно-правовой категорией, в связи с чем, на наш взгляд, нормы, предусматривающие понятие злостного уклонения от наказания, должны содержаться и в статьях УК РФ, регулирующих данные виды наказаний.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
2. Официальный сайт Федеральной службы судебных приставов России. Эл. ресурс. Режим доступа: <https://fssp.gov.ru> (дата обращения: 18.07.2021)
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 11.06.2021) // Собрание законодательства РФ. 13.01.1997. № 2. Ст. 198.
4. Степашин В.М. Злостное уклонение от отбывания наказаний и других мер уголовно-правового характера, не связанных с лишением свободы. - Омск, 2014.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / Под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд. - М.: Проспект, 2015. Т. 1.

Olga Donskaya, Nikolay Polyakov. Forms of implementation of responsibility for illegal evasion from serving punishments not associated with deprivation of freedom // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 252-257.

This article deals with the problem of implementing responsibility for evading the execution of punishments not related to deprivation of liberty. The authors of the article note that at present there is no really effective mechanism for implementing responsibility for evading serving a sentence not related to deprivation of liberty. The only existing form of implementing criminal executive responsibility for malicious evasion from

servicing a sentence not related to deprivation of liberty is to replace the punishment imposed by a court verdict with a more severe one.

The scientific article concludes that the concept of malicious evasion of punishment of one or another of the types under consideration should also be contained in the articles of the Criminal Code of the Russian Federation regulating these types of punishments. Proposals are being made to supplement the Criminal Code of the Russian Federation with relevant norms.

Key words: criminal legislation, penal legislation, malicious evasion, serving a sentence, punishment not related to imprisonment, replacement of punishment.

Spisok literaturey:

1. Uголовnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 01.07.2021) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 17.06.1996. № 25. St. 2954.
2. Oficial'nyj sayt Federal'noj sluzhby sudebnyh pristavov Rossii. El. resurs. Rezhim dostupa: <https://fssp.gov.ru> (data obrashcheniya: 18.07.2021)
3. Uголовno-ispolnitel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 08.01.1997 № 1-FZ (red. ot 11.06.2021) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 13.01.1997. № 2. St. 198.
4. Stepashin V.M. Zlostnoe ukлонenie ot otbyvaniya nakazaniy i drugih mer uголовno-pravovogo haraktera, ne svyazannyh s lisheniem svobody. - Omsk, 2014.
5. Kommentarij k Uголовnomu kodeksu Rossijskoj Federacii: v 2 t. (postatejnyj) / Pod red. A.V. Brilliantova. 2-e izd. - M.: Prospekt, 2015. T. 1.

УДК 343.231

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(1)- 258-262

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Зоз В. А., Карпенко А. С.

В статье раскрывается вопрос оперативно-розыскного обеспечения противодействия организованной преступности правоохранительными органами. Проведен анализ статистики преступлений, совершенных организованными преступными группами и преступными сообществами.

Организованная преступность - опаснейшая форма преступности, посягающая на все сферы современного общества, в том числе политические, экономические, социальные и правовые. Проблематика организованной преступности постепенно превращается в одну из крупнейших глобальных проблем современности, которая своими корнями уходит в стремление криминальных структур легализовать собственную деятельность или построить параллельную легальной системе государственного управления превратив, таким образом, государство в целом в собственную корпоративную структуру.

Понятие организованной преступности выходит за пределы сугубо уголовно-правовой науки и достигает таких плоскостей общественных отношений как публичное управление, экономическая деятельность и тому подобное. Именно в этом видятся наибольшие риски и угрозы, поскольку при таких условиях организованная преступность превращается в неотъемлемый элемент повседневной правовой реальности, что делает невозможным борьбу с ней.

Рассмотрены основные признаки и характерные черты организованной преступности. Определены объекты заинтересованности преступных групп, позволяющие легализовать доходы, добытые преступным путем, рассмотрены виды оперативно-розыскного противодействия. Определены направления по улучшению работы эффективности в деятельности правоохранительных органов по противодействию организованной преступности.

Ключевые слова: организованная преступность, оперативно-розыскное противодействие, преступные сообщества, правоохранительные органы.

Тенденция современной преступности показывает повышение числа преступлений, связанных с организованной преступностью и увеличение ее влияния. Несомненно, правоохранительными органами Российской Федерации проводится работа по противодействию преступлениям, совершенным организованным преступными группами, преступными сообществами и организациями.

Вместе с тем, данные статистики весьма неутешительны, так в 2017 г. организованными группами или преступными сообществами совершено 12,9 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений (+6,5%), причем их удельный вес в общем числе расследованных преступлений этих категорий вырос с 5,0% в январе – декабре 2016 г. до 5,8%, в 2018 г. эта цифра уже 15,1 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений (+17,6%), удельный вес увеличился с 5,8% в январе – декабре 2017 г. до 7,1%, в 2019 году – 15,6 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений (+3,1%), их удельный вес увеличился с 7,1% в январе – декабре 2018 г. до 7,4% [1].

Вопросы повышения результативности оперативно-розыскного противодействия организованной преступности становятся еще более актуальными и требующими обязательного контроля и внедрения инновационных решений в процессы противодействия.

Организованная преступность – опаснейшая форма преступности, посягающая на все сферы современного общества, в том числе политические, экономические, социальные и правовые. Проблематика организованной преступности постепенно превращается в одну из крупнейших глобальных проблем современности, которая своими корнями уходит в стремление криминальных структур легализовать собственную деятельность или построить параллельную легальной системе государственного управления превратив, таким образом, государство в целом в собственную корпоративную структуру.

Понятие организованной преступности выходит за пределы сугубо уголовно-правовой науки и достигает таких плоскостей общественных отношений как публичное управление, экономическая деятельность и тому подобное. Именно в этом видятся наибольшие риски и угрозы, поскольку при таких условиях организованная преступность превращается в неотъемлемый элемент повседневной правовой реальности, что в значительной степени затрудняет борьбу с ней. Организованная преступность выходит за пределы государственных границ и связана не только с коррупцией общественных и политических деятелей, получением взяток или тайными заговорами, но также связана с угрозами, запугиванием и насилием, в связи с чем организованную преступность следует рассматривать как совокупность преступлений.

Среди основных признаков и характерных черт организованной преступности следует выделить следующие: конспиративная преступная деятельность, иерархическое построение структур и координация планирования и осуществления незаконных деяний или достижения целей с использованием незаконных средств; установление частичной или полной монополии на предоставление незаконных товаров или услуг; не ограничивается осуществлением заведомо незаконной деятельности или предоставлением незаконных услуг. Преступные группировки различного уровня организованности проникают и в иные доходные законные виды деятельности, устанавливают тесные связи с коррумпированными должностными лицами, а в некоторых случаях продвигают своих представителей во властные структуры, не раскрывая при этом их принадлежность к организованным преступным группам или сообществам. Что касается особенностей противодействия организованной преступности, то следует отметить, что общественная опасность преступных групп, банд, организаций и сообществ, ее конспирированная деятельность, вынуждает государство использовать в борьбе с этим проявлением, как гласные, так и негласные средства, и методы. Так, Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ установлено, что задачами оперативно-розыскной деятельности являются, в том числе выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, при этом основополагающими принципами являются сочетание гласных и негласных методов и средств, а также конспирация [2].

Мы поддерживаем мнение Никитина А. В. который отмечает, что понятие «оперативно-розыскное противодействие» шире понятий «профилактика», «предупреждение», «предотвращение», поскольку входят в состав данного понятия, которое включает в себе меры по раскрытию и расследованию преступлений. В связи с чем

следует выделить следующие элементы и направления противодействия преступности:

1. Профилактика преступности в целом, как негативного социального явления, видов преступности и отдельных преступлений;

2. Неотложная профилактика, направленная на пресечение преступлений на стадиях формирования умысла, приготовления к преступлению, покушения на совершение преступления;

3. Постпреступное противодействие, то есть воспрепятствование дальнейшей преступной деятельности лиц, уже совершивших (совершающих) преступления мерами уголовно-правового принуждения (сфера раскрытия, расследования преступлений, привлечение виновных к уголовной ответственности и административного надзора) [3, с. 46-47].

Как известно, ОРД по своей сути имеет разведывательно-поисковый характер, что связано с непосредственным проникновением в криминальную среду в целях получения оперативной информации о готовящихся либо уже совершенных преступлениях [4]. Оперативно-розыскное противодействие преступлениям следует рассматривать как оперативно-розыскную деятельность уполномоченных на то подразделений, которая направлена на выявление и устранение причин и условий, способствующих их совершению, на выявление лиц, склонных к совершению противоправных действий, и совершение в отношении них профилактического воздействия.

Различают противодействие в широком и узком понимании. В широком смысле это комплексное использование сыскных сил и средств, в узком – деятельность оперативных подразделений по противодействию криминальной активности конкретных лиц с использованием оперативно-розыскных сил и средств и урегулированная законом и подзаконными актами.

Под предупреждением преступлений следует понимать комплекс оперативно-розыскных мероприятий, направленных на выявление лиц, которые задумали и подготовили преступления, и профилактическое влияние в отношении них с целью предотвращения продолжения, завершения и реализации криминальных намерений, а также наступления необратимых вредных последствий тяжкого или особо тяжкого преступления [5].

Пресечение преступлений, по нашему мнению, следует рассматривать как деятельность оперативных подразделений и других правоохранительных органов, которая направлена на исключение продолжения и завершения преступлений, обезвреживание преступных действий на стадии подготовки или покушения на преступление, прекращение готовящихся преступлений. Для пресечения преступления необходимо следующее: информация о том, что совершается преступление; прямой контакт с фигурантом для того, чтобы прекратить его преступное действие и по возможности задержать его для дальнейшего документирования и фиксации его преступной деятельности, а также проведения следственных действий.

Профилактика преступлений – это особый вид социального управления, который имеет целью гарантировать безопасность правоохранительных ценностей и заключающийся в разработке и осуществлении системы целенаправленных мер по выявлению и устранению причин преступлений, условий, способствующих их совершению, а также меры воздействия на лиц, склонных к противоправному поведению.

Следовательно, деятельность правоохранительных органов по противодействию состоит из профилактики, предотвращения и пресечения преступлений, среди которых особое место занимает оперативно-розыскная профилактика.

На основе практической деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел и теоретических основ оперативно-розыскной деятельности целесообразно выделять такие направления оперативно-розыскной профилактики:

- 1) устранение причин и предотвращение возникновения условий, которые способствуют преступлениям (общая профилактика);
- 2) выявление лиц, склонных к совершению преступлений, с последующим профилактическим воздействием на них (индивидуальная профилактика);
- 3) предотвращение преступлений.

Учитывая вышеизложенное следует прийти к выводу, что изменение социальной структуры общества, снижение уровня благосостояния основной массы населения, привели к обострению демографической ситуации, потере нравственных ориентиров, нарастанию негативных социальных проявлений, что в свою очередь обуславливает всплеск преступности и превращение ее единичных проявлений в системное явление с глубоким уровнем организации и материально-технического обеспечения. В таких условиях возникает насущная необходимость повышения эффективности мер борьбы с организованной преступностью и совершенствования организационно-правовых основ такой борьбы. При этом чрезвычайно важным является построение двухуровневой системы борьбы с организованной преступностью. Первый уровень, который включает мероприятия, направленные непосредственно на ликвидацию и нейтрализацию деятельности преступных организаций силами системы правоохранительных органов. Второй уровень такой борьбы предусматривает привлечение чрезвычайно широкого круга органов государственной власти, которые отвечают за социально-экономическое развитие страны. Целью деятельности органов и учреждений второго уровня является системное снижение уровня социальной напряженности, повышение уровня жизни населения, создание условий для формирования правового государства и гражданского общества с высоким уровнем правового сознания, что уже само по себе сделает невозможным появление негативных социально-экономических явлений, наиболее опасным из которых является организованная преступность.

Список литературы:

1. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2019 года, за январь-декабрь 2018 года, за январь-декабрь 2017 года – электронный ресурс: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics>
2. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации от 14 августа 1995 г. № 33 ст. 3349.
3. Никитин А.В. Оперативно-розыскное противодействие преступности: понятие, сущность // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. №. 1 (52). 2010. С. 46–50.
4. Иванов С.И. Меры и действия оперативно-розыскной деятельности как вспомогательные тактические способы действий в оперативно-розыскных операциях // Вестник экономической безопасности. 2020. № 1. С. 166–171.
5. Иванов С.И. Отдельные проблемы реформирования оперативно-розыскного законодательства на современном этапе // Развитие государственности и права в Республике Крым: материалы Всероссийской научно-практической конференции / под общей редакцией С.А. Буткевича. 2016. С. 298-301.

V.A. Zoz, A.S. Karpenko. Operational inspection support for countering organized crime // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 258-262.

The article reveals the issue of operational and investigative support of countering organized crime by law enforcement agencies. The analysis of statistics of crimes committed by organized criminal groups and criminal communities is carried out.

Organized crime is the most dangerous form of crime that infringes on all spheres of modern society, including political, economic, social and legal. The problem of organized crime is gradually turning into one of the largest global problems of our time, which is rooted in the desire of criminal structures to legalize their own activities or build a parallel legal system of public administration, thus turning the state as a whole into its own corporate structure.

The concept of organized crime goes beyond the purely criminal law science and reaches such planes of social relations as public administration, economic activity, and the like. It is in this that the greatest risks and threats are seen, since under such conditions, organized crime turns into an integral element of everyday legal reality, which makes it impossible to fight it.

The main features and characteristics of organized crime are considered. The objects of interest of criminal groups, allowing to legalize the proceeds of crime, are determined, the types of operational-search counteraction are considered. The directions for improving the work efficiency in the activities of law enforcement agencies in countering organized crime have been identified.

Key words: organized crime, operational and investigative counteraction, criminal communities, law enforcement agencies.

Spisok literatury

1. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar' – dekabr' 2019 goda, za yanvar'-dekabr' 2018 goda, za yanvar'-dekabr' 2017 goda – elektronnyj resurs: <https://mvd.rf/Deljatelnost/statistics>
2. Federal'nyj zakon ot 12 avgusta 1995 g. № 144-FZ «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 14 avgusta 1995 g. № 33 st. 3349.
3. Nikitin A.V. Operativno-rozysknoe protivodejstvie prestupnosti: ponyatie, sushchnost' // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. №. 1 (52). 2010. S. 46–50.
4. Ivanov S.I. Mery i dejstviya operativno-rozysknoj deyatel'nosti kak vspomogatel'nye takticheskie sposoby dejstvij v operativno-rozysknyh operacijah // Vestnik ekonomicheskoj bezopasnosti. 2020. № 1. S. 166–171.
5. Ivanov S.I. Otdel'nye problemy reformirovaniya operativno-rozysknogo zakonodatel'stva na sovremennom etape // Razvitie gosudarstvennosti i prava v Respublike Krym: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii / pod obshchej redakciej S.A. Butkevicha. 2016. S. 298-301.

УДК 343.98

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(1)- 263-269

**ОБСТАНОВКА СОВЕРШЕНИЯ НАДРУГАТЕЛЬСТВА НАД МЕСТАМИ
ЗАХОРОНЕНИЯ, КАК КОРРЕЛЯЦИОННЫЙ ЭЛЕМЕНТ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 244 УК РФ**

Сафонов Д. А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Борьба с преступностью в современных условиях экономического и социального развития общества требует от правоохранительных органов, в ходе проведения досудебного расследования, акцентировать внимание на таком распространенном в последнее время виде преступления, как надругательство над телами умерших и местами их захоронения.

К основным причинам распространения указанных негативных проявлений вандализма в современном обществе можно отнести недостаточный уровень социально-воспитательной работы с молодежью, низкую морально-духовную позицию отдельных лиц, которые ведут аморальный и антисоциальный образ жизни и т.д. Факты презрительного отношения к местам захоронения не только причиняют моральные страдания родным умершего и наносят материальный вред, но и представляют собой дестабилизирующий фактор в обществе, последствия которого приводят к национально-этническим и политическим конфликтам среди многонациональных групп населения.

В статье рассматривается обстановка совершения осквернения мест захоронения как один из основных элементов криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных ст. 244 УК РФ. Его корреляционные связи с другими элементами характеристики являются определяющими. Они обуславливают выбор преступником предмета преступного посягательства, способ совершения, следы на месте происшествия и др.

При рассмотрении обстановки преступной деятельности, рассматриваемых преступлений, были изучены сведения о непосредственном месте совершения преступления, как участка местности на котором сконцентрированы последствия преступных действий, влияние административно-территориального и социально-экономического фактора местности, время совершения преступления, национальный состав населения.

В статье также освещаются ключевые, по мнению автора, элементы криминальной обстановки, которые необходимо учитывать в исследовании пространственно-временных свойств места происшествия и предмета преступного посягательства.

Ключевые слова: методика расследования преступлений, уголовное производство, расследование, надругательство над местом захоронения, обстановка совершения преступления, вандализм, осмотр места происшествия.

В современных условиях развития российского государства, вопросы развития и популяризации культурных традиций, а равно и духовных ценностей являются основополагающими направлениями формирования добропорядочных и патриотических качеств каждого гражданина Российской Федерации. Наряду с эти, к сожалению, приходится признать, что имеют место преступления, связанные проявлением аморальных и низменных человеческих качеств. Таким примером являются преступления, предусмотренные ст. 244 УК РФ (Надругательство над телами умерших и местами их захоронения) [1]. Данные проявления вандализма, как правило, вызывают озабоченность и ведут к общественной напряженности. Случаи такого прояв-

ления неуважения к памяти умерших являются неприемлемыми в современном обществе, и требуют от государства, в лице правоохранительных органов, более действенных способов обеспечения защиты мест захоронений от таких негативных проявлений по сохранению национально-культурных традиций, связанных с погребением и почитанием памяти умерших.

Методика расследования данного вида преступлений, определяет обстановку совершения надругательства над местами захоронений как один из коррелирующих элементов криминалистической характеристики. Связи обстановки наиболее тесно выражается в криминалистических данных о предмете преступного посягательства, поскольку он в указанных деликтах неразрывно связан с местом своего расположения. Следует отметить, что расследование преступлений, предусмотренных ст. 244 УК РФ начинается с изучения окружающей обстановки, так как значительная часть криминалистической информации о способе совершения преступления содержится именно в обстановке, определяющей в том числе условия, способствующие совершению преступления (темное время суток, отсутствие охраны, свободный доступ и т.д.).

Необходимо отметить, что благодаря изучению обстановки, в которой совершаются данные преступления, в том числе анализу факторов, которые способствуют его совершению могут быть предложены и профилактические мероприятия.

Исследованием обстановки совершения преступлений занимались Р.С. Белкин, А.Ф. Облаков, В.Ю. Шепитько, М.П. Яблоков и другие ученые-криминалисты. В то же время существуют различные подходы к пониманию этого элемента криминалистической характеристики.

Так, В.Ю. Шепитько понимает обстановку совершения преступления как часть материальной среды, включая, кроме помещения и участки местности, совокупность различных предметов, а также факторов регулятивного характера, определяющие порядок деятельности, факторы поведения людей в быту и трудовой деятельности [2, с. 23]. Такое определение является достаточно удачным, однако, автор, к сожалению, не полно раскрывает значение и понятия «факторов регуляторного характера», что дает основание трактовать их в различных интерпретациях, не выделяя самой сущности обстановки.

Более приемлемой представляется позиция Н.П. Яблокова, который под обстановкой совершения преступления, в криминалистическом аспекте, понимает определенную систему различного рода объектов, явлений и процессов, взаимодействующих между собой до и в момент преступления и характеризуют место, время, вещественные, природно-климатические, производственные, бытовые и другие условия окружающей среды, особенности поведения косвенных участников противоправного события, психологические связи между ними и другие факторы объективной реальности, которые определяют возможность, условия и другие обстоятельства совершения преступления [3, с. 52-53].

Детальный анализ сведений об обстановке, в которой совершено преступление, вместе с оценкой его образа позволяет в ряде случаев определить примерный прогностический характер аналогичных преступлений и выдвинуть версии о лицах, его совершивших, а именно, приблизительное место жительства преступников, использование ими определенных орудий или транспортных средств [4, с. 76].

Кроме того, как отмечают отдельные авторы, обстановка совершения преступления существует не сама по себе, а лишь во взаимосвязи с преступным деянием. Эта связь детерминирована при совершении умышленных деяний объектом (предметом) преступного посягательства как целью и (либо) личностью преступника, при совершении неосторожных деяний - природой объекта (предмета) посягательства и (или) личностью преступника [5].

По нашему мнению, к обстановке преступления как элемента криминалистической характеристики надругательства над местом захоронения необходимо включать следующие сведения: а) о месте преступления, которое, кроме непосредственной характеристики участка местности, включает и особенности административно-территориального деления, социально-экономического развития районов (регионов) б) географическую характеристику и специфику окружающих участков местности (жилой массив, производственная зона, место массового отдыха); в) время совершения преступления; г) условия содержания кладбищ; г) национальный состав населения, его обычаи.

Место преступления, географическая характеристика специфика отдельных участков местности (жилой массив, производственная зона, место массового отдыха). Типичным местом осуществления надругательства над местом захоронения является территория кладбища. Согласно, ст. 4 Федерального закона от 12.01.1996 № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» местами погребения являются участки земли, стены скорби для захоронения урн с прахом умерших, а также к места погребения могут относиться к объекты, имеющим культурно-историческое значение[6].

Непосредственным местом совершения является участок места захоронения, границы которого определены оградой, а при ее отсутствии - пределами расположения могильных плит или рельефом насыпи.

Как показывает анализ материалов уголовных дел, злоумышленник действует в условиях огражденного участка территории кладбища с отведенными в его пределах большого количества мест захоронений. При таких условиях к существенным особенностям обстановки преступлений, на наш взгляд, следует отнести: а) пространственный фактор; б) административно-территориальный фактор.

Пространственный фактор, по нашему мнению, является одним из определяющих. Объясняется это тем, что территория кладбища, во-первых, имеет значительную пространственные характеристики (протяженность). Во-вторых, на данной территории имеется большое количество мемориальных сооружений, плотно расположенных друг возле друга, каждое из которых в среднем от 0,5 до 1,5 метра высотой. Добавим к этим условиям факторы ограничения видимости, а именно кусты, деревья и хозяйственные постройки и др. Исходя из указанных свойств местности передвижения потенциального злоумышленника, или группы лиц по территории кладбища происходит незаметно как для работников охраны, так и для посторонних лиц. Преступник использует данные преимущества с целью реализации своей преступной цели. Кроме того, как свидетельствуют результаты исследования следственной практики, лица на такой территории, выбирают участки, наиболее отдаленные от места входа на кладбище, а также не попадающие в обзор средств видеонаблюдения.

При таких обстоятельствах нарушители не ограничены во времени совершения преступных действий и в выборе мест захоронений, над которыми в дальнейшем они совершают надругательство.

В-третьих, существует закономерность совершения надругательства над местами захоронений лицами, проживающими вблизи территории расположения кладбищ. По данным судебной статистики, 73% подсудимых лиц, совершивших такие действия, проживали в том же населенном пункте, где располагалось кладбище. На наш взгляд, данные обстоятельства можно отнести к условиям, которые способствовали совершению данного вида преступления. Исходя из указанного, преимуществами близости проживания являлись: а) небольшой промежуток времени, необходимый злоумышленнику для того, чтобы добраться до места происшествия; б) как местному жителю преступнику хорошо известны особенности территории кладбища, которые он мог использовать в противозаконных целях (осведомленность об условиях охраны территории кладбища, в частности о наличии охранников, их отношении к своим обязанностям и т.д.).

Административно-территориальный фактор обусловлен местоположением кладбища по отношению к компактно заселенной территории (населенного пункта) в пределах области. К числу населенных пунктов относятся города, поселки городского типа и сельские населенные пункты.

По результатам анализа и обобщения следственной и судебной практики были получены данные, согласно которым 72% преступлений, связанных с надругательством над местом захоронения, совершается в сельских районах, где численность жителей не превышает 10 000 человек. В условиях города и в пригородных районах области процент совершения преступлений, предусмотренных ст. 244 УК РФ, составляет 28%. Это объясняется особенностью инфраструктуры населенного пункта, жители которого имеют больший, по сравнению с сельским, уровень занятости в управленческой, промышленной, социально-культурной и других сферах. Городские кладбища в большинстве случаев соответствуют современным условиям охраны и содержания, что способствует низкому уровню посещения данных мест жителями городов. Некоторым лицам удастся проникать на их территорию, используя благоприятные условия и обстоятельства, к которым можно отнести ночное время суток, отверстия в стенах ограждения, различные приводы, например, посещения захоронений родных или друзей и тому подобное.

Вместе с тем в городах, в отличие от сельской местности, получили распространение случаи осквернения могил на почве религиозной, этнической, национальной вражды, через влияние на молодежь агрессивных деструктивных экстремистских течений, которые активизируются последнее время в крупных городах и районных центрах. Это связано с современной инфраструктурой развития города, население которого (особенно несовершеннолетние) более подвержены влиянию различных деструктивных организаций. Чаще всего городские кладбища выступают объектом на которых совершаются антисоциальные акции вандализма, в том числе повреждение могильных сооружений, их раскрашивания, проведение на могилах обрядовых действий и т. д. Так, каждый шестой случай хулиганства осуществлялся лицами, попавшими под влияние организаций, пропагандирующих насильственный или антисоциальный образ жизни.

Исследование географического и экономического состояний районов (регионов), на примере Республики Крым показывает, что большинство преступлений, предусмотренных ст. 244 УК РФ, совершается в центральных и южных районах Крыма.

Время совершения преступления. По результатам обобщения данных обвинительных приговоров установлено, что надругательство над местами захоронения чаще всего совершается в ночное время (94%) в период с 21 до 2:00. Анализ материалов следственной практики показал, что преступления осуществляются в темное время суток. Из-за отсутствия освещения территории кладбища в ночное время, преступники имеют возможность совершать надругательство над могилой незаметно для других лиц. Преступления, совершенные в дневное время (6% случаев). Они в большинстве случаев связаны с датами, на которые приходится неформальные празднования «Хэллоуин» (ночь на 1 ноября), Ламес (праздник урожая, ночь на 1 августа), ночь цветения папоротника (ночь на 6 июля) и другие. В то же время имеют место случаи совершения надругательства над местами захоронения из хулиганских побуждений совпадала с христианскими праздниками и обычаями, такими, как Пасха Христова, день поминовения усопших (Радонница), сретение и т.д.

Проанализировав и обобщив материалы следственной и судебной практики, можно сделать вывод, что обстановка совершения исследуемого вида преступления в условиях города не является благоприятной для лиц, совершающих надругательство над могилой с целью похищения металлосодержащих предметов.

Условия содержания кладбищ. Под условиями содержания кладбищ, следует понимать совокупность организационных и других мероприятий (строительных, восстановительных и т.д.), направленных на обеспечение охраны, сохранения и поддержания в надлежащем состоянии мест захоронений.

В ходе проведения обобщения материалов следственной и судебной практики было установлено, что во многих случаях преступники выбирают для совершения надругательства над могилой кладбища, где, во-первых, отсутствует полностью или частично ограждение, во-вторых, нет надлежащей охраны территории мест захоронений, в-третьих, отсутствует видеонаблюдение.

Отсутствие ограждения обуславливает свободный доступ посторонних лиц к местам захоронений и позволяет беспрепятственно покинуть место совершения надругательства вместе с предметами незаконно изъятыми из могил.

Проблема обеспечения соответствующих условий содержания кладбищ приобретает особую актуальность для небольших населенных пунктов, в которых участки под захоронение отводятся за их пределами. Обычно типичное ограждение территории кладбищ в небольших городах и населенных пунктах сельской местности представляет собой деревянный или каменный забор высотой до 1 метра или вообще отсутствует. Кроме того, как правило, на достаточном уровне охрану участка таких кладбищ местные поселковые советы не обеспечивают. Вышеперечисленные факторы, на наш взгляд, создают благоприятные условия для осуществления надругательства над могилой.

Национальный состав населения, его обычаи. Сведения о национальном составе населения, по нашему мнению, нужно включать в условия обстановки совершения надругательства над могилой в тех случаях, когда такие преступления направлены на выражение презрительного отношения к определенной религиозной конфессии, этнической группы населения, политического режима. В ходе расследования пре-

ступлений, предусмотренных ст. 244 УК РФ, необходимо учитывать национальный состав и обычаи определенных групп населения, проживающих на одной административно-территориальной участке, является актуальным для многонациональных регионов России с нестабильной национальной, религиозной и политической обстановкой. Одним из типичных примеров такого региона следует считать Республику Крым, на территории которой, по приблизительным данным, проживают более 15 национальностей, каждая из которых характеризуется своими обычаями и историко-культурным достоянием. В ходе исследования судебно-следственной статистики, было установлено, что до 2014 г. в Крыму, вследствие межнациональных конфликтов, в Крыму наметилась негативная тенденция по систематическому надругательству к местам захоронений представителей национальных меньшинств, которые происходили на почве национального и этнического противостояния. По данным статистики, каждое шестое преступление, связанное с надругательством над местом захоронения в Республике Крым, осуществлялось из экстремистских убеждений, с целью демонстрации оскорбительного отношения к религиозной конфессии умерших разжигания межнациональной вражды.

Причиной совершения таких актов «вандализма» на территории мест захоронений, как правило, являлось, во-первых, обострение национально-политических конфликтов; во-вторых, недостаточное обеспечение условий содержания и охраны кладбищ, в-третьих, значительно удаленное расположение территории кладбищ от населенных пунктов, что влияло на неочевидный характер совершения надругательства над местами захоронений.

При этом, в ходе изучения статистики по данному виду преступлений начиная с 2015 г. установлено, что в Республике Крым наметился спад количества случаев надругательства над местами захоронений по мотивам межнациональной вражды на 89% процентов. Причинами данного снижения является выезд на территорию Украины радикально настроенных лиц и экстремистских групп, повышение уровня требований к условиям охраны и содержания территорий кладбищ.

Таким образом, подводя итог следует отметить, что к общим особенностями обстановки совершения надругательства над местами захоронения являются: а) свободный доступ к предметам преступного посягательства; б) отсутствие в большинстве случаев охраны на территории кладбища и других граждан (посетителей) в) ограничена возможность наблюдения за всей территорией кладбища вследствие большой плотности мемориальных объектов и сооружений; г) значительное расстояние расположения территории кладбищ от населенных пунктов; д) наличие достаточного времени для беспрепятственного определения преступником предмета преступного посягательства; д) возможность в любой момент времени без помех покинуть место совершения надругательства над могилой.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31 июля 2020 г. № 260-ФЗ) // СПС «Гарант» URL: <http://base.garant.ru/10108000/>
2. Шепитько В.Ю. Теоретические проблемы систематизации тактических приемов в криминалистике: монография / В. Ю. Шепитько. – Х.: Оригинал, 1995. – 200 с.
3. Яблоков Н.П. Криминалистика: учебник для вузов / Н.П. Яблоков. – М.: НОРМА-ИНФРА-М., 2018. – 360 с.
4. Расследование преступлений. Криминалистические комплексы: учеб.-практ. пособие / Е.Н. Асташкин, Н.А. Марочкин, А.Е. Михальчук и др. – М.: Приориздат, 2003. – 112 с.

5. Бессонов А.А. Обстановка преступления как элемент его криминалистической характеристики // Вестник СГУОА. 2014. № 6 (101). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obstanovka-prestupleniya-kak-element-ego-kriminalisticheskoy-harakteristiki>.
6. Федеральный закон от 12.01.1996 № 8-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «О погребении и похоронном деле» // СПС «Гарант» URL: <http://base.garant.ru/105870/>

Safonov D.A. The environment of the commission of violence over the burial sites as a correlative element of the criminalistic characteristic of the crimes art. 244 of the Criminal code of the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 263-269.

The fight against crime in modern conditions of economic and social development of society requires law enforcement agencies, during the pre-trial investigation, to focus on such a widespread type of crime as desecration of the bodies of the dead and their burial places.

The reasons for the spread of these negative manifestations of vandalism in modern society can be attributed to the insufficient level of social and educational work with young people, the low moral and spiritual position of individuals who lead an immoral and antisocial lifestyle, etc. The facts of contempt for the burial places not only cause moral suffering to the relatives of the deceased and cause material harm, but also represent a destabilizing factor in society, the consequences of which lead to national-ethnic and political conflicts among multinational groups of the population.

The article is considered the situation in which the desecration of burial places was committed as one of the main elements of the forensic characteristics of crimes provided for by Article 244 of the Criminal Code of the Russian Federation. Its correlations with other elements of the characteristic are decisive. They determine the choice by the criminal of the subject of the criminal offense, the method of committing, traces at the scene, etc.

When considering the situation of criminal activity, the crimes in question, information about the immediate place of the crime was studied, as the area of the area where the consequences of criminal actions are concentrated, the influence of the administrative-territorial and socio-economic factor of the area, the time of the crime, the ethnic composition of the population.

The article also highlights the key, in the author's opinion, elements of the criminal situation, which must be taken into account in the study of the spatial and temporal properties of the scene and the subject of criminal encroachment.

Keywords: crime investigation methodology, criminal proceedings, investigation, desecration of the burial place, the situation of the crime, vandalism, crime of scene.

Spisok literatury:

1. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 31 iyulya 2020 g. № 260-FZ) // SPS «Garant» URL: <http://base.garant.ru/10108000/>
2. SHepit'ko V.YU. Teoreticheskie problemy sistematizacii takticheskikh priemov v kriminalistike: monografiya / V.YU. SHepit'ko. – H.: Original, 1995. – 200 s.
3. Yablokov N.P. Kriminalistika: uchebnik dlya vuzov / N.P. Yablokov. – M.: NORMA-INFRA-M., 2018. – 360 s.
4. Rassledovanie prestuplenij. Kriminalisticheskie komplekсы: ucheb.-prakt. posobie / E.N. Astashkin, N.A. Marochkin, A.E. Mihal'chuk i dr. – M.: Priorizdat, 2003. – 112 s.
5. Bessonov A.A. Obstanovka prestupleniya kak element ego kriminalisticheskoy karakteristiki // Vestnik SGYUA. 2014. № 6 (101). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obstanovka-prestupleniya-kak-element-ego-kriminalisticheskoy-harakteristiki>.
6. Federal'nyj zakon ot 12.01.1996 № 8-FZ (red. ot 30.04.2021) «O pogrebenii i pohoronnom dele» // SPS «Garant» URL: <http://base.garant.ru/105870/>

УДК 342

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(1)- 270-276

ИНСТИТУТ МИГРАЦИОННОЙ АМНИСТИИ КАК ИНСТИТУТ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПОНЯТИЯ И КЛАССИФИКАЦИЯ

Трифорова К. В.

Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

Статья посвящена исследованию института миграционной амнистии в современных условиях в контексте правоохранительной деятельности. Автор проводит теоретико-правовой анализ института правоохранительной деятельности, выделяя в качестве одного из направлений миграционную деятельность. Автором обосновывается необходимость проведения миграционной амнистии в настоящее время с учетом пандемии коронавируса. В статье дана подробная классификация миграционных амнистий, позволяющая сквозь призму содержания каждого вида выявить их особенности.

В заключении автор приходит к выводу, что институт миграционной амнистии является действенным инструментом решения множества миграционных проблем.

Ключевые слова: правоохранительная деятельность, миграционная деятельность, миграционная амнистия, легализация, регуляризация, мигрант, миграционное законодательство.

В Российской Федерации сложился подход, согласно которому правоохранительная деятельность обособливается от других видов юридической деятельности (например, таких, как правозащитная) используемыми мерами воздействия субъектов, ее осуществляющих. Таковыми являются регламентированные законом меры государственного принуждения и взыскания, направленные на правонарушителей [1, с. 5]. Если проанализировать существующие оценки сути правоохранительной деятельности, присутствующие в работах ряда ученых, то можно заметить одну особенность. В них, как правило, понятия «охрана» и «защита» используются совместно как синонимичные [2, с. 34]. Так, авторы учебника под общей редакцией В.П. Божьева и Б.Я. Гаврилова трактуют правоохранительную деятельность как «предусмотренную действующим законодательством государственную или санкционированную государством деятельность, направленную на охрану и защиту прав граждан, юридических лиц и государства и обеспечение выполнения ими своих обязанностей, осуществляемую, как правило, в определенном процессуальном порядке специально уполномоченными на то лицами и связанную с применением законных мер государственного принуждения» [3, с. 25].

Схожее понятие приводит С.М. Кузнецов, который рассматривает правоохранительную деятельность как «состоящую в защите и охране прав и свобод человека и гражданина, а также законных прав и интересов юридических лиц» [4, с. 130].

Точка зрения А.Ю. Гулягина основывается на том, что правоохранительной считает деятельность «только несудебных государственных органов по охране и защите прав, осуществляемую путем применения властных полномочий по отно-

шению к лицам, не состоящим с ними в отношениях подчинения типа «работодатель – работник» [5, с. 25].

Раскрывая сущность дефиниции «правоохранительная деятельность», следует отметить, что оно по-прежнему может считаться дискуссионным, несмотря на большое количество учебников и специальной литературы, посвященной данной проблематике.

В настоящее время имеется два подхода к пониманию правоохранительной деятельности - широкий и узкий, конкретная наполненность которых отличается в зависимости от выбранного основания для классификации. Так, по такому основанию, «как субъекты правоохранительной деятельности, сторонники широкого подхода говорят о том, что она осуществляется всеми органами законодательной, исполнительной и судебной власти, обеспечивающими соблюдение прав и свобод человека и гражданина, поддержание законности и правопорядка» [6, с. 34].

Для узкого подхода характерно представление правоохранительной деятельности «как деятельности только несудебных государственных органов по охране прав, осуществляемую путем применения властных полномочий по отношению к лицам, не состоящим с ними в отношениях подчинения типа «работодатель – работник» [7, с. 25].

Функционально правоохранительная деятельность в сфере миграции определяется как административная деятельность в сфере профилактики и предупреждения миграционных правонарушений, а также процессуальную деятельность (деятельность государственного органа или должностного лица всегда связана с принятием решения по конкретному миграционному делу и его оформлением).

Необходимо поддержать точку зрения С.Н. Назарова, который акцентирует внимание на том, что «правоохранительная деятельность в правовом государстве реализуется как с применением, так и без применения мер принуждения» [8, с. 117]. Предлагаемый подход позволяет рассматривать в качестве правоохранительной такие виды юридической деятельности, как юрисдикционная деятельность, осуществляемая как государственными (судебная, следственная и др.), так и негосударственными органами (нотариальная, третейское судопроизводство и др.), надзорно-контрольная деятельность (прокурорская и др.) и т.д.

Одним из аспектов правоохранительной деятельности государства является деятельность уполномоченных органов в сфере миграции.

Россия — четвертая страна в мире по численности приёма всех категорий мигрантов. Из-за закрытия государственных границ из-за коронавирусной инфекции большинство мигрантов осталось в РФ. И глава российского отделения МОМ обратил внимание на то, что «универсальные права человека должны соблюдаться и в отношении мигрантов всех категорий»[9].

Согласно социально-экономическому прогнозу, до 2024 г. естественная убыль населения может быть компенсирована лишь за счет иностранных граждан. Демографы сходятся во мнении, что даже при успешной реализации майского указа Президента РФ от 2018 г. в России за 30 лет не удастся достичь естественного прироста населения – превышения рождаемости над смертностью [10].

Необходимо согласиться с мнением тех авторов, которые акцентируют внимания на том, что «миграция способна увеличивать масштабы экономики, приводя к со-

зданию новых рабочих мест, причем конкуренция иностранцев и местного населения скорее миф ввиду занятия мигрантами определенного сегмента рынка труда, контроль же в сфере миграции должен осуществляться не бездумным выстраиванием барьеров, а способностью принять и создать все необходимое для работы» [11].

Институт миграционной амнистии является действенным инструментом компенсации сохраняющейся убыли населения, выступая решением демографической проблемы.

Под институтом миграционной амнистии обычно понимают процедуры легализации определенных групп населения – лиц без гражданства либо иностранных граждан, незаконно находящихся на территории государства с целью занятия трудовой деятельностью, без оформления надлежащих документов и с соблюдением условий, выдвигаемых уполномоченными государственными органами [12, с. 124].

Миграционная амнистия как институт правоохранительной деятельности к сожалению, на законодательном уровне не закреплена. Это обуславливает отсутствие правового регулирования порядка проведения и содержания соответствующих мероприятий, а также полномочий какого-либо государственного органа или должностного лица на принятие решений по организации процедур по реструктуризации правового статуса иностранных граждан.

Необходимо понимать, что существуют такие понятия как регуляризация и амнистия. На наш взгляд, это тождественные понятия, хотя в зарубежной литературе они не всегда отождествляются.

Несмотря на значительный интерес научного сообщества к проблеме миграционной амнистии, в большей степени исследуется регулирование отношений в сфере субъектного состава амнистируемых лиц в зависимости от необходимости привлечения в экономику государство отдельных групп работников-мигрантов, а также проводится анализ отдельных институтов, связанных с порядком легализации. Однако окончательного исследования в сфере типологии и классификации миграционной амнистии, к сожалению, не нашли отражение в научной литературе.

В результате анализа имеющейся литературы мы разработали типологию, которая различает следующие виды амнистии:

1. Трудовая миграционная амнистия, классическая – направлена на регуляризацию статуса иностранных граждан и лиц без гражданства, осуществляющих трудовую деятельность или осуществляющих работу (или оказывающих услуги) по гражданско-правовому договору. В условиях РФ, в первую очередь будет применяться к гражданам из стран СНГ с безвизовым режимом

2. Гуманитарная миграционная амнистия – направлена на регуляризацию статуса иностранных граждан и лиц без гражданства, совершивших административные правонарушения, связанные, как правило, с нарушением режимом пребывания и носящие незначительный характер, а также тех лиц, у кого по разным причинам был изъят российский паспорт;

3. Чрезвычайная миграционная амнистия - направлена на регуляризацию статуса иностранных граждан или лиц без гражданства как правило, путем автоматического подливания Документов иностранных граждан, которые в силу различных причин чрезвычайного характера, не зависящим от него оказался на территории государства на вызванные например, коронавирусной инфекцией в целях решения миграционных проблем так как мигранты, получив возможность легального пребывания

ния в течение определённого времени, имеет возможность воспользоваться правом для получения какого-либо правового статуса в России.

4. Временная или разовая проводится с четко указанными периодами с конкретными временными ограничениями в сроках, в данном случае начало амнистии устанавливается конкретной датой и как правило количество претендентов, желающих урегулировать свой статус ограничено. Например, в отношении граждан Молдовы – с 5 по 30 ноября 2014 г. и в марте 2017 г., граждан Таджикистана – с 24 марта по 27 апреля 2017 г.,

5. Постоянная проводится без какого-либо ограничения в сроках, в данном случае в целях регуляризации не принимается в расчет никакая дата; число людей, которые могут претендовать на амнистию по этому основанию, велико, и такая система имеет непрерывный характер.

Репатриационная - применяется как правило в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, которые являются соотечественниками (репатриантами), и изъявили желание переехать на историческую родину по программам привлечения соотечественниками. Например, принятая Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (далее – Государственная программа), направленная на объединение потенциала соотечественников, проживающих за рубежом, с потребностями развития российских регионов.

6. Общая – применяется в отношении всех иностранных граждан подпадающих под установленные условия амнистии на территории всего государства.

7. Специальная – применяется в отношении граждан определённых государств, с которым у государства-донора имеются международные договоренности, как правило, носящий временный характер либо в отношении лиц, имеющих определенные специальности. Например, проводимая миграционная амнистия в отношении граждан Кыргызстана – в период с 16 октября по 10 декабря 2018 г., а также с 22 марта 2019 г. по 22 апреля 2019 г.

8. Локальная в пределах одного или нескольких субъектов. Примером может служить проводимая на территории г. Москвы и Московской области миграционная амнистия в 2005 г.

9. Адресная амнистия, в отношении граждан, определенных государств или государствовподобных образований, например, ДНР и ЛНР. Президент Российской Федерации наделен полномочиями определять в гуманитарных целях категории иностранных граждан и лиц без гражданства, имеющих право приобрести гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке, в число которых, в том числе вошли граждане Украины и лица без гражданства, постоянно проживающие на территориях Донецкой и Луганской областей Украины [13].

10. Проводимая, исходя из целесообразности или обязательства. Примером такой амнистии могут служить мероприятия, проводимые в Великобритании, во исполнение решения Европейского Суда по правам человека от 2 мая 1997 года, признавшего ее виновной в нарушении статьи 3 Конвенции, запрещающий бесчеловечное, жестокое или унижающее достоинство обращение, в отношении регуляризации тяжело больных иностранцев, когда они нетранспортабельны, или если есть угроза сокращения их жизни в случае депортации их в страну происхождения, где отсутствуют достаточные возможности для лечения. Статья 8 Конвенции, касающаяся

семейной жизни, должна поставить под сомнение возможное обязательство государств провести миграционную амнистию иностранца, незаконно проживающего в стране, когда он или она связаны семейными узами с гражданами этой страны или легально обосновавшимся иностранцем, проживающим на ее территории [14].

11. Проводимая с целью констатации совершившегося факта или с целью защиты человека:

– в случаях процедур констатации совершившегося факта цель амнистии – признать факт пребывания в стране лиц, которые находились в ней незаконно, начиная с определенной даты и (или) в течение определенного срока, причем власти признают, что следствием признания этой фактической ситуации будет предоставление определенного правового статуса. Однако именно это преобразование ситуации де-факто в ситуацию де-юре без каких-либо иных оснований объясняет, почему данный вид миграционной амнистии чаще оспаривается и может показаться в глазах немецких властей, если не стимулом к незаконной миграции, то сомнительным признанием права жительства иностранцев, которые приобрели данное право, не обращаясь к закону [15, с. 47];

– в случае процедур с целью защиты человека цель миграционной амнистии заключается в наделении определенным правовым статусом соответствующих лиц ввиду риска, которому они могут подвергнуться, или вреда, который они могут понести в случае их депортации. Критерии, используемые в ходе этих процедур, обычно носят гуманитарный, медицинский или семейный характер.

12. Индивидуальная. Процесс называется индивидуальным, когда критерии оценки представляют соответствующему органу власти большую свободу действий и даже дискреционные полномочия в случае неофициальных процессов.

13. Коллективная миграционная амнистия устанавливает объективные критерии оценки и могут привести к признанию истинного права просителей на регуляризацию.

14. Административная амнистия понимается совокупность согласованных государственной властью правовых средств, обеспечивающих определение и реструктуризацию правового статуса некоторых категорий мигрантов, преимущественно, из стран СНГ, которые к моменту начала ее проведения нелегально пребывали или работали на территории РФ, без каких бы то ни было санкций к таким мигрантам и их работодателям за нарушение миграционного политико-правового режима.

Таким образом, мы видим, что термин «миграционная амнистия» не имеет четко определенного значения ни с юридической точки зрения, ни в плане общего использования. Исторически сложилось так, что регуляризация, легализация, или амнистия лиц с нерегулируемым статусом, в разных странах была обусловлена весьма разными причинами [16].

В широком смысле миграционная амнистия способна в рамках всего государства вывести из пределов правового поля большое количество как нелегальных мигрантов- работников, так и недобросовестных работодателей, предоставить им юридический статус и полноценную социальную и правовую защиту, придать их заработкам официальный характер и включить их в число объектов налогообложения. В узком же понимании проведение миграционной амнистии направлено на упрощение правовых процедур, применяемых правоприменительными органами в процессе рас-

смотрения миграционных дел, на повышения эффективности и качества правосудия и иных правоохранительных органов.

Список литературы:

1. Нижник Н. С., Ахмедов Ч. Н. Правоохранительная система государства: дифференциация структурно-функциональных элементов // История государства и права. – 2008. – № 9. – С. 5.
2. Горошко И. В. Актуальные вопросы правоохранительной деятельности в условиях информационного общества // Журнал «Труды Академии управления МВД России. – № 3. – 2020 г.
3. Правоохранительные и судебные органы: учебник / под общ. ред. В.П. Божьева, Б.Я. Гаврилова. – М., 2020. – С. 25.
4. Кузнецов С.М. Правоохранительная деятельность органов внутренних дел (административно-правовые аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. - М., 1997. - С.130
5. Гулягин А.Ю. Правоохранительная деятельность в сфере административной юрисдикции: монография. – М., 2014.
6. Кобзарев Ф.М. Конституционно-правовое регулирование охранительной функции государства и форм ее реализации // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. - 2013. - № 5.
7. Братко А.Г. Правоохранительная система (вопросы теории). М., 1991.
8. Назаров С.Н. Правопонимание как основа формирования теории правоохранительной деятельности // Северо-Кавказский юридический Вестник. - №1. – 2014. – С.117.
9. Электронный ресурс: <https://kaluga-zaprava.ru/biblioteka/rf/federacija-migrantov-rossii-trudovaja-migracija-v-period-pandemii-itogi-2020-goda-problemy-i-perspektivy/>
10. Башкатова А. До 2050 года естественного прироста населения в РФ не будет. – Независимая газета. 2020. 19 мая.
11. Буев М. Мигранты скорее конкурируют между собой. Электронный ресурс: URL: <https://tg.ru/2020/04/27/ekonomist-maksim-buev-migranty-skoree-konkuriruiut-mezhdu-soboj.html>.
12. Казарян К.В., Пономарева Н.В. Правовое регулирование миграционных моделей в современных условиях // Юристъ-Правоведъ, 2016. N 3 (76). С. 124.
13. Указ Президента Российской Федерации от 24 апреля 2019 г. № 183 «Об определении в гуманитарных целях категорий лиц, имеющих право обратиться с заявлениями о приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке», вступил в силу 24 апреля 2019 г., Указ Президента Российской Федерации от 29 апреля 2019 г. № 187 «Об отдельных категориях иностранных граждан и лиц без гражданства, имеющих право обратиться с заявлениями о приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке», вступил в силу 29 апреля 2019 г.) //СПС Консультант Плюс
14. Решение Европейского Суда по правам человека по делу *Nastri v France* от 13 июля 1995 года. Series A, № 320.
15. Ашап Дж., Брюйкер Ф., Шмиттер К. Регуляризация иностранцев-нелегалов в Европейском союзе // Специальные программы легализации иммигрантов: мировой опыт. М., 2006. С. 47.
16. Трифонов С.Г. Конституционное право зарубежных стран. (Общая часть) для обучающихся по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» (уровень бакалавриата) / Российский государственный университет правосудия. Ростов-на-Дону, 2020.

Trifonova K. V. Institute of migration amnesty as institute law enforcement: concepts and classification // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 270-276.

The article is devoted to the study of the institution of migration amnesty in modern conditions in the context of law enforcement. The author conducts a theoretical and legal analysis of the institution of law enforcement, highlighting migration activity as one of the areas. The author substantiates the need for a migration amnesty at the present time, taking into account the coronavirus pandemic. The article provides a detailed classification of migration amnesties, which allows identifying features through the prism of the content of each type.

In conclusion, the author comes to the conclusion that the institution of migration amnesty is an effective tool for solving many migration problems.

Keywords: law enforcement, migration activity, migration amnesty, legalization, regularization, migrant, migration legislation.

Spisok literatury:

1. Nizhnik N. S., Akhmedov Ch.N. Law enforcement system of the state: differentiation of structural and functional elements // History of state and law. – 2008. – №. 9. – P. 5.
2. Goroshko I. V. Topical issues of law enforcement in the information society // Journal «Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – № 3 – 2020.
3. Law enforcement and judicial authorities: textbook / under total. ed. V.P. Bozhieva, B. Ya. Gavrilov. - M., 2020. - P. 25
4. Kuznetsov S. M. Law enforcement activity of the internal affairs bodies (administrative and legal aspects): dis. ... Cand. jurid. sciences. - M., 1997. - P.130.
5. Gulyagin A. Yu. Law enforcement activity in the field of administrative jurisdiction: monograph. - M., 2014.
6. Kobzarev F. M. Constitutional and legal regulation of the protective function of the state and the forms of its implementation // Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. - 2013. - №. 5.
7. Bratko A. G. Law enforcement system (theoretical questions). M., 1991.
8. Nazarov S. N. Legal understanding as the basis for the formation of the theory of law enforcement. // North Caucasian Legal Bulletin. - №1. - 2014. - P.117.
9. Electronic resource: <https://kaluga-zaprava.ru/biblioteka/rf/federacija-migrantov-rossii-trudovaja-migracija-v-period-pandemii-itogi-2020-goda-problemy-i-perspektivy/>
10. Bashkatova A. Until 2050, there will be no natural population growth in the Russian Federation. - Independent newspaper. 2020.19 May.
11. Buyev M. Migrants rather compete with each other. Electronic resource: URL: <https://rg.ru/2020/04/27/ekonomist-maksim-buev-migranty-skoree-konkuriruiut-mezhdu-soboj.html>.
12. Kazaryan K.V., Ponomareva N.V. Legal regulation of migration models in modern conditions // Jurist-Pravoved, 2016. №. 3 (76). P. 124.
13. Decree of the President of the Russian Federation of April 24, 2019 №. 183 «On the determination for humanitarian purposes of the categories of persons entitled to apply for admission to the citizenship of the Russian Federation in a simplified manner», entered into force on April 24, 2019, Presidential Decree Of the Russian Federation dated April 29, 2019 №. 187 «On certain categories of foreign citizens and stateless persons who have the right to apply for admission to the citizenship of the Russian Federation in a simplified manner», entered into force on April 29, 2019) // ATP Consultant Plus.
14. Judgment of the European Court of Human Rights in the case of Nastri v France of 13 July 1995. Series A, №. 320.
15. Ashap J., Bruyker F., Schmitter K. Regularization of illegal aliens in the European Union // Special programs for the legalization of immigrants: world experience. M., 2006. P. 47.
16. Trifonov S. G. Konstitucionnoe pravo zarubezhnyh stran. (Obshchaya chast') dlya obuchayushchihnya po napravleniyu podgotovki 40.03.01 «YUrisprudenciya» (uroven' bakalavriata) / Rossijskij gosudarstvennyj universitet pravosudiya. Rostov-na-Donu, 2020.

УДК 343.85

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(1)- 277-284

**КУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ МИГРАНТОВ КАК УСЛОВИЕ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ЭКСТРЕМИЗМА
НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Царева Е. С., Родителева Я. Н.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Статья посвящена рассмотрению проблемы культурной адаптации мигрантов как условию, способствующему снижению распространения идей экстремизма, в том числе в сети Интернет. Вопросы культурной адаптации мигрантов в Российской Федерации регулярно оказываются в сфере внимания общества и различных государственных структур. Однако отсутствие комплексного представления об интеграционной политике, вопросах подхода к адаптации мигрантов значительно тормозят проведение комплексной интеграционной политики не только в России, но и во всем мировом сообществе. Вопросы межнациональных отношений всегда будут актуальны для такой многонациональной и поликонфессиональной страны как Российская Федерация, предложенные в статье меры направлены на гармонизацию межэтнических и межконфессиональных отношений путем формирования установок на межнациональное согласие и толерантное общение. В статье отражено понятие культурной адаптации и выявлены проблемы интеграции мигрантов в международном сообществе на примере принимающей стороны, а также указаны меры, принимаемые российской стороной для осуществления миграционной политики. Проанализированы и систематизированы меры, направленные на противодействие распространению идей экстремизма путем культурной адаптации лиц, постоянно или временно проживающих на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: адаптация мигрантов, интеграция мигрантов, правовой статус, экстремизм, ксенофобия, культурная адаптация, принимающее государство.

Российская Федерация является крупнейшим многонациональным и поликонфессиональным государством на современной мировой арене, сложившимся на почве общности и самобытности культур народов, населяющих ее, поэтому вопросы межнационального взаимодействия всегда находятся в фокусе особого общественного внимания. Бесконфликтные межнациональные отношения в стране являются обеспечивающими безопасные условия социальной жизни, экономической и политической стабильности в стране. Однако, интенсификация миграционных потоков, распространение радикальных экстремистских идей требует от государства и общества совместных принципиальных и решительных усилий, способствующих содействию интеграции приезжих в российское общество.

Термин «миграция» подразумевает перемещение определённого количества людей из одних стран в другие по политическим, социально-экономическим и иным причинам. Под термином «адаптация» следует понимать процесс приспособления лиц, которые прибывают в принимающую страну. Правовое регулирование миграции как социального явления осуществляется международными Конвенциями, принятыми ООН: «О статусе беженцев» (от 28.07.1951), «О защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей» (принята резолюцией 45/158 Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 1990 г.) и Протокола, касающегося статуса беженцев (от

31.01.1967), а также национальным законодательством Российской Федерации [1, 2, 3, 4].

Актуальность выбранной темы исследования обусловлена увеличением миграционных потоков, трансформационных изменений и повышением информатизации социальной среды в современном обществе, провоцирующих рост и распространение ксенофобских идей и настроений экстремистского толка в станах, принимающих переселенцев на временной или постоянной основе. Снижению темпов роста подобных настроений должна способствовать организованная и результативная культурная адаптация мигрантов.

В ходе изучения данной проблематики были проанализированы труды отечественных учёных и зарубежных исследователей, таких как Д.М. Абдрахманов, И.В. Демичев, А.А. Налчаджян, А.А. Д.В. Полетаев, Т.Г. Стефаненко, А.А. Эндрюшко и другие, а также международное и российское законодательство в сфере миграции [6, 7, 9, 10].

Миграция по видам делится на: сезонную, временную и безвозвратную. В современном мире увеличение миграционных потоков стало возможно благодаря доступности всех видов транспорта, что в свою очередь повышает мобильность людей при перемещении из одного региона планеты в другой. В настоящее время мы наблюдаем возросший приток граждан иных государств, а также лиц без гражданства в страны Европейского Союза, Россию и США. К сожалению, в вышеуказанных государствах выявились вопросы относительно социокультурной адаптации прибывших граждан, причём очень остро встали вопросы, касающиеся отношения определённых групп местных жителей к приезжим, в результате чего наблюдается рост ксенофобии, приводящей к насилию против прибывших лиц [10].

Все вышеперечисленные негативные тенденции вызывают определённую тревожность в принимающих государствах, поэтому правительства ряда стран уже выработывают и внедряют в жизнь общества государственные программы по интеграции мигрантов.

В отечественной научной литературе под культурной адаптацией понимается сложный процесс и его результат достижения человеком совместимости с новой культурной средой [9], таким образом термин «культурная адаптация» можно обосновать как принятие перемещённым лицом (мигрантом) культуры принимающей страны. Именно при помощи данного механизма вновь прибывшие лица адаптируются к нормам и ценностям принимающего общества.

Под экстремизмом следует понимать приверженность к радикальным взглядам и осуществление противозаконных действий в отношении других групп граждан, что угрожает общественной безопасности и политическому устройству страны [8]. Экстремизм, как радикальные взгляды, являются самым существенным препятствием, стоящим на пути культурной адаптации мигрантов. В этой связи экстремистские идеи и мировоззрения нуждаются в глобальной профилактике, здесь недостаточно мер одной какой-либо страны, только объединив усилия в сфере межэтнических и межрелигиозных отношений, можно решить эту проблему.

Российская Федерация является многонациональным и многоконфессиональным государством, в котором вопросы обострения межнациональных, межэтнических и межрелигиозных отношений представляют внутреннюю угрозу национальной безопасности. В этой связи для надлежащей профилактики экстремизма органы всех

уровней власти применяют имеющиеся знания и навыки для обеспечения гармоничных отношений в субъектах страны.

Основная роль в противодействии проявлениям экстремизма и реализации приоритетных направлений государственной политики в данном направлении отводится органам внутренних дел (ОВД). Особая роль правоохранительных органов в сфере борьбы с экстремистской деятельностью направлена на противодействие электронным ресурсам, распространяющим экстремистскую информацию. Вопросами противодействия экстремистской деятельности и терроризму в России занимается управление по противодействию экстремизму Министерства внутренних дел Российской Федерации (ГУПЭ МВД России).

Подчеркнём, что при активном развитии информационных технологий, значительная часть экстремистов действует посредством сети «Интернет», призывая молодых людей вступать в экстремистские организации, обеспечивать их финансирование либо совершать противоправные деяния в виде массовых беспорядков и террористических актов.

Российский опыт в сфере противодействия экстремизму, в том числе и в сети Интернет насчитывает не один год, а на органы внутренних дел – Министерство внутренних дел РФ – возложена функция главного координатора всей деятельности по профилактике, выявлению, пресечению и раскрытию преступлений экстремистской направленности.

На постоянной основе сотрудниками органов внутренних дел проводится профилактическая и просветительская работа с молодежью, направленная на разъяснение опасности экстремизма и его последствий, ответственность за экстремистские призывы в сети Интернет. В сотрудничестве с педагогическими коллективами образовательных и общественных организаций и учреждений проводятся занятия, направленные на формирование устойчивого негативного отношения к проявлениям агрессии по признакам расовой, культурной, конфессиональной или иной принадлежности.

МВД России и его структурное подразделение – ГУПЭ МВД России проводит оперативно-розыскные мероприятия по установлению и поиску лидеров и участников экстремистских организаций, ведёт работу по пресечению деятельности преступных сообществ. К сожалению, необходимо отметить, что действующих механизмов по противодействию проявлениям экстремизма в сети Интернет недостаточно. Каждый день в сети Интернет появляется значительное количество материалов экстремистского характера, поэтому приоритетной задачей является создание действенного правового организационного механизма по противодействию экстремизму в сети Интернет.

Важным направлением борьбы с экстремистскими организациями является предупреждение преступных деяний, что позволяет значительно снизить их количество. Высказывания в сети Интернет, как и высказывания в средствах массовой информации, послужили поводом для привлечения к ответственности лиц, ведущих блоги запрещенной тематики или оставляющих комментарии на сайтах, содержащие экстремистские материалы. Это вызывает определённую озабоченность, ведь далеко не всегда в целом законопослушные граждане могут идентифицировать информацию, представленную на сайтах и ресурсах сети Интернет на предмет наличия в них высказываний экстремистского характера.

Подчеркнём, что в Российской Федерации залогом стабильной внутривнутриполитической ситуации является всесторонняя адаптация и интеграция мигрантов в культурное и правовое поле нашего государства. Ключевым документом, регулирующим государственную политику в миграционной сфере, является Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., которая определяет социокультурную адаптацию мигрантов [4].

Согласно перечня задач, которые закреплены в пункте «З» статьи 21 упомянутой Стратегии это:

- содействие культурной адаптации мигрантов, обучение их владению русским языком как государственным;

- реализация оптимального взаимодействия властей с общественными организациями, которые своей деятельностью способствуют адаптации мигрантов, в том числе и в культурной среде;

- реализация комплекса мер, благодаря которым будет обеспечено надлежащее отношение мигрантов к культуре российского общества.

Следует отметить, что вопросы миграционной политики продиктованы недостатком трудовых ресурсов в Российской Федерации в комплексе с тяжёлой демографической ситуацией 90-х годов, в результате государству необходим рост численности трудоспособного населения. Ситуация со старением населения характерна для всех регионов земли, однако более ярко выражена в странах Европейского Союза, стран бывшего СССР, Китае, Японии, США и ряде других.

В этой связи для купирования вопроса по привлечению трудовых ресурсов, органами государственной власти было принято решение по привлечению трудовых ресурсов из-за рубежа и ближнего зарубежья, в первую очередь Украины, Молдавии и стран Средней (Центральной) Азии.

Естественно, приоритетом при культурной адаптации прибывающих мигрантов являются иностранные работники, имеющие профессионально-квалификационные специальности, которые востребованы отечественно экономикой.

Согласно данным Государственного комитета статистики, в 2020 году на территорию Российской Федерации въехали около 11,7 млн. иностранных граждан, при этом доля лиц с иностранным гражданством, прибывших для работы по контракту составила 25%. Однако, пандемия коронавирусной инфекции внесла свои коррективы, в результате чего часть трудовых мигрантов вынуждена были покинуть территорию Российской Федерации.

Концепцией демографической политики Российской Федерации [5] до 2025 г. предусматривается принимать в страну 300 тыс. человек ежегодно. Однако в этой связи следует помнить, что неконтролируемый миграционный поток может превысить в отдельных регионах коренное население, что в результате приведёт к всплеску мигрантофобии и антимигрантским настроениям.

В пользу данного тезиса говорит тот факт, что лица, прибывающие в Российскую Федерацию, например, из Центральной Азии, а это в большинстве молодые люди от 25 до 35 лет имеют средний уровень образования и не владеют в полном объёме русским языком. В результате у них возникают трудности в общении, в том числе на бытовом уровне. Кроме того, такие лица не имеют представления о нормах поведения в российском обществе, что в отдельных случаях создаёт негативное отношение со стороны российских граждан по отношению к мигрантам.

В этой связи, Российская Федерация при приёме новых будущих граждан заинтересована в их дальнейшей и ускоренной адаптации, в первую очередь культурной, так как, имея даже общие представления о культуре, морали, а также законах принимающей стороны, мигранты будут без особых проблем интегрироваться в российское общество. Те же, кто не примет обычаи, и законы принимаемой стороны будут вынуждены либо уехать на свою родину, либо встанут на преступный путь экстремизма. В последнем случае именно за такими лицами правоохранительным органам следует усилить свой надзор.

Следует сделать вывод о том, что слишком интенсивная миграция иностранных граждан усиливает нагрузку на правоохранительные органы, в первую очередь МВД и ФСБ. В этом случае необходима последовательная планомерная работа по культурной адаптации прибывающих из-за рубежа иностранных граждан.

Поэтому государство заинтересовано в выстраивании эффективной системы как культурной, так и социальной адаптации мигрантов, при этом такая система будет надёжным инструментом, способствующим укреплению взаимоотношений между местным населением и иностранными гражданами, учитывая собственный опыт по культурной адаптации мигрантов, следует изучать и обобщать также и зарубежный опыт, в частности стран Европейского Союза, что позволит избежать в дальнейшем проблемных вопросов.

Так, основываясь на опыте Франции и позже Федеративной Республики Германии, можно сказать, что в указанных странах адаптация мигрантов в национальное сообщество не проводилась, отсутствовала чётко сформированная миграционная политика. Было принято считать, что временные трудовые мигранты после окончания срока трудового договора вернуться в страну отбытия, однако такого не случилось. Поэтому в настоящее время на территории Франции, например, мигранты и приравненные к ним лица живут обособленно (в отдельных районах городов или пригородах), в результате чего в них сформировалась транснациональная преступность, возрос наркотрафик, а сами мигранты не торопятся интегрироваться во французское общество. Указанная выше проблема актуальна для последних волн миграционных потоков, чего нельзя сказать о лицах, которые прибыли во Французскую Республику ещё в 60-70-е годы прошлого века и постепенно адаптировались в принимающей стране. В результате в настоящее время во Франции набирают популярность «правые» политические силы, что в свою очередь ведёт к росту ксенофобии и экстремизма [10].

Таким образом, международный опыт может убедительно показать, что действия государства и институтов гражданского общества по культурной адаптации мигрантов должны быть скоординированы и слажены.

Относительно проблемных вопросов культурной адаптации, то здесь следует отметить определенное несоответствие миграционного законодательства, которое способствует привлечению временных трудовых ресурсов для работы в России, однако в таких правовых нормах не закреплены меры, способствующие культурной адаптации иностранных граждан [7]. Следует отметить такую важную проблему, как трудности юридического и социально-экономического характера, именно они замедляют интеграцию иностранных граждан в российское общество [6].

Таким образом, следует более активно привлекать общественные организации в лице национальных общин и землячеств для поступательной адаптации иностран-

ных граждан в сфере культуры. Отметим, что такие ассоциации активно представлены в Совете при Президенте России по межнациональным отношениям. Именно благодаря им сформирована устойчивая связь между мигрантами, органами власти и российском обществом в целом, именно они могут влиять на настроения целых этнических групп. Поэтому только общественные объединения следует привлекать на начальном этапе для культурной адаптации мигрантов, так как большинство членов национальных обществ уже давно проживают в России, знают её законы и обычаи, моральные ценности и именно такие граждане могут результативнее помочь в культурной адаптации своих земляков.

Для надлежащей культурной адаптации мигрантов и противодействию распространения экстремизма следует принять такие меры, как:

- отрегулировать вопросы взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления в сфере культурной адаптации мигрантов;
- проводить мероприятия профилактического характера для нейтрализации возможных угроз на почве экстремистских настроений, в том числе с привлечением сотрудников правоохранительных органов;
- привлекать иностранных граждан к участию в организации и проведении культурно-информационных, культурно-досуговых и праздничных мероприятий;
- обеспечить надлежащую занятость прибывающих иностранных граждан с целью их социально-экономического обустройства на местах пребывания в Российской Федерации;
- повысить эффективность и результативность средств популяризации русского языка и культуры, как рубежом, так и в странах СНГ, в первую очередь, Центральной Азии;
- проводить мероприятия, способствующие формированию установок на межнациональное согласие и толерантное общения;
- выработать действенный механизм по привлечению из-за рубежа в Россию в первую очередь высококвалифицированных специалистов.

Немаловажным фактором для культурной адаптации мигрантов является организация практических проектов и принятие действенной нормативно-правовой базы.

Для достижения указанных целей следует развивать межгосударственные отношения со странами, из которых эмигрирует большинство трудоспособного населения, в этом случае в стране убытия разъяснились бы правила поведения и нормы законов принимающей стороны, которой является Российская Федерация. Как было отмечено выше, ключевую роль в культурной адаптации мигрантов принимают национальные общины (диаспоры) в Российской Федерации, которые своими действиями более эффективно решают вопросы по адаптации своих соотечественников, в результате чего приобретаются необходимые им знания и навыки поведения и общения, что способствует повышению качества и устойчивости адаптации мигранта к условиям страны пребывания [6].

Не стоит также забывать профилактику экстремизма и ксенофобских настроений, здесь правоохранительные органы должны работать чётко и слаженно, без промедления реагировать на возникающие противоправные общественно опасные деяния со стороны отдельных лиц, как из местного населения, так и из числа приезжих.

Относительно имеющихся в рамках государственной поддержки курсы изучения русского языка и законодательных норм, следует дополнить нормами поведения, принятыми в российском обществе, что отразить в памятках, выпускаемых для мигрантов.

В заключение следует отметить, что культурная адаптация мигрантов носит характер взаимодействия в обществе, при этом прибывающим мигрантам принимающее общество должно оказать максимальное содействие по интеграции в страну прибытия. При этом механизм культурной адаптации мигрантов должен начинать действовать с момента приезда иностранца в Российскую Федерацию.

Список литературы:

1. Конвенция ООН «О статусе беженцев» от 28.07.1951 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 27.05.2021.
2. Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей (принята резолюцией 45/158 Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 1990 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 27.05.2021.
3. Протокол, касающийся статуса беженцев от 31.01.1967 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 29.05.2021.
4. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (с изменениями и дополнениями) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 25.05.2021.
5. Указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» (с изменениями и дополнениями) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 26.05.2021.
6. Абдрахманов Д.М. Интеграция инокультурных мигрантов в России / Д.М. Абдрахманов, И.В. Демичев, М.М. Нугуманов, Р.Ф. Кагарманов, Ф.А. Дусмухаметов. – Уфа, 2014. – 248 с.
7. Ефимова О.Б., Якимов А.Н. Развитие межнационального диалога. Адаптация и интеграция мигрантов. Практики регионов Российской Федерации. – Санкт-Петербург, 2021. – 64 с.
8. Скороваров И.И. Проблемы борьбы с молодежным экстремизмом в сети Интернет // Инновационная наука. – 2018. – № 6. – С. 121–123.
9. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: учебник для студентов вузов. – Москва, 2014. – 352 с.
10. Эндрюшко А.А. Теоретические подходы к изучению адаптации мигрантов в принимающем обществе: зарубежный опыт // Вестник Института социологии. – 2017. – № 4. – С. 46–70.

Y.N. Roditeleva, E.S. Tsareva. Cultural adaptation of migrants as a condition for countering the spread of extremism in the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 277-284.

The article deals with the problem of cultural adaptation of migrants as a condition that contributes to reducing the spread of extremism ideas, including settles on the Internet. The issues of cultural adaptation of migrants in the Russian Federation are regularly brought to the attention of society and various state structures. However, the lack of a comprehensive understanding of the integration policy and the issues of the approach to the adaptation of migrants significantly hampers the implementation of a comprehensive integration policy not only in Russia, but also in the entire world community. Issues of interethnic relations always will be relevant for such a multinational and multi-confessional country as Russian Federation, the measures proposed in the article are aimed at harmonizing interethnic and inter-confessional relations by forming attitudes to interethnic harmony and tolerant communication. The article reflects the concept of cultural adaptation and identifies the problems of integration of migrants in the international community on the example of the host country, as well as the measures taken by the Russian side to implement the migration policy. The article systematizes and analyzes approaches to the measures aimed at countering the spread of ideas of extremism through the cultural adaptation of persons permanently or temporarily residing in the territory of the Russian Federation.

Key words: adaptation of migrants, integration of migrants, legal status, extremism, xenophobia, cultural adaptation, host state.

Spisok literatury:

1. Konvenciya OON «O statute bezhencev» ot 28.07.1951 // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii <http://www.pravo.gov.ru>, 27.05.2021.
2. Mezhdunarodnaya konvenciya o zashchite prav vsekh trudyashchihsya-migrantov i chlenov ih semej (prinyata rezolyuciej 45/158 General'noj Assamblei OON ot 18 dekabrya 1990 g.) // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii <http://www.pravo.gov.ru>, 27.05.2021.
3. Protokol, kasayushchijsya statusa bezhencev ot 31.01.1967 // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii <http://www.pravo.gov.ru>, 29.05.2021.
4. Ukaz Prezidenta RF ot 19 dekabrya 2012 g. № 1666 «O Strategii gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda» (s izmeneniyami i dopolneniyami) // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii <http://www.pravo.gov.ru>, 25.05.2021.
5. Ukaz Prezidenta RF ot 9 oktyabrya 2007 g. № 1351 «Ob utverzhdenii Konceptii demograficheskoy politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda» (s izmeneniyami i dopolneniyami) // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii <http://www.pravo.gov.ru>, 26.05.2021.
6. Abdrahmanov D.M. Integraciya inokul'turnyh migrantov v Rossii / D.M. Abdrahmanov, I.V. Demichev, M.M. Nugumanov, R.F. Kagarmanov, F.A. Dusmuhametov. – Ufa, 2014. – 248 s.
7. Efimova O.B., YAkimov A.N. Razvitie mezhnacional'nogo dialoga. Adaptaciya i integraciya migrantov. Praktiki regionov Rossijskoj Federacii. – Sankt-Peterburg, 2021. – 64 s.
8. Skorovarov I.I. Problemy bor'by s molodezhnym ekstremizmom v seti Internet // Innovacionnaya nauka. – 2018. – № 6. – S. 121–123.
9. Stefanenko T.G. Etnopsihologiya: uchebnik dlya studentov vuzov. – Moskva, 2014. – 352 s.
10. Endryushko A.A. Teoreticheskie podhody k izucheniyu adaptacii migrantov v primimayushchem obshchestve: zarubezhnyj opyt // Vestnik Instituta sociologii. – 2017. – № 4. – S. 46–70.

УДК 377 (799.31)

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(1)- 285-290

КОМПОНЕНТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГОТОВНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ К ВЫПОЛНЕНИЮ СЛУЖЕБНЫХ ЗАДАЧ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЯХ

Чуносов М. А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье рассматриваются особенности профессиональной готовности сотрудников органов внутренних дел к деятельности в экстремальных ситуациях. Отмечается, что сотрудники органов внутренних дел выполняют служебные задачи в экстремальных ситуациях, поэтому данная деятельность сопровождается высокой эмоциональной напряженностью, необходимостью преодолевать негативные эмоциональные состояния. Показаны мотивационные, операционные и психоэмоциональные составляющие профессиональной готовности к деятельности. Рассматриваются экстремальные ситуации в деятельности органов внутренних дел. Определено, что восприятие ситуации как экстремальной носит субъективный характер. В основе субъективности восприятия лежит наличие субъективного опыта, а также сформированность специфических знаний и умений. Охарактеризованы теоретические, практические и психологические компоненты профессиональной готовности к деятельности. Сделаны выводы, что наличие теоретических, практических и психологических компонентов профессиональной готовности позволит оптимизировать процесс профессиональной подготовки к деятельности в экстремальных ситуациях, и, таким образом, создаст условия для успешного выполнения оперативно-служебных задач.

Ключевые слова: экстремальная ситуация, сотрудник органов внутренних дел, профессиональная готовность, профессиональная подготовка, знания, умения, компоненты.

Вся возрастающая сложность и динамичность социальной среды требует от сотрудников правоохранительных органов эффективного и быстрого реагирования с применением различных подходов, методов и приемов. Задачи, которые решают сотрудники органов внутренних дел протекают, как правило, в рискоопасных условиях. Поэтому данная деятельность сопровождается высокой эмоциональной напряженностью, необходимостью преодолевать негативные эмоциональные состояния.

Рассматривая психологические аспекты деятельности сотрудников органов внутренних дел, отметим, что она никогда не осуществляется изолировано от факторов среды. Объекты и явления внешней среды постоянно влияют на сотрудника полиции и определяют условия выполнения им оперативно-служебных задач, причем часто такие действия оказывают негативные воздействия на него. Нередко деятельность сотрудника полиции протекает в опасных для жизни ситуациях.

Параметры внешней среды, в которых сотрудник органов внутренних дел выполняет оперативно-служебные задачи, имеют весьма незначительный диапазон изменения характеристик, в рамках которого человеческий организм может нормально функционировать. Деятельность сотрудника ОВД характеризуется следующим: ненормированный рабочий день; широкий спектр выполняемых служебных задач; наличием опасности для жизни и здоровья как сотрудника полиции, так и

граждан; повышенный уровень психологического напряжения; недостаточное количество времени на принятие решений при выполнении служебных задач; высокий уровень социальной ответственности и др. [1].

Следует учитывать, что сотрудники полиции, выполняя обязанности по реализации правоохранительной деятельности, постоянно взаимодействуют с различными гражданами. Эффективность достижения целей правоохранительной деятельности зависит от сформированности у сотрудника полиции профессиональной готовности.

Анализ научных подходов (Н. Болтенков, Г. Григоренко, М. Дияченко, Г. Троцко, Л. Кандыбович, А. Линенко, Н. Левитов, К. Платонов, Л. Вейланде и др.) позволяет рассматривать профессиональную готовность в контексте мобилизационной составляющей планируемой деятельности, посредством чего осуществляется специфическая активация различных функций организма, тем самым достигается оптимальное психофизиологическое состояние, позволяющее осуществлять деятельность. Таким образом, профессиональная готовность к деятельности рассматривается как личностная характеристика, обладающая высокой степенью устойчивости. Учитывая личностный характер рассматриваемой категории, содержательную характеристику профессиональной готовности целесообразно представлять в мотивационной, операционной и эмоционально-волевой составляющих [2].

Мотивационная составляющая профессиональной готовности характеризуется наличием у сотрудников органов внутренних дел различных установок (этических, социальных и др.), убеждений, взглядов, позволяющих относиться к профессиональной деятельности с позиции ценности ее результатов как для себя лично, так и для общества в целом. Мотивационная составляющая объединяет в себе два вида мотивации: познавательную и профессиональную. Познавательная мотивация (познавательные потребности, интересы, установки) необходима для качественного усвоения знаний, умений и навыков, которые необходимо усвоить сотрудникам органов внутренних дел в процессе профессиональной подготовки. Профессиональная мотивация деятельности обеспечивает качественное выполнение профессиональных обязанностей, а также наличие установки на достижение целей.

Операционная составляющая обеспечивает сформированность у сотрудника органов внутренних дел знаний и умений, которые составляют инструментарий практической деятельности. Таким образом, сотрудник органов внутренних дел: во-первых, должен владеть специфическими теоретическими знаниями (правовыми, психологическими, тактическими и др.), обеспечивающими процесс правоохранительной деятельности; во-вторых, обладать специфическими умениями: применять огнестрельное оружие и специальные средства, физическую силу, оказывать доврачебную помощь, алгоритмы действий в типовых ситуациях, составлять процессуальные документы и др.).

Эмоционально-волевая составляющая обеспечивает наличие у сотрудника органов внутренних дел умений контролировать собственное психоэмоциональное состояние на всех стадиях выполнения оперативно-служебных задач (при подготовке, при непосредственном выполнении, после выполнения). В целом, эмоционально-волевая составляющая сотрудника органов внутренних дел представляет собой личностное образование, и является условием успешного выполнения оперативно-служебных задач, посредством практической реализации усвоенных ранее теоретических знаний и практических умений.

Следует отметить, что реализация эмоционально-волевой составляющей профессиональной готовности сотрудника органов внутренних дел деятельности наиболее выражена при выполнении оперативно-служебных задач в экстремальных ситуациях.

Выполняя оперативно-служебные задачи, сотрудники органов внутренних дел постоянно сталкиваются с опасными для жизни и здоровья ситуациями. В современной науке подобные ситуации принято называть «экстремальными». А.М. Столяренко, давая классификацию экстремальных ситуаций, учитывает наличие «опасности» в ситуации в зависимости от субъективных характеристик личности.

Объективные экстремальные ситуации, возникающие перед сотрудником органов внутренних дел, содержат опасность, исходящую из внешней среды. Например: при нападении вооруженного преступника на сотрудника органов внутренних дел с нанесением ударов ножом, угрозой огнестрельным оружием и др.

Потенциально экстремальные ситуации предполагают наличие объективных сложностей и трудностей, в которых опасность выражена неявно, а существует как скрытая угроза. Например: при прибытии наряда полиции на место происшествия, свидетели указали, что правонарушители скрылись в подвале. Подходя к подвальному помещению, сотрудник полиции делает вероятное предположение о том, что за дверью возможно находится преступник, который может напасть с использованием оружия, то есть данная ситуация для сотрудника полиции оценивается как потенциально опасная.

Лично спровоцированные экстремальные ситуации, в которых трудность и опасность ситуации порождаются самим сотрудником, его намерениями, поступками, действиями. Например: при обнаружении опасного преступника, сотрудник полиции решил провести его задержание, используя боевые приемы борьбы. В процессе задержания преступник может оказать сопротивление, что потенциально представляет угрозу для жизни и здоровья сотрудника полиции.

Мнимые экстремальные ситуации, которые создаются воображением человека. Например: сотрудник полиции, который при несении службы по охране особо важного объекта, увидел приближающегося к нему человека, который начал засовывать руки во внутренний карман. Полицейским было сделано вероятностное предположение, что этот человек пытается извлечь оружие и напасть на него или на охраняемый объект. Данное предположение опасности может спровоцировать неправомерное применение оружия самим сотрудником органов внутренних дел [3].

Выделение этих типов ситуаций носит относительный характер. Так процесс восприятия человеком окружающей среды вызывает такие субъективные оценочные суждения, категоризация которых позволяет выделить в нем источник опасности. В результате, опираясь на собственный опыт, возникает оценочное суждение о невозможности адекватного реагирования на опасное состояние внешней среды. Таким образом, одна и та же ситуация для разных людей будет восприниматься по-разному. Для одних она будет «экстремальной», для других – «сложной», но типичной для данного субъекта ситуацией. Например, если сотрудник полиции прошел профессиональное обучение, но не имеет практического опыта силового задержания, перед выполнением оперативно-служебной задачи, направленной на задержание вооруженного преступника, предстоящую ситуацию будет воспринимать как

«экстремальную», тогда как наоборот, для сотрудника спецподразделения ОМОН ситуация задержания вооруженных преступников будет оцениваться как «опасная», но не «экстремальная».

Таким образом, «опасность» ситуации характеризуется не только формальными внешними признаками, но также и индивидуальными психологическими составляющими, такими как сила нервной системы, мотивация, установка, степень развития волевых качеств, а также наличие опыта деятельности в подобных ситуациях.

Таким образом, при рассмотрении деятельности сотрудника органов внутренних дел, использование термина «экстремальная ситуация» нецелесообразно, а следует ограничиться констатацией «опасности» ситуации, которая может возникнуть во время выполнения оперативно-служебного задания, и применять предложенный А.В. Тимченко термин «рискоопасные ситуации». Применение данного термина, относительно деятельности сотрудников органов внутренних дел, позволяет классифицировать ситуации по степени опасности.

А.В. Тимченко, А.В. Лефтеров описывают три группы «рискоопасных ситуаций», характерных для деятельности сотрудников органов внутренних дел при выполнении ими оперативно-служебных задач: чрезвычайные обстоятельства; особые условия; критические ситуации [4].

Чрезвычайные обстоятельства – обстоятельства природного, психофизиологического, техногенного и иного характера, которые характеризуются повышенной степенью угрозы для жизни и здоровья граждан. Чрезвычайные обстоятельства для сотрудников органов внутренних дел могут сопровождаться переводом деятельности на особые условия и возникновением критических ситуаций.

Особые условия деятельности – такие условия деятельности, в которых возникает потребность осуществления дополнительных (на уровне законодательных и исполнительных органов власти) мер правового, организационно-тактического и иного характера, необходимого ресурсного обеспечения – для нормализации особых условий в минимально сжатые сроки и с наименьшими затратами.

Критические ситуации – такое сочетание компонентов внешней среды, которое характеризуется непосредственной угрозой здоровью и жизни сотрудника органов внутренних дел.

В целом «рискоопасные ситуации» могут оказывать сильное психологическое воздействие на сотрудника органов внутренних дел. Возникновение рискоопасных ситуаций стимулирует личность на выработку конструктивных стратегий поведения, направленных на преодоление опасной ситуации.

В деятельности сотрудника органов внутренних дел можно встретить следующие типы рискоопасных ситуаций: поиск вооруженных и других преступников, представляющих особенно повышенную общественную опасность; предотвращение групповых антиобщественных выступлений; освобождение заложников; защита от нападений на особо важные объекты; мероприятия, направленные на предотвращение преступлений; участие в мероприятиях по обеспечению режима чрезвычайного положения, с переводом деятельности органов внутренних дел на особые условия и др.

Учитывая специфику воздействия экстремальных ситуаций на сотрудника органов внутренних дел, актуализируя, таким образом, проблему профессиональной готовности сотрудника к деятельности в экстремальных ситуациях. Следует учиты-

вать, что экстремальные ситуации оказывают специфическое влияние на психику сотрудника, меняя субъективное психоэмоциональное состояние, что в конечном итоге приводит к затруднениям в реализации ранее сформированных знаний и умений.

Исходя из проблематики нашей статьи сформируем общие требования и компоненты профессиональной готовности сотрудника органов внутренних дел к деятельности в экстремальных ситуациях. К общим требованиям мы считаем целесообразным отнести такие качества: наличие целостного гуманистического мировоззрения; высокий уровень правосознания; психологическая грамотность и культура; способность и потребность в рефлексии собственных качеств, и поступков; высокий творческий потенциал; умение решить жизненные и профессиональные противоречия гуманистическим путем и др.

Рассматривая компоненты профессиональной готовности, мы будем руководствоваться общепринятыми мнениями о содержательных характеристиках, представляющих собой четко очерченный круг знаний, умений, навыков, которыми сотрудник органов внутренних дел овладевает путем обучения в учебном заведении или самостоятельно. С использованием таких подсистем как «знать» и «уметь».

Для раскрытия подсистемы «знать», мы будем придерживаться научной позиции (И. Лернера, М.Н. Скаткина, В. Краевского), в соответствии с которой термин «знание» должен содержать: факты, понятия, законы и др.; мировоззренческие идеи, этические нормы, идеалы; знания о способах деятельности; показатели развития способностей необходимых для участия в широком диапазоне видов деятельности и др. [5]. Подсистему «уметь», мы будем рассматривать как характеристику качественного преобразования личности сотрудника органов внутренних дел, в процессе профессионального и самостоятельного обучения, личного опыта.

В целом, в содержательном плане, профессиональная готовность сотрудника органов внутренних дел к деятельности в экстремальных ситуациях содержит теоретические, практические и психологические компоненты.

Первый компонент – «теоретическая готовность», характеризуется наличием у сотрудника органов внутренних дел знаний, позволяющих выполнять оперативно-служебные задачи в экстремальных ситуациях. Сотрудник органов внутренних дел должен «знать»: виды экстремальных ситуаций, с которыми может столкнуться сотрудник органов внутренних дел в процессе служебной деятельности; алгоритмы деятельности сотрудников органов внутренних дел в типовых и экстремальных ситуациях; основание и порядок применения огнестрельного оружия, физической силы и специальных средств; способы оказания доврачебной помощи лицам пострадавшим в результате действий в экстремальных ситуациях; методы саморегуляции психоэмоционального состояния; методы общения с гражданами в экстремальных ситуациях и др.

Второй компонент – «Практическая готовность» характеризует наличие у сотрудника органов внутренних дел умений реализовывать на практике алгоритмы деятельности в экстремальных ситуациях; осуществлять диагностику психоэмоционального состояния (своего, граждан); применять методы психологической саморегуляции; оказывать индивидуальную помощь (медицинскую, психологическую и др.) гражданам пострадавшим в результате воздействия в экстремальных ситуациях; ставить прогноз относительно эффективности выбранных действий и др.

Третий компонент – «Психологическая готовность» предполагает наличие у сотрудника органов внутренних дел личностных качеств: направленность на социально-правовую деятельность, эрудиция, умение концентрироваться на поставленной задаче, эмоциональная сдержанность и др.

В целом, профессиональную готовность к деятельности в экстремальных ситуациях мы будем понимать как совокупность сформированных у сотрудников органов внутренних дел этических правил, норм, ценностных установок, практических умений и навыков, обеспечивающих практическую реализацию оперативно-служебных задач в экстремальных ситуациях. Понимание теоретических, практических и психологических компонентов профессиональной готовности позволит оптимизировать процесс профессиональной подготовки к деятельности в экстремальных ситуациях, и таким образом создаст условия для успешного выполнения оперативно-служебных задач.

Список литературы:

1. Артемьев В.А. Страх как показатель профессиональной пригодности и методы его классификации // В.А. Артемьев, М.С. Журов, В.В. Криводерев. – Симферополь: «Бланк-эксперс», 2003. – 56 с.
2. Дьяченко М.И., Кандыбович Л.А. Психологические проблемы готовности к деятельности. – М., 1976. – 176 с.
3. Столяренко А.М. Экстремальная психопедагогика. – М., ЮНИТА–ДАНА, 2002. – 607 с.
4. Лефтеров В.О., Тимченко О.В. Психологічні детермінанти загибелі та поранень працівників органів внутрішніх справ: монографія. – Донецьк, 2002. – 324 с.
5. Лернер И.Я. Качество знаний учащихся и пути его совершенствования / И. Я. Лернер; под ред. М. Н. Скаткина, В. В. Краевского. – М.: Педагогика, 1978. – 206 с.

Chunosov M. A. Components of professional readiness of employees of internal affairs bodies to perform official tasks in extreme situations // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 285-290.

The article considers the features of professional readiness of employees of internal affairs bodies to work in extreme situations. It is noted that employees of the internal affairs bodies perform official tasks in extreme situations, so this activity is accompanied by high emotional tension, the need to overcome negative emotional states. The motivational, operational and psycho-emotional components of professional readiness for activity are shown. Extreme situations in the activities of internal affairs bodies are considered. It is determined that the perception of the situation as extreme is subjective. The subjectivity of perception is based on the presence of subjective experience, as well as the formation of specific knowledge and skills. The theoretical, practical and psychological components of professional readiness for activity are characterized. It is concluded that the presence of theoretical, practical and psychological components of professional readiness will optimize the process of professional training for activities in extreme situations, and, thus, will create conditions for the successful performance of operational and service tasks.

Keywords: extreme situation, an employee of the internal affairs bodies, professional readiness, professional training, knowledge, skills, components.

Spisok literatury

1. Artem'ev V.A. Strah kak pokazatel' professional'noj prigodnosti i metody ego klassifikacii // V.A. Artem'ev, M.S. Zhurov, V.V. Krivoderev. – Simferopol': «Blank-eksperss», 2003. – 56 s.
2. D'yachenko M.I., Kandybovich L.A. Psihologicheskie problemy gotovnosti k deyatel'nosti. – M., 1976. – 176 s.
3. Stolyarenko A.M. Ekstremal'naya psihopedagogika. – M., YuNITA–DANA, 2002. – 607 s.
4. Lefterov V.O., Timchenko O.V. Psihologichni determinanti zagibeli ta poranen' pracivnikov organiv vnutrishnih sprav: monografiya. – Donec'k, 2002. – 324 s.
5. Lerner I.Ya. Kachestvo znanij uchashchihsya i puti ego sovershenstvovaniya / I. Ya. Lerner; pod red. M. N. Skatkina, V. V. Kraevskogo. — M.: Pedagogika, 1978. – 206 s.

НАШИ АВТОРЫ

Адельсеитова А. Б.	<i>к.ю.н., доц., доц. к-ры истории и теории государства и права КФУ им. В. И. Вернадского</i>
Аутлева Р. В.	<i>кандидат юридических наук</i>
Байкиева С. Е.	<i>профессор кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, к.ю.н., доцент</i>
Баранов С. Н.	<i>главный специалист Аппарата Законодательного Собрания г. Севастополя</i>
Бодаевский В. П.	<i>к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой уголовного права Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»</i>
Бредихин А. Л.	<i>к.ю.н., старший преподаватель кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России</i>
Дербишева О. А.	<i>старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Государственная Образовательная Организация Высшего Профессионального Образования «Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР»</i>
Дервянская Т. П.	<i>к.ю.н., старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Донская О. Г.	<i>к.ю.н., доц. кафедры уголовного права Ростовского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»</i>
Евтушенко И. И.	<i>к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Зоз В. А.	<i>старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Карпенко А. С.	<i>оперуполномоченный отдела уголовного розыска Межмуниципального отдела МВД России «Джанкойский»</i>
Кашкаров А. А.	<i>к.ю.н., доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации</i>
Кашкаров А. А.	<i>д.ю.н., доц., начальник кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>

Кириллова Т. К.	<i>д.ю.н., проф. кафедры гражданского права, юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения,</i>
Коноплева А. А.	<i>к.фил.н., доцент, заместитель начальника кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Кузнецов А. В.	<i>преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Кузьменко Н. Н.	<i>курсант 4-го курса Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Лагуточкина А. С.	<i>оперуполномоченный отдела уголовного розыска отдела полиции №1 «Железнодорожный» УМВД России по г. Симферополю</i>
Новикова А. Е.	<i>д.ю.н., доцент кафедры конституционного и международного права Белгородского государственного национального исследовательского университета</i>
Ольков С. Г.	<i>д.ю.н., проф. К-ры уголовного права и криминологии юридического факультета Таврической академии КФУ им. В. И. Вернадского</i>
Орлов Ф. А.	<i>студент II курса магистратуры Севастопольского экономико-гуманитарного института (филиала) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Позднякова Е. В.	<i>к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой административного и трудового права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет</i>
Поляков Н. Н.	<i>магистрант 2 курса заочной формы обучения Ростовского филиала ФГБУ ВО «Российский государственный университет правосудия»</i>
Рассказов В. Л.	<i>к.ю.н., доцент Кубанского государственного аграрного университета</i>
Рассказов Л. П.	<i>д.ю.н., д.и.н., проф., зав. кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета</i>
Робак В. А.	<i>к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.</i>
Сафонов Д. А.	<i>к.ю.н., заместитель начальника кафедры уголовного процесса и криминалистики Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>

Семенцова И. А.	<i>к.ю.н., доц. к-ры уголовного права и процесса, Московский университет им. С. Ю. Витте (филиал в г. Ростове-на-Дону)</i>
Струнский А. Д.	<i>ассистент кафедры истории и теории государства и права ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Тресков А. П.	<i>к.ю.н., доцент кафедры теории государства и права Ростовского государственного университета путей сообщения, федеральный судья в отставке</i>
Трифонов С. Г.	<i>к.ю.н., доц. кафедры государственно-правовых дисциплин Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»</i>
Трифонова К. В.	<i>к.ю.н., доц., доц. кафедры гражданского права, доцент кафедры административного и финансового права Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»</i>
Федорова Е. А.	<i>к.ю.н., доцент кафедры «Публичное право», Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова (г. Новороссийск)</i>
Хаяли Р. И.	<i>д. и. н., доцент, заведующий кафедрой общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского юридического института (филиала) университета прокуратуры Российской Федерации</i>
Царева Е. С.	<i>старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат психологических наук</i>
Чуносков М. А.	<i>кандидат психологических наук, доцент начальник кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Шамаева К. В.	<i>соискатель к-ры конституционного международного права Белгородского государственного национального исследовательского университета</i>
Шеколенко А. П.	<i>магистрант юридического факультета Кубанского государственного университета</i>
Ермакова О. В.	<i>доцент кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России, полковник полиции</i>
Ярошевская А. М.	<i>к.ю.н., доц. к-ры гражданского и трудового права юрид. факультета КФУ им. В. И. Вернадского</i>

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

<i>Бредихин А. Л., Байкиева С. Е.</i> Категория законности в теории и законодательстве.....	3
<i>Коноплева А. А., Кузьменко Н. Н.</i> «Уроборос» как принцип правосознания современной молодежи (на примере молодежи Республики Крым).....	9
<i>Клименко Е. П.</i> Правовые основы деятельности артелей грузчиков в 1919-1932 гг.....	18
<i>Клименко Е. П.</i> Памятки как источник права в торговых портах СССР в 1930-х гг.....	28
<i>Позднякова Е. В.</i> Государственное управление образованием.....	37
<i>Рассказов Л. П., Макухин А. А.</i> Регулирование деятельности водного транспорта Финляндии в 1914-1915 гг..	41
<i>Рассказов В. Л., Аутлеева Р. В.</i> Становление торгового суда в древней Руси.....	54
<i>Рассказов Л. П., Упоров И. В., Рассказов В. Л.</i> Институт хозрасчета в советском государстве: теоретическое обоснование и политико-правовое регулирование во второй половине периода «застоя» (рубеж 1980 года).....	60
<i>Хаяли Р. И.</i> Восстановление института прокуратуры в советской России.....	67

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Адельсеитова А. Б., Мариева А. А.</i> Реализация законодательной функции государственным советом Республики Крым.....	77
<i>Нифанов А. Н., Шамаева К. В.</i> Конституционная система сдержек и противовесов: парламент Чеченской Республики	83
<i>Новикова Е. Н.</i> Научно-презентационная модель минимизации правозащитных рисков в деятельности государства.....	94
<i>Тресков А. П.</i> Примирительные процедуры как альтернативные конституционно-правовые гарантии реализации принципов судебной власти.....	101
<i>Трифонов С. Г., Лубский Р. А.</i> Конституционно-правовой субинститут множественного гражданства: предпосылки возникновения.....	108
<i>Ярошевская А. М.</i> Судебное правотворчество в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации.....	117

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

<i>Дербишева О. А.</i> Судебное разбирательство по законодательству Франции.....	123
<i>Бодаевский В. П.</i> Международные договора как внешний фактор, влияющий на систему	

уголовно-правовых норм, обеспечивающих воинский порядок.....	136
Кириллова Т. К., Макухин А. А.	
Организация лоцманской проводки в районе Великих озер.....	154
Киевицкая М. А.	
Сотрудничество США и Израиля как перманентный дестабилизирующий фактор на Ближнем Востоке.....	161

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Евтушенко И. И. Состояние и анализ преступлений против собственности в Республике Крым.....	170
Кашкаров А. А., Кашкаров А. А.	
Уголовно-правовое определение категории «сбыт предмета преступления»..	181
Кузнецов А. В.	
Общая характеристика преступных групп, совершающих кражи в курортных регионах.....	187
Ольков С. Г.	
Связь преступности с инфляцией, безработицей, ставкой налогообложения и экономическим ростом.....	192
Поливанов А. В.	
Предупреждение пранка.....	201
Робак В. А.	
Понятие незаконного оборота оружия и классификация преступлений.....	212
Семенова И. А., Федорова Е. А.	
Криминологические аспекты обеспечения транспортной безопасности и профилактики преступности в сфере транспорта.....	217
Ермакова О. В.	
Детерминанты, влияющие на создание состава преступления.....	223

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС; КРИМИНАЛИСТИКА; СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Баграмян С. Л.	
Особенности типизации следов преступлений, связанных с незаконным поиском и(или) изъятием археологических предметов из мест залегания (ст. 243.2 УК РФ).....	228
Баранов С. Н., Струнский А. Д., Орлов Ф. А.	
К вопросу об устранении пробелов в законодательстве, связанных с допуском лиц к государственной тайне в судебном процессе.....	235
Деревянская Т. П.	
Анализ криминологической характеристики рецидивной преступности в Республике Крым.....	241
Донская О. Г., Поляков Н. Н.	
Формы реализации ответственности за злостное уклонение от отбывания наказаний, не связанных с лишением свободы.....	252
Зоз В. А., Карпенко А. С.	
Оперативно-розыскное обеспечение противодействия организованной преступности.....	258
Сафонов Д. А.	

Обстановка совершения надругательства над местами захоронения, как корреляционный элемент криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных ст. 244 УК РФ.....	263
Трифорова К. В. Институт миграционной амнистии как институт правоохранительной деятельности: понятия и классификация.....	270
Царева Е. С., Родителева Я. Н. Культурная адаптация мигрантов как условие противодействия распространению экстремизма на территории Российской Федерации.....	277
Чуносков М. А. Компоненты профессиональной готовности сотрудников органов внутренних дел к выполнению служебных задач в экстремальных ситуациях.....	285